

**В
М**

ЗАКАЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ

Генерал-лейтенант Е.И. Малашенко

ВОЕННЫЕ 1941
МЕМОУАРЫ 1989

Генерал-лейтенант
Е.И. Малашенко

ЗАКАЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ

От Карельского перешейка
до Ближнего Востока

военные мемуары

Е.И. МАЛАШЕНКО

ЗАКАЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ

От Карельского перешейка до Ближнего Востока

Москва
«Вече»

УДК 94
ББК 63.3(2)63
М18

Клуб военачальников Российской Федерации

Малашенко, Е.И.

М18 Закаленный войной: от Карельского перешейка до Ближнего Востока / Е.И. Малашенко. — М. : Вече, 2016. — 384 с., ил. — (Военные мемуары).

ISBN 978-5-4444-4407-8

Знак информационной продукции 12+

Воспоминания генерал-лейтенанта Е.И. Малашенко рассказывают читателям о военной службе автора. Начиная с 1941 г. Евгений Иванович Малашенко прошел всю Великую Отечественную. Война закалила молодого разведчика, и он закончил ее одаренным штабным работником. Послевоенная жизнь офицера была яркой и насыщенной: он сыграл ключевую роль в венгерских событиях 1956 г., а затем провел несколько лет в качестве советского военного советника в Египте. После возвращения с Ближнего Востока Е.И. Малашенко активно участвовал в укреплении Вооруженных сил СССР, выйдя в отставку, посвятил все свои силы военной истории, написал ряд книг, является членом Клуба военачальников Российской Федерации.

**УДК 94
ББК 63.3(2)63**

ISBN 978-5-4444-4407-8

© Малашенко Е.И., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках необычную книгу. Это не биографическая исповедь и не мемуары.

Но в ней есть и то и другое.

Она выходит в год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

«Закаленный войной» — так автор, генерал-лейтенант Малашенко Евгений Иванович, назвал уточненное и дополненное издание своей, ранее изданной, книги «Вспоминая службу в армии». Название точное и определенное.

В нашей военно-исторической литературе — в многотомных изданиях, энциклопедиях и различных мемуарах широко освещаются крупные операции и сражения. Вместе с тем в меньшей степени показаны боевые действия соединений, частей, поведение солдат и офицеров в бою. К сожалению, сейчас все меньше остается непосредственных участников Великой Отечественной войны, тем более интересны и значимы их воспоминания.

Автор книги Е.И. Малашенко с осени 1941 по май 1945 года на переднем крае: командир разведвзвода, разведроты, начальник разведки полка, бригады морской пехоты, войну закончил начальником разведки воздушно-десантной дивизии. Воевал под Москвой, на Калининском, Ленинградском и 4-м Украинском фронтах. В своих воспоминаниях он интересно, без прикрас, пишет о боевых действиях разведчиков: солдат и офицеров, своих начальниках, а также о поведении и действиях немецких солдат и офицеров.

Войсковые разведчики постоянно, днем и ночью, вели наблюдение за противником, проводили поиски, устраивали засады, налеты на переднем крае и в ближайшей глубине, совершали рейды в тыл противника для захвата пленных и документов с целью вскрытия группировки, сил и намерений противника. В книге он приводит многочисленные примеры их действий.

После войны Е.И. Малашенко окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. Он отмечает, что их учили не только преподаватели, а также общение и беседы со слушателями, среди которых были А.И. Покрышкин, В.И. Петров, И.М. Третьяк, М.А. Гареев и многие другие участники войны, имевшие богатый боевой опыт.

Автор — участник многих послевоенных важных, но малоизвестных событий. Осенью 1956 года в Венгрии он возглавлял оперативную группу и обеспечивал управление войсками Особого корпуса в Будапеште. Здесь ему довелось встречаться с советским послом Ю.В. Андроповым, председателем КГБ И.А. Серовым, Маршалом Советского Союза И.С. Коневым.

В книге интересно рассказывается о работе советских военных советников в Египте по созданию обороны на Суэцком канале и восстановлению египетской армии после Семидневной войны с Израилем.

Автор повествует об оперативно-стратегических учениях, проводимых в СССР, таких как учение «Днепр» в 1967 году, на которых он выступал в роли начальника штаба фронта (ПрикВО) и докладывал маршалу А.А. Гречко в присутствии Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, Д.Ф. Устинова и других.

Описывает деятельность штаба Объединенных вооруженных сил Варшавского договора, которым руководил видный военный деятель генерал армии С.М. Штеменко, а Е.И. Малашенко был его заместителем.

Евгений Иванович порой неоднозначен, но всегда принципиален и непоколебим в своей любви к Родине, к справедливости; закаленный войной, он не подстраивался под личности и ситуации. Несмотря на свой солидный возраст, он продолжает активную деятельность в Клубе военачальников России, в интересах укрепления обороноспособности страны и вооруженных сил. Его вы-

ступления на научно-практических и военно-исторических конференциях, круглых столах, проводимых Клубом военачальников, отличаются глубоким анализом и конкретными предложениями по обсуждаемым темам. Евгений Иванович обладает феноменальной памятью и острым умом. Он — автор книг «От поражений к Великой Победе», «Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны», возглавил авторский коллектив 3-го тома военно-энциклопедического сборника «Военная элита России», изданного Клубом военачальников.

Уверен, что представляемая книга вызовет большой интерес и не оставит равнодушным всех тех, кто служил и продолжает служить нашему Отечеству, кто интересуется военной историей страны.

*Президент Клуба военачальников Российской Федерации
генерал армии А.С. Куликов
2015 г.*

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Автора этой книги, Евгения Ивановича Малашенко, я знаю в течение многих лет военной службы и фронтовой дружбы. Нам довелось вместе воевать на Калининском фронте, служить в разведке, командовать разведывательными подразделениями. Сейчас, по прошествии стольких мирных лет, трудно вообразить, сколько же пришлось проявить силы воли и мужества, постоянно участвуя в проведении поисков, засад, налетов и рейдов в тыл противника для захвата пленных и документов. Высочайшая моральная и физическая устойчивость требовалась от каждого разведчика, когда ночью и в непогоду он полз через минное поле, преодолевал проволочные заграждения, шел навстречу огню противника, чтобы захватить пленного. Затем отходил под сильным огнем пулеметов и артиллерии, вынося своих раненых и убитых товарищей, а также захваченных пленных. И так на протяжении всей войны — дни, месяцы, годы. После ранений Евгений Иванович возвращался в строй, где ждали суровые фронтовые будни.

После войны мы учились в Высшей разведшколе Генерального штаба и в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Затем служили во Втором Главном (разведывательном) управлении Генерального штаба, в отделе, возглавляемом генералом С.И. Суриным, мы принимали участие в работе по изучению и обобщению опыта организации и ведения разведки. Итогами этой работы стали разработка и издание Наставления по войсковой разведке, информационных сборников и учебных кинофильмов. Участвовали в крупных учениях и других мероприятиях. В последующем мы служили в войсках.

Пройдя многочисленные ступеньки воинской службы, Евгений Иванович стал генерал-лейтенантом, начальником штаба Прикарпатского военного округа, а затем заместителем начальника штаба Объединенных вооруженных сил. Он был участником

венгерских событий осенью 1956 года. Служил в ГСВГ в период берлинского кризиса. После июньской войны 1967 года — военный советник в Египте.

Я так много раз употребил «мы» для того, чтобы показать, как много лет мы служили рядом, и это дает мне право высказаться о Е.И. Малашенко и свои суждения. В самом коротком и объективном изложении они сводятся к следующему.

Прежде всего Е.И. Малашенко талантливый военный. В любой сфере деятельности человека множество ординарных профессионалов и не много выдающихся личностей. В военной среде тысячи прекрасных офицеров, а талантливых, выделяющихся умом и смелостью не так много. Евгений Иванович Малашенко — один из них. Храбрый и находчивый в самых опасных ситуациях в тылу врага, умевший раскрывать замыслы противника по всегда недостаточным и неполным разведанным и обеспечивал командованию возможность принять правильное решение и тем самым спасал сотни жизней солдат и офицеров в предстоящих боях.

В Венгрии и будучи военным советником в Египте генерал Е.И. Малашенко правильно ориентировался в сложнейших политических и оперативных ситуациях и не только помогал руководству принимать целесообразные решения, но и сам нередко принимал такие решения в критические моменты, не ожидая вышних указаний и не перекладывая ответственность на кого-либо. Всегда был бескомпромиссным, не боялся начальства.

Он один из офицеров-разведчиков, в послевоенные годы ставший начальником штаба округа. Обладая высокой оперативной подготовкой и фронтовым опытом, он умело и поучительно проводил учения и мероприятия по повышению боевой готовности войск.

О своей сложной, нелегкой, но и интересной военной судьбе рассказывает в этой книге Евгений Иванович, мой старый добрый друг, фронтовой, боевой товарищ.

Книга представляет большой интерес и пользу для всех, кто находится в воинском строю сейчас, а у ветеранов вызывает теплые воспоминания о боевой молодости. Книга будет примером того, как надо любить свою профессию и отдавать все силы служению нашему многострадальному Отечеству.

Герой Советского Союза Владимир Карпов

Глава 1

НАКАНУНЕ ГРОЗНЫХ СОБЫТИЙ

Для меня и моих сверстников, родившихся в начале двадцатых годов, важнейшим событием была Великая Отечественная война. Многим из нас пришлось сражаться, мы мужали в боях, оставили свою юность, а некоторые и жизнь. Война повлияла на характер, выработала настойчивость, решительность, вместе с тем породила неуверенность в прочности счастья и жизни, иными стали взгляды на многие лица и события.

Родился в 1924 году, до войны жил в городе Нежине на Украине. В прошлом веке это был один из губернских городов Украины, в нем много архитектурных памятников, красивых зданий, церквей и монастырей. Известен Нежин и тем, что в нем, единственном уездном городе в России, была гимназия высших наук и в ней учился великий русский писатель Н.В. Гоголь. Ряд лет здесь жили конструктор первых ракетно-космических систем академик С.П. Королев, а также активный участник Гражданской войны командир 1-й Украинской дивизии М.Г. Крапивянский и М.Н. Кирпонос, командовавший в годы Великой Отечественной войны Юго-Западным фронтом. В довоенную пору Нежин был тихим, небольшим, благоустроенным, как казалось, чудесным городом.

Из ранних детских воспоминаний сейчас в памяти сохранились лишь два-три события, вероятно, в ту пору для меня особенных. Лет в 5—6 сбежал из детского сада, оставив кружку и зубную щетку, дома меня никак не смогли уговорить, чтобы снова ходил в сад, на улице со своими ребятами было интересней. Помню так-

же, что очень обрадовался, когда отец привел домой красивую охотничью собаку, которую нам отдали соседи в связи с их переездом в другой город. Собаку звали Пирс, он любил обгонять автомобили и подводы и, возвращаясь с прогулки, стучал лапой в дверь, чтобы ее открыть, если дверь не открывалась, прыгал через открытое окно в помещение.

Вначале я учился в первой школе города, она располагалась в центре на Гоголевской улице и размещалась в здании прежней гимназии. В школе было интересно, учился старательно, но многое давалось нелегко. Затем наш четвертый класс перевели во вторую школу, она была ближе к дому и находилась у реки Остер, которая в тот период была чистой, не очень широкой, но весной сильно разливалась.

Запомнились и печальные события первых школьных лет. Это голод весной 1933 года, на улицах многие из деревень просили хлеба, опухшие люди, в том числе и дети, умирали здесь же на улицах. Когда нам, мальчишкам, удавалось раздобыть макуху, «корм для скота», с жадностью ее ели, несколько кусков отдавали голодным ребятам. После этого голода всю жизнь был непривередлив к еде, всегда ел, что было, не выбрасывал куска хлеба и не оставлял пищи в тарелке.

В школе нас рано стремились политизировать, заставляя участвовать в различных, не по возрасту для нас событиях.

1 декабря 1934 года, как только пришли в школу, учительница нам сказала, что враги злодейски убили Кирова. На состоявшемся митинге учителя и ученики старших классов ругали убийц и требовали их строгого наказания. Позднее заставляли клеймить врагов и восхвалять «железного» наркома Ежова за его «ежовые рукавицы» и беспощадную борьбу со всеми врагами народа. Только через много лет все мы узнали, что это была за борьба и сколько погибло неповинных людей от репрессий и террора.

Мои родители, служащие, были далеки от политики и всего боялись, но часто вспоминали дореволюционную жизнь.

Мать, Татьяна Степановна, работала секретарем-машинисткой, она о нас, детях, постоянно заботилась, переживала, когда болели, никогда на нас не кричала, но постоянно скандалила с отцом, и семейные неурядицы рано подточили ее здоровье.

Отец, Иван Павлович, работал главным бухгалтером, у него было много приятелей, иногда они выпивали.

Два брата и сестра были старше меня на 7—10 лет, после окончания средней школы они учились в Нежинском педагогическом институте.

Старший брат, Александр, был общителен, играл за институтскую команду в волейбол, выступал в джазе, ходил на танцы, любил модно одеваться, имел много друзей.

Второй брат, Виктор, хорошо учился, был замкнут, после института женился и поехал работать в сельскую школу.

Сестра Валентина, выйдя замуж, родила дочь — Риту, когда муж уехал, пошла работать секретарем нарсууда.

Жили мы скромно, в небольшом собственном доме без удобств, излишеств не было. Самыми ценными вещами в доме были охотничье ружье отца, шуба матери и наш патефон. Моей мечтой в те годы были хорошие лыжи и футбольный мяч, старый мяч постоянно рвался, приходилось зашивать покрывку или клеить камеру.

Мои домашние обязанности — приносить воду из колонки в 500 метрах от дома, доставать картошку и овощи из погреба, пилить с братьями дрова и покупать хлеб в ларьке.

Вся жизнь дома, общение с ребятами в школе и на улице готовили к самостоятельности и самоутверждению в коллективе. В довоенные годы жил школой и улицей, это был маленький мир, который согревал, учил и готовил к борьбе за будущее.

На нашей и соседних улицах многие ровесники — братья Лозоватские, Липковичи, Гусев, Мороз, Соркин и другие — были моими товарищами.

В школьные годы

Свою школу я любил, там мы не только учились, школа была центром культуры и нашей общественной жизни. Мне нравилось быть в коллективе, возглавлять своих товарищей.

В школе, конечно, было по-всякому, но в целом хорошо, и учителя были разные. Но все они стремились передавать нам свои знания, научить нас мыслить, прививали нам ответственность и любовь к Родине.

Было стыдно и трудно себе представить, что на уроки можно прийти неподготовленным, не выполнив домашнего задания.

Учительница русской литературы Ксения Степановна Константинова была требовательной, но никогда не повышала голоса, в старших классах называла нас на «вы». На уроках она нас просто завораживала, рассказывая о писателях, произведениях и их героях.

Классный руководитель учительница математики Алла Васильевна Довгаленко была ровной и справедливой. Никаких конфликтов у нас в классе никогда не было.

Евгения Александровна Грицай не только нас учила, но и воспитывала всеми своими действиями и приобщала нас к культуре.

Наша молодая, красивая учительница химии Таисия Федоровна Унявко в годы войны работала в подполье, была схвачена немцами и расстреляна.

Я любил историю и географию, но с учителями географии нам не везло.

На уроках можно было ожидать любого унижения. По фамилии и имени учитель нас не называл, вызывал к доске, тыкая указкой, или жестом и грубо разговаривал.

Сменивший его преподаватель только осваивал свой предмет и мало давал нам знаний.

До сего времени живут в памяти многие соученики: Володя и Александр Куприй, Анатолий Нелен, Иван Дзюба, Вася Скатерной и Суховиенко и, конечно, Лида Елисеева, Тамара Лаврук, Оля Бедринец, Надя Кобзарь, Люда Пенская, Галина Павловская, Люся и Шура Судаковы, Сара Рысина, Светлана Чайка и многие другие. Большинство из них были сильными учениками, активистами общественной работы.

Раньше они мне снились, а теперь закрываю глаза, представляю добрую толковую Светлану Чайку, сидящую за соседней партой и подсказывающую мне правильное написание слова на диктанте, или мы сверяем на контрольной работе ответы и порядок решения задачи.

Вспоминаю школу, соучеников и сейчас с позиции возраста отдаю должное нашим учителям, их терпению, требовательно-

сти, желанию научить нас мыслить, а также всему доброму и выполнению долга. И как показала война и жизнь, их труд был не напрасным. Мы, их ученики, оказались достойными гражданами своей Родины.

В школе было интересно, но много задавали уроков, все время приходилось думать о домашних заданиях, сочинениях, чертежах. Вместе с тем, помимо учебы, проводилась большая общественная работа, действовали разные кружки: литературный, географический, военный, художественной самодеятельности.

Директор школы, А.П. Андриевский, был энергичным и требовательным, воспитывал чувство ответственности и патриотизма. Сменивший его Д.Ф. Грицай был добрым, флегматичным человеком.

Недалеко от нашего дома размещалась воинская часть — 19-й стрелковый полк 7-й стрелковой дивизии, и вся жизнь проживающих рядом с ней мальчишек была связана с этой частью. Только заиграет духовой оркестр — и мы мчимся к части, идет строй красноармейцев — шагаем в ногу со строем. Идут занятия, подготовка к параду, конноспортивные или лыжные состязания — и мы неперменные наблюдатели этих событий. Проводы полка в летние лагеря, встречи при возвращении — это было долгожданное и обязательное событие, как начало учебы в школе.

Воинская часть как магнит влекла к себе и незаметно подчиняла все стремления, действия и учебу. Мы совершали походы, играли в военные игры, старались ходить на лыжах, плавать, бегать, делать то, что делали бойцы.

Многие из нас мечтали быть командирами. В ту пору почти все мы были романтиками, стремились к идеалам и не видели никаких трудностей армейской жизни.

Но, конечно, главными в то время были школа и улица. Дни были удивительно длинными, даже когда учились во вторую смену. Время утром до школы, длинный день в школе, день после школы и вечер обычно дома или на улице. Речка, футбол и лыжи, пятёрки и четвёрки в школе, подготовка к урокам, посещение кино, чтение книг были основными событиями. На улице было много сверстников, ребят разных национальностей: украинцев, русских, евреев. Жили дружно. Вместе учились, ходили в лес,

на речку, в кино, на лыжах, играли в различные игры, собирали коллекции яиц, позднее — марок и читали книги.

Моими друзьями были Ваня Дзюба, Толя Нелеп и Давид Липкович, с ними учились в одной школе, мечтали поступить в военное училище. Липкович был верный, надежный друг, не раз защищавший меня в драках, он не делал уроков, ходил грязный и голодный, но всегда был добрым, жизнерадостным, готовым выполнить любую просьбу. Кстати, в годы войны он хорошо проявил себя на фронте, был награжден орденом и медалями, вернулся инвалидом после тяжелого ранения.

Особенно запомнились дни, когда отец брал с собой на охоту в Мыльники, в то время там было много болот и хорошая охота на уток. Мы шли туда пешком, деревня находилась в 8 километрах от города, к месту размещения — в курень на острове, брели по болоту и начинали охотиться. Отец неплохо стрелял, у него было хорошее ружье «Зауэр», а у меня старая одноствольная «Тулка», мне давали 3—4 патрона, мы их сами набивали перед охотой.

Варили уху или гартаначку (полевую кашу) и спали в курене. Ранним утром начинали охоту, днем иногда охотились с лодки, ею правил старый добрый дед Максим, стрелять с лодки было нелегко. Я убивал 1—2 утки или другой болотной дичи, стрелять приходилось мало, отец требовал стрелять метко и беречь патроны, он делал то же, но убивал по 6—8 штук. Брали на охоту нашу собаку — Пирса, английского пойнтера, на чистой воде он легко брал и доставлял утку, но очень неохотно разыскивал подбитых уток в камышах, особенно осенью, когда вода становилась прохладной.

Тянуло в Мыльники еще потому, что там жил давнишний приятель отца с времен Гражданской войны Ювхим (Ефим) Максимец, бывший партизан отряда Крапивянского. Он любил рассказывать о действиях партизан и подарил мне настоящий немецкий трофейный бинокль. Максимец, как и Крапивянский, в 1938 году был репрессирован.

Когда учился в старших классах, в период летних каникул работал маркировщиком на засолзаводе, клеймил бочки со знаменитыми нежинскими огурцами, отправляемыми за рубеж, зарабатывал 60—100 рублей.

Мои старшие братья и сестры к нам относились снисходительно, всецело занимались собой, учебой в институте, но много знали и часто рассказывали. Мы завидовали, что им не надо каждый день делать уроки, смотрели на них, как на инопланетян.

Всю информацию получали из книг и кинофильмов. Читал много, всю рекомендованную в школе литературу, а также о путешествиях, походах Суворова, битвах Кутузова, Гражданской войне и много других различных книг.

Любимыми писателями были И.С. Тургенев, В.В. Маяковский и А. Дюма.

Конечно, лучшим фильмом считал «Чапаева», а книгой — «Как закалялась сталь».

По газетам и радио следили за событиями на Хасане, Халхин-Голе, в Испании и Финляндии. Осенью 1939 года бегал за 4 километра на вокзал посмотреть польских военнопленных, следующих на восток по железной дороге.

В тот год я вступил в комсомол, началась общественная работа, был избран председателем ученического комитета, а затем секретарем комсомольской организации. Я старался, и приходилось много работать. Организовали военный кружок, там мы изучали уставы, стрелковое оружие, в тире стреляли из малокалиберной винтовки. Занятия с нами проводили младшие командиры 19-го полка.

В школе и в комсомоле нам прививали ненависть к прошлому, врагам народа, буржуйам и фашистам. Во многое, что нам говорили в те годы, мы свято верили.

Зимой 1941 года меня, секретаря, и членов бюро комсомольской организации нашей школы вызвали на заседание партийного бюро, которое возглавлял директор соседней 3-й школы Чекулаев. Комсомольцы нашей организации неплохо учились, но накануне заседания случилось чрезвычайное по тому времени происшествие: три комсомольца ушли с последнего урока в кинотеатр. Секретарь партбюро это событие раздул до разложения и перерождения комсомольской организации, сказал, что мы плохо боремся с нарушителями дисциплины и не занимаемся воспитанием учеников, в том числе детей врагов народа, которые учатся в школе. Когда я неосторожно сказал, что они хорошо себя ведут и учатся, он заявил, что это обычный прием врагов для продолже-

ния скрытой враждебной деятельности. Грозился нас освободить от обязанностей и исключить из комсомола и школы. В ту пору не понимал — за что, как такое возможно? Наш директор школы Грицай испугался и нас не защитил, хотя знал, что комсомольская организация работает хорошо.

Через несколько дней меня пригласила секретарь горкома комсомола Надежда Власенко и сказала, чтобы бюро продолжило спокойно работать, Чекулаеву везде мерещатся враги, что наша комсомольская организация по-прежнему считается одной из лучших среди школ города, о чем позднее и написала в моей комсомольской характеристике, выданной для поступления в военное училище. Но это была моя первая серьезная встреча с человеком, злоупотребляющим партийной властью, она потрясла мою юную душу коварством и несправедливостью.

Так как с детства мечтал быть военным, в школе решил, что после окончания 10-го класса буду поступать в военное училище — авиационное или танковое. Хотел служить в армии, стать командиром, предел мечтаний — быть командиром полка и когда-нибудь командовать парадом в родном Нежине. Искал простоты, ясности отношений, дисциплины и порядка, жаждал исполнять долг, служить Родине. Армия, служба казались подходящим для этого местом и настоящим делом.

Так думал всю службу и всегда.

Прочтя в газете о приеме в Киевскую авиационную специальную школу, поехал поступать, но меня в эту спецшколу не приняли, обнаружили дальтонизм (пониженное цветоощущение), но сказали, что он не является препятствием для поступления в иное военное училище. Возвратился домой и продолжал учиться в школе, не теряя надежды после окончания 10-го класса поступить в танковое училище. При уточнении условий приема в военные училища работник военкомата сказал, что в училище принимаются достигшие 18 лет, разрешить поступление раньше может нарком обороны. Чтобы не терять год, пришлось написать письмо в Наркомат обороны с просьбой разрешить поступление в Орловское танковое училище.

Но судьба распорядилась иначе. Через месяц вызвали в военкомат и сообщили, что получено распоряжение о направле-

нии меня к 18 июня 1941 года на учебу в 1-е Тамбовское Краснознаменное пехотное училище. Сначала огорчился, затем с этим смирился — скорее стану военным и буду учиться в училище!

Родители отговаривали и советовали поступать не в пехотное училище, а в Ленинградский военно-механический институт. Это даст возможность стать военным и инженером. Но я не изменил своего первого важного в жизни решения.

После выпускного вечера в школе, получив аттестат отличника с правом поступления в институт без приемных испытаний, 17 июня убыл в Тамбов поступать в военное училище, даже не простился со многими своими товарищами. Надеялся, что скоро их увижу, когда приеду домой после зачисления в училище.

Итак, завершилась учеба в школе, пройден первый рубеж, позади осталось детство, впереди — новая, неизвестная и напряженная жизнь.

В военном училище

По прибытии в Тамбов нас сразу направили в лагерь, где летом находилось училище. По пути в лагерь идущие сзади в строю два верзилы — один с огромным мешком, другой с деревянным чемоданом — всю дорогу меня донимали. Им не давал покоя мой небольшой портфель, в котором были все мои скромные пожитки: туалетные принадлежности, полотенце, носовые платки, носки и книга. Они дразнили и иногда слегка били по ногам, говоря при этом, что хотели бы увидеть, как буду падать со своим портфелем. Поэтому обрадовался, когда кончился пятикилометровый марш и прибыли в Тригуляевские лагерь. Подумал, что нелегко мне будет в училище и в жизни, если будут донимать сильные подонки, с подобным встретился впервые, так как в школе и на улице меня все знали, уважали, никто не обижал и всегда бы защитили.

В лагере разместились в палатках, на следующий день нас направили на медицинскую комиссию, которую прошел благополучно. На мандатной комиссии начальник училища меня спросил: почему, имея аттестат отличника, поступаю в пехотное училище, а не в институт? Сказал, что хочу стать лейтенантом, командиром. Начальник училища улыбнулся и отдал распоряжение зачислить

в училище и направить в 11-ю роту капитана Тихомирова. В роте уже было много сержантов и солдат, прибывших из воинских частей и ранее зачисленных курсантами. Мне выдали обмундирование, конечно, большего, чем надо, размера, так как я был очень худой, старшина пообещал подогнать в мастерской или подобрать другое и скоро сдержал свое слово.

На 22 июня 1941 года намечалось открытие лагерей. С утра мы приводили в порядок переднюю линейку, посыпая ее разноцветным песком, подшивали подворотнички, чистили до блеска сапоги. Тренировались в прохождении строем в составе роты на стадионе. В полдень неожиданно прозвучал сигнал и по линейке передавалась команда: «В ружье!» Старослужащие курсанты высказали предположение, что дежурный по училищу и горнист, наверное перепутали сигналы, вместо «Сбор» сыграли «Тревога». Прибывший командир роты был озабочен, приказал построить роту и вести на стадион. После построения всего училища начался митинг. Открывший митинг начальник училища полковник И.Л. Стариков сказал, что по радио выступил Вячеслав Михайлович Молотов с сообщением, что фашистская Германия внезапно развязала войну и ее войска вторглись на нашу территорию.

Выступивший затем генерал, вероятно заместитель командующего Орловским округом, прибывший на открытие лагерей, говорил, что наши войска уже несколько часов успешно ведут боевые действия. Все курсанты должны хорошо учиться, сроки обучения будут сокращены, и нам предстоит принимать свои подразделения на фронте на территории Германии. Так оно и вышло, но воевать пришлось сначала под Москвой, и предстоял тяжелый путь длиной почти в четыре года до выхода на территорию Германии. После митинга реакция на начало войны, как говорят сейчас, была неоднозначной: молодые курсанты радовались, что скоро будем лейтенантами и поедем на фронт, а некоторые постарше, участники финской войны, говорили нам, молодым, — не торопитесь, всех нас перебьют на этой войне. В действительности, по статистике, после войны осталось якобы три-четыре из ста сверстников.

...Война началась внезапно, хотя ее долгие годы ждали. Весной 1941 года даже жители нашего небольшого города чувствовали,

что обстановка накаляется. В Нежине была проведена частичная мобилизация военнообязанных, воинские части, дислоцированные в городе, убыли в западном направлении. Через город осуществлялось движение войск из глубины страны по железной и шоссейным дорогам на запад.

Меня и всех известие о начале войны ошеломило. И в действительности война оказалась иной, не такой, как ее раньше представляли.

В училище началась напряженная учеба. Нашу роту через несколько дней полностью укомплектовали, включили несколько человек гражданской молодежи, зачисленной в училище (моих обидчиков среди них не было). Со средним образованием в роте, кроме меня, был еще заместитель политрука Шестаков, носивший на петлицах четыре треугольника.

Командиром нашего 2-го взвода был лейтенант Вячеслав Абрамов, старшиной роты — сержант Сергей Савин.

Училище перешло на ускоренный, годичный, а затем — 6-месячный срок обучения, занимались по 8—10 часов в день.

Основные занятия — по воинским уставам, строевой, физической, огневой и тактической подготовке проводил лейтенант В. Абрамов. Он был хороший методист, умел показать четкое выполнение любого приема, награжден значками «Отличник РККА» и «За отличную стрельбу» и научил нас многому полезному для дальнейшей службы и войны.

Занятия по специальной подготовке проводили преподаватели соответствующих циклов. Так, занятия по топографии проводил капитан Калистратов, по бронетанковым войскам — майор Генералов, по Краткому курсу истории партии занятия вел старший политрук.

Командир роты капитан Алексей Тихомиров присутствовал на стрельбах и некоторых занятиях по тактической подготовке, в остальное время занимался административными делами.

Командира батальона подполковника Бекетова видели на строевых смотрах, вечерней «Заре» и тактических учениях.

В училище я учился с большим желанием и старанием, все легко усваивал и по всем предметам (кроме физподготовки, точнее, гимнастики) получал отличные оценки.

Многих курсантов роты поражало, что я могу повторить сказанное преподавателем, прочитанное в уставе или в Наставлении. Некоторым курсантам, особенно прибывшим из войск, трудно давался материал Краткого курса истории партии, топография, баллистика и другие. Помогал им, они отвечали взаимностью и постоянно допытывались, почему поступил в пехотное училище, а не в какой-нибудь институт или академию.

Ежедневно тренировался в выполнении гимнастических упражнений, но не хватало силы и медленно наращивались мускулы. Нелегко было в походах, на длительных маршах с полной выкладкой.

Хорошо ко мне относился старшина нашей роты С. Савин, что имело немалое значение.

На занятиях по огневой подготовке, при изучении ручного пулемета, лейтенант Абрамов показал нам порядок его разборки и сборки. Затем, обращаясь к курсантам, спросил, кто сможет это сделать. Два или три курсанта, бывшие старослужащие, подняли руки, поднял руку и я. Командир взвода удивился и поручил это сделать мне, я быстро и четко разобрал и собрал пулемет. Все поразились. Сразу не сказал, что научился этому еще в школе, через несколько дней за мной закрепили ручной пулемет и назначили помощника.

При переходе на ускоренные сроки обучения, вероятно, ненужным было изучение в училище Краткого курса истории партии, а также увлечение строевой подготовкой и рукопашным боем. Возможно, оно способствует физическому развитию, но о каком рукопашном бое можно говорить, когда немцы были вооружены большим количеством автоматического оружия (автоматами, пулеметами и другим). Кстати, в училище наши пистолеты-пулеметы (ППД), противотанковые ружья и танки мы изучали по плакатам, даже их макетов не было. Обкатка нас танками не проводилась. Управлять взводом в бою учили при помощи свистка и флажков, даже я думал, что это в бою вряд ли возможно. Дозорные в разведке элементарные сигналы на марше: «Вижу противника», «Стой», «Ложись» и «Вперед» — могут подать рукой, и им не надо никаких флажков, и зачем им свистеть...

Не проводились занятия по изучению немецкой армии, организации частей и подразделений, вооружения и тактики. Пришлось на войне умение совершать перебежки и переползания. Конечно, инстинкт самосохранения всех научил этому, но полученные навыки не помешали.

С первых дней войны с фронта поступали тревожные сообщения.

В училище политруков в роте не было, политинформации не проводились. Преподаватель по политподготовке читал лекции и добивался знания нами Краткого курса, но ни слова не говорил о положении в стране. Резкое изменение обстановки так на них повлияло, что они не знали, что нам говорить. Только один из преподавателей, капитан Калистратов, сказал, что война будет тяжелой и долгой.

Из курсантской жизни запомнились несколько необычных эпизодов. Однажды, переправляясь на лодке через реку Цна, один из курсантов потерял обойму с патронами, мы ее долго искали, ныряли в воду и с трудом нашли, опоздав на смену караула.

Через несколько дней выполняли учебные стрельбы, увидели немецкий самолет-разведчик, пролетавший на малой высоте, стрелять по нему не разрешили, ссылаясь на нехватку патронов. При этом командир роты сказал: «Мы расстреляем все патроны, и нечем будет выполнять упражнения». Нам это было непонятно. Позднее через наш лагерь следовали на доукомплектование части с фронта, на просьбу дать нам пару патронов они сбросили с повозки целый ящик с патронами. По прибытии в расположение роты его реквизирует старшина и сдал на склад боеприпасов.

Работая на складе, младший сержант Михаил Лопаткин взял комсоставский ремень и сумку, за что немедленно был разжалован и снят с должности командира отделения.

Торжественную зарю и строевые смотры постоянно проводил заместитель начальника училища полковник И.А. Дударенко, в них участвовали командиры батальонов подполковники Букетов и Леонтович. Наш 3-й батальон дважды привлекался на тактическое учение, проводимое начальником училища. В нем принимали участие и курсанты кавалерийского училища. Началь-

ник училища на учениях появлялся везде и неизменно верхом на лошади, мы ему завидовали, особенно на длительных маршах.

Наш взвод на учениях назначали для ведения разведки, вероятно, командир взвода лейтенант В. Абрамов пользовался авторитетом у начальников. На одном из учений мы пробирались в тыл «противника», ночью шли через болото, затем долго ползли, чтобы скрытно пройти через передний край и боевые порядки обороняющихся подразделений. На другом учении взвод устроил засаду на опушке леса, подпустил кавалерийский эскадрон на близкое расстояние и внезапно открыл залповый огонь (естественно, холостыми патронами), затем забросал кавалеристов взрывпакетами. Перепуганные лошади разнесли всадников в разные стороны. За эти действия начальник училища полковник Стариков взводу объявил благодарность. Вероятно, эти эпизоды сыграли некоторую роль в моей судьбе и службе, а одна из устроенных засад зимой 1942 года и нападение на отходящую небольшую колонну немцев напоминали действия на учении. Но война показала, что учения и реальные боевые действия — это совершенно разные вещи.

Нам говорили о переходе на ускоренную подготовку и возможном досрочном выпуске, но никакой информации о сроках обучения, об изменении учебной программы не было. Но осенью мы это сами почувствовали, когда на тактической подготовке перешли к изучению темы: «Стрелковый взвод в бою».

Тепло вспоминаю многих товарищей по училищу, особенно старшину С. Савина, сержантов А. Плоткина, С. Певных, С. Чумака, курсантов Х. Егорова, Г. Игнатенко, В. Разуваева, П. Шестакова и других.

Многие из них погибли на фронте...

В начале сентября училище возвратилось на зимние квартиры в Тамбов. Мне удалось один или два раза попасть в увольнение, сфотографироваться и осмотреть город. Был дисциплинирован и даже в увольнении все время озабочен, чтобы вовремя увидеть командира и отдать честь — как тогда считалось приветствовать. Так вырабатывался долг...

В один из последних дней сентября меня вызвал дежурный по училищу и сообщил, что на контрольно-пропускном пункте находятся мои родители, и разрешил на час увольнение.

Приехали мать, отец, сестра и племянница. Они рассказали, что при подходе немецких войск к городу Нежину поспешно эвакуировались, оставив все имущество, и теперь следуют в Поволжье. Братья ушли в армию. Отец и мать сделали остановку в Тамбове, чтобы увидеть меня. Они были измучены долгой дорогой в товарном поезде, выглядели постаревшими... К большому огорчению, тогда ничем им помочь не мог. После краткой встречи они убыли на вокзал. Это была моя последняя встреча с мамой, которая через год, в возрасте 47 лет, умерла в эвакуации.

Обстановка на фронте складывалась тяжелая. Ежедневно с нетерпением ожидали сообщений Совинформбюро, все ждали перелома событий. Но враг продвигался на восток.

В конце октября 1941 года, когда немецко-фашистские войска прорвались к Москве, комиссар училища, батальонный комиссар Киреев, стал приглашать многих курсантов училища, в том числе и нашей роты, на беседу. Обрисовав сложившуюся обстановку, он предлагал отправиться на фронт, сказав, что звания лейтенантов нам присвоят позднее. Большинство курсантов, в том числе и я, согласились и через несколько дней были направлены в 20-ю стрелковую бригаду, которую называли курсантской.

Вспоминаю многих командиров училища, они были хорошими учителями и воспитателями, обучили нас и призывали защищать Родину.

Глава 2

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

20-я стрелковая бригада формировалась в Радинских лагерях недалеко от Тамбова. По прибытии в бригаду меня направили служить в отдельную разведроту на должность помощника командира взвода. В лагерях бригада укомплектовывалась личным составом и вооружением, проводились занятия по уставам, строевой и тактической подготовке.

Командовал бригадой полковник Горяинов, начальником штаба был майор Андрианов, а командиром разведывательной роты — старший лейтенант Исмаилов. Из-за некомплекта лейтенантов многие

должности командиров взводов исполняли сержанты, бывшие курсанты, мне также пришлось временно исполнять эти обязанности.

После непродолжительного периода подготовки и боевого слаживания бригада в конце ноября по железной дороге в течение двух суток была переброшена в Москву. Мы следовали в товарных вагонах, «со всеми удобствами» — были печка и нары. Бригада выгрузилась на станции Беговая и сосредоточилась в районе Тушино, Хорошевский Серебряный Бор. Она вошла в состав 60-й резервной армии (позднее преобразованной в 3-ю Ударную армию), которая занимала внешний пояс Московской зоны обороны.

Наша и соседние бригады заняли оборону на рубеже Тушино, Щукино, Кунцево, мы расчищали от снега окопы, открытые осенью москвичами, сектора обстрела для ведения огня пулеметов из построенных бетонных колпаков и оборудовали свои позиции для ведения боя.

Фронт был рядом, ночью были видны зарницы и слышен гул артиллерийской канонады, и на сердце становилось тревожно — враг у стен Москвы.

В последние дни ноября 1941 года немецкие войска прорвались с севера к Москве, захватили Яхрому, Красную Поляну и Крюково, сводный отряд нашей бригады был переброшен в район севернее Химок.

Взвод получил задачу вести разведку в направлении Сходня, Крюково и установить, где идет бой, силы и характер действий противника.

Карты у нас не было, командир роты нарисовал схему района действий, нанес несколько населенных пунктов, шоссе и железную дороги и маршрут движения.

Ночью, ориентируясь по вспышкам ракет и перестрелке, вышли в заданный район. Днем выяснили, что в районе Крюково, Каменка идет сильный бой. Командир взвода в штабе одной из наших частей уточнил обстановку и рубеж боевых действий. Ожесточенные бои шли с переменным успехом, немецкая пехота и танки непрерывно атаквали. В результате артобстрела один из наших разведчиков был ранен.

В районе боевых действий тяжелое впечатление произвели сгоревшие и разрушенные дома, масса убитых, артобстрел, нераз-

бериха и ранение разведчика. По возвращении выяснилось, что наши сведения о противнике устарели и оказались ненужными, штаб бригады их получил из штаба армии.

В ходе контрнаступления наших войск 20-я стрелковая бригада была переброшена по железной дороге в район Осташково на Северо-Западный фронт.

В составе 3-й Ударной армии в начале января 1942 года она приняла участие в наступлении западнее озера Селигер, в направлении Залесье, Молвотица.

После прибытия в бригаду большой группы лейтенантов, досрочно выпущенных из Рязанского пехотного училища, я был направлен на армейские курсы младших лейтенантов, на курсах было много курсантов нашей 11-й роты, в том числе старшина Савин, сержанты Певных, Плотников, Чирков и другие.

На курсах обучалось 50—60 человек, начальником был старший лейтенант, обязанности командира нашего взвода исполнял старшина Сергей Савин.

Мы двигались вслед за наступающими войсками, по дорогам недавно отвоеванной территории.

Всюду были видны последствия боев и разгрома противника: обочины дорог были завалены разбитыми немецкими танками, машинами и повозками, лежали трупы вражеских солдат и лошадей.

Здорово их поколошматили.

На каждом шагу встречались воронки и выбоины. Многие населенные пункты были разрушены или сожжены. Население ютилось в землянках, погребках и подвалах. По дорогам, называемым населением большаками, непрерывным потоком двигались к фронту машины, обозы, войска. Часто приходилось обгонять или пропускать в узких местах колонны машин и воинских частей, следовавших к фронту. На почерневшем снегу то там, то здесь вырисовывались картины жестоких схваток.

После маршей периодически на два-три дня мы останавливались на большие привалы, размещаясь в сохранившихся населенных пунктах. В это время с нами проводились занятия по уставам и тактической подготовке, изучали действия взвода и роты в обороне и наступлении. По-прежнему учили управлять

подразделениями в бою при помощи свистка и флажками. Ничего нового и полезного с учетом опыта боев мы не получили, надо было устроить зачеты или экзамены и тем, кто их сдал, присвоить звания лейтенантов.

Конечно, теперь, при наличии в подразделениях различной сложной техники и вооружения (боевых машин пехоты, бронетранспортеров, гранатометов, минометов и др.), за короткий срок командиров взводов подготовить значительно сложнее.

После присвоения звания лейтенант я был направлен в 33-ю стрелковую дивизию на должность командира взвода. Дивизия входила в состав 3-й Ударной армии Калининского фронта.

В войсковой разведке

По прибытии в 73-й стрелковый полк этой дивизии я был назначен командиром взвода конной разведки. В то время в стрелковых полках нашей дивизии было два взвода разведки: взвод пешей и взвод конной разведки. Командиром взвода пешей разведки был сержант Захаров, он служил в этом взводе еще до войны, недавно был ранен, в госпиталь не ушел и выздоравливал в части, на выполнение заданий не ходил. С первых дней пришлось практически командовать личным составом этих взводов. Во взводе конной разведки было 18 человек и столько же лошадей, во взводе нашей разведки — 24 человека.

Наша 33-я стрелковая дивизия была кадровой, начала войну в Прибалтике под Шяуляем. Под натиском противника дивизия с боями отошла к озеру Селигер, где противник был остановлен, перешла к обороне. Осенью она вела бои по захвату плацдарма на западном берегу озера Селигер.

С переходом наших войск в наступление в начале января 1942 года части дивизии прорвали оборону противника и развивали наступление в направлении Мамоновщина, город Холм. Командовал дивизией полковник А.К. Макарьев, а затем полковник И.С. Юдинцев.

Нашим 73-м стрелковым полком командовал С.Я. Лобода, а после его ранения — майор М.И. Гольдберг, бывший начальник штаба полка.

При преследовании отходящего противника, восточнее Холма, разведвзвод полка в населенном пункте Гороховка вышел на пути отхода, устроил засаду, заняв ряд домов на одной стороне улицы, встретил огнем и разгромил небольшую подошедшую колонну немцев численностью до взвода пехоты, захватил пленного 416-го полка 123-й пехотной дивизии, несколько автоматов и пулемет, у разведчиков появились трофейные пистолеты и часы.

Развивая наступление, на рассвете 21 января подразделения 73-го и 164-го полков ворвались на окраины города Холм и начали продвигаться к реке. Накануне налет на Холмский гарнизон совершили партизаны Ленинградской бригады, но из-за несогласованности действий противник до подхода наших частей отразил налет, и партизаны вынуждены были отойти.

Гарнизон Холма был усилен подошедшими частями, и в городе противник оказал сильное сопротивление, завязались ожесточенные бои.

Части дивизии овладели несколькими кварталами западной окраины города и обошли город с севера и юга, гарнизон противника оказался в кольце. В районе Куземкино наш 73-й полк отразил несколько контратак противника силой до двух батальонов пехоты и десяти танков, стремившихся прорваться к окруженному гарнизону в Холме.

Холм — старинный городок на Псковщине, он раскинулся на возвышенности и почти со всех сторон окружен болотами. На десятки километров простираются вокруг труднопроходимые участки местности. Река Ловать делит город на две неравные части. Восточная, большая часть, лежит на высоком берегу, западная — на низком. Холм являлся узлом дорог, и этим определялось его военное значение — город занимал ключевое положение на пути нашего дальнейшего продвижения. Для немцев потеря города влекла за собой неминуемый отход к Локне, на линию железной дороги Дно — Великие Луки. Вражеское командование придавало Холму особое значение, и части нашей дивизии встретили здесь упорное сопротивление.

В начале февраля наша дивизия после перегруппировки и пополнения полков за счет тыловых и специальных подразделе-

ний снова возобновила наступление с задачей овладеть городом Холм.

Наш 73-й стрелковый полк, действуя в первом эшелоне, после короткого артиллерийского налета перешел в наступление, подразделения, медленно продвигаясь перебежками по снегу, ворвались на восточную окраину города, захватили несколько деревянных зданий.

Взвод разведки под моим командованием, действуя на фланге наступающих подразделений, проник в центр города. Обнаружив на одной из улиц выдвигающуюся группу противника численностью до 30 человек, мы открыли огонь из пулемета, автоматов и карабинов, группу рассеяли, несколько фашистов были убиты и захватили в плен раненого унтер-офицера 379-го пехотного полка 218-й пехотной дивизии. В его полевой сумке оказалась карта и план города. Пленный показал, что части их дивизии переброшены из Дании. В городе Холме сейчас крупный гарнизон, по словам офицеров, здесь сейчас около 3 тысяч человек.

Днем и ночью продолжались непрерывные бои на улицах города за отдельные дома, блиндажи и окопы.

В ходе боев подразделения полка овладели несколькими зданиями, а соседний 164-й стрелковый полк — еще одним кварталом города. Спротивление противника усиливалось, немцы приспособивали все здания к обороне и строили деревянно-земляные огневые точки (дзоты) на перекрестках улиц и площадях. Несмотря на потери, они не намеревались оставлять Холм.

Во время боев в городе Холм на Калининском фронте, в феврале 1942 г., разведчики 73 сп 33-й стрелковой дивизии захватили в плен немецкого ефрейтора. В его солдатской книжке находилось обращение фюрера к солдатам следующего содержания: «Борцы Холма! Еще немного времени до часа освобождения. Держитесь храбро! Холм имеет величайшее и решающее значение для предстоящего наступления». И гитлеровцы держались, надеясь на помощь извне. Транспортные самолеты Ю-52 почти ежедневно доставляли в окруженный гарнизон продовольствие и боеприпасы, обратными рейсами вывозя раненых, они регулярно сбрасывали продовольствие и боеприпасы на грузовых парашютах и использовали для доставки пополнения и боеприпасов большие планеры.

Большой радостью для наших солдат и офицеров были сброшенные парашюты с продовольствием (консервами, сыром, галетами, шоколадом и сигаретами) в распоряжение наших частей, разведчики за ними буквально охотились, рискуя жизнью. С продовольственным снабжением в тот период у нас было плохо.

Бои за Холм продолжались, приняли затяжной и ожесточенный характер, дома и целые кварталы переходили неоднократно из рук в руки. Противник упорно сопротивлялся и стремился удержать занимаемые позиции.

Вражеская авиация систематически наносила удары по боевым порядкам наших частей. Пикирующие бомбардировщики Ю-87, действуя группами по 12—18 самолетов с малых высот, став в круг, беспощадно бомбили подразделения полка.

Наша авиация не появлялась. Позднее иногда по ночам прилетали два-три самолета У-2, которых немцы называли «Русь фанер», сбрасывая несколько небольших бомб.

Части дивизии, непрерывно атакуя, несли большие потери, не смогли уничтожить окруженного противника и овладеть городом Холм. Сказалось отсутствие необходимых сил и в первую очередь артиллерии, танков и боеприпасов. Когда разведвзвод захватил и удерживал одно из зданий, связисты подтянули телефонную линию связи. Меня вызвал к телефону начальник штаба полка Н.К. Старостин и говорит: «Сейчас будет артподготовка, сразу после нее в атаку и захватить соседнее здание». Несколько орудий сделали по два-три выстрела по соседнему зданию. Считал, что началась пристрелка. Снова звонит Старостин и спрашивает: «Здание захватили?» Ответил: «Вы же сказали, что будет артподготовка, а она еще не начиналась, было несколько выстрелов». Он меня выругал и потребовал захватить здание.

Не все командиры в ту пору умели организовать боевые действия. Некоторые командиры сидели в зданиях, подвалах или своих блиндажах и руководили боем по телефону, при подготовке наступления ограничивались постановкой задач по карте, пренебрегая организацией боя на местности.

Но главное — было мало артиллерии, снарядов и танков, без них пехота несла большие потери. В стрелковых ротах нашего полка оставалось по 12—17 человек. Прибывшее ночью попол-

нение нередко сразу же бросали в бой, что приводило к неуспеху и увеличивало потери.

Полковые разведчики непрерывно действовали в Холме, часто помогали пехоте, иногда захватывали пленных. Однажды, получив задачу захватить пленного, с разведчиками Погуляевым и Тингаевым выдвинулся для наблюдения и выбора объекта нападения. Используя развалины зданий, подвалы и засыпанную канаву, скрытно выдвинулись к сараю вблизи переднего края противника и стали вести наблюдение. Через некоторое время в 30 метрах появились два немца,двигающиеся к дому поблизости. Такая возможность для захвата «языка» представляется нечасто, дали по ним очередь из автоматов, оба свалились. Разведчики броском захватили одного из них, второму удалось сбежать. Захваченный пленный был ранен. Изъяв у него солдатскую книжку и письма, пытались его тащить. Немцы, обнаружив нас, открыли огонь, я был ранен в обе ноги. Разведчики, бросив пленного и отстреливаясь, отошли в расположение наших подразделений. По солдатской книжке установили, что немец принадлежал к 386-му пехотному полку 218 пд, действовавшей здесь и ранее.

Об этом и других эпизодах в июле месяце 1942 года под рубрикой «Герои наших войск» была напечатана заметка в армейской газете «Фронтвик», конечно, немного приукрашенная. В газете также сообщалось, что я награжден медалью «За отвагу». Это была моя первая боевая награда за бои в Холме на Калининском фронте.

Ранение было легким и, по традициям разведчиков, в госпиталь не поехал, а лечился в полку и ездил несколько раз на перевязки в медсанбат. После излечения вернулся в строй, бои в Холме с окруженным противником продолжались. В этот период меня приняли кандидатом в члены партии, а позднее, в мае, — в члены партии, но партбилет получить не успел.

Разведчики продолжали действовать в городе Холм, непрерывно вели наблюдение, иногда участвовали совместно с пехотой в атаке зданий, отражении контратак. Противник усилил свою оборону, и все сложнее стало захватывать пленных.

Об успехах войск нашей армии и активности боев в те дни под Холмом неоднократно сообщало Совинформбюро.

В результате успешных боев зимой 1942 года войска нашей армии продвинулись до 200—240 км, вышли на рубеж Холм, Великие Луки, освободили от противника значительную территорию, враг понес большие потери, все дороги были забиты убитыми, брошенным оружием и боевой техникой.

После гибели в Холме в результате артобстрела помощника начальника штаба полка по разведке старшего лейтенанта Дюбанкова мне поручили исполнять его обязанности, впервые пришлось писать донесения и докладывать по телефону в штаб дивизии.

Несмотря на то что противник в Холме был окружен, его группировка не изменялась и была нам известна. Однако нам почти ежедневно ставили задачу захватить «языка». Это не всегда удавалось, и разведчики часто несли потери. И вот однажды заместитель политрука разведвзвода Погорелов мне говорит, что там в штабах одурели, каждый день требуют пленных, так у нас разведчиков скоро не останется. Стал призадумываться и, когда в очередной раз начальник штаба полка Старостин вызвал меня и вновь поставил задачу захватить пленного, сказал ему: «А зачем нужен этот пленный, ведь позавчера разведгруппа Захарова взяла пленного, вчера дивизионные разведчики притащили «языка». Он ответил, что пленный ему тоже не нужен, но есть распоряжение штаба дивизии, чтобы ежедневно были пленные. Я доложил об этом и потерях разведчиков командиру полка майору Гольдбергу, он разрешил поисков пока не проводить, но выбрать объекты для нападения и непрерывно вести наблюдение за противником. Посоветовал больше думать, тщательнее готовить действия и по возможности беречь разведчиков. Когда позже стал начальником разведки бригады и дивизии, всегда помнил своего разумного командира полка и его советы стремиться беречь разведчиков, несмотря на грозные приказы армейских начальников.

Однажды, кажется, это было 30 апреля 1942 года, получил распоряжение — на опушке леса, в одном километре восточнее Холма, встретить генерала и проводить его в Холм. Как потом стало известно, это был генерал армии К.А. Мерецков, с ним был наш комдив полковник Юдинцев. Оставив прибывшую с ними группу офицеров и два автомобиля в лесу, мы двинулись на наш командно-наблюдательный пункт в городе. Противник изредка

вел артиллерийско-минометный обстрел, но все обошлось благополучно. На командно-наблюдательном пункте генерал армии Мерецков заслушал командира полка, уточнил обстановку и состояние полка.

Через два дня, утром 3 мая, по инициативе и приказу командира дивизии полковника И.С. Юдинцева части дивизии после короткой артиллерийской подготовки атаковали позиции противника. Наш полк имел задачу выйти к реке Ловать. Встреченные организованным огнем части дивизии успеха не имели, повторная атака на следующий день также закончилась безрезультатно. Бой стал затихать, и вдруг к вечеру на участке левого соседа разгорелся сильный бой.

После массированного удара авиации и артиллерии полк вражеской пехоты с танками прорвался с запада в деревню Куземкино и устремился к Холму. Дорога на Холм оказалась в руках противника, окружение было прорвано.

Борьба за овладение городом Холм, продолжавшаяся почти пять месяцев, закончилась безуспешно. Наши войска на этом участке перешли к обороне. Полки приводили себя в порядок, пополнялись личным составом и техникой.

До сих пор вспоминаю и помню многих сослуживцев, с которыми вместе пришлось воевать в Холме: командира нашего 73-го стрелкового полка майора Гольдберга, начальника штаба Старостина, комиссара полка Сапрыкина, старшего политрука Косенчука, полкового инженера Саслина, командира артбатареи Позднякова, разведчиков старшего лейтенанта Дюбанкова, сержантов Захарова, Латуна и других. В одном из боев в Холме погиб командир стрелковой роты лейтенант Сергей Савин — бывший старшина нашей роты в училище и на армейских курсах, мой первый, вечный начальник, хороший командир и воспитатель. Для меня это была первая тяжелая утрата.

В 1942 году в нашей армии гремела слава о разведчиках разведроты дивизии капитана А. Бабанина и сменившего его Б. Аврамова. В предыдущих боях разведчики разведроты не раз прорывались из окружения, приобрели боевой опыт. Сейчас они умело и решительно действовали в тылу противника, совершали налеты, засады, захватывали пленных и документы.

Конечно, действия полковой разведки — взводов разведки полков — были несравнимы с легендарными действиями дивизионных разведчиков и ее роль была менее значительна. Полковые разведчики непрерывно участвовали в боях в городе, нередко вели боевые действия вместе с пехотой, иногда захватывали пленных, способствуя тем самым сохранению сил дивизионной разведки, их подготовке и успешным действиям.

Командир нашего 73-го полка М.И. Гольдберг был танкистом, и летом его отозвали для перевода в танковые войска, он взял меня с собой, но в отделе кадров армии ему вручили предписание убыть в Москву, а меня оставили офицером связи в штабе 3-й Ударной армии.

Быстро освоить новые обязанности в штабе армии мне помог помощник начальника оперативного отдела капитан И.Ф. Топоров, он имел хорошую подготовку, окончил перед войной академию имени Фрунзе, сам отличался аккуратностью, трудолюбием, имел спокойный и ровный характер. Старался в работе брать с него пример.

Летом 1942 года обстановка на фронтах снова была тревожной. Противнику удалось сосредоточить крупные силы на южном крыле советско-германского фронта, развернуть новое наступление и прорваться к Волге и Кавказу.

3-я Ударная армия в то время находилась западнее всех советских войск, занимала далеко выдвинутый рубеж, выгодный для дальнейшего наступления. Под Холмом и Великими Луками наши войска активными действиями сковали значительные силы противника, чтобы он не смог их использовать на других участках.

Мне не хотелось находиться вдали от фронта — в штабе армии. По моей просьбе в сентябре 1942 года был назначен помощником начальника разведки 117-й стрелковой дивизии. Дивизия оборонялась юго-западнее города Холм на фронте до 40 км, передний край обороны проходил по восточному берегу реки Ловать.

Командовал дивизией полковник Коберидзе Григорий Ермолаевич, он был спокойным, уравновешенным человеком, говорил с сильным грузинским акцентом.

Начальник штаба дивизии полковник Гофман ранее работал в штабе армии, знал штабную службу, но много внимания уделял иным личным делам.

Начальник разведки майор М. Т. Тимофеев, бывший учитель, призванный из запаса, был добрым человеком, но в разведке и в войсках не служил, работал на административных должностях.

Переводчик лейтенант Степан Мамонтов, мой ровесник, уже тогда неплохо знал немецкий язык, иногда ходил с разведчиками в разведку. Мы с ним подружились, и дружба сохранилась до его кончины (26 апреля 2001 года), а память — навсегда. Он был профессором Московского университета, доктором филологических наук.

Наш участок фронта считался пассивным, но разведчики не сидели сложа руки, их активные действия держали противника в постоянном напряжении. Разведчики разведроты и разведзвондов полков устраивали засады, совершали налеты, захватывая пленных и документы. Разведрота дивизии капитана Лебедкина совершила налет на вражеский гарнизон вблизи переднего края, разгромила там штаб немецкого пехотного батальона и захватила пленных и документы. Часто разведчики устраивали засады в нейтральной полосе, а также на дороге, ведущей к боевому охранению.

В октябре 1942 года перед фронтом дивизии, по данным наблюдения, появились танковые части. Командование армии поставило задачу захватить пленного и вскрыть нумерацию противостоящих частей. В районе 4 км восточнее Ветно располагалось боевое охранение противника. На дороге, ведущей к нему, разведчики часто устраивали засады и захватывали пленных. В связи с этим боеприпасы и продовольствие противник своему боевому охранению доставлял под усиленной охраной, а в последнее время в сопровождении танка. Разведроте было приказано на дороге устроить засаду, подбить танк и захватить пленного танкиста. Роте выделили два противотанковых ружья и трех саперов с противотанковыми минами.

Ночью разведрота скрытно вышла к дороге, устроила засаду и заминировала дорогу. Когда на рассвете появился танк с десантом, буксирующий кухню, и подошел к месту засады, он подорвался на установленной мине. Огнем противотанкового ружья разведчиков танк был подбит, у него заклинило башню. Разведчик

Николай Банников вскочил на танк, в открытый люк дал очередь из автомата, затем бросил бутылку с КС. Танк загорелся, а его экипаж и десант были уничтожены. Оставшийся в живых раненый механик-водитель, здоровенный обер-ефрейтор, был захвачен в плен. В этом бою также отличились сержант В.Болотников, разведчики Ф. Пучков, И. Тарадайко.

Захваченный пленный показал, что он принадлежит танковому полку 8-й танковой дивизии, она заняла оборону по западному берегу реки Ловать, сменив ранее действующие здесь части. Их дивизия прибыла на доукомплектование. Три танка их полка типа «Шкода» приданы гренадерскому батальону, обороняющему район Ветно. Остальные подразделения полка расположены в лесу в 8 км западнее Ветно. Командует 8-й танковой дивизией генерал-лейтенант Отто Тиман. Герой обороны Холма генерал Шерер награжден Железным крестом, недавно назначен комендантом гарнизона Великие Луки.

Разведчики дивизии чувствовали себя героями. В то время в обороне подбить танк и захватить пленного танкиста было не простым делом, а настоящим подвигом.

Через несколько дней взвод разведки 820-го стрелкового полка старшины Николая Можаяева в районе Скаруево, в нейтральной полосе, разгромил разведгруппу противника и захватил пленных. А зимой 1943 года разведчики 240-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Всеволода Сиромеха устроили засаду и захватили двух пленных 270-го пехотного полка 93 пд.

Рейды в тыл противника

В период службы в 117-й стрелковой дивизии мне дважды довелось командовать разведывательным отрядом и совершать рейды в тыл противника.

Показания пленных, захваченных на переднем крае, не всегда давали возможность вскрыть группировку противника в глубине, расположение резервов, командных пунктов и подготовленных рубежей. От штаба армии мы также не часто получали такие данные.

На нашем фронте, как я уже писал, активно действовали в тылу противника разведчики соседних 33-й стрелковой и 8-й гвардейской дивизий. Имена командиров-разведчиков этих дивизий часто мелькали на страницах фронтовых газет.

Командир нашей дивизии полковник Коберидзе также требовал данные о противнике в глубине. Неоднократные попытки разведчиков проникнуть в тыл противника успеха не имели. Тогда я предложил разрешить нашим разведчикам проникнуть в тыл противника в полосе соседних соединений, используя незанятые немцами участки, как делают разведчики 33-й дивизии. Полковник Коберидзе с этим согласился.

Для действий в тылу противника был создан отряд в составе 80 человек под моим командованием. В него вошли лучшие разведчики разведроты и разведвзводов полков. Комиссаром отряда назначили инструктора политотдела батальонного комиссара Мещерякова. Командирами взводов были Ходунов, Доруда, Кондрашев и Можаяев.

В начале ноября выехал в соседнюю, 33-ю стрелковую дивизию, где раньше служил, встретился с командирами-разведчиками капитанами Б. Аврамовым, И. Григорьевым, чтобы уточнить обстановку в районе предстоящих действий. Они мне рассказали о своих рейдах, обстановке в тылу противника, показали на карте маршруты их движения, участки перехода линии фронта, а также о мерах противника по охране дорог и объектов в тылу. После возвращения провел занятие с офицерами по изучению района предстоящих действий и маршрутов движения. Затем провел несколько занятий с разведчиками по особенностям передвижения в тылу днем и ночью, в том числе с ранеными, распределил личный состав на пары и тройки, назначив старших, чтобы ни один разведчик не оставил своего товарища в ходе боевых действий. Проверил исправность оружия, обуви, подгонку снаряжения с традиционным: «Попрыгали».

Все разведчики были вооружены автоматами, а офицеры и пистолетами, каждый взвод имел ручной пулемет. Разведчики имели по 3—4 магазина с патронами, 3—4 гранаты (пулеметчики еще 500—600 патронов россыпью), плащ-палатку и на 10 суток продовольствия (сухари, сало, колбаса, сахар и водка). Общий вес боеприпасов и продовольствия составлял 16—18 кг.

Я и радист В. Туповский, несший радиостанцию РБМ, имели облегченную экипировку, так как мне требовалось непрерывно ориентироваться, уточнять маршрут, выдвигаться к дозорным, руководить действиями разведчиков. Наши продукты несли ординарцы: один из них, Дегтярев, должен был следовать впереди меня, а второй, Анисимов, вместе с радистом, — сзади.

Отряд имел задачу скрытно проникнуть в тыл противника, выйти к дороге Локня, Холм, установить характер движения по дороге, захватить пленных и документы и вскрыть нумерацию частей противника.

После ноябрьских праздников мы прибыли в полосу соседней стрелковой бригады, занимавшей оборону на широком фронте, на труднопроходимой местности, противник осуществлял здесь лишь патрулирование и наблюдение. На пути встретился с командиром партизанского отряда бригады Жиденко, недавно возвратившимся из тыла противника. Он рассказал об обстановке в этом районе, усилении действий немцев и полиции против партизан и выделил нам проводника для обеспечения скрытного выхода к дороге Локня, Холм.

Уточнив обстановку, после тщательного наблюдения через имевшийся проход в минном поле перешли наш передний край и вышли в нейтральную зону. Там двигались скрытно, противник нас не обнаружил. Предстояло преодолеть реку Ловать, которая была скована тонким льдом. После наблюдения, вслед за дозорными, перешел реку. При подходе к противоположному берегу разведчик Дегтярев сказал: «Дымом пахнет, наверно, полицаи в деревне сало жарят».

Как только дозорные вышли на берег, противник открыл огонь. Мне с дозорными пришлось отходить под огнем противника, ползком по льду возвращаться на противоположный берег. При отходе Дегтярев и еще один разведчик были ранены. Конечно, можно было сбить противника и переправить отряд, но это могло привести к излишним потерям и утере скрытности действий.

На рассвете недалеко от берега встретили группу партизан, они рассказали, что накануне в этом районе немцы и полицаи рассеяли их отряд. Один из приведенных ко мне партизан, как оказалось, комиссар отряда, приняв нас за полицаев, выхватил

пистолет и хотел выстрелить, но один из разведчиков выбил из его рук вальтер. После разговора со мной он успокоился, поблагодарил за спасение жизни и попросил дать ему вместо вальтера автомат.

Для переноса двух раненых разведчиков, как предусматривали ранее не снижать темп движения отряда, пришлось выделить 8 человек. Назначив старшим группы Николая Можаява, отправил раненых за линию фронта — находясь в отряде, они бы сковали маневр и дальнейшие наши действия.

На следующую ночь, обнаружив поблизости незанятый противником участок, отряд переправился через реку и продолжил движение.

Чтобы не быть обнаруженными немцами, полициями и местными жителями, в населенные пункты мы не заходили, двигались скрытно, используя лес, кустарник, овраги. Отдыхали непродолжительное время в лесу, костров не разводили, многие дни обходились даже без чая.

На коротких привалах следил, чтобы разведчики не уснули и не отстали, а также чтобы в первые дни не выпили всю водку. На мой вопрос: «Почему выпили водку?» — обычно разведчики отвечали: «Если завтра погибну, жаль будет, что водка останется». Действительно, они ежедневно подвергались опасности и рисковали своей жизнью, но все равно требовал, чтобы командиры взводов контролировали расход водки и продуктов. Спали в лесу, подложив плащ-палатку и еловые ветки, сон был коротким, морозы достигали 15 градусов, выпал снег.

Через несколько суток в районе Хвошня отряд ночью вышел к дороге Холм, Локня. Ядро отряда расположил в лесу недалеко от дороги, в 1,5 км от деревни, выслал дополнительно дозоры и выдвинулся с Ходуновым и Дорудой к дороге для наблюдения.

В результате наблюдения и действий дозоров было установлено, что противник в этом районе из-за частых налетов разведчиков и партизан по обе стороны от дороги на 100—200 метров вырубил лес, создал завалы, в некоторых местах установил мины, построил несколько блиндажей и вышек для наблюдения. Охрану дороги осуществляют патрули. Параллельно шоссе для дороги, в 20—30 метрах ближе к лесу, проходит узкоколейная железная

дорога, по которой осуществлялся подвоз боеприпасов, продовольствия, ГСМ и другого имущества Холмской группировке. Когда подошли к дороге, по узкоколейке в сторону Локни проследовал эшелон в составе семи вагонов, у двери одного из них были солдаты в черной форме и четыре платформы с цистернами, впереди паровоза была прицеплена пустая платформа.

По шоссейной дороге от Локни в направлении города Холм шло непрерывное движение войск: колонн пехоты, артиллерии и повозок с имуществом. В течение суток проследовало более тысячи человек, 14 орудий и свыше 200 повозок.

После личного наблюдения, докладов дозоров и посовещавшись с командирами взводов, принял решение: на опушке леса устроить засаду, заминировать железную дорогу, подорвать эшелон, совершить налет на дороге и захватить пленного.

Ночью отряд вышел к дороге, устроил засаду на опушке леса, в 100—120 метрах от дороги. Саперы во главе с сержантом Зубенко заминировали дорогу, установив под рельсы противотанковую мину. С командирами взводов вели наблюдение. Движение войск в сторону города Холм продолжалось всю ночь. Следовали пехотные и артиллерийские подразделения, автомобили и повозки. К утру движение по шоссейной дороге стало менее интенсивным, началось движение одиночных легковых и грузовых автомобилей. По узкоколейке проследовал эшелон в составе восьми крытых вагонов, впереди паровоза следовала платформа с военнопленными и стройматериалами, обеспечивающая сохранность паровоза и вагонов в случае подрыва дороги. Показался второй эшелон. На этот раз впереди паровоза была платформа с сеном. Приказал Зубенко пропустить платформу и взорвать паровоз и следующие за ним вагоны и платформы с цистернами. Ожидаю сильный взрыв... вместо него слышен хлопок, и видим небольшое бурое облако. Это сработал взрыватель, а сама противотанковая мина не взорвалась. Немец, следующий на подножке вагона, соскочил с поезда, двигающегося на малой скорости, вытащил мину из-под рельса, бросил ее в кювет и погрозил кулаком в нашу сторону, вероятно думая, что здесь действуют партизаны.

До сего времени удивляет, почему мина не взорвалась... Но видели это, а также действия храброго немца десятки человек.

...На шоссе на дороге через несколько минут показалось два легковых автомобиля. Они следовали на высокой скорости без охраны. Когда автомобили подошли к месту засады, мы открыли огонь из пулеметов и автоматов. Одну из автомашин удалось подбить, вторая ушла, прибавив скорость. В это время по дороге подошла колонна пехоты силой до роты, она развернулась вдоль кювета и открыла огонь. Одновременно со стороны Хвошни слышались выстрелы, как будто стреляли танки.

Отдал распоряжение на отход в заранее намеченный район. Сначала двигались по лесу вдоль дороги на запад, в сторону Локни, затем повернули на юго-восток, обходя Хвошню, и далее к линии фронта. Противник нас не преследовал, лишь вел беспорядочный огонь в районе дороги и из деревни.

Через двое суток, обнаружив и уничтожив охрану, освободили группу наших военнопленных, работавших на дороге. Но они за нами следовать не торопились, наверное, боялись репрессий или не хотели воевать.

После возвращения захваченные автомат и винтовку передали партизанам в обмен на продовольствие.

Мы вскрыли подход частей 93-й пехотной дивизии, выдвигавшейся на смену частей 8-й танковой дивизии. Отряд действовал в тылу двенадцать суток, совершил рейд протяженностью около 200 километров.

Результаты действий могли быть более значительными, если бы взорвалась мина и не подвели саперы. Позднее попытывался у саперов и многих инженерных начальников, что же произошло, почему не взорвалась мина. Но объяснения были противоречивы и неубедительны — отсырело ВВ, не сработал взрыватель и т.д. Мне кажется, что Зубенко не закрепил взрыватель, он был поставлен на натяжное действие, когда по моему сигналу он потянул за натянутый провод, взрыватель выскочил из своего гнезда и взорвался вне корпуса мины, а мина не сдетонировала. Но это мой, ненаучный вариант происшедшего с миной.

После возвращения из рейда по тылам противника и перехода линии фронта встретили одного из руководителей штаба партизанского движения, секретаря компартии Белоруссии Г.Б. Эйденова. Он интересовался обстановкой в тылу противника, дей-

ствиями партизан. Беседовал просто, с большим знанием дела, с сочувствием к людям, находящимся в немецком тылу и ведущим борьбу с захватчиками.

После возвращения из рейда 23 ноября 1942 года мы узнали, что наши войска под Сталинградом окружили крупную группировку немецко-фашистских войск. Нашей радости не было предела.

Перед разведкой дивизии стала задача своевременно вскрывать перегруппировку войск противника, возможное снятие обороняющихся частей и их переброску на другие участки фронта. Для этого надо было систематически захватывать пленных и документы на переднем крае и в тылу противника. Этим в последующем и занимались разведчики дивизии.

В феврале 1943 года я снова предложил, и мне поручили командовать разведывательным отрядом дивизии. Отряд получил задачу — проникнуть в тыл противника на участке соседней бригады, установить наличие и состав резервов противника в ближайшем тылу, их принадлежность.

Отряд тщательно готовился в течение нескольких дней. За это время подогнали лыжи, получили белые маскировочные костюмы, проверили оружие, совершили несколько тренировочных походов на лыжах с облегченной и полной выкладкой, выявили хороших лыжников, а также провели тактические занятия по действиям в тылу.

На этот раз отряд был меньшим по численности, так как задача была иной. В его составе были 40 лучших разведчиков разведроты дивизии. Заместителем снова назначил М. Ходунова, командирами взводов были И. Доруда и А. Кондрашов.

В начале февраля отряд проник в тыл противника недалеко от прежнего района, через нейтральную зону юго-западнее Подберезья, и действовал там восемь суток.

Двигались по глубокому снегу в лесу и по целине. Здесь мне пригодилось прежнее умение хорошо ходить на лыжах. Трудно было дозорным, которые прокладывали лыжню, ими назначал лучших лыжников, их приходилось часто сменять, так как они сильно уставали. Дозор двигался на небольшом удалении от основных сил, постоянно поддерживая зрительную связь. Раз-

ведчики двигались друг за другом, но по одной лыжне на дистанции 6—8 метров с тем, чтобы избежать возможных излишних потерь от одной внезапной очереди противника.

Боковых дозоров не высылали, так как они задерживали движение. Когда требовалось дополнительно провести разведку, делали остановку, направлял подготовленный дозор в составе 3—5 человек. После его возвращения отряд продолжал движение. Ночью по лесу двигаться было трудно. Для движения выбирали просеки и лесные дороги, по ним легче было ориентироваться. Делали привалы и отдыхали в лесу, сон был непродолжительным, так как много спать никто не мог из-за холода. В те дни морозы достигали 20 градусов. Чтобы не обнаружить себя, костров не разжигали. Подстелив хвою и укутавшись в плащ-палатку, проспав два-три часа, просыпались. Те, у кого осталась водка, выпив глоток-два, могли вновь уснуть на час-полтора. После такого отдыха отряд продолжал движение. К этому времени намечал дальнейший маршрут. Движение на лыжах с вооружением и вещмешком в 16—18 кг, конечно, ничего общего не имеет с загородной лыжной прогулкой. Это тяжелое, трудное дело.

При движении ночью мне часто приходилось, накрывшись плащ-палаткой, освещая фонарем карту, уточнять свое местонахождение и маршрут движения. Следовал за головным дозором и вместе с ним или на дистанции 10—12 шагов в голове отряда. Был вооружен автоматом, пистолетом «вальгер», имел бинокль, компас, электрофонарь, планшет и карты: крупного масштаба — 50 000 маршрута и района действий и мелкомасштабную — 200 000 всего района, на случай вынужденных действий и возвращения на другом направлении. За мной следовал ординарец, один из лучших разведчиков, Яковенко, и радист. Радиосвязь осуществляли обычно ночью, радиостанция штаба дивизии нас слушала непрерывно. Накрывшись плащ-палаткой, готовил и кодировал донесения. Радист Владимир Туповский развертывал антенну радиостанции, входил в связь и передавал донесения. Для безопасности, с учетом возможной пеленгации немцами работы нашей радиостанции, стремились быстро и подальше уйти от этого места.

По данным наблюдения и дозоров, обстановка в тылу противника зимой 1943 года по сравнению с осенью прошлого года

стала сложнее: усилилась охрана дорог, мостов и объектов в тылу. По обе стороны основных дорог был вырублен примыкающий лес, сделаны завалы, местами они были заминированы. На подступах к некоторым населенным пунктам и подходам к основным дорогам были возведены дзоты. Все это затрудняло действия отряда по выполнению поставленной задачи.

Кроме того, в этом районе немцы организовали световую сигнализацию — при появлении ночью в населенном пункте партизан или разведчиков обнаруживший их местный житель должен был зажечь в своем доме лампу. За многими деревнями вели наблюдение с вышек полицейские. Увидев свет, они принимали меры сами, передавали сигнал в немецкий гарнизон или комендатуру. Местные жители, не сообщившие о появлении партизан или разведчиков, подвергались наказанию.

На ряде лесных дорог обнаружили следы движения немецких подразделений. Это было странно, как правило, немцы лесных дорог избегали. При подходе к населенному пункту севернее Насва увидели большую группу немецких солдат. В другом населенном пункте стояло несколько замаскированных орудий и автомобилей, а в соседнем — до роты пехоты. Теперь требовалось установить состав, принадлежность и нумерацию частей противника.

При подходе к деревне Чернушки, переходя поляну в лесу, отряд нарвался на засаду. Противник, пропустив наших дозорных, внезапно открыл сильный ружейно-пулеметный огонь с земли и деревьев. Повсюду слышались крики и команды, подаваемые на немецком языке: «Файер», «Форвертс», но, как потом понял, они подавались для нашего устрашения, никто вперед не двигался. Мы залегли и открыли огонь с автоматов и пулеметов. Завязался огневой бой, дал команду командиру взвода Кондрашову прорываться вдоль замерзшего лесного ручья, где огонь был слабее.

Бой продолжался, в ход пошли гранаты, разведчики продолжали вести огонь. Следовавший в хвосте отряда старшина Доруда с группой разведчиков обошел засаду с фланга и открыл огонь, уничтожив нескольких полицейских. Огонь противника ослабел, и мы прорвались, а через некоторое время оторвались от противника. Казалось, что у нас будут большие потери, и я переживал, чтобы

никто из раненых или убитых не попал в руки врага, но надеялся, что сработают пары и тройки, никто не имел права отойти, оставив товарища, все отвечали друг за друга, старшие — своей головой.

Подсчитали людей, к удивлению, у нас был только один раненый. Некоторые разведчики потеряли лыжи и вещевые мешки. Теперь без лыж по глубокому снегу им было трудно двигаться пешком. Оказали помощь раненому, положили его на сделанные из плащ-палатки носилки.

На следующий день, обнаружив проходящую вдоль дороги линию телефонной связи, подсоединились к ней и вели подслушивание. Но я и разведчик Зубов, знавший немного немецкий язык, ничего не могли понять, так как немцы, вероятно, применяли условные сокращения и клер. Только поняли слово «Кольм», так как знали, что по-немецки это город Холм. Не могли понять значение слова «танкштелле», думали, что это стоянка танков, а «гранат-верфер» — гранатомет. По возвращении переводчик Мамонтов объяснил нам истинное значение этих слов.

Решил нарушить связь, перерезать линию и вблизи устроить засаду. Ждать долго не пришлось, через час-полтора появились два человека, один из них стал устранять повреждения. Группа выскочила из засады, уничтожила полиция, а немца, спустившегося со столба, захватила в плен. По солдатской книжке и показаниям он принадлежал к 343-му охранному батальону.

Кроме того, он показал, что в районе Насва расположен немецкий пехотный полк, в районе Горки — противотанковый дивизион, а в Цевло — 7-й егерский батальон. В лесу в районе Темный Бор размещен штаб пехотной дивизии.

Считал задачу выполненной и решил возвращаться. Запасы продовольствия у нас закончились, обычно в первые дни рейда многие разведчики съедают большую часть лучших продуктов (сало, колбасу), оставляя сухари и сахар, и в последующие дни голодают. Так было и на этот раз. Добыть у немцев продукты для отряда было трудно, взять у местных жителей в тех условиях тоже не представлялось возможным, в населенные пункты мы не заходили, чтобы нас не обнаружили полиция и не увидели местные жители.

Отряд начал движение к линии фронта. По пути на заснеженном поле увидели наш приземлившийся самолет-истребитель.

У него было сломано шасси, имелись и другие повреждения. Летчика поблизости не оказалось. Разбив в кабине приборы, подожгли самолет, чтобы он не достался немцам, и продолжили движение.

По возвращении доложил командованию дивизии и в разведотдел штаба армии о выполнении задачи. Начальник штаба дивизии полковник Гофман и заместитель по политчасти остались не совсем довольны тем, что мы не захватили в плен и не привели немецкого офицера. Но это только в повестях и детективах разведчики на каждом шагу захватывают офицеров и генералов. Нам, вероятно, не везло и не удавалось. Даже охотник не всегда приходит домой с добычей, а вооруженного солдата и офицера противника взять живым еще труднее, чем зверя.

Правда, в последние годы войны, при отходе противника и разгроме окруженных группировок, разведчикам чаще удавалось захватывать офицеров и важные документы, но условия были уже иные, а пока шла война в глубине нашей страны и обстановка была сложной.

Возвращаясь из тыла противника, разведчики чувствовали себя героями. После напряженных и тяжелых дней, постоянного риска и потрясений они несколько высокомерно относились ко всем, не видавшим близко немцев в бою. Иногда и сам испытывал такие чувства, когда у меня спрашивали люди типа Гофмана, почему мы не захватили и не привели немецкого офицера.

Вспоминаю многих бесстрашных разведчиков дивизии — лейтенанта Макара Ходунова, старшин Ивана Доруда, Алексея Кондрашова, Николая Можаяева, сержантов Виктора Болотникова, Федора Пучкова, рядовых Николая Банникова, Ивана Тарадайко, Владимира Туповского, Михаила Яковенко и других разведчиков.

После возвращения из рейда у разведчиков нашей дивизии продолжались обычные боевые будни: выполнение боевых задач, захват «языка», ранения и гибель товарищей.

Весной 1943 года на участке обороны 275-го стрелкового полка располагалась позиция боевого охранения, ее занимал один стрелковый взвод (16 человек). Однажды немцы внезапно атаковали и уничтожили это боевое охранение. Для обороны по-

зиций боевого охранения назначили 4-ю стрелковую роту. Через несколько дней немцы снова, после сильного артиллерийского обстрела, совершили налет, перебили защитников и отошли.

Чтобы отучить немцев безнаказанно совершать нападения, командир дивизии полковник Е.Г. Коберидзе приказал временно занять позиции боевого охранения разведротой.

Мне поручили возглавить разведчиков и взвод сапер. Мы восстановили разрушенную деревянно-земляную насыпь, блиндажи, установили минные поля и проволочные заграждения. И напряженно ждали нападения немцев. В один из дней, на рассвете, вблизи позиции раздались взрывы и крики. Для уточнения обстановки выслал подготовленную разведгруппу во главе с лейтенантом И. Ходуновым. Когда раздались автоматные очереди и взрывы гранат, я ракетой вызвал огонь артиллерии по переднему краю обороны немцев и вероятным путям их движения.

Как оказалось, на нашем минном поле подорвались два немецких солдата, на месте взрыва валялись их каски, сапоги и были видны следы крови, но своих солдат с минного поля немцы вытащили.

Вблизи разведчики обнаружили группу немцев (10—12 человек), устроивших засаду. Завязался бой. Разведчики пытались отрезать пути отхода немцев. Одного из наших разведчиков, кажется Хабибуллина, немцы обезоружили, заткнули ему рот и тащили в свое расположение. Ему удалось вырвать кляп и закричать.

Разведчики догнали немцев, отбили Хабибуллина, нескольких немцев уничтожили, а огромного, тащившего Хабибулина немца захватили в плен.

После открытия огня нашей артиллерией немцы начали отход. На допросе пленный показал, что принадлежал к разведбату дивизии «Фельдферхаде», так называлась 78-я пехотная дивизия в честь зала в Мюнхене, где происходили сборища фашистов и выступал Гитлер. Они имели задачу вести разведку.

Через несколько дней возвратились двое наших солдат, уроженцев Средней Азии, которых ранее захватили в плен. Немцы их отпустили, обрезали полы шинелей и на спинах написали: «Ни нам пленный, ни вам солдат». Эти солдаты, кроме того что они из 4-й роты, ничего рассказать не смогли. Неделью спустя

позиции боевого охранения снова заняла стрелковая рота, а мы возвратились. Налетов на этом участке противник больше не предпринимал.

В конце апреля 1943 года на командный пункт нашей дивизии прибыл командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-полковник И.С. Конев. Он заслушал доклад командира дивизии о состоянии частей и обороны дивизии, спросил, сможет ли дивизия отразить наступление одной-двух дивизий противника. Затем заслушал начальника разведки, командующего артиллерией, дивизионного инженера и начальника штаба дивизии. Генерал Конев особо интересовался организацией противотанковой обороны и управлением частями в бою.

Начальник разведки был болен, находился в госпитале, поэтому мне было приказано доложить группировку и характер действий противника. Зная эти вопросы, по карте, без записей, ссылаясь на показания пленных и данные, добытые в ходе рейда в тыл, несколько волновался, но четко доложил. Сказав в заключение, что данных о подготовке противника к наступлению не имеется и признаков подготовки к наступлению не отмечено. Командующий фронтом И.С. Конев остался доволен (вероятно, и тем, что не ожидается переход противника в наступление) и сказал комдиву, что молодцы ваши разведчики.

Пленные и документы

В годы войны важнейшим источником получения сведений о противнике были пленные и документы, без них нельзя было установить нумерацию противостоящих частей, группировку войск и намерения противника.

Получение ценных сведений от пленных во многом зависело от умения проводить допрос и обстановки, созданной на допросе.

При наличии переводчика в составе разведотряда или в районе действий разведгруппы захваченного пленного немедленно допрашивали. В первую очередь выясняли, к какой части он принадлежит, задачи подразделения, намерения противника, кто командир, соседи, расположение резервов, пунктов управления и другие вопросы.

В штабах и на командных пунктах соединений допрос осуществлялся более детально.

Методика допроса зависела от обстановки, имевшегося времени и личности пленного. Иногда допрашиваемого пленного сажали рядом, угощали папиросами, чаем и в доброжелательной, открытой форме допрашивали, ведя беседу. Если пленный не внушал доверия, начинал врать или путать, его ставили по стойке «смирно», не позволяли ему расслабиться, разговор вели в повелительной форме, требовали четких по-военному ответов, не допуская пространных рассуждений, и все показания записывали. Исходили из того, что пленный — враг, с ним разговор должен быть строгим, к тому же каждый немец по натуре солдат и признает приказ. В принципе сочетание этой методики обеспечивало получение необходимых сведений.

Когда не было пленных, мы были рады изъятой солдатской книжке или конверту с указанием полевой почты, по которой представлялась возможность установить нумерацию части.

Мне с первых дней службы в разведке стало ясно, что надо знать немецкий язык. В школе мы учили язык для отметки, а здесь потребовалось его знать для дела. Пришлось наверстывать упущенное и учить язык в перерывах между боями. У меня были разговорник, словарь, но основным «учебным пособием» стали пленные. Язык мне давался трудно и успехов в его изучении не достиг. Переживал свою скудную языковую подготовку и завидовал переводчику Степану Мамонтову, который хорошо знал язык. Пленные сразу же видели, с кем имеют дело. Многие из них так строили ответ, чтобы я ничего не понимал или понимал неверно.

Встречались среди пленных наглецы, которые, ссылаясь на какие-то конвенции, требовали теплых, с удобствами помещений, калорийной пищи, сигарет. К тому же многие пленные, как правило, хотели разговаривать только с большим начальником. В этом случае мы им напоминали, как они обращаются с нашими пленными и сколько тысяч погибли в лагерях. В те годы пленным пришлось допрашивать на берегу реки Ловать, под городом Холм в глубине России, и в тот период победа Гитлера еще мало у кого из пленных вызывала сомнение. Были среди них дезинформаторы.

На допросе они держались естественно, уверенно и дружелюбно, всем своим видом показывая, как рады, что наконец оказались у нас. На вопросы отвечали подробно и убедительно, не сбиваясь, ничего не путая. Но обширная и разносторонняя информация, которой располагал унтер-офицер или обер-ефрейтор, иногда настораживала. Попытки уличить его во лжи на деталях, которые были нам известны из других источников, иногда ни к чему не приводили. Все сходилось. И попадались они на номерах полевой почты, которые к этому времени мы изучили.

Были трудности и иного рода. Не раз, к примеру, ставила в тупик их военная терминология. Так, в словаре написано, что «гранат-верфер» — это гранатомет. Но выяснилось, что это минамет. Слово «гренадир» применительно к полку или дивизии означало не «гренадерский», а пехотная, мотомеханизированная часть. «Бункер» — не подвал, как написано во всех словарях, а дзот или дот, блиндаж, убежище. «Танкштелле» — не стоянка танков, а пункт заправки ГСМ. Переиначивались на немецкий лад названия наших городов. Догадывались, что Кольм — это Холм. А вот что за город Плескау? А знать это было важно, так как, по показаниям пленных, там находился крупный штаб. Долго мы бились над этим, но вот в наши руки попала трофейная карта, и оказалось, что Плескау — наш древний Псков. Такие языковые ребусы приходилось решать не раз. Любая оплошность, неверно понятое фразы или слово могли стоить дорого...

Научились четко разбираться в солдатских книжках, боевых приказах, но письменный готический шрифт был настоящей шарадой. В Германии тех лет в бытовой переписке еще широко была распространена готика. Причем у письменной мало общего и с латинским шрифтом, и с печатной готикой. Переводчикам пришлось овладеть готикой. Иначе захваченные солдатские письма остались бы непрочитанными, а они — источник информации. Наш переводчик С. Мамонтов со временем успешно разбирал трофейную почту.

Ценным был перевод при прослушивании телефонных и радиопереговоров противника.

За годы войны выросли и наши переводчики, многие из них стали большими специалистами в своем деле. Ими были и мои

сослуживцы — военные переводчики дивизии Степан Мамонтов, Леня Косой, Вадим Телешев и другие, приносившие огромную пользу разведке.

В годы войны, особенно на заключительном этапе, переводчики часто выступали в роли парламентаров. Под белым флагом, глядя в черные зрачки вражеских стволов, шли они на переговоры, но их слово было весомо — оно подкреплялось всей мощью наших войск, стоящих на позициях. В последние дни войны в роли парламентаря пришлось побывать и мне с нашим переводчиком. О своей миссии парламентаря в конце войны расскажу позднее, в конце главы.

В морской стрелковой бригаде

После второго рейда в тыл противника я был назначен командиром отдельной разведроты, а затем начальником разведки 15-й гвардейской морской стрелковой бригады.

Бригада имела небольшую, но славную историю, ранее это была 154-я отдельная морская стрелковая бригада, которая была создана в октябре 1941 года на основе 1-го Московского отдельного отряда моряков, участвовавшего в боях под Москвой и на Северо-Западном фронте. Бригада прославилась в боях под Сталинградом под командованием полковника А.И. Мальчевского, она сдержала натиск танковых частей Готта рвавшихся через Бекетовку к Волге. Моряки отличались стойкостью, упорством и стремительностью действий. Впоследствии 154-я бригада была преобразована в 15-ю гвардейскую.

Теперь она входила в состав 22-й армии нашего Северо-Западного фронта и занимала оборону севернее Великих Лук. Командовал бригадой по-прежнему полковник Мальчевский Александр Иванович.

Бригада состояла из четырех отдельных батальонов, минометного и артиллерийского дивизионов и отдельных рот разведки, связи, саперов и другие.

В каждом отдельном батальоне был взвод разведки.

Отдельная разведывательная рота бригады имела численность 64 человека, она состояла из трех взводов по 19 человек,

командира, старшины роты, радиста, фельдшера, писаря. В роте были повар, ездовой повозки и две лошади.

В бригаде после Сталинградских боев осталось мало моряков, в разведроте их насчитывалось всего около двух десятков. Некоторые из них любили прихвастнуть, как говорили, «заливать», жили былыми заслугами, офицеры-моряки были высокомерны, но так и не постигли особенностей боя пехоты.

Основу разведроты составляли простые и надежные сержанты и солдаты разведчики.

Вспоминается один крайне тяжелый случай.

Рота получила пополнение уголовников, но многие из них были смелыми лишь на словах, некоторые оказались шкурниками, среди них существовала сильная круговая порука.

Поначалу меня в роте встретили настороженно, ряд сержантов и матросов не стремились четко выполнять распоряжения, учитывать советы и поплатились за это.

Когда командование потребовало захватить пленного, мною была поставлена задача лучшему разведчику, как считалось в роте, старшему сержанту Николаю Старкову провести поиск. Он подобрал группу разведчиков и объект для нападения — небольшой блиндаж на переднем крае противника, в 300—400 метрах от позиций наших обороняющихся подразделений. Он заверял, что через пару дней будет пленный, только чтобы ему никто не мешал при подготовке к действиям. В группу захвата он включил своего друга Краснобаева, бывшего уголовника, и еще двух разведчиков. Двое суток они вели наблюдение за объектом. Согласился с предложенным им планом действий, но считал необходимым предусмотреть обеспечение отхода группы огнем нашей артиллерии, что оказалось излишним.

После начала действий группа долго двигалась к объекту и при подходе к первой траншее была обнаружена, противник открыл пулеметный огонь. Один из разведчиков был ранен и душераздирающими криками и руганью просил о помощи. По моему распоряжению наша артиллерия открыла огонь для обеспечения отхода группы.

По докладу возвратившихся разведчиков, Старков и Краснобаев якобы были убиты в нескольких метрах от первой траншеи,

а один разведчик при отходе подорвался на mine и остался на минном поле. Попросил командира артдивизиона продолжать обстрел, приказал разведчикам вытащить оставшегося раненого и разыскать Старкова. Пошел вместе с ними, чтобы уточнить, где лежат убитые Старков и Краснобаев. Противник продолжал вести огонь. Раненого разведчика вытащили, но он уже был мертвым, Старкова и Краснобаева обнаружить не удалось. Возвращаясь днем, встретили комбрига полковника Мальчевского, мне пришлось доложить о неудачном поиске и гибели разведчиков. Он нас не ругал, высказал сожаление о гибели Старкова и сказал, что надо более тщательно готовиться к действиям.

Каково было наше удивление, когда на следующий день услышали голос «пропавшего» Краснобаева, раздавшийся из немецкой громкоговорящей установки. Он заявил, что умышленно перебежал к немцам, Старков погиб. Ругал командиров, советскую власть, передавал привет разведчикам, называя их фамилии, призывая последовать его примеру. Такой случай измены разведчиков у нас был первый и единственный за всю войну. Старков и Краснобаев были уголовниками, считались лучшими разведчиками, и вдруг один из них оказался предателем... Так что уголовники бывают всякие...

Чтобы утвердиться в качестве командира разведроты и реабилитировать разведчиков после случая с группой Старкова, а также неуспешного ночного поиска другой группы вынужден был возглавить разведгруппу, провести поиск и захватить пленного.

Облазил весь передний край, искал подходящий объект для нападения. На стыке с соседней бригадой обнаружили неглубокую канаву и вблизи переднего края противника старую воронку, заросшую травой. Попросил командира огнеметной роты выделить огнеметы для обеспечения действий разведчиков. Принял решение совершить налет на противника после огня артиллерии и огнеметов на рассвете. Артиллерия и минометы подготовили огонь по соседним огневым точкам и ближайшей глубине, огнеметы — по переднему краю.

Наша группа ночью выдвинулась к воронке, тщательно замаскировалась. На рассвете после мощного налета огнеметов, а также огня артиллерии стремительным броском разведчики ворвались в траншею, захватили пленного и начали отход. Ар-

тиллеристы продолжали вести огонь на флангах и ближайшей глубине. Противник был ошеломлен действиями наших огнеметов, несколько минут огня не открывал, а затем начал обстрел, но мы с пленным были уже на нашем переднем крае.

Следует сказать, что разведчикам бригады нечасто удавалось захватить пленных, многие поиски были безуспешными, и они несли большие потери. В полосе бригады немцы на занимаемом ими рубеже находились более года, сильно укрепили свою оборону и хорошо организовали систему огня.

После назначения начальником разведки бригады принял меры по доукомплектованию разведподразделений и повышению подготовки разведчиков.

Командир бригады полковник Мальчевский разрешил отобрать лучших сержантов и солдат из всех частей и подразделений бригады. После доукомплектования провел несколько занятий и учений для подготовки прибывших разведчиков действиям в засаде, поиске и в тылу противника.

Несколько улучшилась организация разведки в батальонах. Хорошо была организована разведка в отдельном стрелковом батальоне, которым командовал А.С. Муругов. В батальоне постоянно велось наблюдение за противником, выставлялись наблюдатели в ротях, а в батальоне — наблюдательные посты.

Разведвзвод лейтенанта Григория Гинзбурга дважды захватывал пленных. В одном из поисков он был тяжело ранен, долго лечился в госпитале, был комиссован и уволен из армии. Сейчас Григорий Исакович Гинзбург живет в Киеве, работает адвокатом, стал заслуженным юристом Украины.

Осенью 1943 года советские войска, развивая наступление, вышли к реке Днепр. Чтобы задержать их продвижение, противник спешно перебрасывал свои резервы, соединения и части со всех фронтов.

Для вскрытия возможной перегруппировки и переброски войск противника командование фронта и армии требовало систематически захватывать пленных и документы. Соединениям нашей армии было приказано провести разведку боем.

Командир бригады полковник Мальчевский приказал разведку боем провести батальону капитана Ф. Ильницкого в районе

Полудино. Захват пленного был возложен на разведгруппу во главе с лейтенантом А. Меркуловым.

До начала проведения разведки боем все командиры частей заняли свои НП и вели наблюдение.

После сильного артиллерийского налета батальон перешел в атаку, некоторым подразделениям и разведгруппе удалось ворваться на первую траншею, но они были остановлены сильным огнем и вынуждены были отойти. Разведгруппе удалось захватить пленного.

В результате разведки боем было установлено, что противник занимает оборону прежними частями, был обнаружен ряд новых огневых точек. Батальон и разведчики понесли большие потери. Ильницкий и Меркурьев были тяжело ранены.

Когда, по данным наблюдения, в полосе бригады произошла смена частей противника, требовалось немедленно захватить пленного. Предполагал, что прибывшие новые части активизируют ведение разведки, и решил силами разведроты бригады и разведвзводов батальонов устроить засады в нескольких районах перед передним краем в нейтральной зоне на вероятных маршрутах движения противника.

18 сентября 1943 года, выдвигаясь в район засады, разведрота встретила с группой противника численностью до 30 человек. Они нас первыми обнаружили и открыли огонь. Нас было больше, все вооружены автоматами и двумя ручными пулеметами, в ответ открыли сильный огонь, противник начал отход. Группа разведчиков догнала отходящих гитлеровцев, завязала бой, разведчики Малов и Оксенюк захватили пленного. Я и три разведчика были ранены. Отличившиеся представлены к наградам.

Произошло одно досадное недоразумение.

В госпиталь, где находился на излечении, ко мне приехал офицер особого отдела нашей бригады и сообщил, что в бригаде пропал числящийся за мной недавно полученный один экземпляр «Справочника по вооруженным силам немецко-фашистской Германии» с грифом «секретно». Я сказал, что этот справочник мною передан на наблюдательный пункт бригады и находится у сержанта В. Брикуса. Попросил, чтобы еще раз тщательно все проверили. Как оказалось позднее, в один из дней наблюдательный пункт

бригады посетил командир корпуса, его адъютанту понравился красиво изданный справочник, он не обратил внимания на гриф «секретно», без разрешения его забрал. Когда комкор увидел справочник, приказал его возвратить, но адъютант не торопился. Прошло немало времени, пока разыскали и возвратили справочник в штаб бригады. Мне и начальнику штаба бригады подполковнику Ермашкину все это по тем временам было не очень приятно. Но хорошо, что все благополучно закончилось.

* * *

После излечения в армейских госпиталях в ноябре 1943 года прибыл в разведотдел штаба 3-й Ударной армии и был направлен на учебу в Москву на Высшие разведывательные курсы усовершенствования офицерского состава.

Высшие разведывательные курсы находились в Москве, размещались на Большой Грузинской улице напротив зоопарка. На курсах обучались фронтовые офицеры-разведчики соединений и частей. Здесь, не считая госпиталя, впервые в годы войны спал на кровати с чистым бельем, жил в общежитии, мог пойти в кинотеатр, выпить бутылку пива.

Программа обучения была рассчитана на три месяца и включала тактико-специальную подготовку, а также изучение службы штабов и иностранных (немецкой) армий. Хотя учеба была кратковременной, она давала много необходимого для службы в разведке в действующей армии.

Учебный процесс был интенсивный, требовал затраты большого количества времени. Главными вопросами, которые мы изучали, были организация и ведение разведки в полку и дивизии во всех видах боевых действий, способы добывания разведсведений, их сбор, анализ и доклад командованию, разработка боевых документов по разведке, ведение рабочей и отчетной карты, составление разведывательных донесений, сводок, справок и др.

Здесь впервые разрабатывал подробные планы разведки, на фронте мы это делали редко.

Интересно проводил занятия по тактической подготовке молодой, энергичный преподаватель нашей группы подполковник Ф.П. Макурин. После войны мы с ним встретились на учебе в Ака-

демии Фрунзе. Преподаватель по иностранным армиям капитан Медведев занятия проводил живо, ежедневно тренируя нас в запоминании организационно-штатной структуры немецких войск, требуя от нас твердого знания основных цифр количества личного состава и вооружения подразделений, частей и соединений. По справочнику, рисункам и альбомам мы изучали тактику, боевые и походные порядки частей, форму одежды, знаки различия военнослужащих, порядок допроса пленных и изучение документов, то есть то, что действительно надо на войне. По тактической подготовке занятия проводились в классе, методом групповых упражнений на картах, с отработкой основных боевых документов на самоподготовке, а также проводились семинары.

В конце учебы мы должны были представить краткие рефераты, я его написал на тему: «Организация и ведение разведки в дивизии в обороне».

Учеба на курсах хотя и была кратковременной, но, учитывая, что усердно работал, дала мне многое, почувствовал уверенность в своих знаниях и готовность успешно работать в войсках на разведывательных должностях в звене дивизия — корпус.

С благодарностью вспоминается начальник курса полковник Михайличенко. Он, в отличие от многих встретившихся позднее офицеров этой категории, интересовался нашей учебой, посещал занятия, самоподготовку, был заботлив, ругал обслуживающий персонал за малые порции в столовой, низкую температуру в классах и спальнях комнатах, добиваясь устранения недочетов.

В период учебы в Москве в моей жизни произошло знаменательное событие — встретился со своей соученицей по Нежинской средней школе, моей любовью Тамарой Лаврук, и мы поженились. И вот уже вместе скоро 60 лет!

После учебы был направлен на Ленинградский фронт и назначен начальником разведки 72-й стрелковой дивизии.

Прорыв обороны на Карельском перешейке

На Ленинградском фронте 72-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Н.И. Ястребов, входила в состав 21-й армии, принимала участие летом 1944 года в прорыве обо-

роны финнов на Карельском перешейке. Здесь финны создали мощную систему обороны, состоящую из долговременных и полевых фортификационных сооружений. Вместо разрушенной прежней линии Маннергейма в течение трех лет они построили новую линию обороны, при этом частично восстановив старые сооружения.

К июню 1944 года на Карельском перешейке финские войска имели прочную, хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону. Она состояла из трех мощных полос и имела глубину до 120 км. Первая полоса обороны проходила по линии фронта, установившейся еще в сентябре 1941 года. Она представляла собой систему полевых укреплений с узлами сопротивления и опорными пунктами, прикрывающих важнейшие направления, оборудованную траншеями, дзотами, широкой сетью противопехотных и противотанковых заграждений, на отдельных участках были сооружены долговременные огневые сооружения. Так, в районе Старый Белоостров в полосе наступления находился один из мощных дотов «Миллионер», оснащенный орудиями, пулеметами, имевший гарнизон до 80 человек.

Вторая полоса обороны проходила в 20—30 км от первой, была построена на выгодном естественном рубеже, являлась основой обороны Карельского перешейка. В ней было большое количество долговременных железобетонных огневых сооружений и убежищ, и прикрывалась она сетью гранитных надолб, противопехотных заграждений и препятствий.

В узлах сопротивления и опорных пунктах этой полосы было до 12—14 дотов и 18—22 убежища на 1 км фронта.

Третья полоса проходила в 30—40 км от второй — по линии озер Вуоксинской водной системы, она также строилась по принципу опорных пунктов и узлов сопротивления, прикрывающих все основные дороги на Выборг, и частично состояла из восстановленных укреплений бывшей линии Маннергейма.

На Карельском перешейке располагались основные силы финской армии. Три пехотные дивизии и одна пехотная бригада занимали первую полосу обороны. В глубине, начиная со второй полосы и до Выборга, располагались резервы в составе двух пехотных и танковой дивизий.

Прорыв такой мощной, насыщенной войсками обороны требовал особо тщательной подготовки и значительного превосходства в силах.

Разведка до начала прорыва должна была вскрыть расположение всех огневых средств и особенно долговременных сооружений. С этой целью осуществлялось наблюдение обороняющимися частями и всеми войсками армии (в том числе дивизиями), которым предстояло прорывать оборону. Наблюдение велось непрерывно и тщательно. Наблюдательные посты и пункты возглавлялись офицерами. Я постоянно находился на наблюдательном пункте на переднем крае, осуществляя сбор и обобщение данных сведений. На каждое выявленное долговременное сооружение заводили формуляр (справку), и все добытые сведения заносились в эти формуляры и журналы наблюдения. Неоднократно было проведено сплошное воздушное фотографирование обороны противника, и аэрофотоснимками были обеспечены все командиры частей и подразделений. В полосе предстоящего наступления армии было обнаружено около 600 оборонительных сооружений.

Войска армии наносили главный удар силами 30-го гвардейского и 109-го стрелковых корпусов в направлении Белоостров, Выборг. 72-я стрелковая дивизия входила в состав 109-го стрелкового корпуса.

В наступлении на Карельском перешейке принимали участие около 7,5 тысячи орудий, более 600 танков и около 700 самолетов, что обеспечило 5–6-кратное превосходство в силах и средствах. На участке прорыва были созданы высокие плотности артиллерии, до 170–200 орудий на 1 км фронта.

В каждом полку создавались штурмовые группы — временные формирования, специально обученные блокированию и уничтожению отдельных опорных пунктов и огневых точек долговременного типа. Число и состав штурмовых отрядов в полках зависели от количества и характера опорных пунктов противника. В каждый из них выделялось от стрелковой роты до батальона, усиленных соответственно взводом (ротой) тяжелых танков, несколькими САУ, танками-тральщиками, одним-двумя взводами саперов, взводом ранцевых огнеметов и отделением (взводом) химиков для постановки дымзавес.

Штурмовые отряды и группы должны были первыми атаковать противника. Артиллерия и танкисты обучались стрельбе по амбразурам и колпакам. Для разрушения особо прочных сооружений, требующих длительного времени, предусматривался особый, предварительный период разрушения с привлечением орудий большой мощности, в том числе береговой и корабельной артиллерии.

Утром 9 июня началось предварительное артиллерийское и авиационное разрушение долговременных оборонительных сооружений. Оно продолжалось свыше 10 часов, на участке прорыва использовались авиация и до 240 орудий калибра от 122 до 406 мм. Только для разрушения дота «Миллионер» было израсходовано 96 снарядов. Управление артиллерией было централизовано, им руководил командующий артиллерией армии генерал-лейтенант М.С. Михалкин.

Эффективной была проведенная вечером в этот день разведка боем передовыми подразделениями, она вскрыла систему обороны, и на некоторых участках удалось захватить первую траншею. По показаниям пленных, разведка боем была принята противником за начало общего наступления, его удалось отразить, и якобы не были приняты меры для подтягивания резервов.

С утра 10 июня после артиллерийской и авиационной подготовки продолжительностью 2 часа 20 минут наши полки перешли в наступление при поддержке массированного огня артиллерии и мощных ударов авиации. Дивизии 30-го гвардейского стрелкового корпуса, наступающие вдоль Выборгского шоссе, и 109-го стрелкового корпуса — по Приморскому шоссе, в первый день прорвали оборону финнов. 187-й стрелковый полк майора Е.А. Рябкова овладел станцией Оллила (Солнечная), а полк майора А. Мелехина — станцией Куаккала (Репино). Гвардейцы овладели сильным узлом сопротивления финнов Старым Белоостровом и в первый день продвинулись на глубину 10–15 км. Введя вторые эшелоны и отражая контратаки, на второй день 72-я стрелковая дивизия овладела городом Терийоки.

Разведка в ходе наступления вскрывала места уцелевших огневых точек, минно-взрывных заграждений, незанятые участки, своевременно обнаруживала подход резервов, а также отход

финнов. Разведчики часто действовали в боевых порядках наступающих частей.

14 июня после полуторачасовой артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации части 72-й дивизии штурмовали Кутурсельку, и к вечеру 133-й и 187-й стрелковые полки овладели ею.

Успеху наступления способствовало отражение контратак, в том числе частей бронетанковой дивизии «Лагуса», и умелый обходной маневр нашей 1-й танковой бригады из района Мустамьяки в район Лемиила, перерезавшей Приморское шоссе, а также ввод армейских резервов.

К исходу 17 июня наши дивизии на Выборгском направлении с ходу преодолели третью полосу обороны и преследовали разгромленные части финнов. В одном из боев разорвавшейся миной я был контужен.

20 июня 1944 года войска армии овладели городом Выборг.

Мощная оборона финнов на Карельском перешейке в течение десяти суток была прорвана, и сопротивление противника сломлено, что ускорило капитуляцию финских войск и вывод Финляндии из войны на стороне фашистской Германии.

Соединения и части, отличившиеся в боях при прорыве обороны на Карельском перешейке, получили названия «Ленинградских» и «Выборгских».

Подробно описал характер обороны финнов на Карельском перешейке и прорыв обороны, так как в предыдущих разделах рассказывал в основном о действиях разведчиков, а здесь хотел показать сложность и особенности прорыва сильной укрепленной обороны финнов.

Бытует мнение, что финская армия в 1944 году оказала слабое сопротивление по сравнению с зимней кампанией 1939—1940 годов. Да, финское командование своевременно отводило свои войска, когда им грозило уничтожение, но в этом и состоит искусство управления войсками. Финские солдаты сражались стойко вплоть до самопожертвования. Так, при захвате нашими разведчиками в плен финского прапорщика он, поднимая руки, незаметно выдернул чеку гранаты, висевшей на ремне, и когда разведчики подбежали, раздался взрыв, прапорщик погиб, а два

разведчика были ранены. Случаи подобного сопротивления были не единичными.

Позднее 72-я стрелковая дивизия в составе 21-й армии была переброшена на 1-й Украинский фронт.

В воздушно-десантной дивизии

В декабре 1944 года я был назначен начальником разведки 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Эта дивизия была сформирована в конце 1942 года на базе 7-го воздушно-десантного корпуса, она участвовала в боях на Северо-Западном фронте, прославилась в битве на Курской дуге, где ей пришлось в составе 13-й армии отражать главный удар наступающего противника в районе Поньри, Малоархангельск. Дивизия принимала участие в освобождении Украины, с боями преодолела Карпаты, действуя в составе 4-го Украинского фронта.

Командовал дивизией полковник Черный Степан Макарович, начальником штаба был полковник Шестаков Александр Иванович. После освобождения ряда городов Закарпатья и Венгрии дивизия вела бои на территории Польши и Чехословакии.

В январе 1945 года дивизия после освобождения городов Кошице и Прешов поступает в состав 95-го стрелкового корпуса и выводится в резерв фронта, совершает марш по территории Польши. В начале февраля с ходу вводится в бой в составе корпуса в центре полосы наступления 38-й армии в районе Чеховице, но, встретив упорное сопротивление противника на подготовленном рубеже, не добившись успеха, вынуждена была перейти к обороне.

Наши войска с выходом к границе Чехословакии и Польши с Германией встретили ожесточенное сопротивление, особенно на Цешинской земле.

Моравска-Оставский промышленный район являлся основным оставшимся каменноугольным бассейном, обеспечивающим Германию.

В Моравска-Оставе и в соседних городах Богумин, Карвина, Фридек, Цешин и других были военные заводы и десятки крупных

металлургических, машиностроительных, химических и других предприятий.

Моравска-Острава являлась крупным узлом дорог. Удержанию этого района немецкое командование придавало особо важное значение. Пленные показывали, что генерал Беккер, обращаясь к солдатам, говорил: «От Моравска-Оставской земли зависит немецкая промышленность. Если вы отдадите Моравска-Оставу, вы отдадите Германию».

Район Моравска-Оставы был превращен в мощный узел сопротивления, на некоторых направлениях глубина обороны достигала 6—10 км. Здесь имелось несколько линий траншей, противотанковые рвы, железобетонные колпаки, долговременные огневые сооружения и тянувшиеся на многие километры полевые укрепления, связанные системой огня и заграждениями.

10 марта началась Моравска-Оставская операция, наступление соединений 38-й армии, после прорыва первой позиции противника, было остановлено.

24 марта наша дивизия, действующая в составе 95 ск, после 45-минутной артподготовки и ударов штурмовой авиации перешла в наступление в направлении Зорау, Лослау, успешно прорвала оборону противника и, развивая наступление, вышла на подступы к реке Одер.

После отражения нашими войсками контрудара противника дивизия, преодолевая сопротивление отходящих подразделений, в первых числах апреля с ходу форсировала реку Одер.

Затем дивизия принимает участие в штурме города Моравска-Острава и овладении городом Цешин.

В Пражской операции дивизия участвует в овладении городом Оломоуц и, развивая наступление, устремляется в направлении Пардубице, Прага. Принимает участие в ликвидации крупной группировки немецко-фашистских войск, отказавшейся капитулировать и рвавшейся на запад, завершая освобождение Чехословакии.

Двадцать один раз Верховный Главнокомандующий в годы войны объявлял благодарность воинам-гвардейцам нашей дивизии. Дивизия и все наши полки были удостоены почетных наименований и награждены орденами. Дивизия получила наименова-

ние «Проскуровская», 4-й и 5-й гвардейские воздушно-десантные полки — «Мукачевские», а 7-й гвардейский воздушно-десантный полк и 3-й гвардейский артиллерийский полки — «Ужгородские».

* * *

Позволю несколько подробнее остановиться на боевых действиях, в которых нашей дивизии пришлось принимать участие на завершающем периоде войны в составе 1-й гвардейской, 38-й и 18-й армий 4-го Украинского фронта в 1945 году, и ведении разведки.

На заключительном этапе войны, в 1945 году, боевые действия войск во многом отличались от действий в предыдущие годы, и обстановка была иной. Наши войска вели наступление и лишь изредка временно переходили к обороне при удержании плацдармов и отражении контрударов. Наступающие стрелковые соединения и части усиливались значительным количеством артиллерии, танков, и их действия часто поддерживала авиация.

Командиры и штабы всех звеньев приобрели значительный боевой опыт. Потери наших войск, по сравнению с прошлыми годами, были в два-три раза меньшими. Однако по-прежнему наши дивизии имели большой некомплект личного состава.

Важность фронта, того или иного направления, характер театра военных действий оказывали влияние на боевые действия войск. Характер действий войск фронтов и проводимые операции на берлинском направлении отличались от действий войск нашего 4-го Украинского фронта. У нас было меньше войск, артиллерии и танков и темпы наступления были менее высокими. Однако наступающим дивизиям и полкам везде было нелегко, требовалось вести напряженные бои, преодолевая упорное сопротивление противника. Характер командира, его подготовка также оказывали определенное влияние на организацию и ведение боевых действий соединений и частей.

Командир нашей 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковник С.М. Черный недолюбливал бумажную работу, но умело проводил организацию боя на местности. Перед наступлением с наблюдательного пункта уточнял командирам

полков направление наступления, разграничительные линии, боевые задачи, порядок действий, районы массированного огня артиллерии.

Планирование боевых действий осуществляли начальник штаба дивизии полковник А.И. Шестаков и начальник оперативного отделения Т.В. Пономарчук. Комдив, доверяя штабу, подписывал все разработанные боевые документы. Значительную работу по организации боя проводили опытные командиры полков И.Н. Дружинин, В.Е. Савченко, А.О. Чудинов и начальник артиллерии М.П. Бормонтов. Мне, дивизионному инженеру Яновскому и начальнику связи Волосенцеву обычно никто указаний не давал, свои обязанности мы знали и делали все необходимое, что требовала обстановка и предстоящие действия.

Боевыми действиями комдив руководил, находясь на наблюдательном пункте, он ругал командиров полков за медленное продвижение или недостаточно стойкие действия частей при отражении контратак и удержание рубежей. Иногда, когда комдиву звонил командующий армией, особенно при неуспехе, он просил сказать, что выехал в полки, или поручал мне доложить сложившуюся обстановку. Он также побаивался, что его будут ругать за неуспешные действия частей и неграмотные выражения подобно — «5 км юго-севернее...» и т.д. Так что иногда мне приходилось разговаривать с командиром корпуса и командующим армией и докладывать обстановку.

Запомнились многие бои. На подступах к реке Одер противник прочно удерживал гряды высот. На одной из них особенно сильный огонь вел пулемет, расположенный в небольшой роще под огромным камнем (валуном). Его не смогли уничтожить минометчики, орудия били по нему прямой наводкой, а пулемет все стрелял, не давая возможности продвигаться нашей пехоте 7-го полка. На левом фланге огонь был слабее и имелись относительно скрытые подступы, заросшие кустарником, я направил туда небольшую группу разведчиков во главе с Загоскиным, они обошли пулеметчиков, вышли им в тыл и уничтожили своим огнем и гранатами.

Выйдя к реке, разведчики скрытно вели наблюдение, устанавливали расположение противника, места его огневых средств

и заграждений. Одной из разведгрупп удалось переправиться через реку и захватить пленного. По показаниям пленного и данным наблюдения, немцы занимали оборону небольшими силами (до батальона). Немецкие части были разгромлены на восточном берегу, а резервы из глубины подойти не успели.

Мы с разведчиками вели наблюдение, переправили еще одну разведгруппу на западный берег, выбрали удобный участок для форсирования реки частями дивизии.

Начальник штаба 2 гв. влд полковник Шестаков в наградном листе в представлении меня к ордену Красного Знамени писал: «...В период наступления дивизии от Зорау до Одера и в боях за переправу через реку Одер т. Малашенко всегда находился с передовыми подразделениями и там непосредственно организовывал и лично сам проводил разведку, в результате чего своевременно путем поимки пленных устанавливал подход новых частей противника...» (личное дело с. 43...).

Наши передовые подразделения форсировали реку Одер на подручных средствах, используя плоты и лодки. Разведчики разведроты первыми форсировали реку. После переправы передовых подразделений полков первого эшелона противник на стыке с частями соседней дивизии предпринял сильную контратаку силами 10 танков и полка пехоты. Переправившиеся подразделения начали отходить. Мы с разведчиками пытались приостановить их отход и вынуждены были вступить в бой. Положение спасли огонь нескольких переправившихся орудий истребительно-противотанкового дивизиона майора Ф. Кузнецова, залпы «катюш» с нашего берега и удары штурмовой авиации. Совместными усилиями контратака противника была отражена.

Ожесточенные бои разгорелись на подступах к Моравска-Острове в районе Карвина. Перешедшая в наступление вместе с частями нашей дивизии 1-я чехословацкая танковая бригада сразу же потеряла 17 танков. Их подбили «фердинанды», окопавшиеся на опушке леса, места их позиций было очень трудно установить. После их обнаружения и уничтожения двух «фердинандов» массированным огнем и ударами авиации наш 4-й полк и 1-я танковая бригада майора В. Янко смогли продолжать наступление.

* * *

Наши дивизии и полки в годы войны добывали большинство сведений о противостоящем противнике своими силами и средствами. Наблюдение являлось основным способом разведки, им определялись места огневых средств и заграждений противника, расположение его подразделений и характер действий противника. Хорошо вели наблюдение артиллерийские части и подразделения, они были оснащены оптическими приборами: биноклями, стереотрубами и другими. Без данных о целях артиллеристы не могли вести прицельного, эффективного огня. Данные о расположении артиллерийских батарей добывались средствами звуковой разведки. Сведения о расположении и характере заграждений также добывали саперы.

Группировку противника, нумерацию частей и его намерения мы вскрывали по показаниям пленных, перебежчиков, партизан и местных жителей, а также по захваченным документам. Для захвата пленных систематически проводились поиски, налеты, засады, а иногда разведка боем.

Данные воздушной разведки, в том числе аэрофотоснимки, штаб дивизии получал от штаба армии, а также авиапредставителей и самолетов, ведущих разведку, передаваемые ими по радио. Воздушная разведка скрывала расположение и движение войск противника, начертание оборонительных рубежей, их характер, занятость войсками, подход резервов, расположение огневых средств, сооружений, заграждений, а также пунктов управления.

К концу войны большинство командиров и штабов соединений и частей понимали, что для успешного ведения боевых действий необходимо организовывать и непрерывно вести разведку. Командиры или начальники штабов давали указания по разведке, а начальники разведки организовывали разведку. Планы разведки разрабатывались при подготовке наступления на глубину полученной боевой задачи, а в обороне — на определенный срок. При этом планом определялись цель, задачи разведки, их исполнители, сроки и способы выполнения задач. Для разведывательных подразделений дивизии и полков определялись районы, способы и время действий. Хорошо была организована разведка в 4-й

и 7-й гвардейских воздушно-десантных полках нашей дивизии, где начальниками разведки были А.Н. Осичкин и И.В. Мещеряков (в послевоенные годы ставший крупным ученым, Героем Социалистического Труда, генералом).

Разведчики всех полков и дивизии приобрели значительный боевой опыт и, как правило, действовали умело и храбро. Разведчики дивизии: капитан Алексей Рогов, младший лейтенант Федор Ненашев, старшина Григорий Шекера, сержанты Николай Симоненко, Анатолий Терновенко, Михаил Ураймагов и другие — не раз отличались в боях и за умелые действия и героизм были награждены несколькими орденами.

Когда требовалось захватить пленного, разведчики, совершая налет или проводя поиск, обычно действовали при поддержке огня артиллерии, при этом снарядов имелось большое количество. При захвате пленного на переднем крае разведчики во главе с капитаном Роговым совершили дерзкий налет на противника днем во время принятия им пищи. Большинство поисков проводилось ночью.

Успешным был поиск, проведенный и разведчиками во главе с Григорием Шекерой накануне наступления под Павловицами (Польша) в марте 1945 года.

Шекера с четырьмя разведчиками ночью, в пургу бесшумно проникли в траншею, по ней приблизились к наблюдателям, те приняли их за своих. Разведчики совершили нападение, одного солдата захватили, без выстрела уничтожили второго и бесшумно отошли. Огня для обеспечения отхода группы вызывать не потребовалось.

С переводчиком ждал группу на нашем переднем крае. Пленный 464-го пехотного показал, что главные силы полка отошли на 8—10 км в глубину на подготовленный рубеж, проходящий за железной дорогой.

Наши войска через несколько часов должны были перейти в наступление. Комдив доложил командующему, дал свой автомобиль и нас с пленным направил на командный пункт армии. В пути услышали гул нашей начавшейся артиллерийской подготовки. Когда мы прибыли на командный пункт, я пытался доложить эти данные командующему 38-й армией генерал-полковнику

К.С. Москаленко, он выругался и сказал, что пленные и разведчики все врут, и нас послал... обратно в дивизию.

В действительности артиллерийская подготовка, как потом убедились, была проведена по незанятым позициям противника. Тысячи снарядов, доставленные с большими трудностями через Карпаты, оказались израсходованными по пустому месту.

На рубеже железной дороги противник остановил наши наступающие войска. Операция успеха не имела.

К.С. Москаленко в своих послевоенных мемуарах «На Юго-Западном направлении», вспоминая неудачное наступление войск армии, начавшееся 10 марта, отмечал, что «разведка не обнаружила намерение вражеских войск оставить свои позиции на переднем крае обороны» (М.: Наука, 1972. С. 564). В то же время в Центральном архиве Министерства обороны хранятся показания пленного фельдфебеля, командира взвода 464-го пехотного полка. «9 марта в 24.00 было получено сообщение, что русские утром начнут наступление. Нам было приказано в 4 часа по немецкому времени очистить первую траншею, оставив в ней одно отделение»¹.

Как свидетельствуют отчеты по войсковой разведке армии 4-го Украинского фронта, которые мне довелось читать позднее, работая в Генеральном штабе, а также хранящиеся в архиве Министерства обороны, разведка в нашей дивизии была хорошо организована и проводилась успешно. Привожу выписку из одного сохранившегося фронтowego отчета за март 1945 года: «...Лучшим разведорганом за отчетный период по вопросам организации, планирования и ведения войсковой разведки показало себя разведотделение штаба 2 гв. вдд, где НО-2 гв. майор Малашенко, у него отлично поставлена разведка. Систематически захватывались пленные. Это говорит о том, что тов. Малашенко лично занимался организацией и контролем разведки»².

Однако на войне, к сожалению, имели место случаи невыполнения боевых задач разведчиками.

На должность командира разведроты дивизии, после ранения капитана Рогова, был назначен бывший командир разве-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 9005. Д. 305. Л. 16.

² ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 9007. Д. 79. Л. 149, 152.

дроты 1-й гвардейской армии. Он прибыл на тройке лошадей, вместе с «женой», имел молодцеватый вид боевого командира. Однако, как выяснилось позднее, он систематически стремился уклоняться от выполнения боевых задач и к обману, ни одного задания не выполнил. Хотели предать его суду, но ограничились отстранением от должности. Вместо него был назначен храбрый казах капитан Байтенов, заместитель командира батальона 4-го гвардейского воздушно-десантного полка. Вспоминаются и другие досадные эпизоды. Однажды разведгруппа во главе с сержантом Земзюлиным передавала по радио данные из тыла противника; в действительности она находилась в расположении нашего полка в районе Рудзица, вела наблюдение с костела и брала данные у начальника разведки полка, находящегося в этом же костеле.

Нелегкая и беспокойная была служба и жизнь у начальника разведки дивизии.

Будучи начальником разведки, мне часто приходилось бывать на переднем крае, много дней и ночей находиться на командно-наблюдательном пункте (КНП). Когда командир дивизии уезжал в штаб дивизии, мне часто приходилось оставаться на КНП старшим. Только в дни затишья находился в штабе дивизии. Но и там иногда доходило до смешного и курьезов. Когда где-нибудь начиналась сильная перестрелка, меня обычно будили и спрашивали: «Где, кто и почему стреляют?» Зная противника, его повадки и в целом обстановку, с ходу обычно давал правильный ответ, так как жил этой обстановкой, имел хорошую память, ежедневно общался с разведчиками и систематически вел наблюдение за действиями противника. Когда я отсутствовал в штабе, находился на наблюдательном пункте или в районе действий разведчиков, то меня разыскивали телефонисты, и если находили, начальству докладывал обстановку и часто получал указания: уточнить или выехать на место разобраться и доложить. В сложной обстановке, при контратаках противника, меня обычно направляли с разведчиками оказать помощь в их отражении; при задержке продвижения наступающих частей дивизии — передать требования комдива и заставить продолжать наступление, при отходе — остановить отходящие подразделения. И часто все это происходило ночью.

После этого иногда мне удавалось отоспаться на командном пункте в штабе дивизии.

В годы войны мне приходилось встречаться с некоторыми военачальниками, разговаривать с ними и докладывать обстановку. Уже писал, что в 1942-м под Холмом сопровождал генерала армии К.А. Мерецкова. В апреле 1943 года докладывал командующему войсками Северо-Западного фронта генерал-полковнику И.С. Коневу, прибывшему на командный пункт дивизии.

В начале марта 1945 года на командно-наблюдательный пункт нашей 2 гв. влд неожиданно прибыл командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал армии И.Е. Петров с небольшой группой генералов. Он был одет в кожаный реглан без погон, тепло поздоровался, спросил комдива полковника С.М. Черного, своего старого сослуживца по фронту, о готовности к наступлению, его просьбах. После непродолжительной работы со своими генералами, прощаясь, пожал нам руки, пожелал успеха. От этого посещения осталось теплое, приятное впечатление.

Вспоминаются приезды некоторых моих начальников из вышестоящих штабов. Летом 1943 года в штаб нашей 15-й гвардейской морской стрелковой бригады приехал старший помощник начальника разведотдела штаба 22-й армии подполковник Запорожский. Он окончил Высшую разведшколу, имел большой боевой опыт, дал ряд полезных советов, показал, как надо лучше вести рабочую карту, составлять план разведки и другие боевые документы, я был благодарен ему за эту помощь.

На Ленинградском фронте в апреле 1944 года в дивизию, в которую я недавно был назначен, прибыл начальник разведки корпуса подполковник Резник, стройный, подтянутый, в кавалерийской тужурке-венгерке (казакине), кубанке, с маузером. Ему не понравились занятия, проводимые командиром разведвзвода, внешний вид некоторых разведчиков и неправильные действия одного из сержантов. Я необдуманно сказал, что все это мелочи, главное боевой дух разведчиков и их умелые действия в бою. Он меня стал ругать за плохую организацию подготовки разведчиков к предстоящему наступлению, дескать, это может привести к неуспеху действий наших войск и т.д., грозился поставить вопрос об отстранении от должности. Моему начальству, со слов помощника, наговорил черт знает что.

Тепло вспоминаю начальника разведотдела штаба 3-й Ударной армии полковника Игоря Владимировича Сухацкого, сменившего его Владимира Климентьевича Гвозда и его заместителей подполковников И.А. Алешина и А.В. Таранцева, они всегда были внимательны, понимали трудности и давали практические деловые советы по организации действий разведчиков.

* * *

Война показала, что без сведений о противнике, его силах, расположении и намерениях, а также о местности командир не способен принять целесообразное решение и успешно вести боевые действия.

Одной из причин неудачных боевых действий наших соединений и частей была плохая организация и ведение разведки, незнание противостоящего противника.

В оперативно-тактическом звене слабая разведка огневых средств не позволяла использовать артиллерию и авиацию для подавления противника. Отсутствие данных о расположении резервов, их подходе, а также несвоевременное обнаружение перегруппировки часто приводили к внезапным действиям противника.

Войсковую разведку вели все соединения и части и их разведподразделения при подготовке и в ходе боевых действий. Они добывали большую часть всех сведений о противостоящем противнике: его силах и средствах, характере действий, расположении огневых средств, оборонительных сооружений и заграждений.

Наши армии и стрелковые корпуса средств разведки не имели.

Соединения и части имели небольшое количество штатных разведподразделений. В стрелковых дивизиях были разведроты численностью (в зависимости от штата) 68 — 103 человека, в полках, взводы разведки по 20—36 человек.

Разведывательные подразделения выполняли основные задачи разведки: вели наблюдение, проводили поиски и засады для захвата пленных и документов, вскрытия нумерации частей, расположения резервов, пунктов управления и намерений противника.

Отсутствие в наших разведподразделениях технических средств разведки, радиостанций и автотранспорта (бронемашин

и мотоциклов) снижало подвижность и эффективность действий, глубину и темпы ведения разведки. В ходе наступления наших войск противник нередко отрывался от разведподразделений.

В дивизии имелись подразделения артиллерийской, инженерной и химической разведки. Артиллерийские части постоянно вели разведку, используя средства оптической звуковой и инструментальной разведки, в саперных подразделениях имелись миноискатели, перископы и дальномеры. Для добывания необходимых сведений командирам и штабам требовалось согласованное использование всех сил и средств разведки.

Основными способами войсковой разведки были наблюдения, поиски и засады, много сведений добывалось боевыми действиями войск.

Успешных поисков и налетов за годы войны припоминается не много. Часто поиски были безуспешными, заканчивались неудачами и большими потерями. Чтобы захватить пленного, в обороне мы теряли десятки разведчиков.

Мною были приведены многочисленные примеры для того, чтобы читатель представил всю сложность действий разведчиков.

После войны некоторые разведчики стали говорить, что они, действуя в поиске, захватили несколько десятков «языков» (пленных). Мне кажется, что они преувеличивают, все разведчики полков, бригады и дивизий, в которых мне приходилось служить, за все годы войны не захватили такого количества пленных.

В газете «Красная звезда» накануне 50-летия Победы сообщалось, что начальник разведки дивизии в Берлине 2 мая один пленил и разоружил гитлеровцев численностью до 3 тысяч человек. Он, вероятно, принял их капитуляцию, конечно, нельзя считать, что он захватил столько пленных.

Вся служба в разведке свидетельствует, что профессия разведчика, конечно, специфическая. Разведчик часто рискует жизнью, испытывает трудности и лишения.

Разведчику на переднем крае и в тылу противника почти всегда приходится действовать в сложной обстановке, быть начеку, чтобы не быть застигнутым врасплох. Везде и всегда он может встретиться с противником, трудно определить, откуда появится

враг. Даже там, где его не было час или несколько минут назад, он может появиться.

Разведчику надо постоянно вести наблюдение, проявлять бдительность, не расслабляться, быть в готовности открыть огонь, затаиться или изменить направление движения. Ему приходилось много передвигаться ползком, подолгу лежать на снегу, а иногда в воде.

А сколько особенностей в движении разведчика. Вблизи противника он идет осторожно и бесшумно, всматривается в следы перед каждым новым шагом. Идя через лес или кустарник, сухие ветки, мешающие движению, он огибает или отцепляет от обмундирования и делает следующий шаг... Он должен уметь по малейшим признакам обнаружить установленную мину, обезвредить ее или обойти. При движении и в засаде он не разговаривает, кашляет в платок или шапку, летом и зимой ему приходится часто спать на земле (снегу) в обнимку с автоматом.

Разведчик надеется только на себя, ему нельзя ждать ни от кого помощи и поддержки, кроме своего товарища-разведчика.

Многие считают, что действия разведчиков всегда сопряжены с приключениями. Но в действительности разведчикам часто приходилось действовать самыми простыми и скучными методами: часами и сутками наблюдать, выслеживать, выжидать, проявлять выдержку и терпение.

Часто союзником разведчиков была ночь. Конечно, в светлое время можно все рассмотреть, легче передвигаться вне долог и в лесу, но увеличивается опасность быть обнаруженным противником и местными жителями. Поэтому при проведении поиска, проникновении через передний край и боевые порядки противника, подходе к объектам и нападении на них, как правило, используется темное время и ненастная погода. Были, конечно, случаи совершения дерзких налетов на противника и днем, мною уже приводились некоторые примеры.

На войне нет легких дел, но не много найдется таких задач, которые требовали бы от человека столько мужества, выдержки, находчивости и умения владеть собой, какие присущи разведчикам.

В разведку всегда отбирали наиболее смелых и решительных, со здравым смыслом людей, физически выносливых, стойких

духом солдат и особенно командиров. Командиров разведывательных рот и взводов отбирали из лучших офицеров других подразделений или выдвигали на должности младших командиров сержантов-разведчиков, неоднократно проявивших храбрость, смекалку, волю и решительность при действиях в разведке, пользующихся авторитетом у подчиненных. Командир в разведке всегда на виду, и разведчики сразу видят, чего он стоит. Ему нельзя укрыться за спинами солдат, отсидеться в овраге, спрятаться в блиндаже или здании. Он всегда действует вместе с разведчиками, руководит их действиями и отвечает за жизнь каждого, вынос раненого и убитого разведчика.

Одна из традиций разведчиков — стремление после ранения или болезни, несмотря на сложности, возвратиться в свою часть и подразделение. Из госпиталя разведчики писали письма не только своим родным, но и товарищам по службе. В свою очередь письма в госпиталь командиров и товарищей способствовали выздоровлению, возвращению в свои части и поддержанию традиций. Некоторые разведчики возвращались в свою часть неоднократно. Были случаи, когда они убегали из частей другого фронта, и мы потом сообщали, что он служит у нас и воюет с немцами.

Опытный разведчик, возвратившийся в свою часть, стоит двух-трех молодых солдат, которым предстоит научиться воевать и усвоить приемы действий и традиции разведчиков. Конечно, были случаи, когда возвратившиеся разведчики, особенно к концу войны, проявляли излишнюю осторожность...

Разведчики на войне пользовались особым уважением. Но некоторые из них несколько свысока, без почтения относились к солдатам других профессий и родов войск, даже таких, как пехота и артиллерия, а саперов и связистов признавали только тех, которые ходили с ними в разведку. Считали, что эти солдаты не встречаются один на один с врагом, действуют в составе подразделений, а там не видно, чего он стоит как боец, и никогда не переживают своеобразных волнений, потрясений и радостей, присущих разведчикам. Особенно они были горды после захвата «языка» или возвращения из тыла противника.

С еще меньшим уважением они относятся к людям, совсем не видавшим боя и войны. Мне приходилось убеждать упрямых

и задиристых разведчиков вести себя достойно, «не ослаблять гайки», никакая отвага и никакие успехи не могут оправдать зазнайство и нарушение порядка.

Но в душе всегда гордился своими разведчиками, проявлял о них заботу, представлял к наградам и берег их жизни. Приходилось, конечно, иногда, после какого-нибудь происшествия, говорить разведчикам, что они заслужили право гордиться своей профессией, своим прошлым, но сейчас о вас судят по поведению, соблюдению формы одежды. И тот почет, которым вы пользуетесь, в значительной степени завоеван и теми, кто погиб в бою.

Всегда стремился, в том числе и в мирное время, чтобы разведывательные части и подразделения были лучшими в соединении. И, конечно, был горд успехами, которых они добивались. В последующем свое доброе отношение и любовь к боевым разведчикам перенес на разведчиков «спецназа» и десантников. Их роль и трудная служба заслуживали этого. Справедливы слова песни: «Есть десантные войска, и нет задач невыполнимых». При подготовке разведчиков требовал, чтобы они постоянно были готовы к выполнению даже невыполнимых задач.

После войны всегда отмечал важное значение разведки. Как известно, ни один бой или операцию нельзя успешно провести, не располагая данными о противнике. Даже ни один приказ войскам не разрабатывался без учета добытых разведчиками сведений о противнике, а ведь эти сведения доставались непросто.

Без непрерывной и всесторонней разведки нельзя успешно вести боевые действия и победить врага.

Маршал А.М. Василевский писал: «Разумеется, сражение выигрывает не разведчик, а армия. Но разведчик, как показывает опыт, не последний, а передовой боец в цепи ведущих наступление»¹.

Преданность Родине, особый отбор личного состава для действий в разведке позволили выполнить сложные задачи, которые ставило командование перед разведкой. В годы войны многие командиры соединений и частей заботились и оказывали постоянную помощь разведподразделениям в укомплектовании личным

¹ Люди молчаливого подвига. М., 1975. С. 5.

составом, оснащении оружием, приборами наблюдения, обеспечении имуществом, продовольствием и награждали разведчиков. Разведчики, в свою очередь, стремились быть всегда на высоте предъявленных требований.

Несколько слов о фронтовых буднях и быте

Моральный дух и настроение солдат и офицеров соединений и частей в действующей армии был удовлетворительным. Конечно, в начале войны сказывались последствия наших неудач на фронтах. Большие потери в частях и подразделениях, многие бессонные ночи, изнурительные марши в непогоду также оказывали некоторое влияние на настроение, и иногда оно было подавленным.

После успехов наших войск под Москвой и Сталинградом моральный дух личного состава повысился. В разговорах солдаты и офицеры часто ругали войну, проклинали фашистов, спрашивали, когда она кончится.

Но все понимали, что надо воевать, освободить нашу землю, так немцы сами не уйдут.

Каждый надеялся, что ему повезет и удастся выжить, а если ранят, то на некоторое время получают передышку.

Наша дивизия два года находилась на переднем крае, на отдых, в тыл не отводилась, полки и батальоны выводились во второй эшелон или резерв на одну-две недели. Здесь иногда проводились тактико-строевые занятия и учения.

На переднем крае офицеры учили солдат обращению со своим оружием, метко стрелять, отрывать окопы и строить простейшие укрытия, а также бдительно нести службу.

Боевой дух в разведподразделении был высоким и во многом зависел от командиров подразделений. В разведподразделениях, где командиры сами действовали смело и решительно, их действия были примером для разведчиков. Разведчики их уважали и стремились проявить храбрость и успешно выполнять поставленные задачи, не щадя сил и рискуя жизнью.

В разведзвездах, стрелковых и других подразделениях частей из-за больших потерь и частой смены личного состава труднее

было создать сплоченные коллективы в подразделениях и поддерживать традиции.

На войне отношения офицеров с солдатами были нормальными, солдат не унижали. В разведподразделениях старались относиться к ним уважительно, иначе было немислимо, ведь завтра им предстояло действовать вместе, помогать и выручать друг друга.

Штабы соединений, частей и разведподразделения стремились размещаться в населенных пунктах, если начальство разрешало, а авиация противника не проявляла активности, но чаще приходилось им располагаться в лесах, оврагах.

В обороне солдаты отрывали окопы, траншеи, ходы сообщения, а для укрытия и отдыха командиров частей и подразделений строили блиндажи. Все работы производились вручную, инженерных машин в частях не было.

На Северо-Западном фронте высокие грунтовые воды вынуждали строить оборонительные сооружения насыпным способом и настилы, постоянно откачивать воду, только на высотах удавалось глубже зарываться в землю.

Разведподразделения — разведроты дивизии и разведвзвода полков стремились жить, размещаться и питаться автономно. Они имели одно преимущество перед пехотой (стрелковыми подразделениями) — иногда, после выполнения задания, имели несколько часов или суток кратковременного отдыха, находились в 2—3 км от переднего края, вблизи расположения штабов.

Разведчики самостоятельно получали со складов продовольствие и обмундирование, имели небольшую кухню и своего повара (обычно выздоравливающего после ранения разведчика). Командиры разведподразделений питались из одного котла и «ели из одного котелка». Мы, офицеры штабов, состояли на довольствии в роте связи, офицеры получали небольшой доппаек (40 граммов сахара, масло и консервы). Все фронтовики получали по 100 граммов водки, некоторые ее ждали с нетерпением.

В период напряженных боев обычно получали горячую пищу раз в сутки, она доставлялась в темное время. При выдаче концентратов солдаты их съедали сухими, а когда была возможность, варили в котелках и кипятили чай. Спать приходилось в уцелев-

ших зданиях (домах, сараях), землянках, блиндажах и шалашах, пехоте — в окопах и в поле. В бане мылись не часто, пользовались банями местных жителей, летом мылись в различных водоемах, в последние годы войны в медпунктах и медсанбатах появились душевые установки.

Зимы были суровые, холодные и снежные, особенно зима 1942 года. Всем было холодно, но привыкли, тяжелее всех было солдатам из южных районов страны, но мы радовались, что немцы еще сильнее мерзнут. Осенью часто шли морозящие дожди, сильной жары летом не помню.

Обмундирование наших солдат и офицеров было практичным, но не особенно приглядным. Большинство солдат ходили в ботинках с обмотками, полинявшем от солнца и пота обмундировании. Зимой все получали ватные телогрейки и брюки, шапку-ушанку и валенки, но не расставались с шинелями. Зимнее обмундирование было теплым, но не совсем удобным. Разведчики чаще имели кирзовые сапоги, бушлаты и маскхалаты.

Обмундирование немецких солдат было хорошим, но зимой 1941 года они оказались без теплого обмундирования, так как их командование намечало закончить войну к началу зимы. Немецкие офицеры были хорошо экипированы, почти каждый имел часы, перочинный нож, портсигар, авторучку, карманный электрофонарь, кремневую зажигалку, стеариновые свечи, дуст, губную гармошку, бумажник, котелок, флягу с фетровым чехлом и солдатскую книжку («Зольдбух»), Фронтовики получали через полгода пребывания на фронте 10-дневный отпуск, а у нас генералы его не имели всю войну.

Потери в бою, особенно вначале, мы переживали тяжело. Приходила мысль, что завтра-послезавтра тебя ждет та же участь. При неудачных боях на поле боя оставалось немало наших раненых и убитых, особенно они были заметны зимой, на снегу. Раненым оказывали помощь санитары, стараясь по возможности оттащить в укрытие, а затем доставить в медпункт. Погибших обычно ночью подбирали специальные команды и хоронили в братских могилах, но некоторые убитые долго оставались лежать в лесу, оврагах и болотах. Разведчики никогда не оставляли своих раненых и убитых.

Все на фронте ждали писем, но у многих родные и близкие остались на оккупированной территории, и писем от них они не получали.

Мои родители эвакуировались в Саратовскую область, и я переписывался с ними и некоторыми своими соучениками. Письма писал редко, когда было затишье на фронте и позволяла обстановка. О всех событиях сообщали отец и сестра. Они мне написали о смерти мамы в 1942 году и гибели на фронте старшего брата Александра. Адрес Тамары, будущей жены, запрашивал в Центральном эвакубюро несколько раз, мне его сообщили весной 1943 года, и мы стали систематически переписываться. Она находилась в Казахстане, затем переехала с матерью к своей сестре в Тихвин.

На фронте часто искали земляков. При встрече с солдатами и офицерами спрашивали: «Ты откуда?» Надеюсь встретить кого-нибудь из родных мест.

В годы войны дважды встретился со своими нежинскими земляками, соучениками по школе. Осенью 1943 года в Торопце — с Володей Талесниковым, он был младшим лейтенантом, служил в каком-то интендантском складе, а в 1945 году на Одере — с сержантом-минометчиком Василием Рябухой. Часть, в которой он служил, поддерживала наступление нашей дивизии.

При затишье на фронте и на кратковременном отдыхе, в госпитале немного скрашивали жизнь получаемые газеты и письма. Газеты «Правда», иногда «Красная звезда» доставлялись довольно часто, но нерегулярно. Почта работала в основном нормально, но письма шли долго. С передовой писали редко, когда позволяла обстановка, в передышке между боями и на отдыхе. При отсутствии конвертов обычно складывали письмо треугольником и, написав на нем адрес, отправляли. Не помню, чтобы демонстрировались кинофильмы и проводились какие-нибудь культурно-массовые мероприятия. Они, вероятно, проводились в частях, расположенных в тылу, вдали от передовой. Вспоминаю, что в годы войны при вручении партбилета смотрел кинофильмы «Свинарка и пастух» и «Битва под Москвой». Дважды приезжали делегации шефов из Ивановской области и из Монголии. Они привозили и вручали различные подарки и сувениры (мыло, бритвы, рукавицы, теплые

носки, полотенца, носовые платки, конверты, консервы и конфеты). Те, кто их получал, делились со своими товарищами.

Военнослужащих-женщин в боевых частях было не много, и мне кажется, что им было очень трудно и не место на передовой. Они должны служить в тылу, в медицинских и тыловых частях и учреждениях, в крупных штабах и подразделениях связи.

Некоторые начальники быстро устанавливали близкие отношения с женщинами, и они становились их «полевыми женами».

Говорили, что в тылу, в госпиталях, банно-прачечных отрядах, где женщин было много, некоторые из них часто встречались с офицерами и солдатами. Нередко офицеры и солдаты стремились сблизиться с местными жительницами, соскучившись по женской ласке или не в силах сдержать страсть.

Иногда они знакомились заочно и поддерживали переписку по почте, некоторые после войны встретились.

О боевых действиях войск

Вспоминая годы войны, хотелось бы высказать некоторые наблюдения и впечатления о боевых действиях наших и немецких войск.

В годы войны немецкие солдаты и офицеры хорошо воевали. Немецкий солдат был обучен, умело действовал в наступлении и был стойким в обороне.

Большую роль в бою играли унтер-офицеры.

Некоторые немецкие офицеры и солдаты несколько превосходили наших в тактическом отношении, имели более высокий уровень общей подготовки, лучше знали технику и свое оружие.

Дисциплина и исполнительность у немцев заложена историческим развитием. Первоначально у них было больше боевого опыта, их боевые уставы были тщательно разработаны. Вначале немцы имели высокий боевой и моральный дух, затем их сдерживал страх попасть в плен. До последнего дня войны немцы жестко и умело оборонялись. Многие немецкие офицеры умело организовывали бой.

Немецкая пехота была обучена, вела интенсивный огонь. Действовала настойчиво, стремительно в наступлении, упорно

оборонялась и проводила быстро и напористо контратаки, обычно при поддержке огня артиллерии, а иногда и ударов авиации. Пехота имела много автоматов, минометов, а также гранатометы «фаустпатроны».

Немецкие артиллеристы быстро открывали огонь и вели его иногда очень метко, особенно нам досаждали минометчики.

Танкисты настойчиво шли в атаку, ведя огонь с коротких остатков, и умело маневрировали.

В сложной обстановке, особенно при угрозе окружения, пехотные части, обычно ночью, совершали скрытый, организованный отход.

Немецкие солдаты и офицеры были запуганы разговорами о наших репрессиях, стремились всячески избегать захвата в плен и сами сдавались редко. Попав в плен, многие вели себя заискивающе и постоянно просили их не расстреливать.

Кстати, наши разведчики никогда пленных не расстреливали, зная цену каждого «языка», они их защищали при конвоировании в тыл от нападения и избиения нашими солдатами-тыловиками.

Немецкие летчики в первые годы войны действовали смело, дерзко, нередко беспощадно бомбили и обстреливали, действуя с малых высот, самолеты Ю-87, став в круг, сбрасывали бомбы на позиции нашей пехоты и артиллерии. Самолеты-разведчики «Рамы» систематически совершали разведывательные полеты.

Мне не часто приходилось видеть воздушные бои. Наши самолеты иногда прилетали небольшими группами (2–4 самолета) и барражировали, когда немецкие самолеты улетали. В 1942 году видел, как возвращались большие группы наших дальних бомбардировщиков после нанесения ударов по объектам в тылу противника.

Эффективно действовали в интересах войск наши штурмовики. Самолеты Ил-2 были основным средством поддержки войск в бою. Их объектами были пехота противника в окопах, в районах сосредоточения и на марше, вражеские танки и артиллерия.

Наша пехота была обучена слабее, некоторые солдаты огня не вели. Однако многие солдаты (которых в годы войны почему-то называли «славяне») нередко сражались героически. Конечно,

бывали случаи паники и преждевременного отхода. Иногда, в наступлении пехота под огнем залегала и ее поднять не могли никакие силы, пока немцы не прекращали вести огонь и не отходили.

Среди фронтовиков к нашей пехоте сложилось уважительное, теплое отношение из-за того понимания, что на долю нашей пехоты в минувшей войне выпали самые тяжкие испытания. Это стрелковые полки и батальоны, практически лишенные в первые месяцы войны поддержки танков и нередко артиллерии, неприкрытые от ударов с воздуха, обеспеченные далеко не всем, что требовалось для боя, на равных сражались с врагом, проявляя русский характер, упорство и самопожертвование. Солдаты в обмотках, в белых от солнца и соли гимнастерках, с винтовкой образца «дробь 30-го года», вернули забытое слово «гвардия», которым позднее гордились артиллеристы, танкисты и летчики. Потери в пехоте (как и среди разведчиков) в 5—10 раз превышали потери в других родах войск.

Нашей пехоте часто хорошо помогала артиллерия, особенно эффективным был огонь «катюш» (реактивных минометов) при отражении контратак противника и нанесении ударов по районам сосредоточения войск противника. При прорыве обороны в последние годы войны она прокладывала путь пехоте и танкам массированным огнем.

Наши войска успешно прорывали оборону, сосредоточив значительные силы и средства, создав многократное превосходство в пехоте, артиллерии, танках и авиации на участках прорыва.

Танковые подразделения при атаке действовали не всегда умело, некоторые механики-водители были подготовлены слабо. В оперативной глубине танковые части действовали стремительно.

Потери наших войск превышали потери противника.

Основную тяжесть войны вынесли солдаты и командиры боевых подразделений. Командиры взводов, рот (батарея), батальонов (дивизионов) и офицеры частей и соединений, непосредственно принимавшие участие в боевых действиях, постоянно находились на поле боя, под обстрелом противника. Они поднимали личный состав и сами участвовали в атаке, отражении

ударов противника; не допуская отхода, обеспечивали стойкость и упорство в обороне. Их роль в достижении успехов значительна. Многие из командиров погибли в боях.

У нас миллионы участников войны, но роль солдат и командиров боевых подразделений и частей особая, и заслуги многих несравнимы.

Многие наши солдаты и офицеры показали образцы стойкости и выносливости.

Даже немецкие генералы и офицеры нередко восхищались действиями и стойкостью наших солдат.

Оценивая боевые качества советских войск, следует исходить и помнить главный итог войны — несмотря на тяжелые условия, долгий путь, большой кровью мы разгромили немецко-фашистские войска и достигли Победы!

В последние дни войны

Война приближалась к завершению. Над цитаделью фашистского логова, Рейхстагом, в Берлине реял советский флаг. Немецко-фашистское командование продолжало оттягивать неминуемый конец Третьего рейха.

Ожесточенные бои продолжались на территории Чехословакии. Войска нашей 1-й гвардейской армии и чехословацкая танковая бригада овладели Моравска-Оставой и развивали наступление на Оломоци.

Войска группы армий «Центр» противника оказывали упорное сопротивление, и на отдельных участках они дрались с отчаянным иступлением.

Утром 7 мая 1945 года в штаб нашей 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии поступило распоряжение направить к 16.00 начальника разведки, переводчика и двух разведчиков в новом обмундировании на легковом автомобиле в штаб армии.

Вызов был необычным. Все, кому было известно об этом вызове, строили догадки, с какой целью нас вызывают. Одни говорили, что для связи с частями Чехословацкого корпуса, другие — возможно, для встречи с войсками союзников, а начальник штаба дивизии полковник Шестаков высказал предположение,

что, вероятно, потребуется предложить капитуляцию какой-то окруженной группировке.

Накануне был захвачен пленный немецкий офицер, он сообщил, что в Германии ведутся переговоры о капитуляции. Но так как противник перед фронтом нашей армии оказывал ожесточенное сопротивление, то к этим показаниям пленного отнеслись с недоверием.

Следовать со мной отобрал самых отважных разведчиков. Лейтенант Федор Ненашев и старшина Григорий Шекера были лучшими из лучших. Ненашев за успешные действия в разведке был награжден пятью орденами, в том числе двумя орденами Красного Знамени. Старшина Шекера — кавалер ордена Славы трех степеней и имел за храбрость еще много орденов и медалей.

Переводчик старшина Вадим Телешев тоже был не из робкого десятка, он не раз участвовал в захвате пленных и неплохо знал немецкий язык.

С трудом разыскали приличное обмундирование: мне свой новый китель дал подполковник Т. Пономарчук, разведчикам и водителю выдали новые гимнастерки, брюки и сапоги. На легкой машине мы направились в штаб армии.

«Держись, — на прощание, хлопнув меня по плечу, сказал начальник оперативного отделения Тимофей Пономарчук. — Помни, что мы десантники».

По дороге мы продолжали разгадывать причину нашего внезапного вызова.

Прибыли в штаб армии. Там уже собрались три или четыре такие группы, как наша, из других соединений армии. С некоторыми начальниками разведки дивизий был знаком, начались разговоры; они тоже не знали причины вызова. В установленное время — в 16.00 — нас приняли командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник А.А. Гречко и член Военного совета 4-го Украинского фронта Л.З. Мехлис. Присутствовали начальник штаба армии генерал-лейтенант А.Г. Батюня и начальник разведки полковник А.Е. Чеченцев.

Генерал-полковник Гречко сообщил, что наша миссия необычная. Советское командование во избежание бессмысленного

кровопролития решило предъявить ультиматум о капитуляции немецких войск. В связи с этим утром 8 мая мы должны направиться в качестве парламентариев к командующему группой «Центр» генерал-фельдмаршалу Ф. Шернеру и от имени командующего войсками 4-го Украинского фронта предложить сложить оружие и вручить требования о безоговорочной капитуляции.

Затем инициативу перехватил Мехлис. Он долго говорил о политическом значении нашей миссии, что немецко-фашистские войска под командованием Шернера еще не потеряли боеспособности, они еще дерутся и могут сопротивляться, а это новые жертвы нашего народа. Страна в развалинах, советских людей ждет мирный труд по восстановлению разрушенного народного хозяйства. Нам надо быть бдительными, готовыми к любой неожиданности. Затем он указал время перехода нами линии фронта, при этом несколько раз повторил — 7 часов по московскому времени.

Мы должны были выйти к этому времени к переднему краю противника, об этом немцам сообщит штаб фронта по радио.

Штаб Шернера располагался якобы в районе Яромерже (100 км северо-восточнее Праги).

Командование 4-го Украинского фронта предложило немецким войскам прекратить боевые действия и сложить оружие.

Текст ультиматума

«7 мая 1945 года в городе Реймсе главное командование немецких вооруженных сил подписало акт о безоговорочной военной капитуляции всех немецких войск как на Западном, так и на Восточном фронтах.

Акт о безоговорочной капитуляции вступает в силу в 23.00 8 мая 1945 года по среднеевропейскому времени.

Предлагаю:

1. Всем немецким военным частям, всем немецким солдатам, офицерам и генералам прекратить с 23.00 8.5.45 г. по среднеевропейскому времени всякие военные действия и сложить оружие.

2. К 7.00 9.5.45 г. по среднеевропейскому времени выслать от каждой дивизии на передний край по одному офицеру за получением моих указаний.

3. Предупреждаю, что в случае невыполнения немецкими солдатами, офицерами и генералами к указанному сроку моего требования прекратить военные действия и сложить оружие мною будет отдан приказ об уничтожении всех остатков немецких частей, противостоящих моим войскам».

После совещания наше настроение было приподнятым. Все были рады, что заканчивается война, что наступает конец немецко-фашистской армии, и гордились тем, что нам доверено важное задание быть парламентарями, возможно, здесь, под Прагой, будет поставлена точка в четырехлетней войне.

Вместе с тем нас тревожило — как встретят немцы. Их коварство знали — под Сталинградом, в Будапеште и других местах они расправились с нашими парламентарями. Понимали, что должны проявить смелость, настойчивость и своевременно выполнить почетную задачу.

Изучив по карте местность на направлении перехода линии фронта и выбрав маршрут движения, на рассвете мы двинулись в путь. Прошли через боевые порядки наших частей в 7.00 восьмого мая на легковом автомобиле с белым флагом и направились к немецким позициям.

Передний край немцев проходил по западному берегу реки Остривица. Подъехали к мосту, он был взорван, но немцы огня не открывали. Река была шириной до 30 метров, средств для переправы не было.

Поехали в объезд к месту, где на карте был указан брод. Однако там, при подходе к реке, несмотря на наличие белого флага, нас встретили предупредительным огнем. Пришлось возвратиться. Двинулись к другому пункту, где по имеющемуся мосту переправились через реку и выехали к переднему краю противника. Здесь подразделения немецкой пехоты занимали траншеи. На дороге нас остановил немецкий солдат и попросил следовать к командиру роты. Командир немецкой роты, обер-лейтенант, вышел навстречу из укрытия, отдав фашистское приветствие, и, выслушав нас, сказал, что ему ничего не было известно о нашем прибытии. Попросил подождать, он доложит об этом командиру полка. Пригласив в блиндаж, он позвонил по телефону и доложил

о нашем прибытии. Командир полка тоже ничего не знал и попросил подождать несколько минут.

Немецкие солдаты, узнав о нашем прибытии, все чаще, как казалось, с поводом и без повода подходили к блиндажу командира роты. Они еще не знали об окончании войны. Командир роты всех их отправлял на свои позиции, давал распоряжения к нему явиться позднее, в разговоры с нами не вступать. Нам он предложил кофе и сигареты.

Примерно через 10—15 минут раздался звонок. Обер-лейтенант переговорил по телефону и сообщил, что немецкое командование отказалось принять капитуляцию, части будут продолжать сопротивление и нам было предложено возвратиться в расположение своих войск. Я настаивал просить разрешить следовать дальше или доставить нас к командиру полка. Последовали переговоры по телефону, через некоторое время прибыл майор из штаба дивизии, и снова последовал прежний ответ, нас пропустить не разрешили и требовали возвращения, ссылаясь на распоряжение командующего фельдмаршала Шернера.

Мы сели в автомобиль и направились в свое расположение.

Немецкий пулеметчик сопровождал нас, наведя пулемет. Когда отъехали на 400—500 метров к лесу, он дал очередь, как оказалось, вверх или в сторону, так как позднее у нашей машины пробойн не обнаружили. На всякий случай мы увеличили скорость. Недалеко от нашего переднего края в своем расположении увидели машину с белым флагом, двигавшуюся нам навстречу. Встретивший нас представитель штаба армии подполковник Косарев сообщил, что фельдмаршал Шернер отказался принять капитуляцию, передал об этом по радио. Нам ехать к немцам не надо, а надлежит сдать пакет с ультиматумом и возвратиться в дивизию.

Мы сообщили, что уже были у немцев и только сейчас от них вернулись. Он посмотрел на часы и сказал, что сейчас 9 часов по московскому и 7 часов по местному времени и мы якобы только сейчас должны были выехать. Теперь это уже не имело значения.

Нам не пришлось до конца выполнить миссию парламентариев, но пережили мы немало.

Наши войска еще 9, 10 и 11 мая 1945 года вели бои, продолжали громить отходящие части и несли потери. Многочислен-

ная группировка войск группы «Центр» генерал-фельдмаршала Шернера, отказавшегося принять капитуляцию, рвалась на Запад, ее остатки через несколько дней бесславно закончили свое существование. Это были последние дни и часы войны с немецко-фашистскими захватчиками.

Народ Чехословакии нас встретил восторженно. На улицы выходила масса народу с цветами, различными угощениями, советскими и чехословацкими флагами и возгласами «Наздар!».

Такого ликования нигде ранее видеть не приходилось.

Вооруженные Силы Советского Союза совместно с армиями союзников разгромили немецко-фашистские войска и победили Германию!

Тепло вспоминаю всех своих сослуживцев, боевых друзей и товарищей, отважных разведчиков, своих командиров, погибших на фронте и оставшихся в живых, с кем мы вместе воевали и защищали нашу Родину.

Глава 3

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Война закончилась. Наступил долгожданный мир. В начале как-то не верилось, что не будет боев, гула орудий, новых смертей. Можно снова увидеть родные края, близких, быть вместе с женой, учиться, читать, ходить в кино, ночью спать.

После боев наша 2-я гвардейская воздушно-десантная дивизия находилась на территории Чехословакии, сосредоточилась в лесах южнее Высоке Мито, приводила себя в порядок, готовилась к возвращению на Родину. Отдых личного состава сочетался с занятиями и строевыми смотрами.

В начале июня дивизия начала совершать свой последний марш. Под Ченстоховом, в Польше, был получен приказ о расформировании дивизии. Личный состав и вооружение были переданы на укомплектование других соединений. Мне и некоторым командирам разрешили уехать в отпуск с последующим прибытием в отдел кадров округа (в город Львов). Домой поехал на трофейном легковом автомобиле, но на нашей госгранице машину, конечно,

отобрали, и было досадно, что похитили один из чемоданов, в нем находилось охотничье ружье, которое хотел подарить отцу, но не пришлось.

До Львова добрался попутным транспортом, там сел на московский поезд и прибыл в Нежин, где проживала жена с ее матерью, возвратившаяся из эвакуации, их дом был разграблен. Жена начала учиться в Нежинском педагогическом институте.

Город Нежин потерял свой прелестный облик, центр города был разрушен. Население очень изменилось, много было приезжих, а некоторые товарищи и знакомые погибли, или война разбросала их по разным местам. Но главное — мы встретились с женой и были вместе. О далеком будущем еще не думали, только мечтали, чтобы быть вместе и скорее наступила такая жизнь, какая была до войны. А пока было трудное время, карточки, теснота. Но все привыкли и смирились с трудностями, помогая друг другу.

В тот период наступил жизненный подъем мирного времени, каждый, казалось, хотел сделать приятное близким, сослуживцу, соседу или просто знакомому, кстати, это то, чего не хватает нам сегодня...

В Нежине стали встречаться соученики и товарищи, которые начали возвращаться с фронта и эвакуации. Мы с женой поехали в Конотоп, здесь жена моего брата Виктора со своими родителями пережили годы оккупации. Нас встретили хорошо, обильно угощали, но общего языка с родственниками мы не нашли.

Пролетел отпуск, надо было отправляться во Львов, где будет решаться вопрос о моей дальнейшей службе. Прибыл в отдел кадров округа, встретили неплохо и направили на комиссию. После войны при кадровых органах были созданы комиссии, которые должны были разобраться со всеми офицерами. С каждым офицером, независимо от занимаемой должности, беседовали и определяли его судьбу: то ли его уволить в запас или оставить служить в армии. Говорили, что был перечень специальностей, по которым в первую очередь увольняли офицеров для использования их в народном хозяйстве. Якобы были указания и другого рода, что молодых офицеров со средним образованием и боевым опытом, но не имеющих гражданской специальности, оставлять

в армии с учетом их возраста и перспективы в службе. Наверное, кадровики руководствовались этими положениями, определяя мою дальнейшую службу. В отделе кадров округа мне предложили должности: старшего помощника начальника разведки корпуса, начальника разведки дивизии (которая должна в ближайшее время освободиться) или поехать учиться в разведшколу. Хотелось учиться, считал, что это необходимо для дальнейшей службы в мирное время. Ускоренного курса военного училища и разведкурсов для этого было недостаточно. После уточнения личного дела и заполнив анкеты, ждал несколько дней и в августе был направлен на учебу в Москву в Высшую разведывательную школу Генерального штаба.

В разведшколе и Военной академии имени М.В. Фрунзе

Высшая разведывательная школа Генерального штаба размещалась в Филях, в военном городке. Летом школа выезжала в лагерь, расположенный в Загорянке, недалеко от города Щелково, куда прибыл для поступления на учебу. Абитуриентов было много. Прошел медицинскую комиссию, успешно сдал несложные экзамены по русскому языку (диктант) и тактике, прошел собеседование по истории партии и иностранному языку. Главным считалось пройти мандатную комиссию, ее возглавлял начальник школы генерал-лейтенант М.А. Кочетков, бывший в годы войны начальником разведотдела штаба фронта. В состав комиссии входили также представители Главного разведывательного управления Генштаба.

После уточнения некоторых анкетных данных, касающихся родителей и погибшего брата, задавались различные вопросы, в том числе по знанию географии, истории и литературы. Пройдя комиссию, был зачислен слушателем первого (западного) факультета. Многих отчислили. Из содержания вопросов, задаваемых на комиссии, представил себе, как много надо знать офицеру оперативной разведки.

В сентябре возвратились из летних лагерей в Филя и приступили к учебе. С первых дней учеба шла организованно и интен-

сивно. Вначале нам читали лекции, затем проводились семинары и групповые упражнения.

Учился старательно, много работал в часы самоподготовки.

В разведшколе учеба во многом напоминала учебу на разведкурсах в годы войны, кстати, курсы тоже были подчинены М.А. Кочеткову. Программа обучения в Высшей разведшколе была трехгодичной. Большое внимание уделялось разведывательной подготовке, страноведению и иностранному языку. Несмотря на ежедневные занятия, иностранный язык — французский, как и немецкий в средней школе, давался мне нелегко.

Среди слушателей школы много было участников войны. На учебу они прибыли с разных должностей, в большинстве это были начальники разведки соединений, частей и их помощники, но учились и начальники отделений разведотделов штабов армии и фронтов.

Нас, участников войны, не успевших еще как следует пожить и поработать в мирное время, поражали установленный порядок, четкое выполнение распорядка дня, чистота в аудиториях и учебных классах. Однако проживали мы в общежитии, в огромных помещениях, переоборудованных из казармы, без семей.

Наряду с учебой за месяц до ноябрьских и майских парадов на Красной площади ежедневно проводились тренировки к параду по два часа в день. Мы ходили на парад с клинками и со шпорами. Тренировки к параду проводил заместитель начальника школы генерал-майор И.А. Дударенко, он в 1941 году был заместителем начальника нашего Тамбовского пехотного училища.

Поставил себе задачу учиться отлично. Это требовало напряженной работы, большого труда, а также волнений перед каждым экзаменом (ведь любой преподаватель, даже в зависимости от личных симпатий и настроения, мог вместо отличной оценки поставить хорошую), но стремился стать отличником и получить как можно больше знаний. В процессе учебы на первом курсе многих слушателей отчислили, в том числе, как мне казалось, хорошо подготовленных, боевых офицеров по различным, часто непонятным причинам, некоторые из них через год-два поступили учиться в военную академию.

В разведшколе хорошо читали лекции по разведке полковники М.С. Шмелев (Герценштейн) и А.С. Дьяконов. Не повезло нам с преподавателями по тактической подготовке: наш тактический руководитель полковник М.Н. Новиков был слабым преподавателем, он не участвовал в войне, слепо придерживался методической разработки

По специальной агентурной разведке на первом курсе читались лишь обзорные лекции, практические занятия должны были проводиться в последующие годы обучения.

Хотелось бы отметить интересные практические занятия по военной топографии, их проводил бывший преподаватель нашего Тамбовского училища капитан Калистратов, который, конечно, всегда мне ставил отличные оценки.

Все мы разбивались на пары и, по заданию преподавателя, вооружившись кипрегелем, в течение нескольких дней осуществляли полуинструментальную съемку указанного участка местности и составляли топографическую карту. Это был большой и необходимый труд. Мы почувствовали, как составляется карта, наносятся на нее рельеф местности, местные предметы, и становилось ясным, как ее надо читать. На всем протяжении дальнейшей службы вспоминал всегда эти занятия, как только брал в руки карту, а это приходилось делать часто. Нас также научили читать и дешифровать аэрофотоснимки.

Летом 1946 года произошло важное событие — в Военной академии имени М.В. Фрунзе вновь был создан разведывательный факультет, половину слушателей, окончивших первый и второй курсы Высшей разведшколы, перевели в академию, а школу реорганизовали в Высшие академические курсы офицеров разведки.

Начальником Академии имени М.В. Фрунзе был генерал-полковник Н.Е. Чибисов, командовавший армией в годы войны.

Академия во многом превосходила разведшколу по качеству обучения. Здесь глубоко изучались тактика, оперативное искусство и военная история. Уровень преподавания по этим предметам был намного выше. Оперативно-тактические задачи были интересны и отражали опыт войны. Проводимые летучки часто были оригинальными, допускались разнообразные решения, но

требовалось их обоснование. Многие групповые занятия проводились в поле, на местности.

В тот год в академии произошли значительные перемены. Основные задачи по подготовке слушателей были определены вышедшим приказом министра Вооруженных Сил от 11 мая 1946 года. В соответствии с этим приказом нас должны были готовить как общевойсковых офицеров с высшим военным образованием, в совершенстве знающих организацию и ведение боя полка и дивизии, боевые и технические свойства родов войск. Кроме того, слушатели должны были изучить основы организации и ведения боя стрелковым корпусом, понимать сущность армейской операции, знать театры военных действий, историю Великой Отечественной войны, этапы развития военного искусства, а также тактику, организацию и вооружение иностранных армий важнейших капиталистических государств.

Программой разведывательного факультета дополнительно предусматривалось глубокое изучение организации и ведения войсковой разведки, страноведения и иностранного языка.

Лекции читали высококвалифицированные генералы и офицеры, занятия по тактике и разведывательной подготовке в группе вели закрепленные тактические руководители.

Академия имени М.В. Фрунзе отличалась четкой организацией учебного процесса, твердым заведенным порядком, идеальной чистотой в аудиториях, классах и методических кабинетах. В академии все было направлено на обеспечение учебного процесса. Хорошо было налажено обслуживание слушателей в библиотеках, лабораториях, методических кабинетах, поликлинике, столовой и буфетах. К слушателям было тактичное и уважительное отношение профессорско-преподавательского состава, хотя мы все были значительно моложе своих преподавателей и имели менее высокие воинские звания.

Начальником нашего разведфакультета был генерал-лейтенант Л.В. Онянов, бывший в годы войны начальником информации Главного разведывательного управления. Начальники курсов, бывшие командиры соединений генерал-майоры Н.М. Маковчук и С.Н. Шерстнев, учебным процессом не занимались, готовили нас к парадам, следили за порядком, дисциплиной, блеском наших клинков и шпор, писали аттестации.

В этот период в академии на основном факультете учился «сталинский набор» численностью около тысячи человек, почти все были участниками войны. В те годы обучалось более двухсот Героев Советского Союза, в том числе трижды Герои Советского Союза полковник А.И. Покрышкин, дважды герои А.В. Алелюхин, В.Д. Лавриненков, И.Ф. Павлов, Н.М. Скоморохов, И.Н. Степаненко и другие.

С большим интересом мы слушали лекции заместителя начальника академии генерал-полковника А.Н. Боголюбова, бывшего в годы войны начальником штаба ряда фронтов, генералов Онянова, Назарова, Шмыго, полковников Шмелева, Миносяна, Разина и других.

С благодарностью вспоминаю нашего тактического руководителя полковника Павла Ивановича Ашихмина.

При решении тактических задач всегда было много споров, различных вариантов решений, они горячо обсуждались в коридорах и курилке в перерывах. Слушатели и преподаватели обменивались мнениями, как более целесообразно решить ту или иную задачу с учетом конкретных условий и, конечно, опыта войны. Мы, слушатели, учились не только у преподавателей, но и друг у друга на семинарских занятиях, групповых упражнениях и в часы самоподготовки.

В академии большинство из нас впервые получили знания по боевому применению артиллерии, бронетанковых войск, войск ПВО, инженерных войск и авиации, хотя знали и видели их применение в годы войны, а по разведподготовке уже в то время мы изучали использование средств воздушной, радио, радиотехнической и специальной разведки.

Учебное время, отводимое на специальную разведывательную подготовку, страноведение и изучение иностранного языка, несколько сократилось по сравнению с количеством времени, выделяемого для их изучения в разведшколе. Много давала, конечно, самостоятельная подготовка. В академии была хорошая обычная и специальная библиотеки, много трудов по военному искусству, военной истории и материалов из опыта Великой Отечественной войны. Значительного времени требовало изучение основ марксизма-ленинизма, особенно конспектирование первоисточников.

Учебный день был наполнен до предела. Большая часть материалов, в том числе и новый Полевой устав, были секретными, поэтому мы весь день были в академии, возвращались домой поздно вечером.

Наша академия открывала все парады на Красной площади, как и в разведшколе, тренировки к ним начинались за месяц до парада и проводились ежедневно. Занятия по физподготовке проводились на стадионе и в спортзале. Зимой участвовал в соревнованиях по лыжам, выступал в составе команды факультета, лучшим лыжником в команде был перворазрядник капитан А. Соколов. Моими друзьями в академии были Владимир Маковкин, Федор Жигалов и Иван Зайцев.

Изредка мы с женой ходили в кино и театр. Я ходил на стадион болеть за нашу армейскую футбольную команду, в составе которой играли знаменитые Г. Федотов, В. Бобров, А. Гринин, а также за киевское «Динамо».

В отличие от четкости в учебном процессе, в академии плохо было поставлено дело с обеспечением слушателей жильем. Все квартиры в довоенных домах и общежитии академии были заняты преподавателями. Нам, слушателям, даже комнат не выделяли. Мы с трудом снимали частные углы и комнаты у москвичей. Особенно трудно досталось мне, так как семья была в составе четырех человек (я, жена, ребенок двух лет и престарелая мать жены), поэтому москвичи нам сдавали жилплощадь с большим нежеланием.

За время учебы мы проживали на двух квартирах, в плохих маленьких комнатах. Сложно было с временной пропиской, а от этого зависело получение продовольственных карточек на семью. Два-три раза в год требовалось ходить в милицию, каждый раз просить продлить прописку. Выручало то, что получал продпаек и кое-когда удавалось купить в академическом магазине военторга два-три килограмма в месяц какой-нибудь крупы. Мы не роптали, привыкли и даже с женой хорошо учились, я — в академии, жена — в пединституте. Однако когда при окончании академии мне предложили продолжить учебу в адъюнктуре или на ВАКе, без предоставления жилплощади для семьи, вынужден был отказать, так как жить на частной квартире больше было невозможно, точнее, жить просто было негде.

Многое дала Академия Фрунзе для дальнейшей службы в армии, и мы, выпускники, всегда ее тепло и с благодарностью вспоминаем.

В ноябре 1948 года окончил академию с золотой медалью, был направлен служить в Прикарпатский военный округ на должность старшего офицера разведывательного отдела штаба армии.

В армейском и центральном аппарате

В Станислав, где размещался штаб 38-й армии, прибыл с семьей. Начальник разведки армии полковник Н.Н. Белоконь встретил меня в начале не совсем доброжелательно. На эту должность он намечал одного из офицеров отдела и даже квартиру, занимаемую моим предшественником, разрешил занять служащей другого отдела. Моя семья еще была на вокзале, в зале ожиданий, он дал мне указание немедленно приступить к работе — разработке материалов на корпусное командно-штабное учение и принять в нем участие в роли посредника. При этом требовалось разработать, как тогда было принято, большое количество документов (частный план по разведке, боевые распоряжения, донесения и другие). Двое суток занимался этой работой и убыл на учение.

Как потом выяснилось, Н.Н. Белоконь хотел проверить мои способности и, если бы не справился с задачами, сразу отправить на другую должность в корпус, назначив вместо меня своего офицера.

Период службы в Станиславе был напряженным. Постоянные командировки, выезды для оказания помощи и контроля, участие в различных проверках, учениях и другие. Надо сказать, что наша 38-я армия была многочисленной, в ее составе было три корпуса, дислоцировавшихся в Черновицах, Дрогобыче и Ужгороде, каждый в составе двух-трех дивизий.

Разведывательные и мотоциклетные подразделения часто привлекались к выполнению специальных задач, связанных с борьбой с бандеровцами. Как известно, Прикарпатье: Станиславская, Львовская, Тернопольская и существовавшая тогда Дрогобычская области, где располагались войска армии, были районами активных действий бандеровцев.

По просьбе секретаря Дрогобычского обкома В.Н. Дружинина мне с командиром 274-го полка Железной дивизии Пахомовым и командиром мотоциклетного батальона Павленко пришлось участвовать в обеспечении проведения выборов на территории области.

В командование нашей армией вступил генерал-полковник Я.Г. Крейзер, по стилю работы и своему характеру он выгодно отличался от своего предшественника, знал боевую подготовку, был хорошим методистом, умным начальником и требовательным командиром. Хотя странным было его чрезмерное увлечение огневой подготовкой, ненужной стрельбой из личного оружия. Он систематически требовал проводить тренировки офицеров в стрельбе из пистолета, принимал в них участие.

За хорошую работу на окружном командно-штабном учении я был награжден командующим войсками округа ценным подарком, как обычно принято — часами.

В Москве, после окончания академии, мне предложили заполнить обширную анкету, а осенью 1949 года был назначен офицером разведотдела Главного штаба Сухопутных войск, была предоставлена жилплощадь (комната). Через полгода Главкомат Сухопутных войск был упразднен, и меня перевели служить во Второе Главное (разведывательное) управление Генерального штаба.

Вначале был назначен офицером, затем в 1951 году — старшим офицером 2-го отдела 3-го управления. Начальником Второго Главного управления (ГРУ) был генерал армии М.В. Захаров. Назначение на работу в Москву, в Главный штаб Сухопутных войск, а затем в Генеральный штаб, было приятным и в то время льстило самолюбию, мне было 25 лет, а старшими офицерами были полковники, опытные офицеры разведки, многие из них в годы войны занимали ответственные должности в центральном аппарате, фронтовых и армейских штабах.

Начальником 2-го отдела 3-го управления был генерал-майор Сергей Иванович Сурин — энергичный, инициативный, решительный, подготовленный и разумный начальник.

Отдел (фактически это было управление) состоял из трех направлений по 10—12 человек, начальники направлений по штату

были генералами. Он занимался разведывательной подготовкой штабов объединений и соединений и боевой подготовкой разведывательных частей. Наше 2-е направление разрабатывало штаты разведывательных частей, программы их боевой подготовки, принимало участие в инспектировании войск совместно с Главной инспекцией, в проведении крупных командно-штабных и войсковых учений, проводимых под руководством министра или начальника Генерального штаба.

Отдел проводил большую работу по обобщению опыта организации и ведения разведки в годы Великой Отечественной войны.

Мне пришлось в течение года принимать активное участие в разработке проекта Наставления по войсковой разведке, что значительно повысило мои знания.

Мы изучали архивные материалы, отчеты фронтов и армий, делали обобщения, писали статьи в издаваемый нами «Сборник материалов по войсковой разведке», который пользовался в войсках большой популярностью.

Генерал армии М.В. Захаров всячески поощрял деятельность авторского коллектива сборника и помогал в его издании.

Сборник выпускался большим тиражом, доводился до дивизии, содержал материалы из опыта войны, методические рекомендации и пособия по организации и проведению занятий с разведывательными частями и подразделениями.

В связи с оснащением вооруженных сил НАТО ядерным оружием начальник отдела генерал С.И. Сурин предложил создать специальные разведывательные подразделения для разведки этих средств при подготовке и ведении боевых действий, своевременного вскрытия подготовки противника к применению ядерного оружия, выявления расположения ракетно-ядерных частей, а также проведения диверсий на важных объектах тыла противника.

В нашем отделе было создано специальное 4-е направление, ведающее формированием и подготовкой подразделений специального назначения.

В октябре 1951 года в составе общевойсковых и механизированных армий и внутренних округов (не имевших армейских объединений) начали формироваться роты специального на-

значения численностью 120 человек каждая. В короткие сроки было создано 40 таких рот, но в результате общего сокращения Вооруженных Сил в 1953 году осталось одиннадцать рот. Позднее на их базе были созданы пять отдельных батальонов «Спецназ», а затем бригады.

Конечно, такого количества рот «Спецназ» одновременно создавать не следовало. Надо было создать несколько рот, учебно-материальную базу для них, получить опыт, затем постепенно увеличивать их количество.

В отделе была деловая, творческая обстановка.

Начальники к нам, молодым, относились доброжелательно, внимательно, помогали в работе и службе. Особенно генерал-майор С.И.Сурин и начальники направления полковники В.П. Виноградов и В.К. Гвозд.

В те годы в отделе работали С.И. Патрикеев, И.Н. Банов, А.А. Бондаренко, М.Я. Артамонов, П.А. Голицин, Г.П. Калинин, М.И. Пивоваров, Г.А. Строилов, все они позднее возглавляли разведку округов, кафедры в военных академиях или были ответственными сотрудниками Центрального аппарата.

Работал в отделе и одновременно учился в литературном институте прославленный войсковой разведчик Герой Советского Союза майор Владимир Васильевич Карпов, мы вместе с ним воевали и учились в разведшколе и Академии В.М. Фрунзе. Он обладал большим боевым опытом и творческой фантазией. Впоследствии он стал писателем и был редактором журнала «Новый мир», затем возглавил Союз советских писателей.

В нашей работе были интересные и каверзные события. Вот одно из них. Длительное время, почти весь 1951 год, в отделе готовили директиву по улучшению состояния разведки в Вооруженных Силах. Десятки раз ее перепечатывали, получилась она на трех-четырёх страницах. Передали генералу армии М.В. Захарову для доклада на подпись. Вдруг через несколько дней раздался звонок, исполнителей этой директивы — начальников управления, отдела и меня (моя фамилия значилась на обороте этого документа) — вызывает генерал армии Захаров. Только вошли в кабинет, как услышали сильную брань в наш адрес. Он бросил документ и указал на ошибку. В нем вместо слова «директива» было напи-

сано «директивка». Предпоследняя буква «к» округлена синим карандашом и резолюция: «Матвей Васильевич! Я директивов не подписываю. А. Василевский». Генерал армии М.В. Захаров долго нас ругал, грозил строго наказать, а когда я в приемной рассмотрел документ, то оказалось, что он был перепечатан в секретариате М.В. Захарова, его там не проверили и допустили эту ошибку.

Всем нам это был урок на будущее. В Генштабе надо тщательно сверять каждую букву и цифру.

Наш начальник 3-го управления А.С. Рогов, бывший в годы войны начальником разведотдела штаба фронта, систематически проводил с нами занятия по разведывательной подготовке, особенно он любил проводить летучки для проверки наших знаний иностранных армий и театров военных действий. Этим заставил всех нас глубоко их изучать и требовал проведения нами подобных летучек при выездах в войска, что я делал и позднее, когда служил на различных должностях в войсках.

Наш отдел принимал участие в разработке и проведении всех крупных командно-штабных и войсковых учений, проводимых под руководством министра и начальника Генерального штаба. В подготовке и проведении всех этих учений мне пришлось участвовать. В 1951—1954 годах были проведены крупные командно-штабные учения на Украине, в Прибалтике, маневры в Прикарпатском военном округе, войсковое тактическое учение с реальным применением ядерного оружия в Тоцком.

Командно-штабное учение в Прибалтике с Ленинградским и Прибалтийским военными округами и двумя Балтийскими флотами летом 1953 года проводилось под руководством Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

На этом учении пришлось переработать замысел и план проведения учения, так как он стал достоянием его участников (якобы причастен И.С. Глебов). В течение ночи небольшая группа офицеров и генералов под руководством начальника штаба руководства учением генерала армии С.М. Штеменко изменила замысел учения. Мне пришлось готовить вводные о действиях противника, ряд распоряжений и докладывать их. С.М. Штеменко быстро их читал, вносил небольшие поправки и сразу подписывал, он произвел незабываемое впечатление работоспособ-

ного, энергичного, высокоподготовленного генерала. Недаром С.М. Штеменко в годы войны был начальником оперативного управления Генштаба и четыре послевоенных года возглавлял Генеральный штаб.

Ранним утром, около 6.00, в комнату, где мы работали, вошел маршал Г.К. Жуков, со всеми поздоровался. С.М. Штеменко доложил, что замысел переработан, основные действия войск предусматриваются в Прибалтике, директивы фронтам подготовлены. Фронтам сообщено о передаче в их состав двух армий (танковой и общевойсковой) из резерва Ставки и сроках их прибытия.

Г.К. Жуков рассмотрел замысел на карте, сказал, что он с ним согласен, но директивы фронтам пока не давать, вначале выслушаем предложения командующих. Кроме того, надо послушать командующих флотами (4-м и 8-м), посмотрим, как они намечают решать задачи и взаимодействовать. Надо же было додуматься на одном море создать два флота, спросим их мнения и по этому вопросу.

Командующие фронтами генерал армии И.Х. Баграмян и М.В. Захаров вначале при докладе придерживались прежних решений, после замечаний Г.К. Жукова с трудом разобрались с резким изменением оперативной обстановки и предложили новые, целесообразные решения по дальнейшим действиям войск.

Старшим нашей группы от Второго Главного управления был замначальника управления информации генерал-майор М.И. Солодовник. Он хорошо знал иностранные армии, иностранные языки, даже выполнял роль переводчика при ведении переговоров В.М. Молотовым. Однако не был на войне, терялся и избегал попадать на глаза начальству, поэтому и приходилось докладывать непосредственно С.М. Штеменко.

Осенью 1953 года маневрами войск Прикарпатского военного округа руководил командующий войсками маршал И.С. Конев.

В них принимало участие большое количество войск и впервые отработывались действия войск в условиях применения ядерного оружия.

На маневрах присутствовали прославленные полководцы маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский, а также видные военачальники. Мне представилась возможность всех их видеть.

В 1954 году основная работа была связана с подготовкой и проведением войскового учения в районе Тощкое, с реальным применением ядерного оружия. Кропотливо проводилась подготовка этого учения, ею руководили маршал Г.К. Жуков и генерал армии И.Е. Петров. Мне пришлось заниматься подготовкой схем обороны противника, размещением боевой техники, вооружения и макетов на местности, выбором маршрутов для движения разведдозоров и отрядов.

Эпицентр предлагаемого взрыва, в батальонном районе обороны, был обозначен квадратом с белым крестом в центре.

Личный состав частей 12-й гвардейской механизированной дивизии и других частей 28-го стрелкового корпуса генерала В.Д. Чижа до взрыва находился в укрытиях и траншеях в 5–7 км от эпицентра. Все население из этой зоны было выселено. За 10 минут по сигналу «Молния» все укрылись.

14 сентября 1954 года в 9 часов 33 минуты с самолета Ту-16 была сброшена атомная бомба и произведен воздушный взрыв на высоте 300 метров. Взрыв всех потряс.

Применение ядерного оружия произвело неизгладимое впечатление. Местность в радиусе 1,5–2 км совершенно изменилась, от дубового леса с деревьями высотой 15–20 метров не осталось и следа, а на ряде участков вместо леса образовались поляны. Поверхность земли покрылась песчаной коркой толщиной 1–2 см. В постройках населенных пунктов на удалении до 12–15 км были выбиты стекла, а ближе в некоторых возникли пожары. Все, что делалось прежде по организации и ведению боевых действий, после мощного взрыва казалось мелким и ненужным.

После взрыва началась артподготовка, длившаяся 25 минут, затем нанесла удары авиация. Сразу после взрыва образовалось белое облако грибовидной формы, пронизанное языками желтого пламени. С земли поднялся светло-серый столб. Через 1,5–2 часа, по данным войсковой разведки, в 500 метрах от эпицентра уровень заражения был 0,1 р/ч, а в эпицентре взрыва – 50 р/ч. Мотострелковый и танковый полки 12 гвардейской механизированной дивизии генерал-майора М.И. Лященко в 12.00 проследовали через район взрыва в 500–600 м от эпицентра, здесь уровни радиации уже были менее 0,1 р/ч, ближе этого расстояния никто не про-

ходил, так как участки с уровнями 25 р/ч были запретными. Все разговоры в настоящее время о получении личным составом, участвовавшим в учении, высоких доз радиации, не соответствуют действительности.

В наших Вооруженных Силах с этого времени начался новый этап — подготовка к действиям в условиях применения ядерного оружия.

Интересно и престижно было работать в Центральном аппарате, но я был молод, и хотелось, особенно после учений в Тоцком, служить в войсках. Там практически решались основные вопросы подготовки войск, попросил направить меня в войска. Начальник отдела полковник В.К. Гвозд ходатайствовал о выдвижении на самостоятельную работу. Генерал армии И.Е. Петров, бывший командующий нашим 4-м Украинским фронтом, поддержал эту просьбу, и в ноябре 1954 года я был назначен начальником 1-го отдела разведуправления штаба Центральной группы войск. По тем временам, когда еще служили многие опытные начальники, участники войны, эта должность была высокой.

В Центральной группе войск (в Австрии)

Центральная группа войск дислоцировалась на территории Австрии и Венгрии. Штаб группы размещался в Бадене, недалеко от Вены. Командовал Центральной группой генерал-полковник А.С. Жадов, начальником штаба группы был генерал-лейтенант И.И. Байков.

В составе Центральной группы войск были четыре дивизии, две из них — 13-я гвардейская танковая и 95-я гвардейская стрелковая — дислоцировались в Австрии, а 2-я и 17-я гвардейские механизированные дивизии — на территории Венгрии. В состав группы входила также воздушная армия и много различных частей.

Разведка в Австрии, как и в соседней Группе советских войск в Германии, была представлена всеми ее видами, здесь активно велась агентурная радио- и радиотехническая разведка.

Начальником разведуправления штаба группы был генерал-лейтенант М.А. Кочетков, а затем генерал-майор М.Ф. Федоров.

1-й отдел разведуправления недавно объединил отделы войсковой разведки и информации, в нем было восемь офицеров, и они занимались войсковой разведкой и информацией. Информационная работа включала сбор, анализ, обобщение сведений, добываемых различными видами и источниками разведки.

С вопросами войсковой разведки в отделе трудностей не было. Я знал их хорошо. Возглавлял офицеров войсковой разведки полковник Б.А. Михайловский, имевший фронтовой опыт.

В Центральной группе войск проходили службу незаурядные личности: С.С. Бирюзов, Г.В. Зимин, К.П. Казаков, П.С. Кирсанов, все они позднее стали маршалами, а заместитель начальника Особого отдела В.В. Федорчук — генералом армии, председателем КГБ СССР.

Колоритными фигурами были Герои Советского Союза комдивы генерал-майоры М.И. Дука, бывший партизанский командир, и танкист Н.П. Охман.

В Центральной группе войск была настоящая оперативная разведывательная работа. Добывание, сбор, анализ и обобщение сведений, в том числе добытых агентурой, организация боевой подготовки, проведение сборов и учений с разведывательными частями, участие в командно-штабных учениях — все это составляло нашу работу. Здесь приобщился к настоящей разведывательной деятельности, получил опыт работы, проводимой в мирное время.

В апреле 1955 года мне было присвоено звание полковника.

Наши разведчики добывали много сведений, в том числе относящихся к подготовке американских войск к действиям в условиях применения ядерного оружия. Систематически приходилось их анализировать, обобщать, докладывать командованию, готовить донесения, разведсводки и представлять их в ГРУ.

На территории Австрии, в западных зонах и в Вене размещалось небольшое количество американских, английских и французских войск. Но по соседству — на территории Западной Германии — располагалась основная, многочисленная группировка вооруженных сил НАТО.

В итальянской армии непрерывно проходила реорганизация и перемещение войск на территории Италии.

За группировками этих вооруженных сил надо было непрерывно следить. Информационная работа требовала повседневной, напряженной и кропотливой работы, ее вела группа офицеров отдела во главе с подполковником И.И. Калюжным.

В Австрии активно велась агентурная разведка, ею руководил заместитель начальника управления опытейший полковник Виталий Александрович Никольский. Ряд наших разведывательных пунктов находились в Вене. Нашим офицерам удалось завербовать немало агентов, в том числе бывшего майора вермахта Ганса Нильке, работника Государственного архива Австрии, что дало возможность просматривать все документы австрийского правительства, так как один экземпляр правительственных документов в обязательном порядке направлялся в госархив.

Дипкурьер МИДа Австрии Франс Крафт, привлеченный к сотрудничеству нашим полковником Паппе, передавал для перлюстрации ценные материалы. Офицер Аркадий Петров получал от унтер-офицера охраны верховного комиссара Франции в Австрии Жана Пьери секретные документы МИДа этой страны.

Одним из ценных источников о войсках НАТО оказалась свалка в Зальцбурге, куда выбрасывались ненужные черновики документов из штаба американских войск. Местный житель А. Вольф договорился с американским сержантом выбрасываемую макулатуру покупать как бумагу для переработки. Зная английский язык, он отбирал нужные черновики документов, брошюры, книги, привозил их в Вену и передавал нашему оперативному офицеру. Так были получены, например, секретная инструкция о системе противоядерной защиты американской зоны оккупации в Австрии и Германии, некоторые материалы командно-штабных учений, в которых указывалось количество ядерных боеприпасов, выделяемых оперативным объединениям и соединениям при наступлении и в обороне и другие. Кстати, А. Вольф работал по идейным соображениям и даже отказывался от денежной компенсации своих транспортных расходов.

Были у нас неудачи и случаи провала. Агент «Серватнус», регулярно привозивший из Западной Германии ценные документы о создании бундесвера, был разоблачен нашей военной контрразведкой как «двойник».

Предателем оказался работающий в Вене до 1954 года сотрудник резидентуры П. Попов, позднее он был арестован, судим в Москве и расстрелян.

Много данных добывал полк радиоразведки «Осназ», которым командовал полковник М.И. Юрков и сменивший его Н. Шапклейн.

Так что информационной работы у нас в отделе было достаточно.

Решение Н.С. Хрущева о заключении договора с Австрией и поспешный вывод наших войск нанесли определенный ущерб нашей военной разведке, что я особенно почувствовал в период венгерских событий в 1956 году.

Вспоминаются мне два курьезных случая, связанных с потерей ориентировки на территории Венгрии. На одном из командно-штабных учений, перемещаясь из Кечкемета в Хаймашкер, следовал в одной машине с генералами М.Ф. Федоровым и А.В. Романовским, они были заняты беседой на заднем сиденье.

В городе Секешфехервар, следуя на большой скорости, проскочил закрытый перекресток и вместо 8-го выехал на 7-й маршрут, он тоже вел к Балатону. Сразу это обнаружил, но не хотел возвращаться, поехал по этому маршруту, он был значительно длиннее. Мои спутники торопились, часто поглядывали на часы, стали тревожиться. Мне было неприятно, изощрялся ехать по короткому пути и с трудом вовремя прибыли в Хаймашкер на разбор учений. Мои начальники так и не поняли, что произошло, пока об этом им не сказал.

В последующем мне пришлось служить в Секешфехерваре, выходя на злополучный перекресток, вспоминал этот случай, понимая, как это произошло.

Второй случай произошел в Будапеште.

Колонна машин во главе с главкомом А.С. Жадовым следовала через Будапешт в район Кечкемета на показательные учения.

На западной окраине Будапешта нас должен был встретить офицер комендатуры и провести через город, так как во многих местах проводился ремонт дорог и улицы были закрыты. При подъезде мы увидели стоящего офицера в установленном месте. Спросил у него: «Выезд из города на Кечкемет вы знаете?»

«Знаю», — ответил он. Посадил его в мою первую машину и, не снижая скорости, продолжили движение. Через несколько минут заехали в тупик заводского двора, и колонна с трудом стала разворачиваться в обратном направлении. Стали разбираться, как это произошло. Оказалось, что посадили в машину не работника комендатуры, а случайно оказавшегося здесь офицера, не знавшего города, он опешил, когда увидел начальство, ничего не сказал, и мы заехали в тупик.

Более внимательно, не отрываясь от плана города, я вывел колонну, и мы выехали на свой маршрут.

Всегда при потере ориентировки возникает тяжелое чувство. Стоило некоторое время не следить за своим движением, находясь в разведке, или в последние годы войны, следуя с командиром дивизии на его машине, как потом требовалось быстро восстанавливать ориентировку, ибо без этого можно было заблудиться и случайно попасть в расположение противника.

Это странное ощущение, знакомое только военным, когда в какой-то момент не знаешь или сомневаешься, где находишься, тебя охватывает волнение, и продолжается оно до тех пор, пока не определишь своего местонахождения. У военного человека чувство в необходимости ориентироваться, сохраняется постоянно. Где бы ни находился, даже вне службы, на отдыхе, в пути, постоянно стремишься знать, где находишься по отношению к тому или иному населенному пункту, на каком расстоянии от города, потребность ориентироваться остается на всю жизнь.

Мне рассказывали, что один из командиров, когда не смог в Карпатах сориентироваться, где находится одна из высот, приказал артиллеристам дать залп дивизиона по этой высоте, чтобы разобраться где она находится...

В Австрии, несмотря на участие ее в войне на стороне фашистской Германии, жизнь быстро нормализовалась и были хорошие условия. Получил квартиру, имел служебную машину. Ко мне приехала жена с детьми. Мы приобщались к культурной жизни, посещали достопримечательности прекрасной Вены, столицы чудесной страны. Этому содействовал В.А. Никольский и переводчик Мунасыпов. В 1955 году мы слушали венскую оперу, посмотрели балет на льду «Эйнс Ревью», посетили знаменитые

памятники архитектуры — дворцы Шенбрунн, Бельведер, собор «Стефаний», известный всему миру Венский лес и другие. Иногда выезжали за город, любовались предгорьями Альп, и я в горных речках ловил форель.

В мае 1955 года был подписан мирный договор с Австрией. Наши войска, находившиеся в Австрии в течение лета, были выведены на территорию Советского Союза. Управление Центральной группы войск было расформировано.

Глава 4

ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ В 1956 ГОДУ

В Особом корпусе в Венгрии

Для руководства советскими войсками, находящимися в Венгрии после расформирования Центральной группы войск, которой они были подчинены, первоначально намечалось создать небольшое управление Группы войск или Отдельной армии.

Наименования «Группа войск» и «Отдельная армия» не понравились руководству Министерства обороны СССР, так как посчитали, что группу войск из Австрии вывели, а в Венгрии ее разместили, управление Отдельной армии уже имелось в Румынии.

Маршал Г.К. Жуков предложил назвать создаваемое управление Особым корпусом по аналогии с имевшимся Особым корпусом советских войск в Монголии, которым он командовал в 1939 году.

В сентябре 1955 года управление Особого корпуса было создано.

Советские войска на территории Венгрии после войны находились на основе соглашения союзных держав, вытекающего из Акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии. По мирному договору с Венгрией 1947 года предусматривалось их нахождение на территории Венгрии для обеспечения коммуникаций с нашими войсками в Австрии.

А после заключения мирного договора с Австрией наши войска продолжали находиться на территории Венгрии, основны-

ваясь на подписанный Варшавский договор. Их статус должен был определяться двухсторонним соглашением между странами, подписанным позднее.

Особый корпус подчинялся Москве — министру обороны СССР.

Управление Особого корпуса разместилось в городе Секешфехервар.

Состав Особого корпуса был необычным, в него входили все советские войска, ранее находившиеся на территории Венгрии: 2-я и 17-я гвардейские механизированные дивизии, 195-я истребительная авиационная дивизия, 177-я бомбардировочная авиационная дивизия, 20-й понтонно-мостовой полк, зенитно-артиллерийские и различные части и учреждения тыла.

Они дислоцировались в городах Дьер, Сомбатхей, Керменд, Кечкемет, Секешфехервар, Сольнок, Цеглед, Дебрецен, Папа и других. В Будапеште наших войск не было. Там размещались наша военная комендатура, политотдел спецчастей, госпиталь и ряд учреждений.

Особый корпус предназначался для прикрытия, совместно с венгерскими войсками, границы с Австрией и обеспечения коммуникаций для выдвижения наших войск с территории страны.

Управление Особого корпуса по численности примерно соответствовало полевому управлению армии, но в его состав входили отдел и службы авиации, а также различные специальные и тыловые службы, обеспечивающие жизнь и деятельность наших войск, расположенных в Венгрии.

Для управления недоставало частей и средств связи.

В августе 1955 года я был назначен заместителем начальника штаба Особого корпуса по разведке. Мне было поручено возглавить группу офицеров и обеспечить размещение управления Особого корпуса. Свободного жилого фонда в городе Секешфехерваре для размещения управления корпуса, а также квартир для офицеров и их семей не было.

Для размещения управления Особого корпуса заняли несколько зданий и часть территории военного городка 4-го механизированного полка 2-й гвардейской механизированной дивизии.

Управление Особого корпуса комплектовалось в основном за счет офицеров и служащих бывшего управления Центральной группы войск и воздушной армии этой группы.

Командиром Особого корпуса был назначен генерал-лейтенант Петр Николаевич Лашенко. В годы войны он командовал стрелковой дивизией, был удостоен звания Героя Советского Союза и к нам прибыл с должности командира 2-го гвардейского стрелкового корпуса из Прибалтики. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. Был опытным, волевым командиром, по прибытии он сразу сумел взять в свои руки руководство всеми подчиненными войсками и четко организовать сложную работу управления Особого корпуса и боевую подготовку соединений и частей.

Большое внимание командир корпуса генерал Лашенко уделял боевой готовности и боевой подготовке войск, а также улучшению учебно-материальной базы.

Начальник штаба генерал-майор Георгий Андреевич Щелбанин до этого назначения был начальником оперативного управления штаба ЦГВ.

Ввиду отсутствия по штату в Особом корпусе освобожденного заместителя начальника штаба и преклонного возраста Щелбанина, мне систематически поручалось решение различных оперативных и организационных вопросов.

Обустройство штаба, ознакомление с размещением и подготовкой частей, руководство боевой подготовкой мотоциклетных батальонов и разведывательных рот, участие в сборах руководящего состава, разработка и проверка планов боевой готовности, получение и изучение данных обстановки — эти мероприятия занимали меня целиком.

Летом и осенью 1956 года, в связи с отпуском, а затем болезнью Щелбанина, на меня было возложено временное исполнение обязанностей начальника штаба Особого корпуса. Впервые мне пришлось быть начальником штаба руководства на дивизионном тактическом учении со 2-й гвардейской механизированной дивизией, проводимом с форсированием реки Дунай.

Генерал Лашенко на всех учениях требовал реально, как в бою, осуществлять все мероприятия. При подготовке наступле-

ния организовать разведку, подавление обороны «противника», взаимодействие частей и подразделений. При переходе к обороне оборудовать позиции, отрывать траншеи, строить блиндажи и заграждения и создавать систему всех видов огня. Для командиров-танкистов это было полной неожиданностью, они к этому не привыкли.

На проводимом тактическом учении сложным этапом было форсирование частями дивизии реки Дунай.

Генерал Лашенко имел большой боевой опыт форсирования рек. 322-я стрелковая дивизия, которой он командовал в годы войны, форсировала реки Сейм, Десна, Днепр и Припять. За умелую организацию их форсирования он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Когда на учении части 2-й мехдивизии медленно и неорганизованно подошли к реке, артиллерия и танки отстали и не могли вести огня, он приказал отвести их от реки на 6–8 км. Рассказал, как организовать, и показал на местности, как надо действовать при подходе к реке и форсировании, потребовал повторить этот эпизод и практически выполнить его указания.

В ходе учения, после захвата плацдарма, были наведены две паромные переправы и главные силы дивизии по ним переправились в течение 8 часов, что требовало от механиков-водителей боевых машин и понтонеров 20-го понтонно-мостового полка высокой выучки. Учение прошло без происшествий.

За работу на проведенном учении был награжден золотыми часами, которые хранятся и сейчас как семейная реликвия.

В Особом корпусе все мы стремились тоже учиться тому, что надо для боевых действий. Так, на сборе начальников разведки зимой плавающие танки на учении с трудом преодолели реку и никак не могли выйти на противоположный берег, покрытый коркой льда. Но я настоял, чтобы они это сделали, даже когда один из танков понесло вдоль берега по течению реки и он долго не мог выйти на берег. Конечно, при этом пришлось пережить немало неприятных минут, но все обошлось благополучно. Для себя сделал вывод, что надо лучше подбирать и учить разведчиков, чтобы они были способны выполнять любые сложные задачи.

Летом 1956 года наши соединения и части занимались боевой и политической подготовкой, шла напряженная учеба, проводились запланированные тактические учения, днем и ночью, в том числе с боевой стрельбой, отрабатывались упражнения курсов стрельб и вождения танков, бронетранспортеров и автомобилей.

Большое внимание уделялось повышению выучки летного состава авиационных частей, подготовке специалистов всех родов войск, а также сбережению оружия и боевой техники. Наши части готовились к осенней проверке боевой подготовки.

В тот год советские солдаты и офицеры оказали помощь венгерскому населению во время большого наводнения в районе среднего течения реки Дунай, спасали людей, скот, государственное и личное имущество граждан. За оказание помощи некоторые наши военнослужащие были награждены венгерским правительством.

Наши воинские части за многие годы пребывания в Венгрии установили контакты с коллективами ряда предприятий, кооперативов и венгерскими воинскими частями. Проводились встречи личного состава с венгерским населением, воинами венгерской армии, взаимные выступления коллективов художественной самодельности.

Наши офицеры и солдаты помогали венгерским офицерам в изучении боевой техники, в оборудовании учебных полей. Мы делились опытом обучения и воспитания, подготовки войск, приглашая венгерских командиров на свои сборы, учения и показательные занятия.

Часто проводились совместные спортивные состязания и другие мероприятия.

Советские воины и граждане, проживающие на территории Венгрии, по отношению к венгерскому населению вели себя уважительно, не вызывая конфликтов. Всячески стремились не допускать в ходе учений войск потрав посевов, порчи дорог, мостов и лесов, а причиненный урон немедленно возмещали. Случалось, что мы шли даже на удовлетворение необоснованных претензий, исходивших от некоторых венгерских граждан с корыстной целью. Так, на границе полигона по халатности хозяина была убита

током высокого напряжения лошадь. И тем не менее возмещение ущерба мы отнесли на наш счет. Как и случай с «незадачливым» венгерским велосипедистом, умышленно свалившимся на обочине дороги и подбросившим свой старый велосипед под колеса следовавшего нашего грузового автомобиля в надежде получить новый велосипед.

В целом казалось, что между советскими военнослужащими, воинскими частями и венгерским населением поддерживались неплохие взаимоотношения.

Вместе с тем жизнь наших офицеров, солдат и членов семей в Венгрии, как и везде за границей, проходила изолированно. Наши контакты осуществлялись только с руководством партийных и местных органов и командованием венгерских соединений и частей. Обычно в дни официальных праздников 4 апреля нас приглашали в Будапешт, а в день армии, 29 сентября, на гору Арпад в районе озера Веленце.

Мы с семьей иногда ездили в Будапешт в советское посольство, непременно обедали в прекрасном посольском ресторане, посещали музеи, детей возили в зоопарк, на остров Маргит и на Балатон.

Бывал изредка на будапештском стадионе, тогда в команде «Гонвед» играли прославленные Пушкаш, Ковач, Цибор, Хидекутти, Фаркош и другие.

Наши офицеры, проживавшие на частных квартирах, общались со своими хозяевами.

Однако все наши встречи носили ограниченный характер, все стороны жизни и настроений венгерских граждан мы не знали. Препятствием для общения также был языковой барьер — незнание нами венгерского, а венграми — русского языка.

Добрые взаимоотношения с венгерским населением сохранялись до весны 1956 года. Затем стало ощущаться влияние сложной внутривосточной обстановки в Венгрии, а также проводимой пропаганды среди населения.

Об этом свидетельствовали такие как будто незначительные факты. Если раньше на концерты нашей самодеятельности не могли попасть все желающие ее посмотреть, то теперь приходили лишь немногие. Даже выступление известного армейского Ан-

самбля имени Александрова бойкотировалось. Встречи наших футбольных команд, в том числе в Будапеште, проходили при переполненных трибунах. Теперь на матчах с участием московских команд половина мест на трибунах пустовала, а пришедшие «болельщики» нередко допускали по отношению к нам хулиганские действия, бросая окурки, бутылки и др.

Появились случаи отказа в продаже товаров нашим военнослужащим и членам их семей. Среди населения стали частыми антисоветские высказывания, распространялись вымышленные факты с целью компрометации. Даже отмечались антисоветские действия отдельных элементов. Так, на аэродроме Папа у лошади, принадлежавшей нашей авиационной части, выкололи глаза, в этом зверском поступке была видна бандитская рука.

В общежитии советских офицеров в Сомбатхее ночью камнями были разбиты окна. На железнодорожном переезде из проходящего паровоза забросали группу наших солдат кусками угля. Враждебные настроения проникали в венгерскую армию. Один из венгерских солдат, стоя в строю, заявил: «Я имел бы удовольствие убить советского советника».

Комендант Будапешта полковник М.Я. Кузминов неоднократно сообщал о враждебных действиях. Неизвестные лица звонили ему по телефону и предупреждали, что за ошибки Сталина — Ракоши предстоит расчитываться кровью.

Мы собирали и получали данные об обстановке в Венгрии и знали, что политическая атмосфера в стране стала более напряженной.

Ошибки и последствия

Руководство Ракоши — Гере, определяя задачи и методы строительства социализма, не учитывало венгерских особенностей, тем самым вызвало серьезное недовольство трудящихся. Лозунги ускоренных темпов индустриализации Советского Союза механически копировались и переносились в Венгрию. Значительные средства направлялись на непосильное строительство крупных предприятий и создание всех отраслей промышленности, в том числе необеспеченных сырьем. Мало внимания уделялось раз-

витию сельского хозяйства и повышению жизненного уровня трудящихся.

В результате грубейших нарушений законности по делу Ласло Райка и ряду других дел невинно пострадали многие партийные и государственные работники.

Кроме того, допускались явления, задевавшие национальное самодобие венгерского народа. В Будапеште многие улицы переименовывались в честь русских и советских писателей, вводилась военная форма, подобная форме военнослужащих Советской Армии, и даже одинаковая с советской система оценок успеваемости в школах. Все это затрагивало национальные чувства венгерского народа.

Серьезные ошибки в политике Венгерской партии трудящихся, недовольство существующим строем, задержка процесса реабилитации невинно осужденных по делу Ласло Райка и другими, сокращение зарплаты, рост цен привели к усилению недовольства внутри партии, среди населения и явились причинами массового антиправительственного выступления.

В то же время усилилась оппозиция, формировалась и крепла группа Имре Надя и Гезы Лошонци.

Июльский пленум ЦК ВПТ освободил Ракоши от обязанностей первого секретаря, принял новый курс, приступил к исправлению ошибок, и когда начали его осуществлять, выявилось, что политическая линия вновь оказалась неправильной. Оппозиция умело использовала неспособность руководства Ракоши — Гере исправить ошибки и возросшее недовольство масс. Усилилась критика ошибок и пропаганда против партии, правительства и существующего строя. Причем наряду с правильной критикой руководства все более стали проявляться националистические мотивы, лозунги возврата к прежним порядкам, антисоветские и антиокупационные настроения.

Возможности для организации выступления создавались также слабостью венгерской народной власти и партии, наличием значительного числа недовольных элементов. Венгерская партия трудящихся была многочисленной, насчитывала 900 тысяч (около 10 % всего населения), но в ней было много симпатизирующих ее политике и карьеристов, подверженных влиянию идеологических течений и различных настроений.

Большую роль в усилении недовольства венгерского народа сыграла партийная оппозиция, возглавляемая Имре Надем и Гезе Лошонци, определившая цели, задачи и методы действия. Г. Лошонци в своей статье, опубликованной 2 сентября в газете «Мювелт неп», в качестве предпосылки дальнейшего развития Венгрии предлагал полный пересмотр политики Венгерской партии трудящихся.

Центром недовольства режимом стал Союз венгерских писателей.

В кружке Петефи под видом дискуссий проводилась выработка идеологических основ, а также пропаганда против существующего строя. Здесь были выработаны требования, состоящие из 16 пунктов, к партии и венгерскому правительству.

Определенные круги на Западе оказывали активную поддержку подготовке антиправительственного выступления. Из 100 млн американских долларов, ассигнованных для ведения подрывной деятельности, значительная часть выделялась для Венгрии. Активизировалась деятельность эмигрантских центров и их лидеров в ряде стран, участились поездки военных атташе западных стран в Австрию для связи с венгерской эмиграцией и подрывными центрами.

Западные радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа» в своих передачах, выступая против проводимых в Венгрии преобразований, земельной реформы и национализации предприятий, преувеличивали существующие ошибки, призывали к свержению существующего строя, сообщая, что венгры, живущие на Западе, уже развернули активную подготовку к выступлению. Радиостанция «Свободная Европа» в своих передачах и при помощи запусков воздушных шаров с пропагандистской литературой способствовала усилению недовольства и призывала к выступлениям против Народной Республики.

Мы, находясь в Венгрии, естественно, тоже располагали определенными данными.

Информацию о внутривластной обстановке в Венгрии нередко получали от советского посла Юрия Владимировича Андропова. Выступая перед руководящим составом наших войск в Секешфехерваре, накануне июльского пленума ЦК Венгерской

партии трудящихся, он рассказал о сложной обстановке в партии и в стране, о наличии оппозиции и враждебных настроений, ориентировал нас о возможном направлении развития событий и о том, что венгерское правительство может обратиться к нам за помощью. Теперь, через много лет, мне кажется, что от Ю.В. Андропова исходили некоторые инициативы в плане оказания помощи венгерскому правительству с тем, чтобы компенсировать просчеты политиков и не допустить выхода Венгрии из социалистического лагеря, или, зная мнение высших партийных руководителей в Москве, он высказывал соответствующие предложения, и там их поддерживали. Дважды после его подобных высказываний, в июле, сразу после событий в Познани (Польша), и в октябре 1956 года, следовали из Москвы соответствующие распоряжения.

Разработка планов поддержания общественного порядка

В июле из Москвы было получено распоряжение разработать план действий войск Особого корпуса по поддержанию и восстановлению общественного порядка в Будапеште и на территории Венгрии. При этом обеспечение нас данными о важнейших государственных и военных объектах и согласование действий с венгерскими войсками возлагались на старшего советника в министерстве обороны ВНР генерал-лейтенанта М.Ф. Тихонова.

Мне было поручено разработать такой план, и когда прибыл к генералу Тихонову для уточнения ряда вопросов, он встретил меня не совсем любезно, ни на один из вопросов ответить не мог, не был к ним готов, и попросил приехать через два-три дня. Я использовал эти дни для изучения города и расположения важнейших объектов и подступов к ним. Когда через два дня прибыл к нему, он достал из сейфа три толстых тома документов и сказал: «Смотрите, что интересует».

Это был план венгерской армии, органов госбезопасности и полиции по восстановлению общественного порядка в Венгрии, разработанный венгерским Генштабом.

В нем были указаны важнейшие объекты, силы и средства венгерской армии и полиции, привлекаемые для их охраны, обе-

спечения порядка при демонстрации и митингах, а также для борьбы с вооруженными группами на случай антиправительственного выступления.

Изучив эти документы и сделав необходимые записи, сказал генералу Тихонову, что из-за недостатка сил наши войска в Будапеште смогут взять под охрану лишь ряд важнейших объектов, участия в обеспечении общественного порядка при проведении демонстрации и митингов они принимать не смогут и не будут.

Тихонов ответил, что венгры имеют сильные органы госбезопасности, МВД и армию и сами справятся с задачами по наведению порядка и наша помощь не потребуется. Сказал ему, что было бы хорошо, если все будет спокойно и разработанные планы останутся на бумаге.

На этом мы расстались.

Таким образом, венгерская армия в июле месяце имела разработанный план по восстановлению общественного порядка. Этот план, переведенный на русский язык, лично видел, с ним работал и сделал необходимые записи.

Как выяснилось позднее, содержание плана не знали ни венгерский министр обороны генерал-полковник Иштван Бата, ни начальник генштаба генерал-лейтенант Тот Лайош. Они, наверное, подписали этот план не читая, только начальник оперативного управления генерал-майор Иштван Ковач знал содержание и мероприятия, предусмотренные планом.

Еще раз тщательно изучив объекты и сделанные записи из венгерского плана, через несколько дней завершил разработку Плана действий Особого корпуса по поддержанию общественного порядка в Будапеште и на территории Венгрии.

План был отработан на карте и плане города Будапешт, к нему были приложены перечень важнейших объектов столицы, подлежащих охране нашими частями, и специальная инструкция.

На карте были определены маршруты движения частей в Будапешт, исходные пункты, время их прохождения и прибытия в город.

На плане города были показаны важные объекты, подлежащие охране и обороне нашими войсками. Таких объектов насчитывалось около сорока. К ним были отнесены: здание ЦК Венгерской партии

трудящихся (ВПТ), парламент, министерство иностранных дел, Радио, Центральная телефонная станция, госбанк, вокзалы, мосты через Дунай, арсенал, крупные склады, оборонные предприятия, а также советское посольство, комендатура и другие. Все объекты были пронумерованы и показаны на плане красным цветом.

Для обеспечения охраны и обороны каждого из этих объектов выделялись подразделения силой рота — взвод. Кроме того, были определены около 30 объектов, подлежащих постоянному наблюдению, а также основные маршруты патрулирования, состав и расположения резерва и места командных пунктов дивизий и полков.

Для поддержания надежной связи с частями намечалось расположить пункты управления вблизи наших военных объектов или постоянно иметь на этих объектах офицеров связи.

Особое внимание уделялось восстановлению порядка в Будапеште. Город был подразделен на три сектора: центральный, северный и западный, примерно равной площади и имевших почти одинаковое количество важных объектов.

Восстановление порядка в Будапеште в соответствии с разработанным планом возлагалось на 2-ю гвардейскую механизированную дивизию генерал-майора С.В. Лебедева. Дивизия должна была выдвинуться из района Кечкемет в Будапешт и взять под охрану важные объекты столицы. Были указаны основные объекты в Будапеште, которые частям этой дивизии необходимо было взять под охрану в первую очередь, и определены силы и средства для их удержания.

17-я гвардейская механизированная дивизия генерал-майора А.В. Кривошеева основными силами должна была прикрыть границу с Австрией и поддерживать общественный порядок в западной части Венгрии, уделив особое внимание городам Дьер, Сомбатхей, Кесег, Керменд, Надьканижа.

Части, дислоцирующиеся в Хаймашкере, находились в резерве и предназначались в основном для использования в Будапеште.

Авиационные соединения, зенитные и другие специальные части должны были поддерживать порядок в пунктах постоянной дислокации, а также усиленно охранять свои военные городки, аэродромы, склады и другие объекты.

На случай действий по восстановлению и поддержанию общественного порядка в Венгрии для частей и подразделений была разработана специальная инструкция. В ней были указаны: порядок действий частей и подразделений в городе, охраны и обороны объектов, в каких случаях разрешается применять оружие, порядок взаимодействия с венгерскими частями, а также поддержание связи с командованием венгерских соединений, частей, местными органами власти и другие.

Разработанный план 20 июля был утвержден командиром Особого корпуса генерал-лейтенантом П.Н. Лашенко, получил условное наименование «Волна», ввод в действие предусматривался по сигналу «Компас».

После разработки плана командирам дивизий были поставлены задачи и даны указания о порядке использования частей при восстановлении и поддержании общественного порядка в Будапеште и других городах и проведения ряда мероприятий, связанных с выполнением плана. Было обращено внимание командиров на необходимость тщательного изучения объектов и подступов к ним, на поддержание контактов с партийными и местными органами и командирами венгерских частей.

Следует отметить, что при разработке плана по восстановлению порядка мы рассчитывали на совместные действия с венгерскими частями, органами госбезопасности и полицией. Однако один из вариантов предусматривал самостоятельные действия наших войск. Как показали события, так оно и случилось.

Несмотря на разработку плана и проведение ряда мероприятий, многие венгерские руководители, а также венгерские и советские генералы не верили, что в Венгрии может произойти вооруженное выступление.

О происходящих событиях в партии, стране и армии, настроении интеллигенции и студентов нас информировали советское посольство, комендант Будапешта, некоторые командиры соединений и частей венгерской армии и другие.

В основном мы знали обстановку в стране, настроение населения, особенно интеллигенции, а также о действиях студентов, подготовке демонстрации. При этом в изучении печати, радиопередач и получении информации немалая роль принадлежала инструк-

тору по спецпропаганде политотдела капитану Виталию Фомину и переводчику штаба лейтенанту Владимиру Соколову.

За несколько дней до событий мною было подготовлено донесение в наш Генштаб, в котором излагались многие перечисленные факты, имеющиеся данные и указывалось на возможные отдельные вооруженные выступления в ближайшее время. При этом П.Н. Лашенко слово «отдельные» вычеркнул, и донесение, направленное в Генеральный штаб в Москву, стало более объективно отражать будущие события.

Тем временем события нарастали. Похороны Л. Райка в октябре 1956 года использовались в стране для нового разжигания страстей, углубления духовного кризиса в партии и недоверия масс.

Руководство партией и венгерское правительство не принимало мер, необходимость которых диктовалась сложившейся обстановкой, и даже было неспособно реально оценить положение дел. Представитель руководства партии на партийном активе Чепельского металлургического комбината 22 октября заявил, что «любое выступление мы сможем пресечь за 30 минут». Из-за такой уверенности в руководстве партии введенные 20 октября меры повышенной боевой готовности венгерской армии и внутренних войск на следующий день вечером были отменены. Оппозиции и народу стала окончательно ясна беспомощность венгерского руководства, они считали, что благоприятный момент для выступления настал.

Генерал-лейтенант Лашенко, учитывая создавшуюся обстановку в Венгрии, прервал проводимый сбор командиров соединений и частей с тем, чтобы они находились на местах и могли срочно принять необходимые меры. Я выехал в Будапешт, чтобы уточнить обстановку, был в посольстве, в нашей комендатуре, мне стало известно, что на завтра — 23 октября 1956 года — намечается демонстрация.

В ряде высших учебных заведений проводились митинги, на которых раздавались призывы к демонстрации и подстрекательские националистические лозунги. Руководство кружка Петефи на своем заседании, на котором присутствовали представители вузов, приняв решение о проведении демонстрации, приступило

к ее подготовке, раздавая лозунги с многочисленными требованиями представителей вузов.

Таким образом, в те дни мы знали в общих чертах о назревающих событиях. Однако начавшиеся события в Будапеште и в Венгрии превзошли наши предположения и ожидания.

Демонстрация и вооруженное выступление

Утром 23 октября было сообщено, что правительство Венгерской Народной Республики запретило демонстрацию в Будапеште. Несмотря на запрет, студенты многих учебных заведений настойчиво добивались разрешения на проведение демонстрации и призывали провести демонстрацию. Однако в 14 часов сообщили, что правительство разрешило демонстрацию, а Венгерская партия трудящихся дала указание членам партии принять в ней участие.

Так в Будапеште 23 октября 1956 года в три часа дня началась демонстрация. В ней приняли участие десятки тысяч человек. Среди демонстрантов в подавляющем большинстве были студенты и интеллигенция, а также часть рабочих, служащих, членов партии.

Демонстранты направлялись к памятникам генерала Бема и Петефи. В ряде колонн они шли с красными флагами, с транспарантами, на которых были написаны лозунги о советско-венгерской дружбе, о включении Имре Надя в состав правительства и др. Постепенно демонстрация приобрела антиправительственный характер. Демонстранты скандировали лозунги (большей частью в духе программы из шестнадцати пунктов, выдвинутой членами кружка Петефи), требуя восстановления венгерской национальной эмблемы, отмены военного обучения и уроков русского языка, восстановления старого венгерского национального праздника вместо Дня освобождения от фашизма. Кроме того, они требовали проведения свободных выборов, создания правительства во главе с Имре Надем, вывода советских войск из Венгрии.

В некоторых местах в толпе демонстрантов раздавались свист и крики: «Долой красную звезду», «Нам не нужны гимнастерки», «Долой коммунистов», «Вон евреев». Демонстранты срывали

знаки государственного герба с национальных флагов ВНР, стали сжигать красные флаги и совершать другие, подобные этим действия.

Подобные события и враждебные выступления происходили в 1953 году в Берлине и летом 1956 года в Познани.

В Венгрии выступления в какой-то степени носили характер реванша свергнутых и недовольных элементов и были направлены против существующего строя, созданного при поддержке СССР.

Улучшение уровня жизни в стране происходило медленно, недовольных строем, враждебно настроенных людей было немало, и этим не преминули воспользоваться организаторы выступления.

Руководство ВПТ проявляло близорукость, не видя нарастающего с каждым днем кризиса в стране.

Находившийся в Венгрии в июне 1956 года секретарь ЦК М.А. Суслов докладывал в ЦК КПСС, что настроение рабочих, крестьян здоровое и в Венгрии нет политического кризиса и недоверия к руководству. Считал, что его дальнейшее пребывание в Венгрии не вызывается необходимостью, и убыл в Крым.

Прибывший в Венгрию в июле А.И. Микоян высказал иное мнение, он считал, что общественно-политическая ситуация в Венгрии обостряется и зреет внутривластный кризис.

Демонстрация была использована враждебными элементами как повод для начала активных действий. Под прикрытием демонстрации ослепленных, взбудораженных людских масс, под покровом наступившей ночи на арену выступили вооруженные отряды и группы.

Примерно в 19 часов 23 ноября совпосол Ю.В. Андропов позвонил по телефону ВЧ генерал-лейтенанту Лашенко и проинформировал его об обстановке в Будапеште и спросил, может ли он направить наши войска для оказания помощи в ликвидации беспорядков в Будапеште. П.Н. Лашенко в моем присутствии ответил ему, что наводить порядок там должна венгерская полиция, органы госбезопасности и венгерская армия. Не в его компетенции и нежелательно привлекать наши войска для выполнения подобных задач. Наши войска могут быть привлечены только по

решению Советского правительства и соответствующего распоряжения министра обороны СССР или начальника Генерального штаба (кстати, генерал Лашенко подобное говорил послу еще перед июльским пленумом ЦК ВПТ).

Через час последовало распоряжение из Генерального штаба Вооруженных Сил СССР о приведении соединений и частей Особого корпуса в боевую готовность.

Тем временем вооруженные группы в Будапеште для захвата оружия и боеприпасов совершили нападение на здания районных центров Венгерского добровольного союза защиты Родины, полицейские управления, казармы, оружейные склады и заводы, а также отнимали оружие у венгерских солдат.

Комендант Будапешта полковник Кузминов сообщил, что вооруженные группы начали захватывать важные объекты. На улицах и площадях города появились грузовые автомобили, из которых раздавали оружие и боеприпасы. Автомашины с венгерскими солдатами не могли пробиться к назначенным объектам сквозь колонны демонстрантов, в некоторых местах они были разоружены или примкнули к демонстрантам.

Выступившего в 20 часов по радио первого секретаря ЦК ВПТ Эрне Гере демонстранты не слушали. Он говорил о контрреволюционном характере выступления в Будапеште, в нем были смешаны в одну кучу враги, оппозиция и просто недовольные люди, требующие устранения недочетов. При этом им не были определены пути выхода из сложившейся обстановки и отсутствовали даже призывы к трудящимся и коммунистам. По существу, его выступление по радио сыграло отрицательную роль в дальнейшем развитии событий.

Вечером по городу распространялись слухи о том, что сотрудники госбезопасности стреляют в демонстрантов у зданий Радио. В действительности с 21 часа здания Радио находились под обстрелом, а несколько его защитников были убиты и ранены, тогда охрана получила разрешение на открытие огня. Через некоторое время все здания Радио были захвачены нападающими.

Когда в Главное полицейское управление стали поступать донесения из районных управлений полиции о появлении «демонстрантов», требующих оружия, начальник управления подпол-

ковник Шандор Копачи распорядился: в повстанцев не стрелять, в действия их не вмешиваться.

Толпа появилась и перед зданием Главного управления полиции, потребовала освобождения заключенных и снятия красных звезд с фасада здания. Тут же безоговорочно были выполнены эти требования, действия начальника полиции вызвали ликование толпы.

События 23 октября показали, что в Будапеште под прикрытием демонстрации началось вооруженное выступление.

Венгерское правительство просит помощи

В ночь на 24 октября Имре Надь стал главой правительства, вошел в состав Политбюро ЦК Венгерской партии трудящихся, а его сторонники получили важные посты в государственном и партийном аппарате.

На состоявшемся в ту же ночь экстренном заседании ЦК Венгерской партии трудящихся были выработаны рекомендации правительству о принятии решительных мер для восстановления порядка и защиты Народной Республики. Правительству предлагалось без промедления вооружить рабочих и с оружием в руках выступить против контрреволюции и разгромить ее при помощи советских войск, находящихся в стране, а также объявить чрезвычайное положение.

В соответствии с этим решением венгерское правительство с согласия Имре Нады обратилось к правительству СССР с просьбой об оказании советскими войсками помощи в восстановлении порядка в столице Венгрии.

Позднее советский посол Ю.В. Андропов нам сообщил, что совет министров Венгрии направил советскому правительству телеграмму: «Совет министров Венгерской Народной Республики просит правительство Советского Союза прислать на помощь советские войска в Будапешт для ликвидации возникших беспорядков, быстрого восстановления порядка и создания условий для мирного созидательного труда».

В 23 часа 23 октября начальник Генерального штаба маршал В.Д. Соколовский отдал распоряжение командиру Особого

корпуса по телефону ВЧ о выдвигении советских войск в город Будапешт с задачей оказания помощи венгерским войскам в восстановлении порядка.

В соответствии с этим распоряжением сразу после полуночи (в 0.30—1.00) 24 октября наши соединения и части начали движение в Будапешт из районов Кечкемет, Цеглед, Сольнок, Секешфехервар, Шарбогард и других. Им предстояло совершить 75—120-километровый марш.

Командир Особого корпуса генерал-лейтенант Лашенко с оперативной группой штаба из Секешфехервара выехал в Будапешт. Наша колонна состояла из нескольких легковых автомобилей, радиостанции, бронетранспортера и двух танков. Когда прибыли в Будапешт, увидели, что в городе, несмотря на позднее время, царило оживление. По некоторым улицам следовали грузовые автомобили с вооруженными гражданскими лицами. Ближе к центру города во многих местах продолжались митинги, было много народу с факелами, флагами и транспарантами. Со всех сторон доносились резкие звуки выстрелов, пулеметные и автоматные очереди.

К зданию министерства обороны, следуя по центральным улицам, мы проехать не смогли. У парламента, в городском саду, у музея и в других местах были толпы митингующих. Двигаясь по узким улицам и переулкам, иногда нарушая правила уличного движения, мы с трудом пробились к зданию министерства обороны.

По прибытии в министерство обороны ВНР в 2 часа ночи 24 октября нам сообщили, что вечером 23 и в ночь на 24 октября совершено вооруженное нападение на здания Радио, телефонную станцию, редакцию газеты «Сабад неп», оружейные склады, заводы, вокзалы, полицейские управления, казармы воинских частей, зенитные батареи в Буде, базы автотранспорта и что в центре города происходили демонстрации, в западной части (в Буде) — относительно спокойно. Основные силы восставших действуют в центре — в VIII и IX районах города.

Наш командный пункт расположился в здании министерства обороны, так как там имелась правительственная связь ВЧ с Москвой и облегчалась организация взаимодействия с венгерским командованием.

Генерал Лашенко возложил на меня руководство оперативной группой штаба Особого корпуса.

В министерстве обороны Венгрии царил нервная обстановка и неразбериха. Данные о событиях и действиях повстанцев, венгерских частей и полиции были противоречивыми.

Министр обороны Иштван Бата и особенно начальник Генерального штаба Лайош Тот были в подавленном, паническом состоянии, отдавали противоречивые распоряжения. Так, при нападении на оружейные склады из Генштаба был передан приказ: «Не стрелять». В то время когда нападающие уже вели огонь повсюду, некоторые венгерские воинские подразделения направлялись для усиления охраны объектов без боеприпасов и у них отбирали оружие.

Нам было сообщено, что здания Радио удерживаются и для усиления их охраны высланы танки и до батальона пехоты. В действительности, как выяснилось позднее, там была небольшая группа сотрудников госбезопасности и военнослужащих и все здания были захвачены. Никто не знал, почему полиция и венгерские части не принимают мер в наведении порядка.

Как только мы прибыли в министерство обороны, сразу же посыпались просьбы из Центрального Комитета партии, от венгерского правительства, министерства обороны и наших военных советников. Наряду с требованиями усилить оборону важнейших объектов они просили немедленно взять под охрану здания райкомов партии, полицейских управлений, казарм, различных складов, и даже квартиры отдельных лиц. Естественно, что для всего этого требовалось большое количество войск, которых у нас не было, и главное, это не решало основного вопроса — разгрома вооруженных отрядов и восстановления порядка.

На наш вопрос: «Неужели полиция и венгерские части не смогут защитить свои здания и казармы?» — нам не смогли дать ответа.

В министерстве обороны обстановку знали плохо. В Будапеште находилось около 7 тысяч венгерских солдат и 50 танков, но их сосредоточили на десятках объектов, и никто в венгерском Генштабе не знал, где и сколько находится сил, и они, конечно, не использовались для активной борьбы с вооруженными группами. Однако

главной причиной их бездеятельности было отсутствие твердых указаний руководства и незнание им того, что и как делать.

Данные об обстановке от венгерских офицеров продолжали поступать противоречивые.

Сложившаяся обстановка в Будапеште потребовала уточнения прежнего плана наших действий, так как рассчитывать на помощь венгерской полиции и армии и совместные с ними действия было нереально. Необходимо было в первую очередь выбить вооруженные группы из захваченных объектов, взять все важные объекты города под охрану и ликвидировать вооруженные отряды, находившиеся в центре — в VIII и IX кварталах города.

В связи со сложившейся обстановкой в центральной части города, где происходили демонстрации и были сосредоточены основные силы восставших, а также задержкой подхода частей, выдвигавшихся из Сольнока и Цегледа, которые по плану должны были взять под охрану объекты в центральной части города, задачи частям дивизии генерала Лебедева были уточнены.

37-й танковый и 4-й механизированный полки вместо занятия ими районов в Буда были перенацелены для действий в центральной части города.

Для встречи выдвигающихся частей, уточнения им задач и ускорения их подхода были направлены начальник артиллерии корпуса полковник С.Е. Кузьмин и заместитель начальника оперативного отдела полковник А.А. Рукавцев.

Советские войска в Будапеште

При входе в город наши части были обстреляны повстанцами и забрасывались камнями. На улицах было много народа, в ряде мест на окраинах были созданы баррикады.

Несмотря на обстрел, наши части огня не открывали. Командир роты мотоциклетного батальона капитан А. Прохоченков, увидев баррикады, просил, чтобы их пропустили, в это время он был убит.

Подошедшие части были встречены сильным огнем на улицах Юлеи, Маркушовски, проспект Хунгария и на подступах к некоторым объектам.

Первыми в Будапешт, к 4 часам утра 24 октября, прибыли заместитель командира 2-й гвардейской мехдивизии полковник И. Бичан во главе танкового полка и командир мотоциклетного батальона подполковник Г. Добрунов со своим батальоном.

Командиру батальона была поставлена задача вести разведку по основным маршрутам и в центре города, установить места действий вооруженных групп, их силы, а также характер действий населения, полиции и венгерских частей. Огонь открывать только при нападении. 37-й танковый полк получил задачу взять под охрану здания ЦК ВПТ, парламента, советского посольства, мосты через Дунай и освободить здание Радио.

Для вывода наших подразделений к объектам были выделены венгерские офицеры, некоторые из них, обеспечивающие выход к зданию Радио и другим объектам, по пути сбежали.

К 6 часам главные силы 2-й механизированной дивизии подошли к Будапешту. Их подход был несколько задержан сильным туманом и нераспорядительностью командования дивизии. Командир дивизии со своим штабом прибыл в город с запозданием, на обочине дороги он остановил свою машину и уснул, начальник штаба И.Ф. Олежко не проявил должной распорядительности.

В связи с этим задачи подходящим частям пришлось непосредственно ставить их командирам.

Подошли 6-й механизированный полк из Сольнока, затем тяжелый танкосамоходный полк из Цегледа.

Частям дивизии были поставлены задачи: усилить охрану здания ЦК, парламента, взять под охрану министерство иностранных дел, банк, аэродром, склады оружия, освободить Центральную телефонную станцию, редакцию газеты «Сабад неп», разоружать вооруженные группы и передавать их полиции.

Подошедшие части с ходу вступили в бой, очистили от вооруженных групп ряд объектов, захватили вокзалы, мосты и некоторые склады.

В течение дня были взяты под охрану важные правительственные объекты: здания ЦК Венгерской партии трудящихся, парламент, горсовет, горком, госбанк, главпочтамт, вокзалы, мосты через реку Дунай, а также советское посольство и военная комендатура.

Подразделениям танкового полка удалось очистить от повстанцев одно из зданий Радио. Однако отсутствие пехоты не дало возможности овладеть всеми зданиями Радио, три наших танка были подбиты. Продолжались бои в центральной и юго-восточной части города, у здания Радио и районе кинотеатра «Корвин», прилегающих к ним кварталах и на улице Юллей.

К полудню 24 октября в основном разобрались с обстановкой в городе, она вырисовывалась следующей.

Ряд важных объектов в городе захвачены вооруженными группами, полиция повсеместно бездействует, венгерские части задач по ведению активных действия не имеют. Некоторые подразделения и многие военнослужащие венгерской армии перешли на сторону восставших, другие продолжают выполнять поставленные задачи. Вооруженные отряды и группы повстанцев были обнаружены в Обуде, на площади Сена, на улице Пратер, в переулке Корвин, в казармах Килиана, на проспекте Ракоци, бульваре Музеум, на улицах Марош, Шандора Петефи, на площади Республики и в других районах.

Активно действовали вооруженные группы во II, VIII и IX районах. Последующие события показали, что уже в первый день разведка обнаружила основные вооруженные отряды и определила районы их действий. Общая численность обнаруженных вооруженных групп составляла до двух-трех тысяч человек.

Надо сказать, что при сборе данных обстановки встретились с определенными трудностями, недостаточно было разведывательных подразделений. Комендатура города не понимала своих новых задач и получением информации не занималась. Некоторые венгерские офицеры неохотно и иногда необъективно информировали об обстановке.

Мне потребовалось проявить фронтовую настойчивость в организации получения необходимых сведений, их анализа, обобщения и усиления активных действий разведподразделений по добыванию данных.

Умело действовал в сложной обстановке в городе, при отсутствии привычной линии фронта и крайне ограниченном времени на выполнение задачи, мотоциклетный батальон под командованием подполковника Г.Т. Добрунова. Для ведения разведки он

выслал разведывательные дозоры на боевых машинах-танках, бронетранспортерах и мотоциклах на важнейшие магистрали и лично возглавил отряд, действующий в центре города.

На мосты через Дунай для наблюдения за всеми передвижениями были направлены группы разведчиков с радиостанциями.

Для выявления мест размещения и районов действий боевиков разведчики на боевых машинах часто действовали «покавалерийски»: высланный дозор мчался на высокой скорости, вызывал огонь на себя, а командир наблюдением определял расположение повстанцев.

Захват вооруженных лиц и их допрос позволяли установить расположение и силы восставших.

К середине дня поставленные задачи Добрунов в основном выполнил, что во многом способствовало выяснению обстановки в городе.

24 октября боевые действия происходили в центральной части Будапешта. В первый день потери наших частей составили 20 убитыми и 48 ранеными, были подбиты 4 танка, 4 бронетранспортера и сжжены несколько автомашин.

Захвачены около 300 вооруженных лиц, они были разоружены и переданы венгерской полиции. Однако в городе продолжало действовать большое количество вооруженных групп, в их составе уже насчитывалось около 3 тысяч человек. Разгромить их без участия полиции и венгерских частей не представлялось возможным. Необходимых сил для этого у нас не было.

Общий состав и численность наших частей, подошедших 24 октября в Будапешт, не превышал одной дивизии и составлял около 6 тысяч человек.

В огромном городе с населением 2 млн человек этих сил даже для поддержания порядка было недостаточно.

В венгерском министерстве обороны продолжалась неразбериха и паника. Когда венгерское правительство приняло решение вооружить рабочих заводов, руководство министерства сообщило, что не имеет возможности обеспечить их оружием, а когда позднее оружие нашлось, оказались неспособными организовать его доставку, и много оружия попало в руки повстанцев.

Венгерские воинские части на периферии никаких задач, в том числе по охране важнейших объектов, не получали.

Подошедшим во второй половине дня из района Хаймашкер танковому и механизированному полкам 17-й механизированной дивизии во главе с замкомдивом полковником А. Кузнецовым была поставлена задача обеспечить поддержание порядка в западной части города — в Буде и охранять мосты через реку Дунай. Основные силы танкового полка составляли наш резерв.

В полдень по венгерскому радио было объявлено постановление правительства о введении в Будапеште чрезвычайного положения. С введением чрезвычайного положения был установлен комендантский час, жителям города запрещалось выходить на улицу до 7 часов утра, проводить митинги и собрания, вводились военно-полевые суды. Предлагалось прекратить вооруженную борьбу и сложить оружие.

Мы надеялись, что осуществление этих мер будет способствовать ликвидации вооруженных групп и восстановлению порядка в самое ближайшее время.

По радио выступил секретарь Центрального Комитета Венгерской партии трудящихся Янош Кадар. В своем выступлении он говорил:

«Рабочие, товарищи! Демонстрация студентов, начавшаяся со значительной частью приемлемых вначале требований, быстро превратилась в демонстрацию против нашего народно-демократического строя, и под ее покровом началось вооруженное выступление...»

Новое венгерское партийное руководство и правительство Имре Надя, признавая справедливые требования восставших, вооруженное выступление расценивали как контрреволюционное по своему характеру.

Янош Кадар и Имре Надь называли восставших, выступивших с оружием в руках, мятежниками и контрреволюционерами.

Призвав советские войска для оказания помощи, они считали необходимым их участие в борьбе с повстанцами для восстановления порядка и спокойствия в стране.

Наши части охраняли важнейшие общественные здания и объекты и осуществляли патрулирование по улицам в центре

города, нередко они подвергались нападению повстанцев, внезапно открывавших огонь.

Сложившаяся к исходу дня обстановка дала возможность прессе ряда стран заявить, что выступление в Будапеште потерпело неудачу. Мы считали, что проведение чрезвычайных мер и помощь наших частей не позволят вооруженным группам наращивать свои действия.

Однако в ночь на 25 октября к нам стали поступать тревожные новости: венгерские части и полиция по-прежнему бездействуют, из многих тюрем выпущены арестованные, через австрийскую границу, не встречая сопротивления пограничной охраны, хлынули эмигранты и вооруженные группы.

Имре Надь, без ведома партийного руководства и согласия советского командования, утром 25 октября отменил комендантский час, запрещение собираться группами и устраивать демонстрации. Это препятствовало ликвидации вооруженных очагов и дало возможность организовать новые демонстрации.

Вскоре многочисленные группы демонстрантов из переулков устремились к главным магистралям. Толпа в несколько тысяч человек с национальными знаменами двинулась к парламенту.

Венгерские офицеры, охранявшие парламент, призывали толпу разойтись, но тщетно. Людская лавина напирала и вот уже смешалась с нашими офицерами и солдатами из охраны, многие подошли к стоявшим здесь танкам, забрались на них и втыкали знамена в стволы орудий. В это время с чердаков зданий, находящихся на площади против парламента, был открыт огонь по демонстрантам и советским военнослужащим. Два венгерских танка, сопровождавших демонстрантов, произвели несколько выстрелов и исчезли. Командир одного из наших подразделений был убит. Советские солдаты и сотрудники госбезопасности, охранявшие парламент, открыли ответный огонь по крышам зданий, откуда стреляли. На площади Лайоша Кошута возникла невообразимая паника. Толпа с первыми же выстрелами стала разбегаться. Ища укрытия, многие бросились к стенам парламента. Минут через десять — двенадцать перестрелка утихла. Пользуясь этим, многие из демонстрантов поспешили покинуть площадь. Якобы около 70 человек из числа демонстрантов погибли и многие ранены.

Погибли также несколько наших военнослужащих и венгерских полицейских.

А в городе из уст в уста передавалась весть: «Работники госбезопасности и советские войска стреляли в безоружную толпу у парламента!»

Было ясно, что эту провокацию устроили, чтобы использовать ее против советских войск и венгерских органов безопасности. Преувеличив число убитых и раненых и обвинив в случившемся венгерские органы безопасности и советские войска, начали подстрекать будапештцев к активной борьбе и разгрому органов безопасности.

К этому времени выяснилось, что кроме Будапешта беспорядки начались и в других городах. В Секешфехерваре, Кечкемете, Сексарде и других для поддержания порядка были привлечены подразделения артиллерийских и зенитных частей, расположенные в гарнизонах этих городов.

Прибытие в Будапешт советских руководителей

В Будапешт начали прибывать советские партийные, государственные и военные руководители.

Утром 25 октября на наш командный пункт в здании министерства обороны неожиданно прибыли председатель Комитета госбезопасности И.А. Серов, первый заместитель начальника Генштаба генерал армии М.С. Калинин с небольшой группой генералов и офицеров. Не заслушав наших докладов, они высказали недовольство нерешительными действиями наших частей, неспособных справиться с группами вооруженных студентов.

Об этом сразу И.А. Серов доложил по ВЧ нашим высшим политическим и военным руководителям. Меня поразило, что он с ними говорил на «ты» и, не разобравшись, необъективно доложил.

Когда он окончил разговор, я по молодости, не представляя возможных последствий, сказал ему, что вы, Иван Александрович, не разобрались с обстановкой, повсюду в городе идут бои, для решительных действий требуется больше сил, у нас всего одна дивизия. Чтобы убедиться в этом, давайте на танках и бронетран-

спортерах поедем по городу. И.А. Серов согласился. Когда провез прибывшего с генералом армии Малининым заместителя начальника оперативного управления Главного штаба Сухопутных войск генерал-майора И.М. Повалия по городу и по нам дважды открыли огонь из пулеметов и неоднократно преграждали путь, мы возвратились в министерство обороны. Они поняли, что здесь действительно происходит. П.Н. Лашенко понравилось, что я не испугался Серова, и сказал мне, чтобы я и впредь никого и ничего не боялся, он меня защитит, а его защищать некому.

Прибывшим позднее А.А. Микояну и М.С. Суслову они уже докладывали более объективно. Наши доклады касались действий войск в Будапеште, при этом мы отметили, что бездеятельность полиции и частей венгерской армии способствует усилению действий вооруженных отрядов и групп.

Генерал армии Малинин с генералом Лашенко поехали в парламент представляться главе венгерского правительства И. Надю, проинформировать о подходе двух наших дивизий в Будапешт и согласовать вопросы, связанные с отменой комендантского часа, и другие.

Позвонили из посольства, сообщили, что машину посла Ю.В. Андропова, выехавшего встречать Микояна и Суслова, у моста через Дунай обстреляли, и просили прислать бронетранспортер.

В тот же день прибывшие в Будапешт Микоян и Суслов после встречи с И. Надем и Я. Кадаром по пути к нам остановились на площади у здания министерства обороны, где находились наши части, там они разговаривали с офицерами и солдатами.

Генерал Лашенко их встретил, я наблюдал и слушал эту беседу. Микоян держался просто и общительно. Спрашивал о трудностях солдатской службы, интересовался, как кормят, где спят. Солдаты отвечали, что спят в машинах или под машинами, в дома им заходить не разрешают, но это не беда, было бы только время для сна.

Разговор Суслова с личным составом напоминал проповеди. Он говорил о контрреволюции в Венгрии, нашем долге, международной помощи СССР венгерскому народу, что нам Венгрию оставлять нельзя, сюда сразу же придут американцы и их союз-

ники по НАТО. Один из офицеров сказал, что же они просили помощь, а в нас стреляют.

В беседе с нами Микоян и Суслов интересовались действиями советских и венгерских войск в Будапеште. Они отметили, что наши войска ведут себя образцово, их настроение и организованность хорошие.

На следующий день генерал Лащенко был приглашен И. Надем в парламент. Он позвонил из посольства и попросил срочно привезти ему в парламент ряд документов: план города с обстановкой, справку о наших войсках и схему событий на площади у парламента. Проверив документы, я направился в парламент. В здании парламента шло рабочее совещание, его вел И. Надь, присутствовали Антал Апро, Иштван Ковач (ВПТ), Янза Карой и другие. После информации министра внутренних дел Л. Пироша П.Н. Лащенко был задан вопрос: «Советские танки стреляли по демонстрантам?» Он ответил, что здесь правильно говорили, что они не стреляли. После этого И. Надь попросил, чтобы мы согласовали наши действия с председателем Военного комитета Анталом Апро и новым министром обороны Янзой Карой.

Мне запомнилась импозантная внешность Имре Надя, он произвел впечатление умного политика и хитрого венгра.

Военный комитет во главе с Анталом Апро не сыграл своей роли, оказался беспомощным и не смог влиять на действия силовых структур, настораживали пассивность действий венгерской армии и полиции.

Подход новых частей и действия войск в городе

В связи с информацией генерала армии Малинина о подходе в ближайшее время к Будапешту 33-й гвардейской механизированной и 128-й гвардейской стрелковой дивизий, выдвигающихся из Румынии и Закарпатья, и передаче их в состав Особого корпуса надо было уточнить наш план и определить задачи

Я предложил генералу Лащенко 33-ю мехдивизию направить в центральную часть города, где больше всего было вооруженных отрядов и групп.

128-ю стрелковую дивизию направить в западную часть города — в Буду. Основные силы нашей 2-й мехдивизии использовать в северной части города и часть ее сил иметь в резерве. Это позволит увеличить силы, действующие в первом эшелоне, и взять под контроль ситуацию в городе.

Два полка 17-й мехдивизии возвратить в свою дивизию, направить в район Сомбатхей, так как они требуются для усиления границы.

По существу, дивизии будут действовать в соответствии с прежним планом, но в каждом из трех секторов вместо двух полков будет действовать дивизия.

Генерал Лашенко согласился с этими предложениями.

25 октября из Румынии в Будапешт подошла 33-я гвардейская механизированная дивизия генерала Г.И. Обатурова, к вечеру из Закарпатья — 128-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Н.А. Горбунова.

К этому времени сопротивление повстанцев в центральной части города возросло. 33-й дивизии была поставлена задача — очистить от вооруженных отрядов центральную часть города в секторе Кебанья, ул. Юллей и районы, прилегающие к реке Дунай, в том числе здания Радио, казармы «Килиан» и район кинотеатра «Корвин».

Следовавший в авангарде дивизии 104-й механизированный полк, продвигаясь вдоль набережной с боями, первым вышел к парламенту.

Подошедшему к исходу 25 октября 315-му гвардейскому стрелковому полку подполковника Н.С. Никифорова — передовому отряду 128-й гвардейской стрелковой дивизии — была поставлена задача восстанавливать порядок, уничтожая вооруженные отряды в Буде — в западной части города.

В центральной части города вооруженные отряды создали опорные пункты и оказали сильное сопротивление, применяя для борьбы с танками противотанковые и зенитные орудия, гранатометы, противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью.

Части дивизии Обатурова, не произведя разведки, вначале понесли большие потери. Был подбит танк командира полка, уничтожены две штабные радиостанции. Артиллерийский полк на

проспекте Ференц попал в засаду, большие потери понес второй дивизион. Командир полка полковник С.Н. Коханович был тяжело ранен и по дороге в госпиталь скончался.

Командир дивизии генерал Обатуров и его штаб во главе с Давыдовым только в течение следующего дня организовали разведку очагов сопротивления и боевые действия частей. В последующие дни части дивизии очистили ряд кварталов в центральной части города, однако не смогли овладеть опорными пунктами «Корвин» и казармами «Кириан», где находилось несколько сот человек, имевшими танки и орудия. Этот узел сопротивления являлся основным оплотом повстанцев в городе, его ликвидация могла иметь решающее значение для разгрома вооруженных отрядов в Будапеште.

26 октября начались активные действия в западной части города — в Буде. Подошедшей 128-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Горбунова была поставлена задача — уничтожить повстанцев в этом районе и обеспечить поддержание порядка в Буде, сменив части 17-й мехдивизии.

В Будапеште теперь действовали три наши дивизии — две механизированные и одна стрелковая. Их общая численность достигала 20 тысяч человек, но в полках этих дивизий было мало пехотинцев.

17-я гвардейская механизированная дивизия Особого корпуса основными силами прикрывала австро-венгерскую границу на участке Ленти, Сентготхард протяженностью 125 км.

По решению командира дивизии генерала А.В. Кривошеева для прикрытия границы были созданы отряды и погранзаставы.

Одновременно части дивизии обеспечивали поддержание порядка несением гарнизонной, комендантской службы в областях Дьер, Ваш, Веспрем.

Нам в Будапеште постоянно докладывал обстановку начальник штаба дивизии полковник Г.И. Жеребцов.

57-й механизированный, 83-й танковый и 1043-й артиллерийский полки 17-й мехдивизии в последних числах октября возвратились в свою дивизию. Учебно-танковый батальон охранял штаб корпуса в Секешфехерваре.

Основная роль в руководстве боевыми действиями в Будапеште принадлежала генерал-лейтенанту Петру Николаевичу Ла-

щенко. Он твердо, спокойно и уверенно руководил соединениями и частями и не менял принятых решений. Большой боевой опыт в годы войны, высокая оперативная подготовка, реализм и трезвый ум обеспечили управление войсками и выполнение ими задач в короткий срок с минимальными потерями. С начальниками он держался спокойно и независимо, но иногда сетовал на вмешательство политических деятелей и ответственных сотрудников КГБ в действия войск, считая это ненужным.

Мне он разрешал подписывать многие документы, прислушивался к предложениям, что облегчало нашу работу.

Оперативная группа в Будапеште была немногочисленной (около 50 человек). Вначале необычные условия обстановки, много возникающих разнообразных задач, новые дивизии с незнакомыми командирами и штабами оказывали определенное влияние на нашу работу. Большая часть личного состава штаба нашего корпуса осталась в Секешфехерваре, поддержание с ними телефонной связи затруднялось из-за перебоев в ее работе, офицеры штаба не всегда действовали в соответствии с обстановкой и мало помогали нам в управлении частями. Из-за отсутствия машинисток, чертежников всю техническую работу выполняли офицеры оперативной группы. Многим из нас целыми сутками, без отдыха (спали по 3—4 часа) пришлось напряженно работать. Конечно, были и такие, которых нельзя было найти в нужный момент.

Управление войсками в Будапеште нам значительно облегчала работающая городская телефонная связь, которую мы широко использовали для получения данных обстановки и передачи распоряжений командирами и штабами соединений и частей.

Нашей оперативной группе в Будапеште оказывала помощь группа Генштаба генерала армии М.С. Малинина. Генерал М.И. Повалий находился вместе с нами и информировал об обстановке в Венгрии, получаемых из нашего Генерального штаба решениях, принятых руководством министерства обороны, о направлении войск в Венгрию, в том числе и передаваемых в состав Особого корпуса, сроках их подхода, согласовывал направления их действий и задачи. Мы обменивались содержанием наших донесений, направляемых в Генштаб, и нередко вместе их готовили.

Генерал армии М.С. Калинин больше общался с генералом П.Н. Лашенко, Ю.В. Андроповым и А.И. Серовым, а также руководителями венгерского правительства. У нас он появлялся обычно неожиданно, иногда уточнял задачи войск и давал рекомендации по их выполнению. М.С. Калинин докладывал начальнику Генерального штаба маршалу В.Д. Соколовскому, тем самым освобождая нас от частых переговоров с Генштабом.

Министр обороны Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в действия войск Особого корпуса не вмешивался, не звонил по телефону ВЧ, не присылал грозных шифровок и указаний, нас не ругал, вероятно понимая сложность политической обстановки и наши трудности.

Венгерское правительство в последующем к нам обращалось с противоречивыми просьбами, сводившимися к тому, чтобы наши войска огня не вели, открывали только ответный огонь, что затрудняло выполнение ими своих задач, затем чтобы не предпринимали активных действий, но продолжали выполнять свои задачи.

Поскольку наше командование исходило из того, что оно призвано на помощь венгерским правительством, по возможности выполняли эти пожелания. Конечно, все это затрудняло наши действия и способствовало восставшим наращивать свои силы.

В первые дни нам было сложно правильно оценивать происходящие события. В них одновременно проявлялся справедливый протест трудящихся против ошибок Ракоши — Гере, стремление правительства Имре Надя исправить эти ошибки. Вместе с тем, стали наблюдаться скрытые попытки изменить существующий строй, а затем даже стремление к реставрации прежнего режима.

Венгерское правительство обратилось за помощью к советским войскам, но никаких решительных мер по наведению порядка не предпринимало.

В политическом и государственном руководстве отсутствовала четкая оценка событий. И. Надь и Я. Кадар первоначально осудили контрреволюционные элементы. Втянув советские войска в боевые действия и тем самым вызвав недовольство народа, венгерское правительство своей армии задач на активные действия по наведению порядка не ставило, отменило комендантский час, что

способствовало действиям антиправительственных элементов. После отмены комендантского часа потребовало вести только ответный огонь, затем — огня не вести, в последующем потребовало отменить атаку основного узла сопротивления вооруженных отрядов в районе «Корвин».

Конечно, задача по наведению порядка в Будапеште могла быть решена только совместно, при активных действиях венгерской армии, полиции и органов госбезопасности.

Когда наши войска получили приказ — огня не открывать, этим воспользовались вооруженные группы для усиления своих сил и действий из-за угла. Так, подразделение 6-го механизированного полка во дворе одного дома принимало пищу, внезапно из окна в упор был открыт огонь из автомата, девять человек были ранены и один убит.

В поселке Дунакеси, 20 км севернее Будапешта, вооруженная группа совершила нападение на наших солдат, следовавших на двух машинах с продовольствием и горючим. Они подожгли бензоцистерну и грузовую машину, уничтожили 8 солдат охраны и захватили старшего группы, раненого капитана Г.И. Моисеенкова, издевались над ним, а затем завернули в плащ-палатку, облили бензином и подожгли.

В те же дни массовые волнения из Будапешта перекинулись в провинцию. Прибывшие из столицы эмиссары стремились вызвать столкновения, организовали погромы и захват власти. В городах и населенных пунктах создавались «революционные комитеты», которые брали власть в свои руки. Были освобождены из тюрем несколько тысяч уголовных преступников, они пополнили ряды повстанцев и заняли главенствующее положение во многих созданных органах власти, запугивая и преследуя честных граждан. В городе Кечкемет выпущенные из тюрем разграбили склад оружия и начали совершать террористические акты и грабежи.

Вооруженные группы громили здания областных, городских и районных комитетов партии и советов, разоружали полицию, склоняли венгерские части и подразделения к сдаче оружия и переходу на их сторону, расстреливали государственных и партийных работников и активистов.

Они пытались разоружить наших военнослужащих и небольшие группы солдат. Генерал Лашенко потребовал оказывать им решительное сопротивление. Командиры подразделений были предупреждены, что будут строго наказаны, если допустят разоружение и захват оружия и боеприпасов.

Вооруженные группы пытались совершить нападение и на объекты наших войск. Однажды мне звонит командир 195-й гвардейской истребительной авиационной дивизии полковник П.С. Кирсанов и говорит, что восставшие совершают нападения на склады и аэродром, и просит прислать для их охраны танки. Посоветовал ему поставить самолеты в круг и открыть огонь из пушек и пулеметов по нападающим. Это их отрезвит.

Вооруженные отряды и группы часто возглавлялись лицами, знающими особенности уличных боев, их командирами были бывшие хортистские офицеры и жандармы.

В нашей печати систематически сообщалось, что вооруженное выступление в Венгрии инспирировано Западом и в нем в основном участвуют бывшие хортистские офицеры, жандармы и подрывные элементы, переброшенные с Запада. Конечно, они принимали участие в вооруженной борьбе.

Однако следует отметить, что выступление носило массовый характер, в нем участвовали тысячи трудящихся, недовольных руководителями и режимом Ракоши — Гере.

Радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки» не были безучастными в этой борьбе. Они призывали к усилению активных действий. При этом, наряду с объективным освещением ряда событий, многие факты в пропагандистских целях преподносили искаженно. Например, сообщали о расстреле советскими частями демонстрации на площади у парламента 25 октября. Не задумываясь над тем, что если хотя бы один наш танк или пулемет открыл огонь по демонстрантам, то погибли бы не десятки человек, а сотни и тысячи. Радиостанция «Свободная Европа» замалчивала факты жестокого террора, повстанцы даже разгром Будапештского горкома партии и его защитников подавали как вынужденную меру, «справедливый гнев масс», и что в горкоме скрывались венгерские сотрудники госбезопасности и их узники. Конечно, никого из них там не было.

В те дни события в Венгрии развертывались с головокружительной быстротой, они определяли сложность военно-политической обстановки, в которой пришлось действовать нашим войскам в Будапеште. Не все подробности этих событий нам были известны тогда, но мы все время чувствовали, что в венгерском правительстве нет единства по вопросам борьбы с восставшими и восстановления порядка.

В этих сложных условиях командованию и нашим войскам действовать было трудно, творились непонятные вещи. Так, в первые дни, разоружив повстанцев и передав их полиции, мы считали, что с ними покончено. Однако через несколько дней снова захватывали и разоружали некоторых из этих лиц. После стало известно, что по распоряжению начальника полиции Шандора Копачи все задержанные были отпущены.

С началом выступления венгерское правительство Имре Надя потребовало вооружить партийный актив. По распоряжению правительства было выделено и доставлено некоторое количество оружия в райкомы, в полицию и на крупные предприятия, а в действительности оно попало в другие руки и использовалось для борьбы с советскими частями и венгерскими сотрудниками госбезопасности. Когда стало об этом известно, венгерские руководители заявили нам, что все оружие якобы было захвачено восставшими.

В период событий многие члены партии, хотя и остались верны своим идеям, в трудные часы борьбы проявили нерешительность, заколебались и тем самым ослабили партию, она не смогла овладеть сложной обстановкой и оказалась деморализованной.

Преданные коммунисты, люди, защищавшие общественные здания, министерства, райкомы, 26—27 октября получили приказ венгерского правительства: «В интересах прекращения кровопролития немедленно сдать все оружие». Многие, выполнив этот приказ, оставшись без оружия, вскоре были убиты повстанцами, которые оружия, конечно, не сдали.

Части венгерской армии сопротивления восставшим не оказывали, приказов о ведении активных и решительных действий не получали, и в лучшем случае они бездействовали.

Многие подразделения и части венгерской армии и полиции под влиянием событий распались, что дало возможность захватить

большое количество их оружия и боеприпасов. На сторону восставших перешли некоторые подразделения венгерских частей, строительных батальонов, зенитных частей, а также ряд офицеров.

Наши солдаты и офицеры, несмотря на потери, неплохо относились к венгерскому населению. Вначале мы верили в рабочий класс и помогали обеспечить его оружием. Многие венгерские трудящиеся видели в советских войнах своих защитников и оказывали им помощь. Не раз охрана некоторых заводов оказывала поддержку нашим подразделениям. Рабочие, врачи, медсестры, несмотря на угрозы, оказывали помощь раненым, снабжали солдат продовольствием.

В те суровые дни мне пришлось встречаться не только с советскими и венгерскими руководителями и военачальниками, но и некоторыми активными участниками вооруженного выступления.

Кажется, 26 или 27 октября доложили, что назвавший себя руководителем «революционного национального комитета» Йожеф Дудаш просит, чтобы его принял командующий советскими войсками в Венгрии. Генерала Лашенко не было, и пришлось мне с ним разговаривать. Дудаш был разочарован, что его не принял командующий и ему предстоит разговаривать с полковником. Я сказал ему, что остался вместо командующего и все его просьбы будут доложены. Дудаш заявил, что он является председателем «революционного национального комитета», выступает против правительства и просит о признании нами этого комитета высшим органом власти в Венгрии. Кроме того, он сказал, что в годы Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления против фашизма, был в составе венгерской делегации, которая вела переговоры в Москве в 1944 году о капитуляции, затем был репрессирован, а сейчас возглавляет руководство всеми вооруженными отрядами, издает газету, его резиденция находится в редакции «Сабад неп». Ему подчинены командиры всех крупных вооруженных отрядов. Сейчас в его руках находится реальная политическая власть и военная сила, они не ведут борьбу с советскими войсками.

Я ответил — разбирайтесь сами с правительством, кому принадлежит у вас реальная власть. Советские войска в Будапешт призвало венгерское правительство, и мы, естественно, призна-

ем это правительство. Никаких «революционных национальных комитетов» мы не признаем, и это не наша компетенция — заниматься политическими вопросами.

В связи с вашим заявлением, что вы являетесь командующим всеми вооруженными отрядами, предупреждаю вас, что мы получаем информацию о том, что вооруженные отряды совершают нападения на наших военнослужащих, а также допускают бесчинства и аресты венгерских сотрудников госбезопасности и парработников. Если вы не прекратите вооруженной борьбы и бесчинств, то мы до вас доберемся и вы предстанете перед судом.

Он отрицал, что их отряды совершают нападения и убийства. А мы в тот период конкретными данными о действиях отрядов Дудаша не располагали.

Через несколько дней в издаваемой его группой газете «Мадьяр Фюггтленшег» была перепечатана статья из газеты «Дейли телеграф», где утверждалось, что «врагом для Венгрии является только Советский Союз». Дудаш разграбил банк, захватил МИД и объявил себя министром иностранных дел.

Дудаш на меня произвел впечатление политического авантюриста, а его сопровождающий, по-моему, с деревянным протезом на левой ноге, — бандита с большой дороги. Но посчитал невозможным их арестовать, так как они сами явились вести переговоры. Сотрудники Серова говорили, что надо было им сообщить, они бы их арестовали или шлепнули.

На следующий день прибыли два лидера профсоюзного движения, с требованиями о выводе советских войск из Будапешта — они якобы мешают нормализации работы венгерских предприятий.

Сказал, что наши войска не мешают нормализации работы предприятий, а препятствуют созданию баррикад и действиям вооруженных отрядов с территории заводов, которые ведут огонь по нашим военнослужащим. Ваших требований о выводе советских войск мы не принимаем, и по этому вопросу обращайтесь к своему правительству, которое позвало в Будапешт наши войска.

Мне пришлось разговаривать с Бела Кохутом и Яношем Дерианом. Их представили как захваченных американских шпионов, недавно переброшенных для подрывных действий в Венгрию.

После разговора с ними мне показалось, что это никакие не шпионы и не подготовленные диверсанты, а обычные молодые венгерские парни, бежавшие недавно из Венгрии, при помощи «венгерского бюро» в Австрии на днях вернулись обратно и примкнули к одному из вооруженных отрядов.

Однажды ко мне обратилась женщина в слезах с просьбой освободить ее сына, захваченного нашими солдатами. Сразу же позвонил в комендатуру и выяснил: действительно, ее сын был задержан при оказании вооруженного сопротивления, у него был пистолет, и он стрелял в наших солдат и вчера был передан венгерским властям.

И подобных встреч было в те дни немало...

Важным очагом сопротивления продолжал оставаться «Корвин». Боевые действия по его уничтожению намечались с утра 28 октября совместными действиями советских частей и венгерских подразделений 5-го и 6-го механизированных полков, которыми должен был руководить начальник академии полковник Андраш Мартон.

На рассвете, накануне атаки, венгерские части получили приказ о том, что венгерское правительство отменяет боевые действия, так как якобы отряды готовы сложить оружие и с ними ведутся переговоры. Однако повстанцы отказались капитулировать. Несмотря на это, намеченные действия по уничтожению вооруженных отрядов в районе «Корвина» не состоялись. Имре Надь после переговоров с главарями вооруженных отрядов — Иван-Ковачем Ласло, Гергеем Понграцем поддержал их требования и за полчаса до начала атаки, позвонив по телефону в министерство обороны, пригрозил отставкой, если не будет отменена атака «Корвина». Это спасло находившиеся там вооруженные отряды.

28 октября Имре Надь в своем вечернем выступлении по радио заявляет: «Правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция...

... Для поддержания порядка и восстановления общественной безопасности из подразделений армии и полиции, а также из вооруженных отрядов рабочих и молодежи будут незамедлительно образованы новые органы охраны общественного порядка».

В тот же день Центральное руководство Венгерской партии трудящихся одобрило заявление правительства Венгерской Народной Республики.

В передовой статье органа ЦК Венгерской партии трудящихся «Сабад неп» давалась такая же оценка происходящих событий — «национальное демократическое движение», а вооруженные повстанцы назывались «борцами за свободу».

Газеты сообщали, что в провинциях повсеместно создаются новые органы местной власти, а на предприятиях — рабочие советы.

После того как Имре Надь назвал вооруженное выступление «народно-демократическим движением», а повстанцев — «борцами за свободу», героями стали и все те, кто громил учреждения Венгерской Народной Республики, уничтожал коммунистов, сторонников социализма.

Венгерское руководство в октябрьские дни стремилось переложить тяжелую и неблагоприятную миссию — борьбу с вооруженными повстанцами в Будапеште — на советские войска, а теперь выходило, что все защитники прежней власти и советские войска, участвовавшие в боевых действиях по просьбе венгерского правительства, вели борьбу против демократического движения масс.

Вслед за этим Имре Надь заявил, что «советские войска начинают возвращаться на свои базы». Началась истеричная, враждебная кампания против советских войск с требованием их немедленного вывода из Будапешта и всей Венгрии.

В эти дни к нам, в здание министерства обороны, прибыл сопосол Ю.В. Андропов. Петр Николаевич Лашенко пригласил его позавтракать вместе с нами, он присоединился, попросив чаю. За завтраком началась беседа.

Накануне Имре Надь и его сообщники назвали повстанцев «борцами за свободу». Получалось, что мы боремся против свободы. Юрий Владимирович сказал, что он говорил А.И. Микояну и М.С. Сулову, что в Венгрии происходит контрреволюционный мятеж и его возглавляет Имре Надь. Они с этим согласились, но напомнили ему, что Имре Надь старый коммунист, работал в Коминтерне. Он ответил, что, возможно, когда-то Имре Надь был интернационалистом, а сейчас штурмует основы народной

власти, а интернациональный долг здесь выполняют советские войска.

Вооруженное выступление в Венгрии, говорил он, имеет антисоциалистический характер, в нем участвуют незначительная часть трудящихся, а в основном бывшие хортисты, контрреволюционеры, деклассированные, а также подрывные элементы, переброшенные с Запада. Мне показалось, что Ю.В. Андропов односторонне оценивал происходящие здесь события. Выхватывал из всей массы фактов лишь имеющие антисоциалистическую направленность. Он уверенно излагал свое мнение, вероятно, его позиция вызывала одобрение в Москве и прибывших в Будапешт ее эмиссаров.

Затем перешли к основному вопросу. Что будем делать в связи с требованиями о выводе наших войск из Будапешта?

П.Н. Лашенко ответил, что в сложившейся обстановке наши войска надо выводить из Будапешта, так как они, по существу, бездействуют.

В ответ на вопрос Ю.В. Андропова: «Что, оставим народную власть, коммунистов и патриотов на растерзание?» — Лашенко сказал, что пусть они сами себя защищают и ведут борьбу. Мы не должны за них воевать. Кто желает, пусть уходят с нами. «Советские войска уйдут, — сказал Андропов, — завтра здесь будут США и их союзники. Надо разгромить в Будапеште вооруженные отряды мятежников, и все здесь успокоится». На этом и расстались.

В последние дни октября в борьбу за власть в Венгрии открыто выступили ранее маскировавшиеся реакционные силы, сторонники реставрации старого режима. По их требованию Имре Надь постоянно изменял и расширял состав правительства, упразднил управление и органы государственной безопасности.

Сулов и Микоян, находившиеся в Будапеште, предлагали венгерскому руководству отклонить все требования оппозиции. Они считали, что опора на советскую военную помощь хотя и подрывает авторитет власти среди народа, но это более надежный путь восстановления существующего строя, чем скользкие ревизионистские меры, направленные на расширение состава правительства, создание коалиционных партийных группировок и удовлетворение требований восставших.

Их крайне возмутили намерения венгерского руководства поставить вопрос о выводе советских войск из Венгрии. Они, как и советский посол, считали, что это будет означать приход американцев.

Андропов этого не мог допустить, ибо это был крах судьбы как посла и его дальнейшей карьеры. А как выразился позднее Лашенко: «Посол Ю.В. Андропов хотел войти в историю».

Возможно, взгляды посла совпали с мнением московских руководителей, а также докладами бывших венгерских деятелей.

Суслов и Микоян считали, что обстановка в стране ухудшится и необходимо продолжать оказывать Венгрии военную помощь.

После вывода советских войск из Будапешта

30 октября правительство Имре Надя под давлением возставших потребовало немедленного вывода советских войск из Будапешта. Накануне наши войска повсеместно прекратили ведение огня в городе.

В 17 часов будапештское радио, прервав очередную передачу, сообщило, что правительство Советского Союза удовлетворило требование Имре Надя о выводе советских войск из Будапешта.

В соответствии с решением советского правительства, в ночь на 31 октября начался вывод наших войск из Будапешта. К исходу того же дня все соединения и части советских войск были выведены из города и сосредоточились в 15—20 км от Будапешта.

Штаб Особого корпуса разместился на аэродроме в Текеле, где базировалась одна из наших авиационных частей.

В районах сосредоточения соединения и части приводили в порядок боевую технику и вооружение, пополнялись личным составом, боеприпасами, горючим и продовольствием.

Штаб Особого корпуса внимательно следил за обстановкой в Венгрии и особенно в ее столице.

В те дни в Будапеште и в ряде других городов имели место случаи, когда вооруженные группы повстанцев учиняли расправы над коммунистами, партактивом и сотрудниками госбезопасности, громили здания партийных и государственных органов,

разрушали памятники советским воинам. В Будапеште был разгромлен горком партии, смертельно ранен его секретарь Имре Мезе и зверски убиты многие защитники горкома. Имре Надь и Янош Кадар, несмотря на жесткие заявления, которые делались по политическим соображениям, не смогли пресечь бесчинств вооруженных повстанцев. Правительство и партийное руководство оказались неспособными овладеть ходом событий.

31 октября в казарме им. Килиана собрались делегаты «революционных военных советов» армии, полиции и «национальной гвардии», они избрали «Революционный комитет обороны». Его возглавили генерал-майор Бела Кирай, бывший хортистский офицер, и перешедший в первые дни на сторону повстанцев Пал Малетер. В тот же день Малетер был произведен в генералы и назначен заместителем, а затем министром обороны.

Малетер сразу же потребовал, чтобы Генштаб разработал план действий на случай, если советские войска не согласятся покинуть территорию Венгрии.

Бела Кирай возглавил организацию вооруженных сил, вернул создание отрядов «национальной гвардии», в нее зачислялись в первую очередь вооруженные отряды и группы повстанцев, и приступил к их подготовке к боям против советских войск. Он был назначен комендантом Будапешта.

В одном из пунктов принятого воззвания «Революционного комитета» говорилось о необходимости денонсировать Варшавский договор.

Имре Надь, будучи премьер-министром в 1953—1955 годах, выдвинул программу восстановления независимости страны, демократизации общества, улучшения благосостояния венгерского народа и пользовался популярностью среди интеллигенции и широких масс в Венгрии.

В начале событий он рассчитывал, что порядок в стране будет восстановлен силой. Однако обстановка в стране усложнилась, оппозиция все больше требовала уступок — создания коалиционного правительства, многопартийности в стране и предъявляла другие требования. Имре Надь стремился остаться на гребне волны, стал на путь соглашения с восставшими, изменил оценку происходивших в стране событий, под их давлением упразднил

органы госбезопасности, потребовав вывода советских войск из Венгрии, заявил о выходе из Варшавского договора. Обратился за помощью в ООН.

Конечно, ему и повстанцам нельзя было рассчитывать на вывод советских войск из Венгрии. В разгаре была холодная война. Недавно пришедший к власти амбициозный Хрущев, имея ядерное оружие, не мог допустить, ослабления советского влияния в мире.

В Венгрии все громче стали раздаваться голоса реваншистских элементов, бывших хортистов, об отторжении от ряда сопредельных стран прежних венгерских территорий и создании «Великой Венгрии».

Лондонская газета «Рейнольде ньюс» писала: «Венгерские фашисты хлынули из-за границы в Венгрию. Существует возможность установления крайне фашистского режима под руководством последователей Хорти и Салаши».

Французское агентство сообщило: «В Венгрии появились признаки хортистского путча 1919 года».

После заявления венгерского правительства 1 ноября о выходе из Варшавского договора, нейтралитете Венгрии и настоячивых требований о немедленном выводе советских войск судьба Венгрии, казалось, была решена.

Определенное влияние на позицию советских руководителей оказали усиливавшийся разгул террора, разгром будапештского горкома партии, доклады Суслова, Микояна и Андропова, а также давление со стороны бывших венгерских руководителей, находящихся в Москве. Ракоши, Гере, Реваи и другие все еще надеялись возвратиться в Венгрию.

Агрессия Израиля, Англии и Франции против Египта, начавшаяся 29 октября, позволила Н.С. Хрущеву действовать без оглядки, так как теперь руки западных держав были скованы Ближневосточным кризисом.

В свою очередь, по-видимому, западные державы тоже считали, что для их нападения на Египет созданы благоприятные условия, ибо Советский Союз занят венгерскими событиями.

Однако в тот период творилось много непонятного. В последний день октября была опубликована Декларация советского

правительства о невмешательстве во внутренние дела дружественных стран. А через два-три дня в Бухаресте, а затем в Югославии и с участием Китая было принято решение об оказании Венгрии военной помощи.

Нас информировал генерал армии М.С. Калинин, что на территорию Венгрии из Прикарпатского военного округа намечается выдвижение двух армий — 38-й и 8-й механизированной, в их составе шесть дивизий. Наши воздушно-десантные части уже приступили к захвату венгерских аэродромов, в частности на аэродром Веспрем высадились два полка 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Руководство советскими войсками в Венгрии возложено на главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора маршала И.С. Конева, прибывшего в Сольнок. Все это свидетельствовало, что советские войска приступают к подготовке крупномасштабной операции.

Провозглашение Декларации правительства СССР о невмешательстве во внутренние дела, с одновременным проведением указанных мероприятий, вызывало недоумение этим заявлением.

* * *

Семьи советских офицеров в Венгрии, чтобы не подвергать их опасности, начали отправлять в Советский Союз железнодорожным и автомобильным транспортом через территорию Венгрии и Чехословакии, а также нашими военно-транспортными самолетами, высвободившимися после переброски воздушно-десантных частей. Как всегда, в первую очередь стремились эвакуироваться семьи офицеров особого отдела, военной прокуратуры и политработников.

Чтобы не создавать паники среди семей, Петр Николаевич Лашенко распорядился свою жену и мою семью — жену с двумя малыми детьми отправить последним самолетом.

Накануне убытия в Будапешт поздним вечером 23 октября я позвонил жене, сказал, что убываю в кратковременную командировку, ничего не сказав о событиях в Будапеште.

На следующее утро жена, как всегда, собралась проводить сына в школу, где он учился во 2-м классе, и во дворе дома увидела наших солдат на бронетранспортерах, прибывших для охраны. Они возвратились домой.

В те дни венгерская молочница продолжала ежедневно носить нам молоко для младшего двухлетнего сына, но в городе Секешфехерваре при покупке хлеба и других необходимых продуктов, жена часто встречала недружелюбные взгляды многих местных жителей.

В начале ноября среди ночи ее вызвали в штаб для оформления проездных и денежных документов и расписаться в их получении, как будто нельзя было это сделать днем или на аэродроме.

Мы с Петром Николаевичем Лашенко не имели возможности проводить и даже попрощаться с нашими семьями. Последним военно-транспортным самолетом они убыли во Львов.

Жена с детьми из Львова поездом уехала в Москву. Для нее это «путешествие» с двумя детьми было нелегким и осталось в памяти на всю жизнь.

Янош Кадар просит оказать помощь

Поздним вечером 1 ноября на аэродром Текель, где находился штаб Особого корпуса, прибыл Янош Кадар в сопровождении трех человек, один из них был сотрудником советского посольства.

Янош Кадар и его сопровождающие имели усталый вид, при преодолении какого-то ручья он промочил ноги. Разместили их в имевшейся единственной небольшой гостинице нашей авиационной части. Со склада вещевого имущества ему принесли офицерские ботинки и носки.

На наш вопрос: «Как там в Будапеште?» — Кадар ответил, что «Он вышел из состава правительства Имре Надя и теперь думает, что делать дальше». Оживился, когда на столике увидел красивые шахматы, и что-то сказал по этому поводу своему спутнику.

Вскоре прибыл И.А. Серов, и после кратковременного отдыха Я. Кадар на нашем самолете утром убыл в направлении Сольнок, Мукачево. Через неделю увидел Яноша Кадара, когда

он в сопровождении бронетранспортеров из Сольнока прибыл в Будапешт.

Чтобы стать у власти, он порвал с Имре Надем, просил и поддержал военную помощь СССР. Трудно судить, что было основным в его действиях — стремление стать руководителем государства, приверженность строительству социализма, интересы и улучшение жизни венгерского народа. Возможно, он руководствовался всеми этими мотивами.

После прибытия Я. Кадара в Текель поздним вечером 1 ноября было передано его выступление по венгерскому радио о создании новой Венгерской социалистической рабочей партии.

Через два дня было официально сообщено, что Янош Кадар, Ференц Мюнних, Антал Апро, Иштван Кошша вышли из состава правительства И. Надя и создали Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство.

В открытом письме к венгерскому трудовому народу они писали: «Мы, как члены правительства, потерявшего способность действовать, не можем дальше безучастно относиться к тому, чтобы под прикрытием демократии контрреволюционные террористы и бандиты зверски убивали наших лучших братьев — рабочих и крестьян, держали в страхе наших мирных граждан, создавали в стране анархию и на долгое время отдали наш народ под иго контрреволюции».

В одном из пунктов опубликованного в те дни воззвания Революционного рабоче-крестьянского правительства к венгерскому народу говорилось: «Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство в интересах нашего народа, нашего рабочего класса, нашей Родины обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно помогло нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране».

Руководители всех социалистических стран полагали, что делу социализма в Венгрии угрожает опасность, поддержали создание нового правительства, одобрили оказание военной помощи в разгроме контрреволюции, считая ее интернациональной необходимостью. Оказание военной помощи возлагалось на советские

войска и рассматривалось как выполнение интернационального долга.

В соответствии с просьбой Венгерского революционного правительства советские войска должны были помочь правительству Я. Кадара разгромить силы реакции, восстановить существовавший строй, общественный порядок и спокойствие в Венгрии.

Наши политические руководители в те дни не исключали возможности вмешательства вооруженных сил НАТО, особенно американских и западногерманских войск, в события в Венгрии, и советские войска готовились к отражению возможных провокаций.

Операция «Вихрь»

2 ноября 1956 года главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора маршал И.С. Конев вызвал командира Особого корпуса генерал-лейтенанта П.Н. Лашенко в Сольнок для получения боевой задачи.

Из Текеля в Сольнок, где находился командный пункт маршала Конева, мы направились на двух бронетранспортерах с небольшой охраной. Почти на всем протяжении маршрута в населенных пунктах были толпы людей и вооруженных лиц, они дважды пытались преградить нам путь.

По прибытии в Сольнок маршал Конев принял нас незамедлительно. Постановка задачи была необычной. Вначале маршал тепло поздоровался с генералом Лашенко и сказал, что после Львовской операции снова предстоит вместе действовать. В той операции 322-я стрелковая дивизия под командованием Лашенко в июле 1944 года прорвала оборону, создала в ней брешь и удерживала Колтовский коридор, через который командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев ввел в сражение одну за другой 3-ю гвардейскую и 4-ю танковую армии, что имело решающее значение для успешного развития операции.

Конев сказал, что хотел приехать к нам в Текель, побывать в дивизиях, но должен здесь ждать указаний нашего руководства.

Затем Конев поинтересовался боевыми действиями Особого корпуса в Будапеште. Генерал Лашенко доложил, что они имели специфический характер, войскам пришлось действовать в сложных условиях и выполнять несвойственные им задачи. Никакой линии фронта и противника в таком понимании, как на войне, не было. Наши войск было недостаточно, вначале одна дивизия численностью около 6 тысяч человек, затем подошли мехдивизия из Румынии и стрелковая дивизия из Закарпатья. Этих сил оказалось мало для действий в огромном городе.

Часть населения и венгерской армии, по существу, поддержали восставших.

Наши офицеры и солдаты иногда действовали не совсем уверенно и умело. Бронетранспортеры БТР-152, не имеющие защиты сверху (крыши), а также артиллерия на колесной тяге на резиновом ходу очень уязвимы при ведении боевых действий в городе.

Конев поинтересовался, использовалась ли авиация. Лашенко сказал, что крупных очагов сопротивления было не много, авиация не смогла бы точно по ним нанести эффективные удары, ее действия привели бы к большим разрушениям и вызвали еще большее недовольство населения действиями наших войск.

И.С. Конев со всем этим согласился. Затем он поинтересовался обстановкой в Будапеште.

Мне представилась возможность показать маршалу карту венгерского генерального штаба, на которой были показаны расположения воинских частей и вооруженных отрядов, а также доложить о военных приготовлениях в городе, сказать при этом, что следует ожидать упорного сопротивления этих отрядов и, возможно, некоторых венгерских частей и подразделений.

Вооруженные силы в Будапеште по приказу Бела Кирая после вывода наших войск частично реорганизованы и вместе с частями, переброшенными из других гарнизонов, готовятся к действиям против советских войск.

Вокруг Будапешта под руководством полковника Мартона создается оборонительный пояс. В населенных пунктах, прилегающих к Будапешту, выставлены заставы, усиленные танками и артиллерией. Важнейшие объекты в городе занимаются вооруженными отрядами, на улицах осуществляется

патрулирование нарядами военнослужащих и «национальной гвардии».

Вокруг Будапешта на огневые позиции установлено до 50 зенитных батарей, имеющих в своем составе около 400 орудий.

Численность венгерских частей в Будапеште достигает 50 тысяч солдат и 100 танков.

Кроме того, в городе более 10 тысяч человек, входящих в состав вооруженных групп и различных отрядов «национальной гвардии».

После Конев спросил у Лашенко, достаточно ли в корпусе сил, чтобы восстановить порядок в Будапеште за трое-четверо суток. П.Н. Лашенко был опытным командиром и заявил, что «сил и времени для этого недостаточно. Особый корпус надо усилить пехотой, самоходной артиллерией и танками. Желательно бы иметь еще одну дивизию, но все зависит от времени на подготовку к действиям, новая дивизия не знает города, особенностей действий, если предстоит действовать в ближайшее время, то лучше усилить дивизию, входящие в состав корпуса. Что касается сроков, то полковник Малашенко вам доложил, что силы в Будапеште значительные, они могут оказать сильное сопротивление, не исключается участие в боях венгерских частей. За три-четыре дня мы сможем разгромить основные силы в Будапеште, но отдельные вооруженные отряды и группы еще будут продолжать действовать и оказывать сопротивление. Задачи по прикрытию австрийской границы и действия против вооруженных групп в других городах с Особого корпуса надо снять и возложить на другие войска».

Маршал Конев перешел к задаче корпуса и тоже ставил ее необычно. Вначале он сказал, что высшие политические руководители стран Варшавского договора приняли решение об оказании военной помощи Венгрии, разгром сил контрреволюции возлагается на советские войска.

В связи с этим Особому корпусу быть готовым к участию в операции «Вихрь» по восстановлению порядка в Венгрии.

Задача Особого корпуса — разгромить вооруженные силы повстанцев и восстановить порядок в Будапеште в короткие сроки.

Части венгерской армии, которые попытаются оказать сопротивление, разоружить.

Состав Особого корпуса прежний — 2-я, 33-я гвардейские механизированные и 128-я гвардейская стрелковая дивизии.

Корпус будет усилен танками, артиллерией и воздушно-десантными частями.

Задачи по разгрому контрреволюции и наведению порядка в других городах и районах на территории Венгрии возлагаются на армии генералов Мамсурова и Бабаджаняна.

Готовность к действиям к исходу 3 ноября. Начало операции — по сигналу «Гром».

В заключение И.С. Конев пожелал нам успеха, пожал руки, и мы уехали.

При отъезде мною было передано распоряжение, чтобы командиры дивизий прибыли к 21 часу 2 ноября на наш командный пункт в Текель.

На обратном пути в Текель мы наметили план предстоящих действий и определили задачи дивизий..

Особому корпусу предстояло снова действовать в Будапеште, захватить важнейшие объекты столицы, разгромить вооруженные отряды и на сей раз разоружить венгерские части в городе.

После прибытия в Текель завершили разработку плана, уточнили ряд вопросов, связанных с созданием передовых отрядов, включением в их состав десантников и специальных групп, а также разоружением венгерских частей и управлением войсками.

По прибытии командиров дивизий генерал Лашенко поставил им боевые задачи. Их содержание привожу из копии боевого распоряжения.

«...2-й гвардейской механизированной дивизии захватить северо-восточную и центральную части Будапешта, овладеть мостами через реку Дунай, парламентом, зданиями Центрального Комитета Венгерской партии трудящихся, министерства обороны, вокзалом Ньюгати, управлением полиции и блокировать военные городки венгерских частей, не допустить подхода частей и повстанцев в Будапешт по дорогам с севера и востока.

Южнее улицы Ракоци в центральной части города будут действовать части 33-й мехдивизии.

33-й гвардейской механизированной дивизии осуществить захват юго-восточной и частично центральной части города

Будапешт, овладеть мостами через реку Дунай, центральной телефонной станцией, опорным пунктом «Корвин», вокзалом Келети, радиостанцией «Кошут», заводом Чепель, арсеналом, блокировать казармы венгерских воинских частей и не допустить подхода восставших в Будапешт по дорогам с юго-востока.

128-й гвардейской стрелковой дивизии захватить западную часть Будапешта (Буда), овладеть Центральным командным пунктом ПВО Венгрии, площадью «Москва», горой Геллерт, блокировать казармы и не допустить подхода венгерских воинских частей к городу с запада.

Венгерские части разоружить. При этом разоружение частей, не оказывающих сопротивление, осуществлять в военных городках, не допуская бесчинств...»

Затем командирам дивизий были доведены поставленные задачи боевым распоряжением, переданным в 3 часа 3 ноября шифротелеграммой, а также сообщены им имеющиеся сведения о вооруженных отрядах и венгерских частях в Будапеште.

Дивизии приступили к непосредственной подготовке к предстоящим действиям. Они были нацелены на действия в тех же районах города, что несколько облегчало выполнение поставленных задач.

Для захвата важнейших объектов в дивизиях были созданы специальные передовые отряды в составе батальона пехоты и 150 десантников на бронетранспортерах, усиленных 10—12 танками. В этих отрядах находились ответственные работники Комитета государственной безопасности К.Ф. Гребенник, П.И. Зырянов, А.М. Коротков, А.А. Крохин и другие, они должны были захватить руководителей вооруженного восстания и членов правительства Имре Надя.

Кроме того, для захвата мостов через реку Дунай и других важных объектов в полках были созданы отряды в составе стрелковой роты, усиленной танками, орудиями и саперами.

Готовность соединений к действиям была установлена к исходу 3 ноября. Начало действий — по сигналу «Гром».

Два батальона танков и самоходно-артиллерийских установок 11-й механизированной дивизии были приданы 33-й мехдивизии

генерала Обатурова, которой снова предстояло выполнять наиболее сложные задачи.

Управление соединениями и частями корпуса с началом операции планировалось осуществлять с командного пункта в районе Текель, в последующем переместить его на восточную окраину Будапешта.

2 ноября в Текель прибыл весь штаб Особого корпуса. Генерал-майор Щелбанин сообщил, что генерал армии Малинин дал ему указание принять участие в переговорах с венгерской стороной. Когда он сослался на свою болезнь, Малинин ответил, что надо выполнить одну миссию, потом будете болеть. Генерал Лашенко был удивлен, так как ни о каких переговорах нам не было известно, и даже Конев о них не сказал ни слова, было что-то загадочное. Так как у командира Особого корпуса, к сожалению, по штату не было заместителя, Лашенко ему сказал, что полковник Малашенко по-прежнему будет возглавлять оперативную группу, занимающуюся руководством боевыми действиями, а пока вы занимаетесь группой генерала Малинина, информацией, поддержанием связи с посольством, созданием военных комендатур. М.Г. Щелбанин просил разрешения на следующий день убыть в госпиталь, ссылаясь на нездоровье.

Арест венгерской делегации

Поздно вечером 3 ноября председатель КГБ И.А. Серов и его группа на переговорах в Текеле арестовала венгерскую делегацию. В ее состав входили министр обороны Пал Малетер, начальник генштаба генерал-майор Иштван Ковач, начальник оперативного управления полковник Миклош Сюч и бывший заместитель председателя Совмина Ференц Эрдеи.

После ареста делегации по указанию Серова один из его сотрудников, генерал А.М. Коротков, передал мне изъятую у делегации карту дислокации венгерских войск и вооруженных отрядов в Будапеште и Венгрии. Так как это была рабочая карта, на ней были разные пометки и не все было ясно, мне было разрешено сразу после ареста побеседовать с П. Малетером, И. Ковачем и М. Сючем, Представилась возможность уточнить некоторые

интересующие вопросы, касающиеся количества венгерских частей и вооруженных отрядов в Будапеште, а также их перехода на сторону восставших.

Малетера мне предстояло увидеть второй раз после встречи в министерстве обороны, а с Ковачем и Сючем мы встречались последние десять дней ежедневно, иногда по нескольку раз в день, находясь в одном здании министерства обороны.

Сейчас каждый из них размещался в отдельной комнате в помещении гауптвахты под усиленной охраной. Они находились под впечатлением внезапного их ареста, но старались держаться с достоинством и, как мне кажется, говорили правду: все сказанное соответствовало действительности и данные о дислокации венгерских частей подтвердились.

Наблюдая их действия в период событий в Будапеште в те дни и при личной беседе, не видел в них преступников.

Но роль и судьба П. Малетера так и осталась для меня загадкой. Мне кажется, что в начале событий он не был, как его в последующем считали, руководителем вооруженного выступления. В начале событий он колебался, не знал, что делать, затем полностью поддерживал Имре Надя и выполнял его распоряжения, а также требования восставших.

П. Малетер стал входить в доставшуюся ему роль военного руководителя и артистически ее играл. Но в последние дни не мог поделить власти и лавров с Бела Кираем.

Что касается И. Ковача, то это был один из подготовленных генералов в министерстве обороны, который знал обстановку, но по различным обстоятельствам не всегда нас объективно информировал.

Подготовку к боям с советскими частями он не организовывал, ее возглавил генерал-майор Бела Кирай.

Но это мои личные наблюдения и мнение, возможно, что они не совсем верны, так как не все обстоятельства дела мне известны.

Малетер, Ковач и Сюч были потрясены их внезапным арестом. В период беседы успокаивал их как мог, говорил, что обстоятельства требуют временного задержания и изоляции. Через некоторое время разберутся и вас освободят. Так, кстати, я и думал

в отношении Ковача и Сюча. Однако от Серова и его сотрудников можно было ожидать и других решений.

Сохранившуюся запись этой беседы с Малетером, Ковачем и Сючем, как мне кажется, в момент истины, проводившуюся с каждым в отдельности, привожу полностью.

Запись беседы

с П. Малетером, И. Ковачем и Сючем после их ареста

3 ноября 1956 года

Полковник Малашенко Е.И:

— Прибыл побеседовать с вами, так как нас интересует количество венгерских частей и вооруженных отрядов в Будапеште, а также желательно знать, когда вы перешли на сторону восставших.

Генерал-майор Малетер — министр обороны правительства Имре Надя:

— Я командовал строительными и рабочими частями. До этого был начальником личной охраны президента Тильди Золтана, командиром корпуса, начальником уставного отдела министерства обороны.

Мне доложили, что 23 октября 1956 года группа повстанцев во главе с офицером ПВО проникла на территорию казармы имени Килиана, в них располагалось три строительных батальона (1221-й, 1222-й и 1226-й), и захватила их оружие. Выслал своего заместителя для наведения порядка и дал указание вооружить батальон за счет повстанцев.

25 октября я прибыл в казарму, где было 700—800 вооруженных, некоторых оставил для охраны казарм, остальных отпустил домой.

Мне стало известно, что два строительных батальона (1228-й, 1229-й), разоружив охрану МВД, захватили Печь и урановые рудники.

В кинотеатре «Корвин» и прилегающих к нему зданиях находились крупные вооруженные отряды повстанцев. Ими командовал Иван-Ковач Ласло, его заместителями были Виращ и Гергей Понграц (гражданские). Кроме того, в кинотеатре на-

ходился хортистский полковник Золоми с группой 60 человек. Среди восставших было много офицеров частей ПВО.

28 октября, когда Имре Надь назвал мятеж революцией, а повстанцев героями, я перешел на сторону повстанцев, о чем доложил министру обороны Янза Карой.

30 октября был избран в состав «революционного военного комитета» и назначен заместителем министра обороны, а позднее — министром обороны правительства Имре Надя.

В состав «революционных» войск входили армия, полиция и отряды «национальной охраны». Полицией командовал Копачи Шандор.

Генерал Бела Кирай опирался на отряды «национальной охраны» и некоторых офицеров, вероятно замышляя контрреволюционный переворот. 4 ноября хотел его и Дудаша арестовать и установить твердую военную диктатуру.

31 октября Имре Надь потребовал данные о советских войсках в Венгрии. Мною были даны указания о ведении разведки. Я требовал немедленного вывода советских войск из Венгрии и считал, что Венгрию надо освободить с оружием в руках.

Количества войск венгерской армии в Будапеште к 4 ноября точно не знаю. Мне кажется, что были части и учреждения Будапештского гарнизона, а также 7 мд и еще один или два полка. Меня неоднократно посещали военные атташе различных государств (Англии, США), просил от их государств моральной поддержки.

Генерал-майор Ковач Иштван — начальник генерального штаба венгерской армии (до этого — начальник оперативного управления генерального штаба):

— Я был избран в состав «революционного военного комитета» заочно и присутствовал на заседании один раз. 31 октября получил приказ доложить данные о советских войсках в Венгрии от Имре Надя.

Эти данные нам сообщали по телефону из различных городов и учреждений.

В частности, командир 8-й стрелковой дивизии полковник Тод докладывал данные о движении советских войск и требовал разрешить ему встретить движение этих войск.

Я заблуждался, когда принимали решение с требованием о выводе советских войск, считая, что мы сами способны навести порядок в Венгрии.

Восставшие 24 октября 1956 года захватили склады оружия на заводах «Лампарт» и «Дауния» и вооружились за счет полиции.

Количество оружия в городе Будапеште я не знаю.

На сторону восставших перешли некоторые подразделения из частей ПВО и 7-й мехдивизии.

Мартон и Копачи Шандор не выполнили приказ об аресте Дудаша. Командир 8 мп вместо обороны горкома партии участвовал в его штурме.

Командир караульного батальона подполковник Верига не выполнил приказ о разоружении мятежников на площади Москва.

Бела Кирай и Копачи имели личную охрану 30—40 человек. Бела Кирай опирался на «национальную охрану», Копачи — на полицию.

У посещавших меня военных атташе иностранных государств просил только моральной помощи, а также помощи по линии Красного Креста.

Полковник Сюч — начальник оперативного управления (отдела) генерального штаба, член «ревкома»:

— На сторону восставших перешли некоторые подразделения 6 и 8 мп 7 мд, частей ПВО, Дебреценский полк, некоторые слушатели и начальник Военной академии им. Зрини полковник Мартон.

После вывода советских войск в Будапеште находилось три дивизии (5, 7 мд и 27 сд), а также части и учреждения Будапештского гарнизона.

О количестве оружия в городе Будапеште знает генерал Хорват, а какие батареи зенитной артиллерии вели огонь, вероятно, знает начальник ПВО генерал Мадарас.

Данные о советских войсках собирал оперативный отдел по приказу генерала Ковача.

На этом наша беседа закончилась.

При вводе наших войск в Будапешт мы использовали захваченную венгерскую радиостанцию для передачи распоряжения венгерским командирам: «По советским войскам огня не открывать».

Перед началом операции был получен и доведен до всего личного состава наших войск приказ № 1 главнокомандующего Объединенными вооруженными силами.

В этом приказе содержался анализ сложившейся в Венгрии обстановки и ставились задачи личному составу советских войск. Привожу приказ полностью.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ОБЪЕДИНЕННЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

№ 1

4 ноября 1956 г.

Товарищи солдаты и сержанты, офицеры и генералы! В конце октября в братской нам Венгрии силы реакции и контрреволюции подняли мятеж с целью уничтожить народно-демократический строй, ликвидировать революционные завоевания трудящихся и восстановить в ней старые помещичье-капиталистические порядки.

События показали, что активное участие в этой аванюре бывших хортистов ведет к возрождению в Венгрии фашизма и создает прямую угрозу нашему отечеству и всему социалистическому лагерю. Нельзя забывать, что в минувшей войне хортистская Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией.

В соответствии с просьбой правительства Венгерской Народной Республики, на основе заключенного между странами социалистического лагеря Варшавского договора, обязывающего нас принимать «согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности с тем, чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии», советские войска приступили к выполнению союзнических обязательств.

Нет сомнения в том, что рабочий класс и трудовое крестьянство Венгерской Народной Республики поддержит нас в этой справедливой борьбе.

Задача советских войск состоит в том, чтобы оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции и ликвидации угрозы возрождения фашизма.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Всему личному составу советских войск с полным сознанием своего воинского долга проявлять настойчивость и твердость в выполнении задач, поставленных командованием. Оказывать помощь местным органам власти в их деятельности по наведению общественного порядка и установлению нормальной жизни в стране.

Высоко держать честь и достоинство советского воина, крепить братскую дружбу с трудящимися Венгрии, уважать их национальные традиции и обычаи.

Выражаю твердую уверенность, что солдаты, сержанты, офицеры и генералы советских войск с честью выполняют свой воинский долг.

Главнокомандующий Объединенными
вооруженными силами
Маршал Советского Союза
И. КОНЕВ.

Войска Особого корпуса снова в Будапеште

В операции «Вихрь» по восстановлению существующего строя в Венгрии принимали участие войска Особого корпуса, 38-й общевойсковой и 8-й механизированной армий, а также части 7-й и 31-й гвардейских воздушно-десантных дивизий.

4 ноября в 6 часов по сигналу «Гром», означавшему начало операции «Вихрь», созданные передовые отряды для захвата объектов и вслед за ними главные силы трех дивизий Особого корпуса в колоннах по своим маршрутам одновременно с различных направлений устремились в Будапешт и к семи часам

решительными действиями преодолевая сопротивление вооруженных групп на окраинах, с ходу ворвались в город.

Ранним утром 4 ноября венгерское радио передало обращение Имре Надя. Он сказал: «Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с явным намерением свергнуть законное венгерское демократическое правительство.

Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я заявляю это народу нашей страны и мировому общественному мнению».

В действительности Имре Надь, объявив по радио, что «правительство находится на своем посту», с некоторыми лицами из своего окружения покинул парламент и укрылся в югославском посольстве.

Генерал Бела Кирай отдал приказ о ведении боевых действий, переместил свой штаб на гору Яноша, пытался управлять венгерскими частями, вооруженными отрядами и организовать действия «национальной гвардии» и войск Будапештского гарнизона.

Одновременно с заявлением И. Надя другая радиостанция сообщила о том, что Янош Кадар сформировал новое Революционное правительство, и передала его обращение и открытое письмо к венгерскому народу.

Части 2-й гвардейской дивизии к 7 часам 30 минутам захватили мосты через Дунай, парламент, здания Центрального комитета партии, министерств внутренних и иностранных дел, горсовета и вокзала Нюгати. В районе парламента был разоружен батальон охраны и захвачены три танка.

Танковый полк полковника Липинского при захвате здания министерства обороны разоружил до 250 офицеров и «национальных гвардейцев».

Тяжелый танко-самоходный полк захватил арсенал в районе Фот, а также разоружил венгерский танковый полк.

За день боя частями дивизии было разоружено до 600 человек, захвачено около ста танков, два склада артвооружения, 15 зенитных орудий и большое количество стрелкового вооружения.

Части 33-й механизированной дивизии, не встречая вначале организованного сопротивления, захватили склад артвооружения в Пештсентлеринц, три моста через реку Дунай, а также разору-

жили подразделения венгерского 37-го стрелкового полка, перешедшего на сторону восставших.

108-й парашютно-десантный полк внезапными действиями разоружил пять венгерских зенитных батарей, которые блокировали аэродром Текель.

128-я стрелковая дивизия полковника Горбунова действиями передовых отрядов в западной части города к семи часам овладела аэродромом Будаерш, захватив при этом 22 самолета, а также казармами школы связи, разоружила механизированный полк 7-й механизированной дивизии, пытавшийся оказать сопротивление.

Попытки частей дивизии овладеть площадью Москва, Королевской крепостью и кварталами, прилегающими с юга к горе Геллерт, успеха не имели из-за сильного сопротивления.

По мере продвижении наших частей к центру города вооруженные отряды оказывали более организованное и упорное сопротивление, особенно с выходом подразделений к центральной телефонной станции, району Корвин, казармам Килиан и вокзалу Келети.

Боевые действия в этот день показали, что, как и в предыдущих боях, повстанцы имеют большое количество вооруженных отрядов, опорные пункты стали более мощными и их стало больше, увеличилось количество противотанковых средств, многие общественные здания были подготовлены к обороне.

Для быстрейшего разгрома восставших в Будапеште по указанию маршала И.С. Конева в состав Особого корпуса дополнительно поступили два танковых полка (100 тп 31 тд и 128 теп 66 гв.сд), 80-й и 381-й парашютно-десантные полки 7 и 31 гв. ввд, один стрелковый полк, один механизированный полк, один артиллерийский полк и два дивизиона тяжелой минометной и реактивной бригад.

Большинство этих частей было придано на усиление дивизий генерала Обатурова и полковника Горбунова, действующих в центральной и западной части города.

Для овладения сильными очагами сопротивления — район Корвин, Университетский городок, площадь Москва, Королевская крепость, где было в каждом около 500 вооруженных лиц,

командиры дивизий были вынуждены привлечь значительные силы пехоты, артиллерии и танков, создать штурмовые группы и применить зажигательные снаряды, огнеметы, дымовые гранаты и шашки. Без этого попытки овладеть указанными очагами сопротивления приводили к большим потерям и успеха не имели.

Командиру дивизии генералу Г.И. Обатурову и начальнику артиллерии корпуса полковнику С.Г. Кузьмину было приказано массированно применить артиллерию.

5 ноября части 33-й механизированной дивизии Обатурова после артиллерийского налета, в котором принимали участие одиннадцать артиллерийских дивизионов, имеющих в своем составе около 170 орудий и минометов, начали атаку сильного узла сопротивления в переулке Корвин.

Узлом сопротивления Корвин, включающим кинотеатр с окружающими его корпусами домов и казармы, должны были овладеть 71-й танковый и 104-й гвардейский механизированный полки. Оба эти опорных пункта представляли единый узел сопротивления, здесь были противотанковые орудия, танки, самоходные артиллерийские установки, станковые гранатометы, фаустпатроны, проходы между домами и под арками были заминированы.

Гарнизон узла сопротивления Корвин насчитывал свыше тысячи человек, его костяк составляли «национальные гвардейцы», военнослужащие строительных батальонов и вооруженные группы, ведущие борьбу с первых дней.

В 15 часов штурмовые группы начали атаку. Узел сопротивления Корвин был окружен с трех сторон нашими танками, их огонь заставил замолчать все противотанковые средства. Первыми атаковали танкисты. Штурмовые группы решительными действиями разгромили важный опорный пункт, созданный еще в первые дни, уничтожив при этом более 200 и захватив около 300 повстанцев, 5 танков и 8 орудий.

Затем наши бойцы очистили и казармы Килиан.

К исходу дня сопротивление во всем квартале было сломлено.

В этот день части 2-й механизированной дивизии уничтожали вооруженные отряды и группы в северной части города.

Части дивизии полковника Горбунова в течение дня продолжали вести бои в Буде. Особенно ожесточенные бои разгорелись в районе площади Москва.

Подразделения 381-го парашютно-десантного полка и рота танков вели бои на подступах к Университетскому городку южнее горы Геллерт.

Мотоциклетному взводу под командованием старшего лейтенанта И. Карпова было приказано установить пути подхода к площади и расположение огневых средств.

Встретив баррикады и заминированные завалы на подступах к площади, разведчики нашли проход в них. На большой скорости мотоциклисты устремились в сторону площади. Как только разведчики достигли площади, отовсюду, из окон и чердаков, ударили автоматные и пулеметные очереди.

В ходе боя почти все разведчики погибли. Карпов был тяжело ранен и захвачен. Ему наносили ножевые удары, пробили голову, переломали руки, выкололи глаза.

После вскрытия расположения огневых средств на площади Москва подразделения стрелкового полка Никифорова, усиленные танками 128-го танко-самоходного полка, приступили к уничтожению вооруженного отряда, очищая дома один за другим.

Через несколько часов вся площадь была очищена и захвачен главарь отряда Янош Сабо.

Многие венгерские офицеры помогали нам при ведении боевых действий, сообщая о расположении и действиях вооруженных групп, показывая пути подхода к объектам.

Вооруженные группы наряду с удержанием объектов совершали налеты, захватывали здания и вели огонь во многих местах. Их трудно было отличить от местного населения, от венгерских военнослужащих.

В связи с тем, что линии фронта в период боевых действий не было, особое значение имело непрерывное ведение разведки, осведомление и наблюдение.

В течение 6 ноября соединения Особого корпуса продолжали выполнять задачи по уничтожению отдельных очагов сопротивления вооруженных отрядов в Будапеште.

Завершение разгрома вооруженных отрядов

Выдвижение и ввод в Венгрию двух армий Прикарпатского военного округа и их действия оказали существенное влияние на общую обстановку в стране и ход операции «Вихрь».

38-я армия под командованием генерал-лейтенанта Х.О. Мамсурова после сосредоточения в районе Ньиредьхаза получила задачу выдвинуться на западный берег реки Дунай, обеспечить прикрытие границы Венгрии с Австрией и Югославией, а также восстановление общественного порядка в западной (задунайской) части Венгрии. Ее штаб разместился в Секешфехерваре. 17-я гвардейская механизированная дивизия была передана в состав 38-й армии.

8-я механизированная армия, которой командовал генерал-лейтенант танковых войск А.Х. Бабаджян, восстанавливала порядок в восточной части Венгрии. Ее штаб располагался на аэродроме в Дебрецене, Оперативная группа армии во главе с полковником Липисом находилась в Хатване.

Общая численность этих армий составляла около 60 тысяч человек.

Соединения и части 8-й и 38-й армий с началом операции «Вихрь», действуя по заранее намеченному плану, овладели основными опорными пунктами реакции в провинции: в городах Дьерь, Мишкольц, Дебрецен, а также в других областных центрах Венгрии, ими были заняты важные военные объекты и узлы связи, в том числе мощная широкоэвещательная радиостанция в Сольноке.

Основные гарнизоны венгерских войск были блокированы, наши части заняли и перекрыли дороги на австро-венгерской границе. Соединения и части очищали города и населенные пункты от вооруженных групп, продолжавших оказывать сопротивление, и разоружали венгерские части. В первые дни операции были разоружены части пяти стрелковых дивизий и двух механизированных дивизий, пяти зенитно-артиллерийских полков, трех истребительных противотанковых полков, а также военно-учебные заведения. Все вооружение было взято под охрану.

5 ноября в лесах в районе города Печ нашими частями были разгромлены вооруженные отряды повстанцев численностью

свыше тысячи человек и взяты под охрану урановые рудники западнее Печ.

Соединения и части армий проводили мероприятия по выявлению, разоружению и ликвидации оставшихся вооруженных групп. Всего было разоружено несколько тысяч вооруженных лиц.

В Дунапентеле (50 км южнее Будапешта) 7 ноября ликвидировано сопротивление враждебно настроенного венгерского зенитно-артиллерийского полка и группы боевиков, действовавших с этим полком.

Соединения армии обеспечивали прикрытие границы, а также не допускали притока сил в Будапешт, некоторые части были переданы на усиление Особого корпуса.

В последующие дни соединения и части продолжали ликвидацию мелких вооруженных групп, а также проводили изъятие оружия у местного населения.

Соединениям и частям 38-й и 8-й армий в ходе операции «Вихрь» пришлось вести боевые действия в ряде городов и населенных пунктов с вооруженными отрядами и группами повстанцев, но эти действия носили эпизодический, ограниченный характер и по масштабам несравнимы с действиями Особого корпуса в Будапеште, который вынес основную тяжесть вооруженной борьбы в Венгрии.

В боевых действиях в Венгрии также участвовали две — 7-я и 31-я гвардейские воздушно-десантные дивизии, в их составе было четыре парашютно-десантных полка.

114-й и 381-й парашютно-десантные полки 31-й гвардейской дивизии во главе с командиром дивизии генерал-майором П.М. Рябовым 30 октября высадились на аэродроме Веспрем, где базировался один из наших авиационных полков, для его защиты и обеспечения эвакуации наших семей. С началом операции «Вихрь» части дивизии принимали участие в наведении порядка в городе Веспрем.

381-й полк этой дивизии, которым командовал полковник Сбитнев, поступил в состав Особого корпуса и вел боевые действия в Буда.

7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия была перебросена в Венгрию 3 ноября. 108-й парашютно-десантный полк

высадился на аэродроме Текель, блокировал там венгерские зенитные батареи и выделил подразделение для действий в составе передовых отрядов дивизий Особого корпуса.

80-й парашютно-десантный полк этой дивизии совершил марш по маршруту Мукачево, Сольнок, Будапешт и вел боевые действия в городе.

Согласованные действия Особого корпуса, армий и частей воздушно-десантных дивизий ускорили разгром вооруженных отрядов в Венгрии и успешное проведение операций.

На страницах печати мелькали сообщения некомпетентных авторов, многие из которых не знают событий, что советскими войсками в Венгрии командовали Жуков, Калинин, Батов, Гребенник и другие.

В действительности советскими войсками в Венгрии в октябре и их действиями в Будапеште в течение всего периода командовал командир Особого корпуса генерал-лейтенант П.Н. Лащенко.

Возглавляемая мною оперативная группа штаба Особого корпуса обеспечивала управление соединениями и частями. Мне приходилось замещать генерала Лащенко при его отсутствии, выездах в войска, в посольство, в парламент, при кратковременном отдыхе и других обстоятельствах, при этом ставить задачи, передавать распоряжения и писать донесения и т.д.

С 1 ноября общее руководство советскими войсками в Венгрии возглавил прибывший в Сольнок маршал И.С. Конев. Ему были подчинены группа Генерального штаба, возглавляемая М.С. Малининым, и все войска — Особый корпус, 8-я механизированная армия и 38-я армия, подошедшие из Прикарпатского военного округа, 177-я и 195-я авиационные дивизии, а также 7-я и 31-я гвардейские воздушно-десантные дивизии.

Командующий Прикарпатским округом генерал армии П.И. Батов войсками в Венгрии не руководил, он находился во Львове, обеспечивал их выдвижение на территорию Венгрии, до перехода ими госграницы Советского Союза. В Сольноке находилась небольшая оперативная группа этого округа во главе с заместителем начальника штаба генералом И.В. Тутариновым, контролирующим выдвижение 8-й и 38-й армий в Венгрию.

Комендант Будапешта К.Ф. Гребенник никакого отношения к действиям войск не имел, он был в ноябре назначен комендантом Будапешта.

В составе советских войск в Венгрии в ноябре было четырнадцать дивизий, в том числе семь механизированных, четыре стрелковых, одна танковая и две воздушно-десантные дивизии, общая численность этих дивизий составляла около 100 тысяч человек. Многие дивизии были неполного состава, некоторые их части остались в пунктах постоянной дислокации.

7 ноября, в день годовщины Октябрьской революции, на улицах Будапешта продолжались бои. В тот день части дивизии Обатурова уничтожили вооруженные группы в центре города к югу от улицы Ракоци и овладели радиостанцией «Кошут».

В районе пристани частями дивизии Лебедева были захвачены катера Дунайской флотилии. Полки 128-й гвардейской стрелковой дивизии штурмовали Королевскую крепость и дворец Хорти на Замковой Горе.

В районе крепости действовало более тысячи человек, при их разгроме было взято 350 автоматов, столько же винтовок, несколько минометов, много пистолетов и гранат. Используя господствующее положение местности, отсюда вооруженные группы обстреливали мосты через Дунай. Через подземные ходы они проникали в окрестные кварталы, терроризировали население, нередко занимались грабежом и совершали убийства.

Такова была Королевская крепость и ее гарнизон.

Части 128-й гвардейской дивизии утром начали штурм горы Геллерт, к исходу дня они овладели крепостью, блокировав выходы из подъездов у подножия горы.

8 ноября велась борьба с вооруженными группами, засевшими в подземельях.

Части 128-й дивизии продолжали ликвидировать оставшиеся очаги сопротивления.

Подразделения 381-го парашютно-десантного полка, поступившего на усиление дивизии, получили задачу овладеть казармами Петефи.

100-й танковый и 80-й парашютно-десантный полк 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии совместно с механизиро-

ванным полком 33-й мехдивизии завершили очистку кварталов в треугольнике улиц Фиумэ, Непсинхаз, Ракоци.

Мне пришлось ставить задачи и организовывать взаимодействие десантников и танкистов, действовавших вдоль улицы Ракоци. В боях по очищению этого района успешно действовали десантники. Они стремительно врвались в дома, откуда вооруженные группы вели огонь, и решительными действиями уничтожали или их разоружали. Проходы в баррикадах проделывались нередко огнем и тараном танков.

Следует отметить, что к началу операции личный состав наших войск был настроен решительно. Оказание военной помощи Советским Союзом Венгрии было поддержано всеми социалистическими странами, в том числе Китаем и Югославией, что способствовало выполнению нами своего долга и поставленных задач.

Случаи зверства повстанцев по отношению к сторонникам народной власти, имевшие место расправы над захваченными советскими военнослужащими, особенно ранеными, вызывали возмущение наших солдат и офицеров.

Боевые действия проходили в более благоприятных условиях, чем в конце октября. Будапешт находился на военном положении, и наши войска были хозяевами улиц, внезапные нападения вооруженным группам удавалось совершать реже. У нас сил и средств было больше, чем в октябре.

Войска не были связаны противоречивыми распоряжениями, исходящими от венгерского правительства (открывать огонь только при нападении, огня и боевых действий не вести и т.д.), которые затрудняли действия войск и приводили к излишним потерям. Мы уже не рассчитывали на совместные действия с венгерской армией и намечали все наши планы с учетом самостоятельных действий. Облегчало положение и то обстоятельство, что мы располагали значительными силами, в составе войск Особого корпуса в Будапеште насчитывалось около 30 тысяч человек. А в последнее время в вооруженные отряды повстанцев притока новых сил не отмечалось. Однако возникла новая сложная задача, связанная с разоружением венгерских частей, не допуская инцидентов.

Полученный нашими частями небольшой опыт способствовал более умелым действиям офицеров и солдат. Так, например, для поддержания непрерывной связи в Будапеште использовалась работающая городская телефонная сеть, для этого сообщались подчиненным штабам номера телефонов городской автоматической телефонной станции нашего командного пункта. Они, в свою очередь, номера своих телефонов сообщали вышестоящим и подчиненным командирам и штабам.

Зарубежная пропаганда, главным образом радиостанция «Свободная Европа», использовала все средства — обещания и подбадривания, призывала продолжать вооруженную борьбу и беспорядки как можно дольше. Но борьба, по сути, завершилась за несколько дней.

В последующие дни вооруженным группам были нанесены новые удары.

8 ноября нам сообщили, что на улице Барош заседает «Революционный рабочий совет Будапешта» и обсуждает мероприятия по усилению борьбы. По указанию генерала Малинина для их захвата мною были направлены подразделения мотоциклетного батальона под командованием подполковника Г. Добрунова, в период действий в Будапеште он успешно выполнил немало ответственных задач.

На сей раз разведчики, преодолевая сильный огонь, проникли в указанный район, но они опоздали, членов «ревкома» там уже не оказалось, в чем я убедился, когда вслед за ними прибыл в район их действий. Недалеко от этого места разведчики разоружили штаб отряда «национальных гвардейцев», уничтожив несколько человек, оказавших сопротивление.

В эти дни в юго-восточной части города и в заводском районе Чепель вооруженные отряды значительными силами продолжали оказывать сопротивление. Здесь действовало несколько сотен человек, имевших крупнокалиберные и станковые пулеметы, зенитные и противотанковые орудия. Высланный для разведки наш самолет Ил-28 был сбит огнем зенитных орудий.

Командиру 33-й дивизии генералу Обатурову было дано распоряжение очистить 9 ноября промышленный район Чепель от вооруженных отрядов и групп.

Еще до получения этого распоряжения мотострелковые подразделения, усиленные танками, вступили в бой на северной окраине Чепеля. Она была забаррикадирована железнодорожными вагонами, подступы к ней были прикрыты артиллерийским огнем.

Утром 9 ноября механизированный полк начал бои в Чепеле, но был встречен сильным огнем. Зенитными орудиями было подожжено четыре танка, значительные потери понесла пехота. Повторная атака после огневого налета снова не имела успеха. Здесь опять имели место недооценка командованием дивизии сил повстанцев и плохая разведка.

Генерал Обатуров принял решение провести внезапную ночную атаку силами механизированного полка, усиленного танками и самоходными артиллерийскими установками.

В три часа ночи 10 ноября наши части внезапно атаковали вооруженные отряды, неподготовленные к ночному бою. Серьезного сопротивления они не оказали и начали бросать оружие.

К утру район Чепель полностью был очищен.

100-й танковый и 80-й парашютно-десантный полки продолжали очищать от вооруженных групп пригороды Кишпешт, Пештсентлеринц, а также улицы Юллей.

Саперные подразделения, которые ранее из-за недостатка пехоты включались в состав штурмовых групп, теперь уже использовались для проделывания проходов в баррикадах, разминирования объектов, а позднее — для подрыва неразорвавшихся снарядов.

Части 128-й гвардейской стрелковой дивизии в этот день завершили уничтожение вооруженных групп в западной части города, в районе Буда и ее окраинах, а также разоружили несколько зенитных батарей, пытавшихся оказывать сопротивление.

В других районах города наши части осуществляли охрану объектов, вели патрулирование и прочесывали занимаемые районы, очищая их от остатков вооруженных отрядов. Они, за исключением закоренелых враждебных элементов, постепенно стали бросать оружие.

Небольшие вооруженные группы, оставшиеся от разгромленных отрядов, уже не стремились удерживать отдельные здания,

а прибегли к новой тактике — стреляли из-за угла, быстро перемещаясь в другое место. Отмечались случаи грабежа ими складов, магазинов и гостиниц, многие из которых поджигали, постепенно перемещаясь на окраины и затем за город. Многие захватывали автомашины и стремились прорваться на запад. Остатки отряда Дудаша были разгромлены на пути в районе Тата.

Командиры частей докладывали о большом количестве захваченных вооруженных лиц, не оказывающих сопротивления разоружали и отпускали.

В один из ноябрьских дней было получено распоряжение всех захваченных в боях направлять в Центральную военную комендатуру города в распоряжение генерала Гребенника.

Здесь начались трудности, оказалось, что командиры частей преувеличивали количество захваченных вооруженных лиц. Те, которые оказывали сопротивление, гибли в боях, остатки вооруженных групп бросали оружие и разбегались, захваченных вооруженных людей было очень мало.

Командиры частей направили в распоряжение коменданта Будапешта несколько сотен человек, причем многие из них, как выяснилось позднее, были захвачены без оружия и при сомнительных обстоятельствах. Считали, что в комендатуре при помощи венгерских властей с ними разберутся.

В действительности по распоряжению председателя КГБ Серова свыше тысячи захваченных людей были погружены в вагоны и по железной дороге отправлены в Закарпатье.

Через некоторое время многие из них были освобождены и возвратились, и только небольшое количество передано венгерским органам правосудия.

Депортация венгерских граждан советскими органами КГБ вызвала справедливое возмущение венгерского народа.

С разгромом вооруженных отрядов в Чепеле и в Буде, по существу, были завершены боевые действия в Будапеште.

Командовавший вооруженными отрядами повстанцев генерал Бела Кирай со своим штабом и несколькими десятками «национальных гвардейцев» (в основном из бывших студентов политехнического института) переместился из окрестностей Будапешта в Надьковачи.

Для уничтожения обнаруженной группы в лесу в районе Надьковачи в ночь на 11 ноября были выделены подразделения 97-го механизированного полка. Они очистили указанный район, уничтожив до 10 и захватив 13 вооруженных лиц, 3 автомашины и радиостанцию штаба «национальной гвардии». Бела Кирая среди них не оказалось. Там он находился до 11 ноября, позднее покинул территорию Венгрии.

В результате действий войск Особого корпуса к 11 ноября вооруженное сопротивление в Будапеште было сломлено, а вместе с ним открытое вооруженное выступление было разгромлено на всей территории страны, как в столице, так и на периферии.

После разгрома в Будапеште вооруженные отряды начали отходить мелкими группами за пределы города в горно-лесистые районы северо-западнее Буды.

Для ликвидации групп, укрывшихся в лесах, прилегающих к городу, наши части и подразделения производили прочесывание лесов и населенных пунктов.

Завершение ликвидации оставшихся мелких групп и обеспечение общественного порядка осуществлялись нашими подразделениями совместно с созданными венгерскими офицерскими полками.

В городах была организована комендантская служба и патрулирование, которые осуществлялись на улицах города в последующие дни совместно с полицией и венгерскими офицерами, что обеспечивало более успешное выполнение задач.

Венгерские подразделения совместно с нашими частями осуществляли охрану важнейших объектов, мостов, вокзалов и основных магистралей.

Прекратив вооруженную борьбу, многие повстанцы и остатки их вооруженных групп ушли в подполье.

За период боев и после окончания боевых действий в Будапеште было захвачено у вооруженных отрядов, групп и отобрано у населения более 44 тысяч единиц стрелкового оружия, в том числе около 29 тысяч винтовок и карабинов, 11 500 автоматов, около 2000 пулеметов, 1350 пистолетов, а также 62 орудия, из них 47 зенитных.

При этом около двух тысяч винтовок, автоматов, пулеметов и пистолетов были иностранного производства послевоенного периода. Много оружия сдали венгерские воинские части.

Большее количество оружия было взято у населения города после издания приказа командира Особого корпуса от 12 ноября о сдаче оружия и порядке его сбора.

Количество захваченного и отобранного оружия свидетельствовало о том, что в вооруженном выступлении участвовало несколько тысяч человек, при этом большая часть из них действовала в Будапеште.

Советские воины, боровшиеся против вооруженных отрядов, проявили мужество, решительность, твердость. Именно поэтому основные силы повстанцев в короткие сроки были разгромлены.

Многие воины венгерской армии принимали участие в разгроме вооруженных групп и помогали советским войскам. Однако венгерская армия не смогла защитить народно-демократический строй и восстановить порядок в стране.

Вместе с тем венгерская армия не встала на сторону восставших и не выступила против советских войск. Лишь некоторые части и подразделения в Будапеште и на периферии перешли на сторону восставших. Так, в Будапеште перешли на сторону восставших и оказали вооруженное сопротивление подразделения двух механизированных и одного стрелкового полка, несколько строительных батальонов, около десяти зенитных батарей.

Имели место столкновения и инциденты с венгерскими подразделениями в районе казарм Килиан, Петефи, Матьяша и других районах Будапешта, а также в городах Дунапентеле, Дьер, Захонь, Капошвар, Сольнок и других.

Во многие вооруженные отряды и группы повстанцев входили и венгерские военнослужащие. Некоторые офицеры и «советы» присоединились к восставшим.

Руководство армией было деморализовано происходящими событиями и не оказало влияния на войска.

Заслуга в том, что венгерские части в целом не допустили массового кровопролития, принадлежит венгерским генералам и офицерам.

С 4 ноября под руководством Ференца Мюнниха и Дьюла Усты началось возрождение венгерской армии, создание частей охраны общественного порядка. В Будапеште было создано три революционных офицерских полка, создавались новые части и на периферии, их численность достигала 18 тысяч человек.

Они постепенно стали выполнять задачи по обеспечению и поддержанию порядка, вооруженной защиты, став основой воссоздания венгерской армии.

Потери советских войск в Венгрии

В ходе боевых действий советские войска в 1956 году понесли значительные потери. Они составили 2170 человек, из них погибли 670 человек и были ранены 1500 человек.

Из этого количества больше половины потерь понесли части Особого корпуса в октябре, в последующий период потери были несколько меньшими. Большие потери имели части 33-й механизированной дивизии генерала Обатурова, им пришлось выполнять наиболее сложные задачи, действовать в центральном районе, насыщенном вооруженными группами, и в первые дни они не всегда умело организовывали боевые действия.

7-я и 31-я гвардейские воздушно-десантные дивизии имели 85 убитых, 12 без вести пропавших и 265 раненых.

Было подбито и повреждено много наших танков, бронетранспортеров и другой боевой техники. Части 33-й механизированной дивизии в Будапеште потеряли: 14 танков и САУ, 9 бронетранспортеров, 13 орудий, 4 БМ-13, 6 зенитных пушек, 45 пулеметов, 31 автомобиль и 5 мотоциклов.

Большие потери были среди венгерского населения. Только в Будапеште погибли около двух тысяч человек и свыше 12 тысяч были ранены.

Около 200 тысяч человек покинули Венгрию.

Все это свидетельствует о том, что прошедшие события были большой трагедией для венгерского и советского народов.

Командование советскими войсками в Венгрии, и в первую очередь командир Особого корпуса, отдавая приказы и распоряжения по выполнению поставленных задач, по возможности стре-

мились избежать потерь наших войск и венгерских граждан. Я уже писал, что нетрудно представить, сколько бы погибло людей, если бы один советский танк или пулемет открыл огонь по колонне демонстрантов или по огромной массе людей, митинговавшей на площади.

Конечно, имела место случайная гибель людей. Обстановка была сложной, и нельзя было отличить повстанца, внезапно открывшего огонь по нашим солдатам, от убегающего от них, минуту тому назад бросившего свое оружие. Однако случаев бесчинств и зверств по отношению к венгерскому населению почти не было, их малейшие попытки немедленно пресекались.

Появление в последнее время в печати различных сообщений «очевидцев» о расстрелах венгерских граждан, а также неповиновении наших солдат и их расстреле, в том числе на территории советского посольства, — все это клевета и лживые выдумки.

Как я уже писал, в те дни имели место случаи расправы над сотрудниками госбезопасности, партийными работниками и захваченными советскими военнослужащими, которые совершались повстанцами.

* * *

Венгерские события показали, что привлекать войска, особенно другой страны, для восстановления общественного порядка недопустимо и нецелесообразно. Они для этого не предназначены и не подготовлены. Применяемые способы их действий — огонь, атака, захват объектов, при наведении общественного порядка не всегда возможны и эффективны, приводят к излишним жертвам мирных жителей, разрушению многих зданий, пожарам и большим потерям материальных средств и ценностей.

Для выполнения задач по восстановлению общественного порядка в первую очередь надо использовать подготовленные войска МВД и полицию, оснащенную специальными средствами (водометами, слезоточивыми газами, металлическими заграждениями, громкоговорящими установками, индивидуальными радиостанциями, мобильными телефонами и другими).

Привлечение войск для восстановления общественного порядка подрывает престиж вооруженных сил и авторитет страны.

Венгерские события занимают особое место в моей жизни и службе. Мне пришлось возглавлять оперативную группу штаба Особого корпуса в период действий в Будапеште, обеспечивать управление соединениями и частями в сложных, необычных условиях.

Требовалось организовать сбор данных обстановки, докладывать их командованию, в Генеральный штаб, готовить предложения для принятия решений, передавать распоряжения командирам дивизий, нередко ставить задачи командирам частей, ежедневно писать донесения, шифротелеграммы и распоряжения, представлять донесения в Генеральный штаб.

Работа была ответственная, боевая, напряженная и сложная.

В период событий пришлось встречаться с советскими и венгерскими партийными и государственными руководителями, видными военачальниками, а также многими активными участниками событий. Перечисление лиц, встреч и событий, изложенных в этих воспоминаниях, показывает важность и ответственность напряженной работы в тот период.

* * *

12 ноября 1956 года боевые действия в Венгрии завершились. Решающая роль в них принадлежала Особому корпусу, которым командовал генерал-лейтенант Лашенко Петр Николаевич.

Политическая борьба продолжалась.

Историческая трагедия

Высшие политические руководители Советского Союза в 1956 году дважды принимали решение об оказании военной помощи Венгрии. Эти решения были поддержаны руководителями всех социалистических стран.

Советские войска помогли правительству Я. Кадара восстановить общественный порядок и существовавший строй в Венгрии.

Советское руководство, наша идеология говорили нам, что союзная страна — Венгрия в опасности, и мы верили, что по просьбе

венгерского правительства оказываем помощь венгерскому народу в борьбе с контрреволюцией. Полагали, что вооруженное выступление может привести к созданию режима, представляющего определенную угрозу нашим странам.

Многие из нас еще помнили, что в годы минувшей войны Венгрия выступила на стороне фашистской Германии, воевала против Советского Союза, ее войска зверствовали на нашей земле. Расправы мы видели во время происходивших событий и свои действия считали как бы продолжением прежней борьбы с фашизмом.

Мы, солдаты, не особенно задумывались над полученными приказами и их не обсуждали. В своем патриотическом порыве были готовы выполнить любой приказ партии и нашего правительства.

Нам долгие годы внушали, что наш социалистический строй является самым прогрессивным, в происходящих событиях в Венгрии мало видели революционного и демократического движения масс. Считали, что все преобразования в стране должны осуществлять высшие органы власти, а митинги, антиправительственные демонстрации и вооруженные выступления являются нарушением установленного порядка.

Вместе с тем выступление венгерского народа против клики Ракоши — Гере и существующего строя, выдвинутые многие справедливые требования и самоотверженность венгерского народа в борьбе за свободу невольно вызывали симпатию. Однако разгул террора в ряде мест, расправы над коммунистами и сотрудниками госбезопасности, разгром будапештского горкома партии и другие подобные акции были признаками контрреволюции. А наблюдавшееся стремление консервативных сил и реакционных элементов захватить власть также настораживало, ибо могло привести к созданию подобия прежнего хортистского режима.

В связи с этим мы считали, что надо было пресечь бесчинства, бороться с реакционными силами, восстановить общественный порядок и спокойствие в Венгрии и тем самым создать условия для проведения необходимых преобразований в сфере политики, идеологии и экономики мирным путем.

Но все это должны были делать сами венгры.

Поддержка политического режима клики Ракоши — Гере, изначальная ставка на силовое решение возникшего кризиса привели к ошибочному решению о вводе советских войск в Будапешт, вызвало усиление вооруженного выступления и потребовало в последующем ввода значительных сил советских войск в Венгрию.

Как теперь принято считать, привлечение советских войск в 1956 году для восстановления существующего режима явилось вооруженным вмешательством СССР во внутренние дела в Венгрии.

Николай I бросил русские полки в Венгрию, подавил революцию 1848 года и восстановил монархию.

Через сто с лишним лет Хрущев направил советские войска в Венгрию для восстановления существовавшего строя.

В 1956 году снова произошла историческая трагедия.

* * *

События в Венгрии в 1956 году были первым жестоким симптомом начала послевоенного кризиса тоталитарной социалистической системы.

Они оказали определенное влияние на Советский Союз. Политическое руководство Советского Союза понимало истинные причины массового выступления венгерского народа против существующего строя и увидело в них угрозу социалистической системе. Стремясь не допустить подобных событий в СССР и других социалистических странах, оно приостановило начавшиеся преобразования, предало забвению решения XXII съезда партии и продолжало проводить жесткую политику. Вместо проведения необходимых демократических и социально-экономических преобразований в стране усиливалась власть партии, ее органов, пропаганда «преимуществ» социалистической системы.

Забвение интересов своего народа, имперские амбиции, вмешательство во внутренние дела суверенных государств и война в Афганистане стали цепной реакцией, приведшей позднее к взрыву социалистической системы, ускорили ее крах и развал Советского Союза.

22 октября 1992 года на приеме в венгерском посольстве в Москве меня представили прибывшему с неофициальным визитом президенту Венгерской Республики Арпаду Генцу.

Президент Венгерской Республики спросил, был ли я в Венгрии в 1956 году и как я оцениваю события сейчас? Я сказал, что был активным участником событий, в тот период, будучи полковником, при ведении боевых действий в Будапеште возглавлял оперативную группу штаба Особого корпуса.

Раньше и теперь оцениваю венгерские события 1956 года объективно и неоднозначно.

Это было не только революционное выступление венгерского народа и его борьба за свободу. Разгром городского и районных комитетов партии, зверские расправы, чинимые повстанцами над партийными активистами, сотрудниками госбезопасности и сторонниками существующего режима были признаками контрреволюции. При слабости в тот период венгерской демократии вмешательство советских войск предотвратило вооруженную борьбу в Венгрии, открыло путь к проведению преобразований и в последующем позволило Венгрии завершить «эпоху реального социализма» мирным путем.

Сейчас далекие от жизни люди обвиняют офицеров и солдат Советской Армии, выполнявших воинский долг, в неправомерности действий.

Ответственность за происшедшую историческую трагедию несут советские политики, в первую очередь Хрущев и его соратники, а также венгерские руководители, которые просили оказать вооруженную помощь.

В ходе событий многие справедливые требования венгерского народа, его выступление против клики Ракоши — Гере вызывали уважение. Без этой борьбы, возможно, и не было бы этого дня, который вы сейчас отмечаете.

На приеме президент А. Генц выступил с речью, в которой сказал, что не все одинаково оценивают венгерские события 1956 года: венгерские руководители, наш народ и советский генерал.

После своей речи президент А. Генц сказал мне, что «в годы войны он боролся с фашизмом, был подпольщиком и даже приватизировал себе пулю — получил ранение».

Я ему рассказал, что мне в те же годы довелось воевать в рядах Советской Армии против немецко-фашистских и венгерских войск. (Кстати, на соседнем участке с нашей дивизией, в районе Свалявы, к нам перешел командующий 1-й венгерской армией генерал-полковник Миклош Бела.)

В период действий в Будапеште осенью 1956 года советские войска стремились избежать по возможности массовых потерь. Конечно, вы представляете, какие могли бы быть жертвы, если бы хоть один танк или пулемет открыл огонь по демонстрантам или толпе митингующих людей, мы не применяли и авиацию. «Да, это так», — сказал президент.

Что касается различной оценки событий 1956 года, по-моему, это естественное явление, так как мы были по разные стороны баррикад. Вы стали президентом Республики не без учета вашего участия в этих событиях, придерживаетесь официально принятой оценки событий и формируете эту оценку.

Мои взгляды и оценка событий не идентичны вашим, но они объективны и близки вашей оценке некоторых фактов и событий..

Президент сказал, что венгерский и русский народ никогда не воевали друг против друга, а воевали наши правители. Я не стал оспаривать этот весьма спорный тезис.

Примирение, согласие и мир должны быть между нашими народами.

Глава 5

В ВЫСШЕЙ АКАДЕМИИ, ШТАБАХ АРМИИ И ОКРУГОВ

В Академии Генерального штаба

После событий в Венгрии, в конце ноября 1956 года, я прибыл на учебу в Высшую военную академию, вскоре снова переименованную в Военную академию Генерального штаба. В ней готовились руководящие командно-штабные кадры оперативного звена. Начальником академии был маршал И.Х. Баграмян.

Большинство слушателей осознанно и с большим интересом, глубоко изучали те вопросы, которые были необходимы каждому для дальнейшей практической работы. Основное внимание в академии уделялось изучению оперативного искусства и стратегии, применению видов вооруженных сил и родов войск, а также военной истории и театров военных действий.

Появление на вооружении в те годы ракетно-ядерного оружия потребовало коренного пересмотра положений военной стратегии и оперативного искусства. Началась разработка первых трудов по стратегии, в которых рассматривались вопросы подготовки к войне, значение органов стратегического руководства, методов их работы, роль видов Вооруженных Сил и родов войск в операциях.

Начальником кафедры стратегии был генерал армии Г.К. Маландин, ставший позднее начальником академии. Под его руководством была разработана теория боевого применения ракетно-ядерного оружия и осуществлялось обучение слушателей новым способам подготовки и ведения операций.

Преподавателями оперативного искусства на нашем курсе были генералы О.А. Лосик, С.С. Маряхин и Г.Г. Семенов, ставшие известными военачальниками.

В этот период учились в академии генерал-майоры Е.Ф. Ивановский, С.К. Куркоткин, В.Г. Куликов, П.С. Кутахов, Н.В. Огарков, А.И. Покрышкин, И.М. Третьяк, позднее занимавшие высокие посты в наших Вооруженных Силах.

Главное внимание в академии уделялось изучению вопросов подготовки и проведения армейской и фронтовой наступательных и оборонительных операций.

При изучении военной истории предпочтение отдавалось Великой Отечественной войне, причем некоторые проведенные операции рассматривались без достаточного критического анализа. Всемерно подчеркивалась роль в победе партии и народа и принижалась роль наших Вооруженных Сил.

Курс философии вел начальник кафедры генерал Н.В. Пуховский. Он живо читал лекции, иногда заинтересовывал слушателей и казался нам хорошим преподавателем. Однако однажды он нас поразил своим выступлением на партсобрании. В своем докладе

он обрушился на идеалистическую буржуазную науку, всячески понося кибернетику, «служанку буржуазии».

Лет через пятнадцать начальник Генерального штаба маршал М.В. Захаров пригласил нас, начальников штабов, на совещание по изучению средств автоматизации. Он стремился показать важное значение автоматизации и применения ЭВМ для повышения эффективности управления войсками. На одном из занятий мой коллега, начальник штаба Белорусского военного округа генерал-полковник Г.И. Арико, сказал, что теперь все это нас мало интересует, когда эта техника будет внедрена в наши Вооруженные Силы, мы все уйдем в отставку. И он оказался прав.

Мы отстали в создании и внедрении ЭВМ, а также высокоточного оружия на несколько десятков лет.

Отбор генералов и офицеров на учебу в академии не всегда проводился по деловым качествам, а чаще всего по анкетным данным. В результате среди слушателей иногда попадались слабо подготовленные офицеры, что ощущалось на проводимых занятиях.

Летом в 1957 году слушатели академии выезжали в Ленинградский военный округ и на Балтийский флот для изучения войск и флота. Мы также принимали участие в стратегическом командно-штабном учении, проводимом министром обороны маршалом Г.К. Жуковым на территории Белоруссии. В нем участвовали командующие и штабы нескольких военных округов, в том числе Уральского военного округа. Старшим посредником при этом округе был генерал армии М.В. Захаров, командующий войсками ЛВО, в ту пору он еще не был членом ЦК партии и на проводимый в июне 1957 года пленум не приглашался. В период работы пленума ЦК на учении была пауза. Я был посредником при оперативном отделе штаба округа, и на учении мне пришлось часто встречаться и работать с М.В. Захаровым. Когда возникла пауза на учениях на несколько дней, он часто со мной беседовал, приглашал в столовую. Тепло рассказывал о своей довоенной службе командиром полка в Белоруссии, вспоминал некоторые эпизоды работы в должности начальника штаба фронта в годы войны с И.С. Коневым и Р.Я. Малиновским. Его заинтересовал мой рассказ об участии в войне, работе во Втором Главном управ-

лении и венгерских событиях 1956 года. М.В. Захаров советовал после окончания академии приехать служить в Ленинградский военный округ на должность начальника штаба корпуса

В период учебы в академии, в октябре 1957 года, состоялся известный пленум ЦК партии, на котором министр обороны маршал Г.К. Жуков был освобожден от занимаемой должности. После пленума во всей стране и в армии проходили собрания партийных активов, осуждающие Г.К. Жукова, но находились достойные люди, не поддержавшие этого решения. Среди них был слушатель выпускного курса полковник Ю.А. Андерсен, выступивший на партактиве академии.

Позднее, когда я служил в Группе советских войск в Германии В.А. Никольский, участник партактива, проходившего в ноябре 1957 года в ГСВГ в присутствии Л.И. Брежнева, мне рассказывал, что многие выступавшие на партактиве поднимали важные вопросы боевой подготовки и воспитания личного состава. Они остро критиковали некоторых генералов и офицеров, обвиняя их в неграмотности, зазнайстве и самодурстве. Особенно досталось генерал-лейтенанту И.И. Якубовскому. Один из выступавших (зам. командира автомобильного батальона) сказал: «Родили их простые русские неграмотные женщины, да и сами они особой образованностью не отличаются. Кто же им дал право вести себя так, что если бы не их генеральские погоны, то им не вылезать из тюрьмы за мелкое хулиганство». Однако через три месяца Якубовскому было присвоено звание генерал-полковника, позднее он командовал ГСВГ и стал главкомом Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

Мне тоже не по душе были коварные действия Н.С. Хрущева, расправлявшегося с неугодными сильными личностями, расчищая путь своему культу.

Ожесточенная позиция против Жукова политработников во главе с Желтовым, а также выступления некоторых военачальников были понятны, Жуков не терпел бездельников и от всех требовал напряженной работы и твердой рукой поддерживал порядок и дисциплину в армии. Вспоминается один характерный случай. Командир Особого корпуса П.Н. Лащенко доложил, что в 177-й бомбардировочной авиационной дивизии начальник

политотдела вместе с начальником штаба дивизии пытаются порочить командира дивизии, подрывая его авторитет. Маршал Жуков немедленно отстранил их от должности и снизил в звании.

Непорядочно поступил маршал И.С. Конев, подписавший не объективную статью, порочащую Г.К. Жукова, тем самым снизил свое уважение в армии.

В стране после снятия Жукова стало возможным присвоение званий маршалов и Героя Советского Союза Брежневу, Голикову, Устинову и даже награждение первого из них орденом «Победа».

В 1958 году на военной игре, проводимой под руководством начальника академии, я успешно справился с обязанностями начальника штаба армии.

Досадный случай произошел у меня при защите дипломной работы по теме: «Перенесение основных усилий фронта в ходе наступательной операции на другое направление». Защиту принимала подкомиссия во главе с генерал-лейтенантом И.С. Шлеминым. После моего доклада, как обычно, был задан ряд вопросов. Шлемин спросил о том, сколько маршрутов может выделяться дивизии и армии? Ответил, что уже докладывал: дивизии может выделяться один-два маршрута, армии — четыре-пять. Он с этим не согласился, сказал, что много, хотя это предусматривалось новым проектом «Основ подготовки и ведения операций», и поставил мне хорошую оценку. Члены комиссии возражали, но председатель с ними не согласился. Это была единственная хорошая оценка за все годы моей учебы в академиях, остальные отличные, из-за нее не получил золотой медали об окончании академии.

Все мы, выпускники, тепло вспоминаем учебу и время, проведенное в академии. Однажды с Семеном Константиновичем Куркоткиным, когда он стал маршалом и был болен, вспомнили, как играли босиком в футбол на занятиях по физподготовке. «Вот было время, — сказал он, — с удовольствием поменял бы его на настоящее время и положение...» Возможно, он и лукавил...

Со старшим нашей учебной группы генералом армии Е.Ф. Ивановским, когда он уже был командующим войсками Московского военного округа, затем главкомом ГСВГ, а также генералом Ю.И. Казарновским мы часто встречались и вспоминали это золотое время.

В штабе армии

После венгерских событий я был аттестован на должность начальника штаба корпуса, генерал армии М.С. Калинин тогда даже предлагал мне службу в Москве. Надеялся, что это учтут при окончании академии, но через два года все было забыто и назначен, по существу, на равную должность — начальника разведки армии, хотя до академии был начальником отдела разведуправления штаба группы войск и начальником разведки Особого корпуса. Утешало, что получил назначение служить на Украине, в 38-ю армию, в которой прежде служил, и о моем назначении просил командующий армией генерал-лейтенант П.Н. Лащенко.

На этот раз мне не пришлось входить в коллектив, изучать особенности, размещение войск, полигоны, так как многое знал по прежней службе. Моими основными помощниками были подполковники Д. Константинов и М. Шкатов.

После ознакомления с боевой подготовкой разведывательных частей и подразделений в летний период организовал сборы разведчиков. Посетив сборы, командующий армией остался доволен их организацией и проведением занятий с разведчиками, дал ряд советов по организации огневой подготовки и вождению, которые учли в последующей работе. С солдатами, офицерами он разговаривал доброжелательно, ровно и спокойно.

На Львовском учебном центре я провел показное учение по разведке на окружных сборах начальников разведки соединений и частей.

Штаб Прикарпатского округа и штабы армий в 1959 году участвовали в крупном учении, проведенном министром обороны на Украине. На этом учении была показана переправа по дну реки танковой дивизии Киевского военного округа, им командовал маршал В.И. Чуйков. В течение часа 224 средних танка по дну реки переправились через Днепр. После этого в Советской Армии уделялось особое внимание подготовке войск к форсированию водных преград.

Недавно мы с бывшим сослуживцем, заместителем начальника оперативного отдела штаба 38-й армии В.М. Сычевым (ныне генерал-майором в отставке) вспоминали учение и совместную

службу в штабе 38-й армии, нашего командующего П.Н. Лашенко. Многие его действия были неординарными. Когда в одной из дивизий произошло тяжелое чрезвычайное происшествие, он вызвал командира и начальника политотдела дивизии, но долго их не принимал, и они напряженно ждали в приемной. Командарм выждал время, пригласил обоих к себе и сказал: «Поезжайте в часть и наведите порядок». И больше ни слова. Это был один из его многих психологических приемов воздействия на подчиненных.

Вспоминали мы и наших сослуживцев: начальника оперативного отдела А.И. Степанова, не имея академического образования успешно работавшего, начальника штаба артиллерии флегматичного В.М. Дарагана; настоящего профессионала, специалиста, начальника инженерных войск А.С. Бахтина и других.

Через некоторое время генерал-лейтенант Лашенко убыл на должность первого заместителя командующего войсками Киевского округа. Армию принял его заместитель генерал-майор танковых войск А.И. Шевченко. Он оказался оригинальной личностью. В годы войны успешно командовал танковым полком и бригадой, был заместителем командира танкового корпуса и удостоен звания Героя Советского Союза. После окончания Академии Генштаба в 1957 году почему-то уверовал, что его призвание — научная работа, и все время ею занимался. Даже выезжая на учение с войсками, сутками просиживал в автобусе над подготовкой своих диссертаций о новом подходе к выработке решения, переписывая многочисленные цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма. Он всем давал читать свои опусы и был недоволен, когда не соглашались с его мнением. Многие годы А.И. Шевченко занимался своими бесполезными диссертациями, не принося практической пользы войскам.

Вскоре мне предложили по замене служить в Группе войск в Германии, дал согласие, так как служба в Группе войск была более активной и перспективной.

Довелось служить в 3-й Ударной армии, в годы войны в ее состав входили бригада и дивизии, в которых мне пришлось воевать на Калининском фронте.

Командовал армией генерал-лейтенант танковых войск Л.И. Бауков, через некоторое время его сменил начальник штаба

*Е.И. Малашенко — курсант
1-го Тамбовского пехотного
училища. 1941 г.*

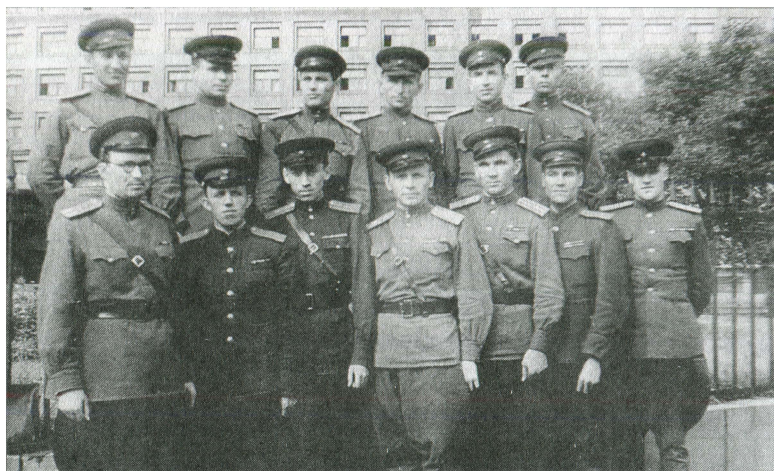
*Е.И. Малашенко
на Ленинградском фронте*

Командование 2 гв. ввд на 4-м Украинском фронте. Май 1945 г.

С разведчиками дивизии

Выпускники Академии им. М.В. Фрунзе. 1948 г.

С.И. Сурин

В.В. Карнов

*Офицеры 1-го отдела РУ
штаба ЦГВ. 1955 г.*

С женой в Австрии. 1955 г.

Убытие из Австрии. Август 1955 г.

И.С. Конев

П.Н. Лащенко

*Е.И. Малашенко в штабе
Особого корпуса*

Г.Т. Добрунов

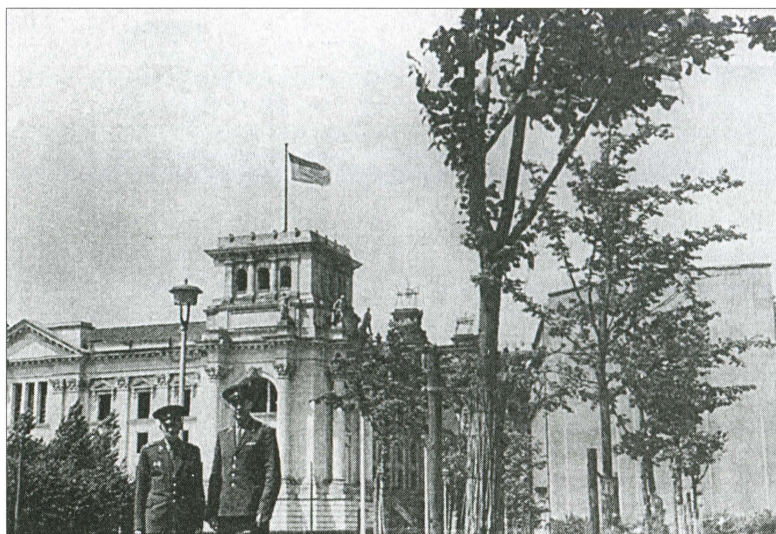
Район кинотеатра «Корвин» в Будапеште

Здесь шли ожесточенные бои. Октябрь 1956 г.

*Е.И. Малашенко после окончания
Военной академии Генштаба.
Ноябрь 1958 г.*

У Рейхстага в Берлине

Уточняем планы совместных действий. Германия. 1961 г.

На учении при инспектировании СКВО. 1964 г.

В Прикарпатском военном округе

П.Н. Лащенко

В.З. Бисярин

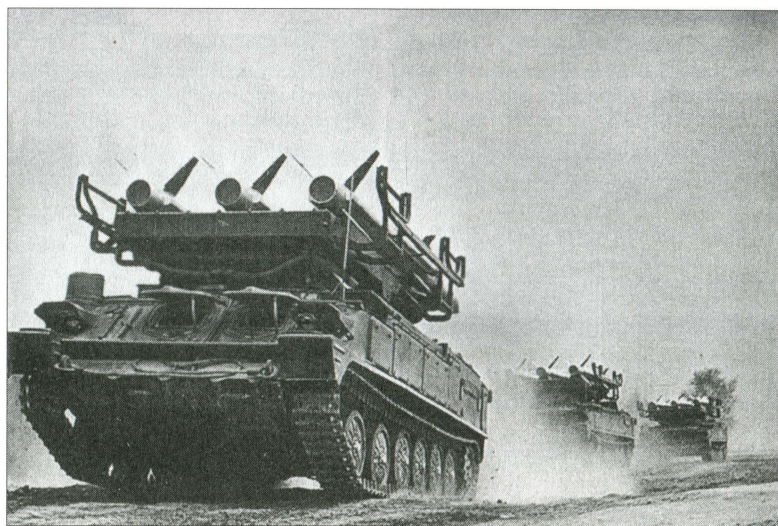
В.А. Меримский

Е.И. Малашенко

Контратака «западных» на учении «Днепр». 1967 г.

Зенитно-ракетная часть на марше

*Начальник Генштаба
маршал М.В. Захаров*

*Главный военный советник
в ВС ОАР П.Н. Лазенко*

Маршал А.А. Гречко в зоне Суэцкого канала

Встреча с командованием египетской армии

В советском посольстве в ОАР

На командно-штабных учениях

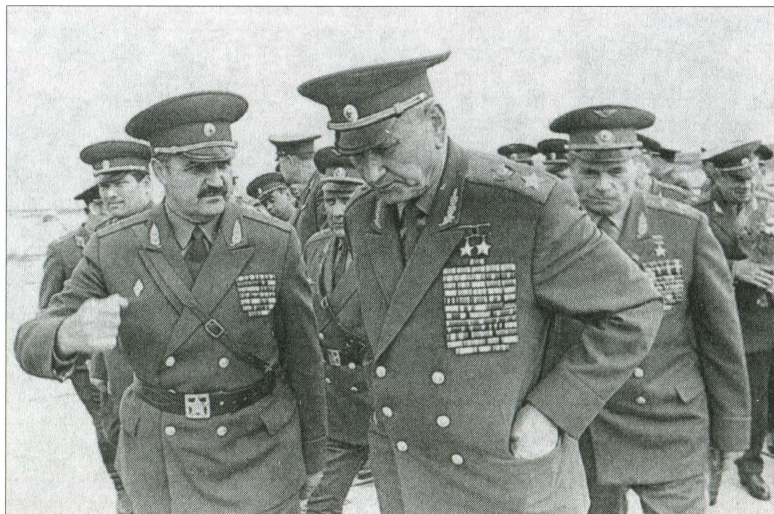
Прибытие на командный пункт

Встреча с командармами П.С. Белооным и Ф.И. Рыкаловым

Возложение венков 9 мая 1971 г.

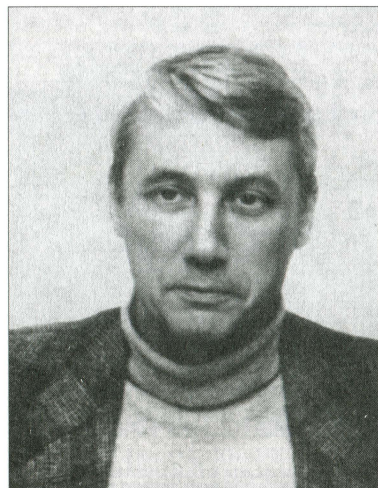

*Прибытие министра обороны маршала А.А. Гречко
для проверки войск округа*

Е.И. Малащенко с женой. 1973 г.

СЫНОВЬЯ

Юрий

Игорь

На параде на Красной площади 9 мая 1985 г.

Участники научно-практической конференции «Координация действий административных органов и силовых структур в условиях чрезвычайных ситуаций». 25 мая 2011 г.

армии генерал М.Н. Фроленков, а вместо него прибыл из соседней армии генерал-майор И.М. Третьяк.

Войска нашей 3-й армии располагались на важнейшем, Берлинском направлении, дислоцировались в северо-западной части ГДР. Штаб армии размещался в Магдебурге.

В те годы вся западногерманская земля гремела от заведенной военной машины вооруженных сил НАТО, воздух непрерывно сотрясался от грохота двигателей реактивных самолетов. Против войск армии располагались войска одной из крупных группировок Объединенных вооруженных сил НАТО — Северной группы армий, имеющей одиннадцать хорошо оснащенных дивизий.

Вблизи проходила автострада Берлин — Ганновер с контрольно-пропускным пунктом в Мариенборн, по которой осуществлялось интенсивное движение войск бывших наших союзников и жителей ФРГ.

На Магдебургском полигоне постоянно проходили важнейшие учения войск и сборы руководящего состава группы. Для проведения различных показательных учений и занятий постоянно привлекался штаб нашей армии, что во многом определяло особенности службы в этой армии. Кроме того, со штабом и управлением армии ежегодно проводилось большое количество командно-штабных учений и различных тренировок.

На этом полигоне на сборах руководящего состава показательные учения проводили командующие армиями генералы Л.И. Бауков, П.А. Белик, С.Л. Соколов, В.Ф. Толубко, В.Ф. Чиж, И.Е. Шавров. Они как бы соревновались, кто лучше проведет учение. Много было показательного, как в то время говорили, «марафета», по этому поводу офицеры злословили: «Наш генерал Велик белит белыми белилами белые березы»... Генерал-лейтенант В.Ф. Чиж, показывая бой в населенном пункте, построил целую деревню, которую потом назвали «Чижовка». На все это затрачивалось много труда и средств.

Происходили здесь и забавные случаи. На одном из учений при переправе через Эльбу в районе Кенерт солдаты поймали зайца, надели на него повязку с надписью «посредник», и он метался вдоль берега, вызывая дружный смех участников учения.

В напряженные периоды, а они в 1960—1962 годах возникали часто, на границе с ФРГ осуществлялось наблюдение и па-

трулирование разведчиков. Разведывательные подразделения подолгу находились вне расположения своих частей, выполняя эти задачи. В течение всего года интенсивно проводилась боевая подготовка разведывательных частей и подразделений. В зимний период обучения боевая подготовка с ними проводилась в местах постоянной дислокации, а летом они выводились в лагерь на Трептов-озеро, вблизи Пархима. Здесь были оборудованы учебные поля, трассы для выполнения стрельбы из бронетранспортеров, танков, мотоциклов, в том числе для стрельбы и вождения плавающих танков и БРДМ. Разведывательные подразделения выходили на учебный центр по-боевому, в полном составе, со всеми боевыми запасами боеприпасов, ГСМ, радиостанциями и имуществом, необходимым для боевых действий. Размещались лагерем, в палатках, оборудовался парк, пищеблок, полевые склады.

Учебный центр располагался в живописной местности с лесным массивом, полями, озерами, что способствовало отработке задач по тактической подготовке. Учебные поля для стрельб на суше и на плаву были оборудованы электрифицированными вышками с пультами управления, мишенями-подъемниками, позволяющими создавать различные варианты мишенной обстановки. Составлялся учебный план и жесткий график пользования учебными полями, стрельбищами. Особое внимание уделялось соблюдению мер безопасности при стрельбе и вождении на плаву. Со всеми разведподразделениями практически отрабатывались специальные упражнения по вождению и стрельбе, а также проводились тактические занятия и учения по разведывательным темам: действиям подразделений в разведдозоре, разведотряде, разведывательной группе в тылу противника и, конечно, с форсированием водных преград и другим темам.

Боевая техника и вооружение разведывательных частей по тем временам была неплохой, позволяла решать задачи в маневренных формах боя.

Под руководством начальников разведки дивизий, подполковников Рязанцева, Штучко, Жандармова и Волобуева, проводились тактические учения разведчастей и подразделений.

Сборы обычно заканчивались проведением армейского разведывательного учения, в котором участвовали разведчасти и подразделения всей армии, они сочетались с их движением в пункты постоянной дислокации, чтобы экономить моторесурсы и ГСМ. Учения требовали тщательной и большой подготовки. Разведотдел штаба армии был небольшим, в нем было пять человек (Савицкий, Брюзгин, Алакин, Пугачев и Иванников), и работы для всех было достаточно.

Большую работу проводили подполковник В. Савицкий и особенно майор Е. Брюзгин, занимавшийся сбором и анализом всех разведсведений.

Постоянное изучение военно-политической обстановки, хорошее знание немецкого языка способствовали его успешной информационной работе, он изучал статьи западногерманских газет, слушал радио, смотрел немецкое телевидение, следил за всеми новостями и событиями.

Позднее он возглавил отдел разведки, затем многие годы был одним из лучших преподавателей Военной академии имени М.В. Фрунзе и сейчас работает в военно-научном отделе академии.

Хорошо нам помогал в сборе информации О.А. Ржешевский, возглавлявший спецпропаганду политотдела.

При ведении разведки и на сборах разведывательных подразделений из-за безответственности и халатности случались иногда происшествия.

При ведении наблюдения на границе в 1961 году начальник разведки дивизии подполковник Штучко непродуманно решил разведчикам открывать огонь по пробегающим кабанам и диким козам. В районе Зальцведель при ведении ими огня несколько пуль попали в сарай и убили корову, принадлежащую жителю ФРГ, возникли серьезные неприятности, нам пришлось приносить извинения и компенсировать убытки.

На одном из занятий по вождению на плаву затонул плавающий танк ПТ-76, в 100—120 метрах от берега, где была глубина 4—5 метров. Экипаж успел выскочить из машины, оказалось, что не был плотно закрыт нижний люк (заслонка). Танк на следующий день с трудом вытащили.

В период берлинского кризиса

Наша 3-я армия, как тогда считалось, находилась на «переднем крае» стран Варшавского договора, в самой западной части ГДР. Международная обстановка в те годы была напряженной. Наш руководитель Н.С. Хрущев своими выступлениями и действиями в немалой степени способствовал этому. Карибский кризис, перекрытие Берлина, создание Берлинской стены — все это происходило в этот период. В напряженные кризисные моменты войска армии приводились в боевую готовность, выводились на полигоны, готовились к отражению возможной попытки войск НАТО прорваться в Берлин и действиям в соответствии с имеющимися планами.

В связи с перекрытием границы ГДР и созданием Берлинской стены обстановка резко обострилась, потребовалось уточнить план разведки, усилить наблюдение и ведение разведки во всей полосе от Ростока до гор Гарц. Была развернута сеть наблюдательных пунктов, они непрерывно вели наблюдение и докладывали результаты по телефону или по радио. Офицеры-разведчики осуществляли патрулирование вдоль границы на легковых автомобилях с радиостанцией. Было организовано получение сведений от штаба немецкой пограничной бригады и нашего контрольно-пропускного пункта в Мариенборне. При прохождении американских и английских частей через этот КПП приходилось выезжать мне или одному из офицеров отдела.

Майор Е. Брюзгин и переводчик капитан Н. Иванников постоянно изучали сообщения газет и радио, прослушивали передачи западногерманских радиостанций, в отделе обобщались эти сведения, докладывались командованию армии и представлялись в разведуправления штаба группы. Командующему, как правило, докладывал в установленное время, но если обстановка усложнялась, то докладывал немедленно.

Командующий армией генерал-лейтенант М.Н.Фроленков иногда при докладе мог придаться к какой-то мелочи, подолгу о ней говорить, не понимая существа дела.

Начальник штаба генерал Иван Моисеевич Третьяк быстро и правильно разбирался в сложной обстановке, был энергичен, прост в обращении, и с ним приятно было работать.

Начальник разведки группы К.Н. Ткаченко войсковой разведкой и армиями не занимался.

В нашей армии в ту пору служили генерал-майоры — мудрый и объективный член военного совета П.А. Горчаков и один из лучших артиллерийских начальников, безупречный и тактичный Г.Е. Передельский, позднее они занимали ответственные должности в Вооруженных Силах.

В августе 1961 года к нам в армию прибыл главком Сухопутных войск маршал В.И. Чуйков. Штаб армии и дивизии были подняты по тревоге и выведены в назначенные районы. Он непрерывно всех заслушивал и перемещал части в новые районы вместо практической подготовки войск к предстоящим боевым действиям. В.И. Чуйков был известен не только богатым боевым опытом, но и грубостью и самодурством. Ходила молва, что Чуйков, будучи командующим 9-й армией, вместе с Мехлисом, в финскую войну, необоснованно предавали суду и расстреливали командиров и начальников штабов дивизий и полков, а сейчас они реабилитированы.

При заслушивании руководящего состава на учениях он постоянно обрывал докладчиков, ругал и оскорблял их. Нередко отдавал непонятные противоречивые указания, чтобы потом требовать с подчиненных, что ему заблагорассудится.

Запомнились и мне встречи с В.И. Чуйковым на этом учении. Вот некоторые характерные эпизоды.

После моего доклада о группировке, вероятных действиях противника и организации разведки он стал допытывать, как организована воздушная разведка в армии. Я доложил, что армия средств воздушной разведки и даже вертолета не имеет. Ее организует штаб группы. Поддерживающая авиация будет вести разведку с началом боевых действий. Он заявил, что организация воздушной разведки плохая, мы и прибывшая оперативная группа воздушной армии бездельничаем, и приказал вызвать к нему начальника оперативной группы.

Прибыл молодой подполковник Василевский и доложил о своем прибытии. Чуйкова что-то осенило, и он поинтересовался, какое отношение подполковник имеет к маршалу А.М. Василевскому. Тот ответил, что является его сыном. Тогда Чуйков

обрушился на нас с бранью, что мы не умеем правильно использовать авиацию (ее полеты были запрещены) и специалистов оперативной группы воздушной армии. Все это происходило почти по «Хамелеону» А.П. Чехова.

Однажды ночью меня вызвал по телефону Чуйков и дал вводную следующего содержания. При попытке прорваться через границы ГДР, в районе Мариенборн, подбит американский танк. В составе его экипажа американский, английский, западногерманский и французский военнослужащие, все они погибли. Оцените эти сведения и доложите выводы. Сначала я сказал, что это какая-то нереальная вводная, такого быть не может. Он меня отругал и потребовал другого ответа. Тогда я сказал, что, возможно, это американская провокация, попытка спровоцировать военный конфликт, чтобы сразу втянуть своих союзников в боевые действия. Этот ответ понравился ему больше, и он потребовал, чтобы доложил командующему армией и в штаб группы.

В последующем маршал Чуйков отметил за правильный анализ мною обстановки и умелую организацию разведки. Это смягчило, но не оправдывало его грубость.

Позднее Главкомат Сухопутных войск был упразднен, говорили, чтобы избавиться от Чуйкова в Вооруженных Силах.

В период берлинского кризиса из разных источников поступало много различных сведений, в том числе о приведении в боевую готовность вооруженных сил НАТО, их выдвижении к границам ГДР, прибытии новых авиационных частей из США, переброске транспортной авиацией американских и английских войск в Западную Германию, частичном проведении мобилизационных мероприятий. Систематически осуществлялась передача различных сигналов. Все это напоминало реальную подготовку к нападению. Вместе с тем были и другие сведения, которые свидетельствовали, что многие проводимые мероприятия носят демонстративный характер.

Анализируя обстановку в дни берлинского кризиса, мы часто приходили к выводу, что одним из возможных вариантов действий Объединенных вооруженных сил НАТО может быть нанесение ударов, в том числе западногерманскими войсками, с целью про-

рыва в Берлин. И таким путем в последующем решить проблему объединения двух германских государств.

Такого удара мы ждали и готовились к его отражению. Вместе с тем считали, что подобные действия могут явиться началом новой мировой войны, привести к огромным потерям немцев и, по существу, к уничтожению германских государств. В связи с этим возникали сомнения в реальности таких действий. Как показали события последних лет, иной — мирный путь объединения двух германских государств явился более мудрым, надежным, безболезненным и привел к достижению поставленных ими политических целей.

Прошло много времени с тех пор, когда берлинский кризис 1961 года был в центре внимания общественности, глав государств, правительств, прессы, радио и телевидения. Мы должны быть признательны тем людям, которые сумели предотвратить его расширение и мирным путем решить острый конфликт между двумя коалициями государств.

Штаб и разведка нашей армии не занимали какого-то значительного места в решении берлинского кризиса, но в создавшейся обстановке потребовалось делать все необходимое для его решения и обеспечения командования сведениями, которые, вероятно, учитывались при принятии определенных решений.

На Северном Кавказе

В 1962 году я был назначен заместителем начальника штаба по разведке Северо-Кавказского военного округа.

Северо-Кавказский округ протянулся от Черного до Каспийского моря, располагался на территории пяти автономных республик Северного Кавказа, Краснодарского и Ставропольского краев и трех крупных областей — Ростовской, Волгоградской и Астраханской, населенных народами различной национальности.

Штаб округа размещался в городе Ростове-на-Дону.

В довоенные годы это был один из крупнейших военных округов, здесь когда-то дислоцировалась 1-я Конная армия, а затем значительное количество кавалерийских и стрелковых соединений. Этим округом командовали ставшие впоследствии наркома-

ми обороны К.Е. Ворошилов и С.К. Тимошенко, а также другие известные военачальники.

После реорганизации Вооруженных Сил, проведенной в послевоенный период, количество войск в округе было небольшим. В шестидесятые годы в округе насчитывалось семь дивизий, часть из них сокращенного состава, но сохранилось много довоенных военных городков и лагерей. Командовал войсками округа генерал армии, дважды Герой Советского Союза Исса Александрович Плиев. Он находился в длительной командировке на Кубе, и его обязанности исполнял первый заместитель генерал-лейтенант танковых войск М.К. Шапошников.

После службы в Прикарпатском военном округе и Группе войск в Германии бросалась в глаза запущенность войск округа. Шапошников не мог развернуться или не хотел работать в полную силу. Он был эрудированный человек, подготовленный в военном отношении, но часто стремился к оригинальности, злоупотреблял остроумием во вред практическим делам. Позднее стало известно, что после новочеркасских событий в июне 1962 года он написал статью «Уроки новочеркасского восстания», наподобие ленинской работы, где высказал несколько крамольных, по тем временам мыслей, за что был строго наказан и уволен из армии.

Начальник штаба округа генерал-майор П.В. Степшин был добрым, спокойным человеком, но увлечение выпивкой мешало его серьезной работе.

Недостаточное внимание уделялось боевой готовности и мобилизационной подготовке войск. Округ даже не имел подготовленного подвижного пункта управления.

Работа в должности начальника разведки в этом округе во многом напоминала прежнюю работу начальника разведки армии. Разведотдел занимался изучением вероятного противника, вооруженных сил Турции, входящей в НАТО, Ирана, Ближневосточного театра военных действий, а также организацией боевой подготовки разведывательных частей и разведподготовки штабов и войск округа.

Разведывательные части были малочисленными, что создавало трудности в проведении боевой подготовки, обслуживании большого количества техники, находящейся на хранении.

Разведчасть «Спецназ», которой командовал майор Г.Н. Журавель, была одной из лучших в округе, что требовало постоянных усилий по наращиванию ее подготовки. Тщательно подбирали личный состав в эту часть и обеспечили поддержание твердого уставного порядка. Все солдаты и офицеры совершали прыжки с парашютом, обучались действиям в тылу противника. Они также принимали участие в парадах в Ростове-на-Дону.

В Саратовском учебном центре под Краснодаром для руководящего состава округа мною было проведено показательное учение по теме: «Организация и ведение разведки при подготовке и в ходе наступления». Хорошее учение по разведке было неожиданно, участники сборов были поражены возможностями разведки, методикой и четкостью проведения учения и умелыми действиями разведчиков.

Вскоре возвратился в округ из командировки командующий войсками генерал армии И.А. Плиев. Он пользовался большим авторитетом у руководства местных властей и министра обороны, хорошо знал Кавказ и его народ.

После командировки у него ухудшилось состояние здоровья, теперь он стал меньше уделять внимания делам в округе, но, будучи умудренным жизнью человеком, никому не мешал работать.

Для повышения боевой подготовки летом он разрешил провести окружные сборы всех разведывательных частей в районе севернее Анапы на берегу моря. Я выбрал свободный участок, согласовал с пограничниками район стрельбы и вождения плавающих танков и проведения тактических учений.

Часть «Спецназ» выезжала также на один из аэродромов для практической отработки десантирования, где личный состав совершал по 8–10 прыжков с парашютом, здесь отличились капитан Пика и лейтенант Чмутин.

На сборах, после учебных занятий и в выходные дни, разрешал разведчикам ходить в трусах, загорать, купаться в море, заниматься подводным плаванием, а в выходные дни рыбачить с удочкой. Они были этим довольны, никаких самовольных отлучек и происшествий в разведывательных частях не было.

Несколько дней на сборах у меня гостил старший сын Юрий, он жил со мной в палатке, учился водить машину, стрелять из ав-

томата и пистолета, купался в море. Все было здесь ему интересно, особенно после жизни в Ростове.

Мне пришлось принимать участие в создании мемориала и музея в Волгограде, определять и обозначать передний край обороны в городе, слышать мнение маршалов В.И. Чуйкова и А.И. Еременко, претендовавших на самую выдающуюся роль в Сталинградской битве.

62-я армия Чуйкова обороняла полосу шириной до 25 км, но он требовал, чтобы на схеме эта полоса была показана шире, в виде укрепленного района, и говорил, что без упорной обороны его армии не было бы никакой окруженной группировки противника. При обозначении переднего края обороны заставлял переставлять столбики подальше от Волги.

А.И. Еременко говорил, что армия Чуйкова составляла часть войск фронта. Его Сталинградский фронт сыграл решающую роль в Сталинградской наступательной операции, и ее замысел родился у командования этого фронта — у него и Н.С. Хрущева.

Мне также пришлось побывать в станице Вешенской и встречаться с известным писателем М.Н. Шолоховым. Ростовский обком партии и командование округа поручили сделать доклад в связи с годовщиной Советской Армии, а также согласовать вопросы, связанные с наведением здесь весной наплавного моста нашими понтонерами. Военные в станице бывали редко. Секретарь парткома Маевский посоветовал избрать меня почетным пионером Вешенской средней школы.

С Шолоховым встречался на ужине, который длился до поздней ночи. Он уже пил мало, быстро пьянел, но его земляки под соленые арбузы выпили, вероятно, ведро водки.

За период службы войска округа проверялись Главной инспекцией Министерства обороны. Управление округа также участвовало в двух командно-штабных учениях, проводимых начальником Генштаба маршалом М.В. Захаровым и главкомом В.И. Чуйковым. На учении, проводимом под руководством начальника Генштаба, наша армия входила в состав фронта (Киевского военного округа), которым командовал генерал армии П.К. Кошевой, требовательный, энергичный, высокоподготовленный командующий.

Учения и инспекторская проверка прошли успешно. Разведотдел и все разведчасти округа получили положительные оценки. В округе передовыми были соединения, которыми командовали генералы Ф.И. Рыкалов и В.С. Седов.

Вскоре мне была предложена должность начальника разведуправления штаба приграничного военного округа. Начальником отдела в общей сложности мне пришлось быть 10 лет, работать в штабе Особого корпуса, армии, группы войск и округа. В те годы продолжительная служба в должности была обычным явлением.

Теперь некоторые лица в течение года получают два-три высоких назначения и генеральских звания. Они не успевают освоить своих обязанностей, пройти армейской школы и, конечно, оказываются неподготовлены к выполнению своих высоких должностных обязанностей.

В Прикарпатье

15 октября 1964 года, в день снятия Н.С. Хрущева, был подписан приказ министром обороны о моем назначении на должность начальника разведывательного управления — заместителем начальника штаба Прикарпатского военного округа. Накануне рассматривался вопрос о назначении в Одесский округ, но командующий войсками Прикарпатского военного округа генерал-полковник П.Н. Лашенко попросил начальника Генштаба маршала С.С. Бирюзова о моем назначении во Львов, что меня обрадовало.

С этим округом связаны многие воспоминания и часть моей службы. Здесь участвовала в боях в годы войны наша 2-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, отсюда после войны убыл на учебу в Москву, после учебы в военных академиях получал назначение в этот же округ. Недалеко были мои родные края — город Нежин Черниговской области, и теперь снова получил назначение в этот округ, им командовал мой бывший начальник П.Н. Лашенко.

С семьей сразу же прибыл во Львов. Город поразил нас чистотой, порядком и благоустроенностью.

В то время Прикарпатский военный округ был одним из крупнейших в наших Вооруженных Силах. Он располагался на территории десяти западных областей Украины, занимал территорию 190 тысяч кв. км с населением около 15 млн человек.

Округ имел в своем составе большое количество войск: две общевойсковые и танковую армии, армейский корпус, воздушную армию. В них входили двенадцать мотострелковых и танковых дивизий, две артиллерийские дивизии, зенитно-артиллерийская дивизия, пять ракетных и пять зенитно-ракетных бригад, много различных соединений и частей родов войск и специальных войск, в том числе ракетно-технических частей.

В составе воздушной армии были две дивизии, семь отдельных авиационных и вертолетных полков, а также большое количество частей тыла и обеспечения.

Округ представлял собой, по существу, фронтовое объединение, его численность составляла около двухсот тысяч человек, несколько тысяч танков, орудий и минометов, боевых машин пехоты и бронетранспортеров, сотни пусковых установок оперативно-тактических и зенитных ракет, боевых самолетов и вертолетов.

Многие соединения и части, в том числе прославленная 24-я Железная мотострелковая дивизия, ряд ракетных и зенитно-ракетных бригад, ракетно-технических частей, инженерных, химических, частей связи и тыла подчинялись непосредственно округу.

На территории округа располагались соединения и штабы ракетной армии, воздушной армии дальней авиации и корпуса ПВО.

В округе шла напряженная повседневная работа и плановая боевая подготовка войск.

Начальником штаба округа, моим непосредственным начальником, был генерал-лейтенант Бисярин Василий Зиновьевич, ранее занимавший должность командующего танковой армией.

Штаб округа располагался в центре города, недалеко от площади Мицкевича, в одном из нынешних зданий политехнического института. Разведуправление размещалось в двух особняках на улице Драгоманова, в одном километре от штаба округа.

Армиями командовали генералы П.С. Вашурин, Н.В. Котов и Н.Г. Штыков, воздушной армией — А.Н. Ефимов.

Округ располагал большим комплексом сил и средств разведки, по существу, имел все виды разведки, кроме космической, которые требовали повседневного руководства и нестандартного использования.

Объем работы начальника разведки округа был значительно большим, чем в прежнем округе. Начальнику разведки было подчинено большое количество разведывательных частей: бригада «Спецназ», полк и батальон радиоразведки «Осназ», разведцентры, узел связи и другие.

Задачей разведки округа, наряду с получением данных об американских войсках в Европе, было постоянное добывание сведений о западногерманской армии, которая постепенно становилась одной из сильнейших армий в НАТО. Хотя ее численность не превышала полмиллиона человек, но с каждым днем западногерманская армия превращалась в грозную силу, которую надо было учитывать и с ней считаться. В те годы значительно возросла боевая мощь сухопутных войск и западногерманской авиации. Боевые свойства состоящих на ее вооружении самолетов во многом превосходили их возможности прошлой войны. Поэтому усилия всех видов разведки постоянно были нацелены на добывание сведений о западногерманской армии.

На округ также возлагалась задача по ведению разведки на Юго-Западном театре военных действий. Для решения этих масштабных задач требовалась большая работа по организации разведки, добыванию и обработке полученных сведений.

Важным мероприятием, определявшим эффективность разведки, являлись ее планирование и организация, распределение сил и средств по задачам и объектам разведки. Эту работу проводили начальники отделов разведуправления и начальники разведцентров. Начальником 1-го отдела был полковник Б.А. Михайловский — мой сослуживец по Центральной группе войск.

Разведывательные части располагались на всей территории округа, а некоторые подразделения радиоразведки (пеленгаторные) даже на территории соседних округов.

Информационный отдел, возглавляемый полковником Мехоношиным, — занимался сбором и обработкой добытых данных, подготовкой карт, справочных материалов для командования, управ-

лений и отделов штаба, родов войск. Особенно напряженной эта работа была в период подготовки и проведения крупных учений.

Отдел готовил донесения и сводки в ГРУ Генштаба. В разведуправлении был создан обширный банк данных на основе учета и обобщения различных сведений по иностранным армиям (ядерному оружию, группировке сухопутных войск, военно-воздушным силам, оперативному оборудованию ТВД, организации управления и т.д.).

Одной из задач управления была организация боевой подготовки разведывательных частей и разведывательной подготовки войск. Общее направление их подготовки определялось директивной и организационно-методическими указаниями по боевой подготовке, а специальное — особенностями подготовки каждого из видов разведки (агентурной, разведывательно-диверсионной, радио, радиотехнической), они отражались в соответствующих документах штаба округа и разведуправления.

Боевая подготовка воздушных разведчиков, летчиков разведывательных авиационных полков, подготовка разведчиков «Спецназа» или специалистов радио и радиотехнической разведки и связистов-разведчиков не были похожими, имели много специфических особенностей, поэтому отделы разведуправления для них разрабатывали отдельные указания и программы подготовки. Для подготовки классных специалистов всех видов разведки предусматривалось проведение систематических тренировок разведчиков, специальных занятий, тактико-строевых и специальных учений. Экипажи самолетов-разведчиков совершали полеты на полигоны, привлекались на тактические учения войск округа, где тренировались в реальном обнаружении объектов, определении их координат и передаче данных. Подразделения «Спецназ» и специалисты радиоразведки частей «Осназ» привлекались на армейские и фронтовые командно-штабные учения с обозначенными войсками. Начальник разведки округа с подчиненными частями проводил тактико-специальное учение, а в конце года — разведывательные тактические учения.

Многие разведывательные части, в том числе которыми командовали полковники П.С. Средний, И.П. Кадетов, Ю.И. Монтицкий, П.А. Бушуев, были передовыми в округе.

Полк радиоразведки «Осназ» находился во Львове. Город застраивался, и требовалось вывести его из города и передислоцировать в другое место. В Бродах ракетные части освободили военный городок, я его осмотрел, городок был неплохой, рядом было свободное место для развертывания антенного поля, и командующий утвердил перемещение полка. Конечно, командование полка не хотело покидать Львов, и пришлось расстаться с командиром полка, который выслужил установленные сроки действительной службы. Для передислокации потребовалось провести большую подготовку и предварительную работу. Семьи офицеров-ракетчиков долго не освобождали квартиры, постепенно все уладилось, условия для размещения личного состава и боевой работы полка были созданы значительно лучшие, чем во Львове.

В округе у меня быстро сложились хорошие деловые отношения со всеми начальниками управлений и отделов.

Запомнилась мне одна из встреч с членом военного совета округа генерал-полковником П.Т. Лукашиным. Мне поручили присутствовать на партконференции в радиополку «Осназ». Через несколько дней при командующем округом, он высказал неудовольствие в мой адрес, что там плохо прошла конференция, в состав партбюро не избрали командира полка и об этом ему не доложил. Мне было неприятно, но сказал, что этого не могло быть, так как в полку конференция намечалась через два дня. Проверив, что она не проводилась, а этот случай произошел в радиотехническом полку «Спецназ» Войск ПВО, на следующий день в присутствии командующего сказал члену военного совета, что он перепутал. Однако Лукашин вместо извинения ответил — смотрите, чтобы у вас в полку так не произошло.

В период моей службы в военных округах много уделялось внимания обустройству и подготовке частей «Спецназ». Эти части были созданы командованием ГРУ. Большую роль сыграли генералы С.И. Сурин, Х.О. Мансуров, И.Н. Банов, П.А. Голицын. Были разработаны продуманные штаты этих частей, заказаны необходимая техника и вооружение. Они обобщали опыт подготовки и действий разведотрядов и групп в тылу противника в годы войны, разрабатывали указания, инструкции и пособия.

Главное разведывательное управление организовало проведение показательных учений с частями «Спецназ» с приглашением всех начальников разведки округов и групп войск, что способствовало выработке взглядов на использование этих частей. Большое внимание уделялось укомплектованию частей «Спецназ», должностные категории и денежное содержание офицеров были повышены.

Одно из тактических учений частей «Спецназ» округа проводилось зимой. Разведчики действовали на лыжах, в каждую группу и отряд были назначены посредники из числа офицеров-разведчиков штабов и разведчастей. Были определены контрольные точки на каждом маршруте и время выхода к ним разведчиков. Все передвижение разведчиков, прохождение контрольных точек и действия вблизи объектов контролировали офицеры штаба руководства учением, за движением и действием разведчиков велось наблюдение с вертолета.

Один из участников красочно описывает действия разведчиков на учении. Он пишет, что разведчики шли как волки, след в след. Это спасало их от мин, затрудняло обнаружение и определение их численности. Разведчики двигались скрытно, движения через поля и открытые участки избегали. Двигались все время, днем и ночью, останавливаясь через 3—4 часа на привалы на 15—20 минут, иногда залегали в снегу, в кустах, ночью в ельнике пережидали и отдыхали. Дозорные периодически выдвигаются вперед для осмотра местности.

На дорогах кордоны, на опушке каждого леса может ждать засада, изредка пролетает вертолет или самолет-разведчик.

Даже это краткое изложение дает представление о сложности и трудности профессии и действий разведчиков.

Передать дух спецназа невозможно. Это надо пережить. Здесь такой сплав качеств, который трудно изложить. «Спецназ» — это вера: в друга, в командира, в свою звезду.

В частях «Спецназ» была создана хорошая учебно-материальная база, обеспечивающая подготовку разведчиков: тренажеры по воздушно-десантной подготовке, «тропа разведчика» для преодоления препятствий на земле и в воздухе, оборудованы огневые городки для специальных стрельб, минно-подрывные

городки для тренировки в постановке специальных и зажигательных средств и устройства диверсий, радиополигоны и др.

Все это способствовало тому, что части «Спецназ» в короткие сроки стали лучшими в округах.

Командир бригады П.С. Средний по моему ходатайству был выдвинут на должность командира мотострелковой дивизии и стал генералом. Его сменил не менее энергичный и инициативный начальник штаба бригады полковник Л.П. Белятко.

Конечно, не всегда и не во всех разведывательных частях было благополучно. Бывали случаи нарушения воинской дисциплины, происшествия, особенно в период учений с практическим десантированием. Избежать тяжелых происшествий не всегда удавалось.

Но в разведывательных частях никогда не было издевательств над личным составом, «дедовщины», о которой пишет теперь наша пресса.

Коллектив разведывательных частей был морально и физически здоров, дружен, сплочен, и части всегда были готовы к выполнению боевых задач.

Части «Спецназ» показали себя наиболее подготовленными при ведении боевых действий в Афганистане и Чечне.

Как вспоминал один из руководителей войск «Спецназ» Герой России генерал Н.Н. Костечко, части «Спецназ» не только постоянно вели разведку, но и проводили боевые действия по уничтожению отрядов и групп мятежников, их пунктов управления и складов. Они устраивали засады на путях передвижения, вели борьбу с караванами, совершали рейды в тыл, захват главарей бандформирований. В боевых действиях в Афганистане вначале принимали участие три отряда, затем две бригады (15-я и 22-я) «Спецназ».

В Чечне постоянно действовали 5–8 отрядов. Командование отмечало высокую подготовку наших частей «Спецназ» и их способность эффективно действовать в сложных, экстремальных условиях.

В 1965 году под моим руководством в округе было проведено крупное разведывательное опытно-исследовательское учение. На него привлекались все разведывательные части округа, армий и дивизий.

Территория округа была разделена условной государственной границей. На всей территории «противника», в соответствии с оперативно-тактическими взглядами и нормативами армий НАТО, были размещены ракетные и артиллерийские части, а также макеты ракет, орудий и ядерных боеприпасов.

Для обозначения противника на четырех полигонах в этот период планами было предусмотрено проведение тактических учений, осуществлялось передвижение и развертывание войск.

Учение охватило территорию 4 тысячи кв. км. Интенсивно действовала воздушная разведка, кроме разведывательных авиационных частей, привлекались экипажи, подготовленные для ведения разведки всех авиационных частей.

В первом вылете участвовали 70 самолетов, они обнаружили 110 объектов и целей (47 %) и выявили 32 % средств применения ядерного оружия.

В течение суток каждый самолет совершил 2–3 вылета.

Проводился контроль времени, затраченного на добычу, обработку и доведение до командования и войск разведывательных данных и материалов воздушного фотографирования. Оперативные группы штабов армий и дивизий получали данные, передаваемые с борта самолета по радио.

Средства ПВО обнаруживали и условно вели боевые действия с самолетами-разведчиками, а они, в свою очередь, вели их обнаружение и «уничтожение», что хронометрировалось по времени. Были «сбиты» около 20 % самолетов-разведчиков.

Учение показало, что сил и средств разведки в округе (фронте) недостаточно. Имеющиеся силы и средства разведки дали возможность вскрыть только около 60 % важнейших объектов (целей), при этом многие средства ядерного нападения остаются необнаруженными.

Воздушная разведка являлась наиболее эффективным средством, она добыла до 70 % всех полученных сведений, части «Спецназ» добыли в районах их действий до 50 % сведений о средствах применения ядерного оружия.

Учение выявило много недочетов в состоянии сил и средств разведки. В частности, воздушная разведка не располагает средствами для точного определения места расположения (координат)

целей и передачи их с борта самолета, а также эффективными средствами для ведения разведки в ночных условиях.

Для своевременной передачи в штабы и доведения до средств поражения требовалась автоматизация добывания и доведения сведений.

Все выводы, сделанные по результатам учения о возможностях сил и средств разведки, конечно, были относительными, так как разведка осуществлялась без активного противодействия реального противника.

Сведущий читатель представляет, каких больших усилий и затрат потребовали подготовка и проведение этих учений.

* * *

Мне пришлось служить со многими командирами и командующими, по-разному они относились к разведке.

Генерал П.Н. Лашенко постоянно требовал добывания данных, необходимых для принятия решения и ведения боевых действий. В мирные дни он всегда интересовался военно-политической обстановкой в мире, данными о вооруженных силах НАТО, новых взглядах, средствах борьбы и их применении.

Он проявлял заботу о разведывательных частях, создавал им лучшие условия для размещения, жизни, учебы и боевой работы, поддерживал выдвижение и награждение достойных командиров. Командир бригады «Спецназ». П.С. Средний, как я уже писал, командир мотоциклетного батальона Н.А. Нильга были выдвинуты на должность командира полка, затем командира дивизии (оба они стали генералами). По представлению генерала Лашенко командир мотоциклетного батальона Г.Т. Добрунов в 1956 году был удостоен звания Героя Советского Союза.

На командно-штабных учениях и различных мероприятиях мне приходилось докладывать обстановку многим начальникам, по этим докладам они часто оценивали всю практическую деятельность.

Перед одним из докладов командующий округом П.Н. Лашенко мне сказал: «Лучше вас никто не знает обстановку и противника в нашей полосе, поэтому докладывайте спокойно и уверенно, начальство бывает разное, ему не угодишь».

Как известно, наша разведка в годы войны обеспечивала командование необходимыми данными для ведения военных действий.

Служба в разведке несколько расширяет кругозор, должность начальника разведки в некотором роде является уникальной. Он должен знать и оценивать, по сути дела, все за противника и почти все за свои войска. На основе такой оценки обстановки можно сделать обоснованные выводы, определить возможный замысел противника и вероятный характер его действий. От этого анализа и выводов во многом зависят решение командира и последующие действия войск.

Фронтные разведчики внесли определенный вклад в успешное проведение боев и операций. Их подвиги вызывают уважение и достойны высокой похвалы. Профессия разведчика особая, на войне часто сопряжена с трудностями и риском.

В послевоенные годы наша разведка успешно решала многие задачи. Однако к ней стало проявляться недостаточное внимание. В общевойсковых соединениях состав сил и средств разведки, по существу, остался прежним. Оснащение разведки новыми техническими средствами осуществляется медленно. Опыт организации и ведения войсковой разведки стал забываться.

На учениях данные о противнике нередко сообщали и вручали посредники, вместо организации и ведения разведки, практического добывания разведсведений.

Все это сказалось при ведении боевых действий в Афганистане и Чечне, недооценка разведки приводит к тяжелым последствиям.

Исторический опыт показывает, что, сокращая Вооруженные Силы, нельзя ослаблять разведку. Требуется усилить возможности разведывательных частей, совершенствовать организацию и способы ведения разведки, сбора и обработки разведанных.

Внедрение современных технических средств разведки, автоматизированных систем сбора и обработки позволит обеспечить своевременное получение разведывательных данных о состоянии вооруженных сил и намерений противника, а при ведении боевых действий — «видеть поле боя», добывать данные о противнике, доводить их до войск и средств поражения по времени, близкому к реальному.

* * *

Советскую разведку после войны возглавляли известные военачальники, с ними мне пришлось встречаться, иногда им докладывать. М.В. Захаров, М.А. Шалин, С.М. Штеменко, И.А. Серов и П.И. Ивашутин — все очень отличались друг от друга.

Генералы армии М.В. Захаров и С.М. Штеменко имели высокую оперативную подготовку, большой опыт работы в крупных штабах, хорошо знали и понимали значение разведки и уделяли постоянное внимание ее укреплению. М.В. Захаров имел взрывной характер. С.М. Штеменко, наоборот, был уравновешен и всегда тактичен.

Генерал армии М.В. Захаров считал, что главное в работе начальника разведки — организация разведки, добывание данных и своевременный их доклад, а ответственность за выводы и их использование несет командование.

Серов и Ивашутин оба пришли из Комитета госбезопасности, вероятно, чтобы не выпустить военную разведку из рук КГБ, были недостаточно подготовленными в военном отношении, военной разведки (кроме агентурной) не знали.

И.А. Серов замыкался на высшее политическое руководство, всегда стремился быть у него на глазах, был решителен и энергичен.

П.И. Ивашутин хорошо знал военно-политическую обстановку в мире, но тенденциозно подбирал данные о подготовке США и НАТО к ядерному нападению на Советский Союз и страны Варшавского договора, способствуя нагнетанию обстановки. Он получил звание генерала армии и Героя Советского Союза, вероятно, за прежние заслуги в КГБ.

* * *

Ранней весной в округе намечалось проведение дивизионного учения с одной из дивизий. Неожиданно для контроля этого учения из Москвы прибыли заместитель министра обороны по боевой подготовке генерал армии В.А. Пеньковский с большой группой офицеров. Накануне командующий округом П.Н. Лашенко принял решение перенести это учение на другой срок, из-за ранней распутицы. В.А. Пеньковский настаивал на проведении

учения в установленный срок, ссылаясь, что войска надо учить действовать при любых метеорологических условиях. Приводил примеры из опыта войны, когда 2-й и 3-й Украинские фронты наступали весной 1944 года в сильную распутицу.

Лашенко отвечал, что знает об этом, его дивизия принимала участие в Проскуровско-Черновицкой операции, но сейчас мирное время, после этого учения войскам округа целый год потребуется восстанавливать дороги, а дивизии — приводить в порядок технику.

Генерал армии Пеньковский доложил об этом министру. Министр позвонил Лашенко, переговорил с ним и с доводами командующего округом согласился.

Командующий П.Н. Лашенко часто мне поручал выполнять различные функции. Мне была поручена разработка плана оперативной маскировки округа, который был одобрен Генеральным штабом. На некоторых учениях довелось исполнять обязанности начальника штаба руководства. На окружном командно-штабном учении пришлось быть посредником, или, как тогда называлось, представителем руководителя учения при штабе 38-й армии.

Командовал армией генерал-майор Н.М. Штыков. По сравнению со своими коллегами он был недостаточно подготовленным для этой роли. На учении, несмотря на мои возражения, он потребовал, чтобы весь штаб для повышения оперативности работал на одной карте командующего, причем мелкого масштаба (500 000). Так он понимал повышение эффективности работы по управлению войсками.

Командующий войсками округа генерал-полковник Лашенко при заслушивании потребовал, чтобы каждый начальник докладывал по своей рабочей карте, отсутствие которых поставило их в крайне затруднительное положение.

На окружной партконференции в присутствии министра обороны один из выступающих стал восхвалять командующего округом и себя, приукрашивая и переоценивая состояние дел в соединениях и частях. П.Н. Лашенко поставил вопрос о его освобождении от должности. Маршал Р.Я. Малиновский спросил: «А какая главная причина освобождения?» «Он дурак». И вопрос был решен.

Командующим армией был назначен генерал-майор А.М. Майоров, прибывший из заграникомандировки, до этого он занимал должность первого заместителя начальника штаба Приволжского округа.

Разносторонняя работа в округе захватила меня, и я отдавал ей все силы, энергию и время.

Начальник штаба округа генерал-лейтенант В.З. Бисярин поддерживал все мои начинания и способствовал успешной работе, в период его отсутствия иногда мне поручали временно исполнять обязанности начальника штаба округа.

Переход на новую работу

В апреле 1966 года мне было присвоено звание генерал-майора и я был назначен первым заместителем начальника штаба округа.

Присвоение очередного звания в армии — это дополнительная сила для полезной деятельности офицера, это служебный и нравственный подъем, это вера офицера в свои возможности для решения более сложных по масштабу задач, а также увеличение ответственности перед командованием и товарищами по службе. Поэтому не только стремился получить очередное звание, но всегда своевременно представлял к нему достойных офицеров.

Новое назначение на должность первого заместителя начальника штаба округа было неожиданным, со мной даже никто не беседовал по этому вопросу.

Конечно, новая работа была ответственна и интересна, ранее мне приходилось временно исполнять обязанности начальника штаба и в основном представлял свои новые обязанности.

Начальник штаба округа генерал-лейтенант В.З. Бисярин не любил штабной службы и читать документы, не мог быстро с ними разобраться. Он сразу мне поручил рассматривать все поступающие документы, докладывать ему только важные, а также осуществлять контроль за разработкой материалов проведения основных учений, различных докладов и отчетов и др.

Работы было немало. Мне пришлось принимать участие во всех важнейших мероприятиях, проводимых в округе.

Генерал-полковник Лашенко все три года, когда он командовал округом, особое внимание уделял боевой готовности и полевой выучке войск, укрытию поступающей новой техники и созданию условий для лучшего размещения частей. Он начал проводить тактические учения, используя одновременно несколько полигонов. Соединения и части совершали марши на сотни километров днем и ночью, развертывались с ходу, обучались стремительному наступлению, отражению контратак и переходу к обороне с практическим оборудованием позиций.

В округе за этот период было построено укрытий и хранилищ для боевой техники больше, чем за все предыдущие годы. Для многих частей, особенно ракетных, ракетно-технических и связи, были созданы новые, благоустроенные военные городки.

С целью повышения боевой готовности уточнялись оперативные планы, повышались маршевые возможности войск, увеличивались запасы всех видов и средства для их подвоза, совершенствовалась система одождения и управления войсками.

Успехи в боевой подготовке и спорте войск округа неоднократно отмечались в приказах министра обороны. Танковая дивизия полковника И.Г. Кузьмука заняла первое место по спорту в наших Вооруженных Силах, а Винницкий облвоенкомат — за хорошую подготовку молодежи к службе в армии.

Был построен монумент Славы Советской Армии в городе Львове на собранные средства офицеров округа и ветеранов войны.

В 1966 году было начато строительство зданий для управления округа. На меня был возложен контроль за этим строительством. В те дни, когда находился во Львове, работу начинал, а затем вечером завершал на стройке, принимая меры по выделению личного состава, автотранспорта, поддержанию порядка среди личного состава и обеспечению охраны, а иногда и доставки строителей и стройматериалов. Руководство строительными работами возлагалось на зам. командующего И.А. Диденко и начальников УНР А.Г. Ножкина и Б.М. Финкеля.

В осуществлении всех мероприятий в округе активное участие принимал штаб округа, разрабатывал соответствующие планы и распоряжения, осуществлял контроль за их выполнением, про-

водил командно-штабные учения с армиями, сборы руководящего состава и тактические учения с дивизиями.

В округе проводились различные мероприятия для командования Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора и руководящего состава союзных армий, различные показательные учения, занятия, выставки передового опыта и другие.

В тот период в управлении округа сложился хороший, дружный коллектив. Основные управления возглавляли генералы В.А. Прикуль, В.А. Меримский, В.И. Мороз.

Когда я стал первым заместителем, начальник штаба генерал-лейтенант В.З. Бисярин стал ко мне относиться с настороженностью, зная мои взаимоотношения с П.Н. Лащенко, до одного случая, происшедшего на окружном командно-штабном учении. Руководитель учения, командующий войсками округа П.Н. Лащенко приказал переместить командный пункт фронта в новый, неподготовленный район, где и дорог не было. Будучи начальником штаба руководства, я стал возражать против этой затеи, сказал, что это штаб фронта, а не дивизии, и такое перемещение без предварительного развертывания там средств связи приведет к потере управления и поставит штаб и его начальника в тяжелые условия и они не смогут справиться со своими задачами, и предложил штаб переместить в другой район, где был развернут узел связи. Лащенко настаивал, но затем согласился. Оказалось, что Бисярин стоял рядом с нашим автобусом и все это слышал. После этого наши отношения стали очень хорошими. Он понял, что я не враг, а его союзник.

Члена военного совета округа сменил генерал-лейтенант Мальцев Евдоким Егорович, он был противоположностью своему предшественнику, всегда спокоен, не повышал голоса, но имел «мехлисовские» замашки и поддержку в Москве.

Военный совет округа рассмотрел представление о присвоении звания генерал-майора начальнику оперативного управления В.А. Прикулю. Однако в очередном постановлении его фамилии не было. Оказалось, что за несколько дней Мальцеву позвонили из ЦК, где рассматривался проект постановления, и он сказал, что Прикуль еще незрелый коммунист и пока надо воздержаться

от присвоения звания. Поводом стал случай, когда Прикуль не прибыл на партактив. Как выяснилось, он в это время находился в командировке в Москве. Командующий П.Н. Лашенко на военном совете округа указал Мальцеву на недопустимость подобных действий.

П.Н. Лашенко был принципиален и тверд в своих решениях. Мальцев поддержал просьбу руководителей львовского обкома о безвозмездной передаче городу освобождавшимся зданием штаба и тыла округа. А Лашенко потребовал компенсировать стоимость этих зданий и, несмотря на просьбы ЦК КПУ, отстоял свою позицию.

Многие действия П.Н. Лашенко были неординарны. Зимой в казарме одной из воинских частей в военном городке было холодно. Ему поступила жалоба, он выехал в эту часть, вызвал начальника тыла полка и начальника КЭЧ гарнизона, потребовал устранить недочеты и лично находиться в казармах круглые сутки до тех пор, пока в них станет тепло и будет температура не менее +18 градусов. Об этом ему доложить по телефону.

Учение «Днепр»

Важнейшим мероприятием в наших Вооруженных Силах в 1967 году было оперативно-стратегическое учение «Днепр», проводимое под руководством министра обороны маршала Гречко. До начала учения округу требовалось провести большую подготовку к предстоящему учению: доукомплектовать войска личным составом, различными специалистами и освоить поступавшее новое вооружение, проверить всю технику и вооружение, пополнить запасы, подготовить средства для их вывоза и подачи в войска в ходе учения.

Для повышения подготовки войск до начала учения надо было провести все предусмотренные тактико-специальные и тактические учения со всеми подразделениями и частями и командно-штабные учения с дивизиями и армиями.

Нам предписывалось привести в порядок Житомирский, Ровенский и Львовский учебные центры, построить ряд новых дорог, вышек с трибунами для наблюдения и вертолетных площадок,

а также подготовить места для размещения и питания многочисленного штаба руководства и руководящего состава Вооруженных Сил, участвующих в учении.

Работы было очень много. Войска округа и офицеры управления работали с большими перегрузками и, конечно, без выходных дней.

К тому же в конце мая командующий генерал-полковник Лашенко убыл в Москву возглавлять Госкомиссию по выпуску Академии Генерального штаба. Вероятно, это было сделано специально, чтобы он смог изучить все новое в оперативном искусстве и внедрить его до начала и в ходе учения в войска.

Однако начавшаяся 6 июня 1967 года война на Ближнем Востоке изменила все планы, генерал-полковник Лашенко был командирован в Египет и назначен Главным военным советником Вооруженных сил ОАР.

После отъезда генерала Лашенко в управлении округа сложилась нездоровая обстановка. Первый заместитель командующего округом генерал-лейтенант Г.С. Анищик, оставшийся за командующего, стал претендовать на эту должность.

Бисярин работать с Анищиком не мог, они друг друга не понимали и не уважали, Бисярин не хотел с ним считаться из-за того, что Анищик не участвовал в войне. Анищик, в свою очередь, пытался всем показать, что Бисярин не подходит на должность командующего, так как не имел академической подготовки.

В это время прибыла комиссия Генштаба во главе с начальником Главного оперативного управления генерал-полковником М.И. Повалием проверять выполнение директивы министра обороны по боевой готовности. Поднятая по боевой тревоге 23-я танковая дивизия должна была войти в основной район и привести части в полную боевую готовность. Однако по просьбе комдива, Анищик разрешил дивизии выйти в запасный район и с большими ограничениями приводить части в полную готовность.

М.И. Повалий доложил об этом министру обороны, последовало распоряжение выполнить полученный приказ и расследовать причины невыполнения директивы. Когда дело приняло серьезный оборот, Анищик заявил, что требований новой директивы по боевой готовности он не знал, ему ее не доложили. В действи-

тельности с этой директивой он был ознакомлен, и позднее я показал его роспись. Бисярин получил выговор, растерялся и сник. Старался его поддержать, успокоить и противостоять действиям Анищика, который вместо серьезной подготовки войск к учению и их полевой выучки занялся показной стороной: покраской машин, проведением смотров, собраний, а также постоянно проводил различные совещания и требовал, чтобы все записывали его указания, состоящие неизменно из семи пунктов.

Вместе с тем он предпринимал меры, чтобы добиться назначения на должность командующего, часто звонил по ВЧ в Москву, встречал всех московских гостей, одаривал их сувенирами, демонстрировал хорошие отношения с политработниками, постоянно указывал на недочеты в работе штаба и его начальника.

С получением из Генерального штаба 17 сентября задания по учению «Днепр» штаб округа и штабы армий приступили к изучению исходной обстановки и выработке предложений по решению. Штаб в короткие сроки оценил обстановку и предложил командующему проект его решения. Однако Анищик, из-за отсутствия опыта, неуверенности и слабых оперативных знаний, ежедневно вносил несущественные уточнения в предложенное решение и каждый раз к утру требовал оформить «его новое» решение на карте.

Штаб, особенно оперативное управление, многие офицеры и чертежники несколько суток подряд работали обычно всю ночь и к началу учения уже выбились из сил. Я просил Г.С. Анищика, чтобы он не загружал штаб ненужной работой, так как учение еще, по существу, не началось, а основные офицеры без отдыха, уже выдыхаются и не смогут нормально работать на учении. В ближайшее время получим оперативную директиву по учению, тогда и начнем серьезно работать, а задание нам дано для изучения обстановки и тренировки.

Перед началом учения генерал-лейтенант В.З. Бисярин неожиданно был вызван в Москву, кроме меня, его никто не поехал проводить. Он был расстроен, считал, что его вызывают для освобождения от должности, я его успокаивал, говорил, что для этого в Москву не вызывают, все будет нормально, министр вас знает по службе в Группе войск в Германии, и сейчас после своего недавнего

назначения он начнет ставить новых командующих, поэтому вас и вызывают.

После отъезда Бисярина была получена директива Генштаба о привлечении войск округа на учение и начале учения «Днепр». В соответствии с директивой от округа для участия в учении привлекались управления округа и трех армий, пять дивизий, соединения и части воздушной армии, все ракетные и зенитно-ракетные бригады, окружные и армейские части связи, многие части родов войск и специальных войск, учреждения и части тыла, то есть основные войска округа.

С получением директивы штаб округа отдал необходимые распоряжения. Все штабы, привлекаемые на учение, соединения и части заняли запасные районы и приступили к выработке предложений по решению и разработке планов предстоящих действий.

Мы выехали во Львовский учебный центр на запасный командный пункт. Началась напряженная работа по подготовке решения и планов.

Через два дня встретил Бисярина в аэропорту Львова изменившимся человеком, он меня обнял и сказал, что его вызывали по поводу назначения командующим войсками округа, он был у министра обороны и на приеме у Л.И. Брежнева. На всякий случай я послал получить для него новые погоны и вернулся на запасный командный пункт. По прибытии Бисярина ввел его в обстановку и доложил подготовленные предложения по решению командующего фронта, он с ними согласился и, как всегда, стал переписывать в свою рабочую тетрадь.

На следующий день, после одного из совещаний, проведенных Анищиком, позвонил министр обороны маршал Гречко, пригласил Бисярина и сообщил о назначении его командующим нашим округом, присвоении ему звания и приказал приступить к исполнению обязанностей командующего войсками фронта по учению «Днепр».

Генерал-полковник В.З. Бисярин дал мне указания исполнять обязанности начальника штаба округа, а на учении — начальника штаба фронта, а также отобрать у Анищика все машины и автобусы командующего округом, его направить старшим на новый за-

пасный командный пункт, с ним он разговаривать не хотел. Я тут же вручил В.З. Бисярину погоны генерал-полковника и представил на подпись проекты приказа и донесения о его вступлении в должность командующего, что тоже было для него небольшой неожиданностью.

Когда сообщил об этом Анищику и передал указание отправиться на запасный командный пункт, он был потрясен, не хотел в это верить, считал, что я его зло разыгрываю, а он меня якобы хотел назначить начальником штаба округа.

Так необычно у нас началось это учение.

Учение «Днепр» было крупнейшим войсковым учением, важнейшим оперативно-стратегическим мероприятием в системе оперативной и боевой подготовки наших Вооруженных Сил в 1967 году. Как его называли политработники — «боевым рапортом Родине в честь 50-летия Октября».

По существу, это были маневры войск нескольких военных округов. Они охватили всю северную часть Украины и Белоруссию, в них участвовали войска Белорусского и Прикарпатского военных округов, шесть общевойсковых и танковых армий, воздушно-десантные войска, фронтовая и дальняя авиация, несколько ракетных дивизий стратегического назначения, большое количество войск и боевой техники, на них также испытывался ряд образцов новой боевой техники и вооружения.

Через двое суток все войска, принимавшие участие в учении, заняли исходные районы, многим из них требовалось совершить длительные, напряженные марши. Так, 24-й Железной мотострелковой дивизии надо было совершить марш из района Львова к Днепру в район севернее Киева и перейти к обороне. Наш командный пункт фронта «западных» разместился в лесу севернее Житомира.

Командующего войсками фронта генерал-полковника В.З. Бисярина и меня вызвали к министру обороны маршалу А.А. Гречко на доклад принятых решений. Мы с Бисяриным и наш посредник А.Х. Бабаджанян на самолете вылетели в Чернигов. В Черниговском учебном центре, в развернутой большой палатке, нас заслушал министр обороны маршал А.А. Гречко, в присутствии начальника Генерального штаба и своих первых заместителей генерала армии С.Л. Соколова и И.И. Якубовского.

Генерал Бисярин волновался, не совсем уверенно доложил решение на оборонительную операцию и не смог ответить на вопрос А.А. Гречко, на каком направлении фронт сосредоточивает основные усилия.

Министр обороны отнес это за счет того, что командующий только вступил в должность. Затем министр спросил у меня, как будет организовано управление войсками и где фронт сосредоточивает основные усилия и знаю ли я, что осенью 1943 года наши войска наносили главный удар на Киев с севера с Дымерского плацдарма на Киев. Я доложил об организации управления и ответил, что наш Западный фронт сосредоточивает главные усилия южнее Киева, так как сейчас севернее Киева создано крупное водохранилище шириной до 2 км и глубиной до 15—20 метров, его трудно форсировать, а южнее Киева, в районе Ржищева, если не будет взорвана плотина, танки могут форсировать Днепр по дну. Кстати, сказал я, в годы войны наши войска в начале стремились наступать с Букринского плацдарма, нанося удар с юга для овладения Киевом, а затем, не имея успеха, перегруппировав 38-ю и 3-ю гвардейскую танковую армии, нанесли главный удар с Дымерского плацдарма с севера в общем направлении на Киев.

Министр обороны сказал, что, может быть, все это так, но просит командующего, в интересах учения, одной дивизией занять оборону на западном берегу севернее Киева, а танковую дивизию расположить на армейской полосе для нанесения мощной контратаки на учебном центре, так как южнее Киева в мирное время войска не могут развернуться и действовать, там нет для этого полигонов. Генерал Бисярин ответил: «Слушаюсь» — и на этом первое важное заслушивание было закончено.

Когда министр обороны вышел из палатки, И.И. Якубовский взял со стола красную фуражку нашего посредника А.Х. Бабаджаняна и бросил ее в окно, при этом сказал, что «она больше не нужна, тебе присвоено звание маршала бронетанковых войск». Все его поздравили, и мы убыли в Чернигов, а затем самолетом на командный пункт.

По пути А.Х. Бабаджанян рассказал об интересном событии, происшедшем в июне 1953 года, когда генерал-полковник А.А. Гречко вступил в командование Группой войск в Германии.

Маршал Л.А. Говоров прибыл инспектировать войска группы (после убийства Чуйкова), и в эти дни произошел день «Х». 2-я танковая армия, которой командовал А.Х. Бабаджанян, получила задачу выйти в район Берлина. Говоров и Гречко с нетерпением ждали ее подхода. Через шесть часов он прибыл в штаб группы и доложил, что армия прибыла в район Берлина и заняла назначенные рубежи и районы. Маршал Говоров не сдержался и сказал, что армия медленно и плохо выполняет боевую задачу. Бабаджанян ему спокойно ответил, что армия действовала отлично. За пять часов танки Т-34 и Т-44 совершили 120–150-километровый марш со средней уставной скоростью и вышли в назначенные районы. Говорову нечего было возразить.

Наши последующие доклады на учении «Днепр» министру обороны и начальнику Генштаба прошли нормально. Докладывать маршалу А.А. Гречко на учениях было несложно, он не вникал в мелочи, хотел видеть главное, при заслушивании не нагнетал обстановку, как другие начальники, и если основное было доложено, то заслушивание проходило спокойно. Ему не были присущи грубость и самодурство. При посещении нашего командного пункта А.А. Гречко, увидев посыпанную песком дорожку вблизи столовой, сказал, что такого в годы войны не делали и кто до этого додумался. Ему кто-то доложил — Е.Е. Мальцев, он сказал: «На него это похоже», хотя внешне у них были хорошие отношения.

Посещение нашего командного пункта министром обороны маршалом А.А. Гречко было кратким и носило деловой, рабочий характер. С ним прибыли А.А. Епишев, П.С. Кутахов, генералы Мельников и Медведев. По указанию министра в центре управления мы доложили положение войск, участвующих в учении, показали на карте положение всех дивизий, в том числе артиллерийской, зенитно-артиллерийской, ракетных и зенитно-ракетной бригад и авиационных частей (на карте положение дивизий было отражено до полка, а бригад — до позиции каждого дивизиона (батареи). А.А. Гречко посоветовал положение войск наносить более жирными линиями и штрихами и не перечеркивать наименование населенных пунктов. Генерал-лейтенант Мельников заметил, что карта у нас хорошая. А.А. Гречко улыбнулся, затем спросил, куда мы намечаем переместить командный пункт. Я до-

ложил, что в район Ровно, там уже развернут узел связи, готовится связь и саперы оборудуют укрытия.

А.А. Епишев поинтересовался, как кормят личный состав. Ему ответили, что солдаты и офицеры 2–3 раза получают горячую пищу. Кроме того, им выдан сухой и дополнительный паек (хлеб, сало, сахар, чеснок и лук). Он сказал, что они это видели, так сделали и белорусы (И.М. Третьяк).

Учение «Днепр» было напряженным и длилось почти две недели.

Вначале штабы фронта и армий спланировали и организовали выдвижение войск. Соединениям и частям предстояло совершить марш в ночных условиях на значительное расстояние к реке Днепр.

24-я мотострелковая Железная дивизия в течение двух суток совершила 600-километровый марш, переправилась через Днепр и перешла к обороне на черниговском направлении.

На занимаемом рубеже части дивизии сразу же организовали систему огня и приступили к оборудованию своих позиций, создав в короткие сроки (36 часов) сильную оборону.

С утра 25 сентября, после мощных ударов авиации и артиллерии, «восточные» перешли в наступление. Умело действовала мотострелковая дивизия «восточных», которой командовал полковник М.М. Зайцев.

Войска фронта вели оборонительное сражение. Обороняющиеся части Железной дивизии огнем и контратаками отражали наступление. «Восточные» высадили с вертолетов десант, его уничтожал мотострелковый полк В. Иванова. Блестяще провел контратаку танковый полк под командованием подполковника Д. Царапкина.

В течение ночи шли ожесточенные бои, наши части вынуждены были отойти на западный берег.

«Восточные» с утра силами мотострелковой дивизии, при мощной поддержке артиллерии и авиации, с ходу форсировали реку Днепр и для развития наступления ввели мотострелковую дивизию.

Командующий войсками фронта генерал-полковник Бисярин принял решение нанести контрудар силами двух танковых диви-

зий на житомирском направлении. 23-я гвардейская и 31-я танковая дивизии под руководством генерал-майора П.И. Руденко нанесли мощный контрудар и приостановили наступление «восточных».

Однако вводом вторых эшелонов они развивали наступление на винницком и ровенском направлениях.

Войска фронта стойко сражались. Наша авиация наносила удары по наступающим войскам, ракетным частям и важным объектам «восточных».

В воздухе непрерывно шли воздушные бои.

Оборонительные сражения продолжались.

С целью срыва подхода войск «восточных» наносили мощные удары авиацией, ракетами и в районе Ровно высадили крупный оперативный воздушный десант. Для его уничтожения мы направили находившуюся в резерве фронта танковую дивизию. Танкисты немедленно вышли в район десантирования и с ходу атаковали десантников.

Мне довелось видеть, как при выброске десанта одна самоходная установка (СУ-85) попадала прямо на вышку, все, кроме маршала А.А.Гречко, разбежались, а он спокойно с биноклем на груди продолжал стоять на своем месте на трибуне. Перед вышкой, к радости всех, парашют раскрылся и боевая машина приземлилась в 30–40 метрах от места, где стоял министр.

В соответствии с директивой Ставки командование и штабы фронта и армий приступили к подготовке контр наступления.

В сложной обстановке на учении слаженно и напряженно работали органы тыла во главе с генералом В.И. Морозом, осуществляющие подвоз материально-технических средств на расстоянии многих сотен километров и обеспечивающие войска всем необходимым.

Обстановку в полосе фронта, за исключением участков, где действовали реальные войска, штабам фронта и армий давали и наращивали посредники. Решения командующего фронтом, донесения и сводки мы представляли в штаб руководства, штабы армий — в штаб фронта.

В ходе учения меня обычно поздним вечером вызывал в штаб руководства генерал-полковник М.Т. Никитин для уточнения

положения войск и получения указаний по их реальным действиям на следующий день. Летел на вертолете, но вблизи штаба посадки не разрешали, приходилось садиться на аэродроме Черниговского авиационного училища, просить машину, следовать в штаб руководства и возвращаться таким же путем, что занимало почти полночи, а утром намечались действия войск. Когда спросил у Никитина, нельзя ли уточнить положение войск и давать указания по ВЧ или ЗАС, он на меня многозначительно посмотрел, вероятно, как на непонимающего современных методов стратегического руководства, продолжая вызовы в штаб руководства.

На учении «Днепр» командовали 8-й танковой армией В.А. Меримский, 13-й армией — П.С. Вашурин, 38-й армией — А.М. Майоров и 57-й воздушной армией — А.Е. Ефимов, дважды Герой Советского Союза, позднее ставший главкомом ВВС.

На учениях умело действовали 24-я мотострелковая Железная дивизия под командованием генерал-майора Г.П. Яшкина, 23-я гвардейская танковая дивизия полковника М.Г. Григорьяна, танкисты полковника В.Ф. Сквирского. Отличились части под командованием В.Т. Иванова, И.Н. Емельяненко, В.П. Завгороднего, И.О. Зубенко, А.И. Краснова, Н.Я. Макаренко, Ю.А. Парфенова, И.П. Фетисова, Д.Т. Царапкина и многие подразделения.

Подводя итоги учения «Днепр» на разборе, на котором присутствовал Л.И. Брежнев, 1 октября 1967 года в Киеве, министр обороны маршал А.А. Гречко отметил, что войска округа показали высокую полевую выучку.

Командующий войсками фронта «западных» генерал-полковник В.З. Бисярин в этой роли выступал впервые и со своими обязанностями справился.

Штаб фронта, возглавляемый генералом Е.И. Малашенко, работал организованно и с обязанностями справился вполне.

Эта оценка была результатом напряженной и умелой работы на учении командования и штабов округа и армий, командиров и штабов всех соединений, частей и всего личного состава войск округа.

После учения состоялся парад войск на аэродроме завода Антонова в Киеве, на нем присутствовали Л.И. Брежнев, А.Н. Косы-

гин, Д.Ф. Устинов, руководители Украины, Белоруссии и видные военачальники.

В параде принимала участие наша 23 гв. тд, вооруженная танками Т-64.

Завершающий смотр войск превратился во внушительную демонстрацию силы и боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

После учения «Днепр» в округе предстояло завершение учебного года и проведение дивизионных учений с соединениями, не принимавшими в нем участия.

По указанию командующего округом В.З. Бисярина при организации учений мы должны были учесть опыт действий на учении «Днепр», создавать сложную, напряженную, поучительную обстановку и использовать для боевых стрельб большое количество оставшихся боеприпасов.

Начальник штаба 8-й ТА генерал-майор С.Ф. Ахромеев прибыл во Львов для представления на утверждение командующим округом плана проведения учения с танковой дивизией, проводимого командующим армией.

Я тщательно рассмотрел представленный план, оказалось, что он содержал существенные недочеты и его в таком виде нельзя было представлять на утверждение. Даже учебные цели были определены неправильно, они были списаны с академической методической разработки командно-штабного учения. В них не предусматривалось обучение частей и подразделений, совершенствование навыков личного состава в стрельбе и вождении, проведение длительных маршей, а также действие частей на различных полигонах. Не были определены способы перевозки на них танков, в то же время допускался перерасход выделенных на учение моторесурсов. Пункты руководства учением располагались не вблизи КП дивизии, а рядом с водоемами, где водилась рыба. Было заметно, что Ахромеев длительное время командовал учебными частями и не имел опыта организации и проведения таких учений. Ранее при отмотелизации и развертывании до штатов военного времени соединений и частей он не показал знаний мобилизационной работы.

Не стал докладывать командующему об этих недочетах, выделил лучшего офицера-оператора и чертежника, чтобы Ахромеев вместе с ними переработали план учения.

После переработки, на следующий день, план был утвержден командующим округа без поправок.

Под руководством командующего В.З. Бисярина было проведено дивизионное учение с боевой стрельбой со 128-й гвардейской стрелковой дивизией. Дивизии предстояло ночью совершить марш через Карпаты, во Львовском учебном центре наступать с боевой стрельбой и затем перейти к обороне.

Мне пришлось готовить учение и возглавлять штаб руководства при его проведении.

По итогам 1967 года передовыми соединениями в округе были 23-я гвардейская танковая дивизия (длительное время ею успешно командовал М.И. Безхребтый), 24-я стрелковая дивизия генерал-майора Г.П. Яшкина и 35-я ракетная бригада И.П. Фетисова.

Улучшилось обучение курсантов в учебных дивизиях.

Хорошо знавший боевую подготовку командующий 8-й ТА генерал-лейтенант Виктор Аркадьевич Меримский позднее стал заместителем главкома Сухопутных войск.

Глава 6

В ЕГИПТЕ ПОСЛЕ СИНАЙСКИХ СОБЫТИЙ

Президент ОАР Насер просит СССР оказать военную помощь

В июне 1967 года израильские войска под руководством Моше Даяна и его молодых генералов силами 400 боевых самолетов и двенадцати танковых и пехотных бригад в течение шести дней разгромили на Синае полумиллионную египетскую армию во главе с маршалом Амером, оснащенную большим количеством вооружения и боевой техники.

В эти дни президент ОАР Насер направил послание советскому руководству, в котором просил помочь восстановить боеспособность египетских вооруженных сил, продать оружие и боевую технику.

В ответ на послание Насера в середине июня в ОАР была направлена военная делегация во главе с начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршалом М.В. Захаровым.

В состав делегации входил командующий войсками Прикарпатского военного округа генерал-полковник Лащенко Петр Николаевич, в те дни находившийся в Москве, возглавляя государственную комиссию по выпуску слушателей Академии Генерального штаба.

Делегация сыграла определенную роль в восстановлении боеспособности египетской армии и организации обороны на западном берегу Суэцкого канала.

Завершив свою работу, она возвратилась в Москву, а генерал-полковник Лащенко остался в ОАР в качестве Главного военного советника в вооруженных силах. Ожидая прибытия советских военных советников, он возглавил работу всех находящихся в ОАР советских военных специалистов и продолжал работу, начатую делегацией, по восстановлению египетской армии и созданию обороны.

В то время я служил во Львове, в Прикарпатском военном округе, был первым заместителем начальника штаба округа.

В июле получил от генерала Лащенко письмо, в котором он сообщил, что возбудил ходатайство о моем назначении советником в генеральный штаб вооруженных сил ОАР.

Через некоторое время из Москвы было получено распоряжение о срочном оформлении соответствующих документов для командирования в ОАР.

* * *

Однако переговоры о направлении советских военных советников в ОАР затянулись, несмотря на просьбу президента Насера об их командировании.

Некоторые египетские политические и военные деятели не хотели иметь в своих вооруженных силах советских советников, считали, что советники не нужны, египетские генералы и офицеры сами могут решать все вопросы. Они боялись, что советские советники будут оказывать определенное влияние на личный состав египетской армии, подменять ее командиров,

что подрвет их авторитет, а также усилит зависимость ОАР от Советского Союза.

Возглавляющий египетскую сторону на переговорах генерал-лейтенант Салах Мохсен, имевший большой опыт в ведении переговорного процесса, хорошо знавший международное право и финансовые дела, выискивал всякие предлоги, чтобы сорвать подписание соглашения. Египетская сторона выступала против предоставления права Главному военному советнику докладывать о своей деятельности президенту, создания штаба, оснащения советников средствами радиосвязи и по многим другим вопросам.

В ходе переговоров складывалось впечатление, что им советники не нужны, а мы их навязываем египетской стороне, они стремились избегать даже слова: «советник», употребляя термины: «специалист», «эксперт», «консультант».

После смерти вице-президента ОАР Амера и ареста его группы позиции его сторонников в армии ослабели.

Президент Насер считал, что египетские офицеры плохо подготовлены в военном деле, не способны правильно и эффективно использовать оружие, боевую технику и им необходимы военные советники.

Насер дал указание подписать соглашение о командировании советских военных советников, что вынудило египетское командование снять все несогласованные вопросы.

Однако после сложных переговоров Советский Союз отложил на некоторое время подписание соглашения, чтобы дать возможность египетской стороне уяснить всю сложность обстановки и последствия разгрома египетской армии и подготовиться к приему советников.

Работа группы генерала Лашенко по созданию обороны на Суэцком канале в этот период убеждала военное руководство Египта в необходимости иметь советских военных советников. Кроме того, египетское командование понимало, что от наличия советников зависят многие поставки вооружения и боевой техники, и стало просить об их направлении в ОАР.

Советское правительство просьбу удовлетворило, в октябре соглашение о командировании советских военных советников

в ОАР было подписано. Пауза сыграла положительную роль, египетское командование провело определенную работу по разъяснению своим офицерам необходимости иметь военных советников и решению вопросов по созданию условий для размещения и работы советников и специалистов.

В конце октября было получено распоряжение о направлении меня в Москву для последующего выезда в Египет.

По прибытии в Москву начальник Главного управления кадров Министерства обороны сообщил, что я назначен на должность старшего советника начальника главного оперативного управления генерального штаба вооруженных сил ОАР.

После беседы в ЦК КПСС, Главном политическом управлении и в Генеральном штабе предстояло убыть в ОАР.

Сборы были короткими, для них выделялись одни сутки, и они оставили не совсем приятное впечатление: надо было получить и подогнать гражданскую одежду, представить фотокарточки определенных размеров, а мастерские уже были закрыты, оформить денежное довольствие, пристроить на хранение свое военное обмундирование и т.д. Многое из этого можно было сделать заранее, особенно по оформлению документов.

Все это были мелочи. В те годы был молод, энергичен, тщеславен, горд оказанным доверием, тем более что выполнение задачи связано с боевой деятельностью в Африке, и смело шел на новую работу, которую возглавлял мой прежний, уважаемый начальник Петр Николаевич Лашенко.

Прибытие военных советников в Каир

4 ноября 1967 года первая группа советских военных советников, в составе которой были старшие советники при Генеральном штабе, командующих видами Вооруженных Сил, родов войск и командиров дивизий на самолете с подмосковного военного аэродрома Чкаловский убыла в Каир.

Многие из советников — генерал-лейтенанты И.С. Катышкин, С.Д. Горелов, В.В. Дикий и другие были знакомы по прежней службе. После оживленных бесед и короткого сна в самолете проснулся над Кипром, когда самолет подлетал к Африке и уже

начал снижение. Вскоре под снижающимся самолетом появился огромный город. Это был Каир. Все прильнули к окнам, чтобы разглядеть город.

Когда самолет делал круг над аэродромом, можно было рассмотреть большую часть города. Река Нил широкой полосой разделяла его на две части. Вдали, на окраине, где начиналась пустыня, были видны знаменитые египетские пирамиды.

Меня удивило, что шла война, а никакой маскировки не соблюдалось, в центре города на улицах масса народа, подумал, какая-то странная война.

Выйдя из самолета, почувствовал дыхание тепла, осень в Египте напоминала жаркое лето в Москве, вероятно, нелегко здесь будет в знойное лето.

На Каирском аэродроме нас встретили генерал-полковник П.Н. Лашенко, представители советского посольства, египетского командования и некоторые советские генералы и офицеры, работавшие в качестве специалистов в Египте.

На автобусах мы отправились в гостиницу, расположенную в центре города. Вначале следовали по широкой асфальтированной дороге, по двум сторонам которой тянулась полоска ярко-зеленых деревьев, затем по городским улицам.

Ожидали увидеть в Каире черты прифронтового города, ведь в то время продолжалась война. Однако ничего похожего на то, что Каир готовится к обороне, не было. Напоминали о войне только кирпичные стенки и мешки с песком, выложенные перед входом и для защиты окон первых этажей многих домов. Предполагалось, что эти средства защиты будут предохранять дома от разрушения при нанесении ударов с воздуха, конечно, они были малоэффективны.

Центральные улицы были многолюдны, на них много красивых европейских зданий, дворцов и мечетей.

Нас разместили в гостинице «Виктория», так как дома и квартиры, предназначенные для советников, еще не были готовы. Гостиница была не из лучших, темной, сырой, даже душ был общим и работал периодически. Много было обслуживающего персонала, а чистота и порядок отсутствовали, поражало обилие тараканов даже в ресторане.

Для нас, старших офицеров, это уже было непривычно. Мы привыкли к чистоте в гостиницах и другим порядкам. Мне поручили об этом сообщить опекавшему нас представителю военного министерства подполковнику Бардизи. Он заявил, что советские специалисты все годы останавливались в этой гостинице и были довольны. Сказал ему, что мы не специалисты, а советники, и это надо усвоить. Подумайте о нашем размещении. Сейчас в Каире большая часть гостиниц, вероятно, пуста, так как нет туристов.

Конечно, он был контрразведчик, ничего не мог сказать о сроках готовности домов и квартир, предназначенных для советников, пообещал уточнить и сообщить сроки или переселить нас в другую гостиницу.

Генералу Катышкину и мне он предложил перейти в другую гостиницу, но мы одни переселяться отказались.

На следующее утро прибыли в офис, так называли штаб наших специалистов, работающих в ОАР, он размещался в шестикомнатной квартире в центре города. Мы с трудом там разместились, ожидая прибытия Главного военного советника.

Главный военный советник генерал-полковник Лашенко дал подробные указания о предстоящей работе советникам.

Вначале подробно изложил оперативно-стратегическую обстановку и состояние вооруженных сил ОАР.

Вооруженные силы ОАР, говорил он, в результате первого удара израильтян развалились, по сути, перестали существовать. Самолеты египетских военно-воздушных сил в течение первых часов боевых действий были уничтожены на аэродромах. Сухопутные войска без боя оставили оружие и боевую технику на Синае и в беспорядке отошли на западный берег Суэцкого канала. Противовоздушная оборона оказалась неспособной к отражению ударов авиации противника, действовавшей на малых высотах. Военно-морской флот участия в боевых действиях не принимал. Все командные инстанции и штабы оказались неспособными к управлению боевыми действиями войск.

Важнейшими причинами поражения были низкие морально-боевые качества войск и пораженческое настроение офицерского состава после первых ударов израильтян.

В настоящее время египетские вооруженные силы находятся в стадии восстановления, их укомплектованность боевой техникой и вооружением составляет 30—60 %, в военно-воздушных силах недостает подготовленных летчиков.

Военно-морской флот потерь не понес и имеет почти в два раза больше боевых кораблей, чем Израиль.

Таким образом, вооруженные силы могут обеспечить оборону республики, однако личный состав не умеет использовать имеющееся вооружение и боевую технику, а офицеры слабо подготовлены.

П.Н. Лашенко информировал нас о состоянии обороны и боевой подготовке войск, затем он подробно изложил задачи советников и методы их работы, основываясь на личном опыте и работе наших специалистов. Разъяснил положения издаваемой Инструкции о работе военных советников, потребовал ее изучить и строго руководствоваться в практической работе. В этой обстановке основная задача советников заключалась в оказании всемерной помощи в восстановлении вооруженных сил и организации надежной обороны. Указания и советы Главного советника во многом способствовали успешному началу работы советников.

На следующий день прибыла еще одна группа наших советников при управлениях, отделах, командирах бригад.

Нас, старших советников, представили командованию вооруженных сил ОАР: главнокомандующему вооруженными силами генерал-полковнику Махмуду Фавзи, начальнику генерального штаба генерал-лейтенанту Монеиму Риаду, командующим видами вооруженных сил, родами войск и начальникам управлений генерального штаба.

Вначале генерал Риад после традиционных приветствий в таких случаях поблагодарил нас за прибытие, а правительство СССР — за направление советников и оказание бескорыстной помощи ОАР. Он кратко сказал о некоторых особенностях предстоящей работы советников. При этом отметил, что не все египетские офицеры хорошо подготовлены, но все они потрясены поражением на Синае (что нам надо учитывать), капризны, не всегда правильно воспринимают советы и рекомендации даже своих начальников, и обещал оказывать помощь в нашей совмест-

ной работе. Затем он представил всех присутствующих египетских генералов. Риад был энергичен, четко излагал свои мысли и произвел неплохое впечатление, но немного красовался, как и многие арабы.

Генерал Лашенко представил нас египетским генералам, меня представил начальнику генштаба, помощнику главкома ВС генералу С. Мохсену и начальнику главного оперативного управления Талату. Генерал Риад в присутствии С. Мохсена обратился ко мне на английском языке, переводчик перевел, я ответил на французском языке. Они улыбнулись и дружески пожали мне руку, пригласив заходить к ним в любое время.

Добрые отношения с М. Риадом и С. Мохсеном сохранились на весь период пребывания в Египте.

Через два дня нас, старших военных советников, принял советский посол в ОАР С.А. Виноградов, назначенный в Египет недавно. Ранее он был послом в Турции и Франции. Он не скрывал радости в связи с нашим прибытием в ОАР.

В своем выступлении С.А. Виноградов дал анализ политической обстановки, международного и внутреннего положения ОАР, информировал о решениях Совета Безопасности ООН о выводе израильских войск с захваченных ими арабских территорий.

7 ноября в советском посольстве в Каире был устроен прием по случаю 50-летия Октября. Это был первый прием, организованный иностранным посольством в ОАР со времени июньской войны. В большом дворе резиденции советского посла, ярко украшенном разноцветными лампочками, собралось более тысячи гостей. Приехали все вице-президенты и министры, командование египетских вооруженных сил во главе с главкомом М.Фавзи и начальником генштаба М. Риадом. Президент Насер, опоздав на несколько минут, сколько положено дипломатическим протоколом, прибыл в посольство и провел на приеме свыше часа, что, как отмечали некоторые журналисты, было беспрецедентным случаем. На приеме присутствовали все старшие советские военные советники, а также египетские генералы и офицеры, возникли непринужденные беседы, способствующие установлению деловых контактов и предстоящей совместной работе.

Мое предварительное ознакомление с руководством и работой главного оперативного управления показало, что оно находится в стадии становления и еще не перешло на новый штат главного управления. Оперативное управление занималось в основном разработкой отдельных документов, многие из которых на боеготовность вооруженных сил, состояние обороны и на работу других управлений влияния не оказывали. В нем для работы с видами вооруженных сил не было необходимых специалистов. Оперативное управление состояло из отделов: оперативного, оперативной подготовки и радиоэлектронного противодействия. В управлении нас встретили настороженно и, как мне показалось, не совсем дружелюбно. Начальник управления генерал-майор Талат на мои вопросы отвечал уклончиво, ничего не знал и был озабочен только вызовами к начальнику генштаба и его вопросами. Он долго не решался допустить меня ко всем оперативным документам, в том числе и плану обороны. Пытался переложить общение и всю работу с советниками на начальников отделов и офицеров, знающих русский язык. Конечно, меня это не устраивало, и я стал искать соответствующие подходы и способы заставить заниматься начальников и офицеров своими обязанностями. Прежде всего надо было рассказать Талату, чем он должен заниматься и как повседневно работать. Генштаб (оперативное управление) утвержденного плана войны не имел, существовал план обороны Суэцкого канала, недостаточно согласованный с планами видов вооруженных сил, и в нем даже не предусматривалось использование боеспособных войск Центрального округа.

Отдел оперативной подготовки разработал громоздкую директиву по оперативной подготовке на 1968 год и стремился как можно меньше включить в план практических мероприятий оперативных командно-штабных учений и тренировок. Состояние подготовки оперативных штабов он не знал, контроля за осуществлением мероприятий не осуществлял, ссылаясь, что идет война и часто меняется руководящий состав войск и штабов.

В последующем мне и советнику по оперативной подготовке полковнику Пчеленкову пришлось разработать директиву и план оперативной подготовки вооруженных сил ОАР на 1968 год.

Служба радиоэлектронного противодействия вела многословную полемику о сильных радиопомехах израильтян во время боевых действий на Синае. Своих сил и средств радиоэлектронного противодействия (РЭП), их состояния и возможностей не знала, имеющиеся части не использовала, большая часть техники была неисправна и требовала ремонта, боевая подготовка в частях не проводилась.

О работе оперативного управления мне подробно рассказал заместитель начальника ГОУ генерал-майор Нофель. В отличие от своего начальника Талата, он лучше знал состояние дела и обязанности управления. Ознакомившись с работой управления, я решил переговорить с Талатом и, как у нас говорят, «поставить все точки над і». Кратко рассказав о своем впечатлении о работе управления, старался обратить внимание на различие между советниками и прежними специалистами, работавшими в управлении. Мы с ним как будто договорились о нашей совместной работе. Однако вначале он пытался загрузить нас ненужной работой. Попросил разработать критерии для подсчета качественного состояния соотношения сил, планы оперативной маскировки, радиоэлектронного противодействия и другие подобные документы.

Я сказал генералу Талату, что это не первоочередные задачи и дела. В настоящее время надо уточнить план войны, обороны республики и план развития вооруженных сил, переработать директиву и план оперативной подготовки на 1968 год. Мы этим и будем заниматься. Однако Талат настаивал и просил помочь разработать планы оперативной маскировки и радиоэлектронного противодействия. Сказал ему, что у них имеются старые планы, но они не выполняются, зачем новые планы. Если они вам очень необходимы, то вы лучше знаете условия и ваши возможности, разработайте эти планы самостоятельно, а мы их рассмотрим и дополним. Но Талат по-прежнему настаивал на разработке планов, сказав, что зачем тогда нужны советники. Вынужден был ответить: «Мы вам не специалисты, а советники, и не белые рабы, которых можно занять ненужным делом и делать за вас всю работу. Надо решать сейчас вопросы, которые имеют первостепенное и важное значение для вооруженных сил».

Такая постановка вопроса была для египетских генералов неожиданной.

Талат о нашем разговоре немедленно доложил начальнику Генерального штаба. Он пригласил меня, и у нас состоялась с ним первая серьезная беседа. Риад поинтересовался моими впечатлениями о работе оперативного управления. Я их высказал. При этом отметил, что надо повысить роль оперативного управления, его значимость в системе органов управления вооруженными силами. Даже если у начальника генштаба будет «семь пядей во лбу», без сильного оперативного управления вы не сможете охватить руководство всеми звеньями вооруженных сил, осуществлять контроль за состоянием их боеготовности и боевыми действиями. Пока такой роли ГОУ не выполняет. Что касается моего заявления, что «мы не специалисты, а советники», то это должны усвоить не только Талат, но и другие египетские генералы и офицеры. Рассказал о беседе с Талатом, что разработка планов оперативной маскировки и радиоэлектронного противодействия не являются первоочередными делами. В настоящее время имеются более важные и срочные задачи: надо уточнить план обороны республики, план развития вооруженных сил, разработать проект директивы и план оперативной подготовки на 1968 год и другие. Этим сейчас мы занимаемся. Имеющийся план оперативной маскировки пока не выполнен ни по одному пункту. Не нужен сейчас и новый план радиоэлектронного противодействия, так как имеющаяся техника неисправна и нет средств, чтобы осуществлять радиопротиводействие. Со временем мы разработаем такие планы, главное, чтобы они выполнялись и не были бумагой.

Генерал Риад со всем изложенным мною согласился и сказал, чтобы рассчитывал на его полную поддержку. Он считает, что Талат для должности начальника главного оперативного управления не подходит и не сможет повысить роль управления.

«Вы его назначали, вы и решайте, — ответил ему, — но это вопрос не срочный, чтобы не сложилось впечатление, что его отстранили от должности после нашего разговора. У него есть сильные помощники. Вероятно, придется со временем поставить более опытного и авторитетного генерала, а пока заставить его работать, а не скучать от безделья, дожидаясь очередного вызова

к вам на доклад». Я посоветовал уточнить структуру генштаба, в частности иметь в его составе разведуправление. Существующее разведуправление Садека подчинено то ли главному, то ли военному министру. Оно постоянно дает какую-то военно-политическую информацию из газет и радиоперехвата, а необходимых данных о вооруженных силах Израиля, их группировке и намерениях в генштабе не имеется.

Риад попросил меня изучить план обороны, а также переговорить с Садеком и предложения ему сообщить.

Восстановление египетской армии

23 ноября 1967 года все египетские радиостанции и каналы телевидения транслировали программную речь президента Насера, с которой обратился к Национальному собранию ОАР

В своей речи Насер дал оценку политических событий в стране со времени июньской войны. Касаясь причин поражения, президент сказал, что противник добился успеха, так как «он располагал возможностями, превосходившими наши собственные» (что не соответствовало действительности!).

Основную тяжесть вины за поражение Насер возложил на командование ВВС ОАР. «Командование ВВС, — говорил Насер, — неверно оценило обстановку, и это явилось причиной катастрофы 5 июня, а также привело военные действия к известному концу».

Впервые в его выступлении были даны официальные цифры потерь войск ОАР в июньской войне: около 80 % военной техники, 1500 офицеров и 10 000 солдат убитыми и 500 офицеров и 5000 солдат пленными. В воздушных боях погибли 40 летчиков.

«...Были приняты решения о замене всего командного состава вооруженных сил, а также о реорганизации армии.

...Из армии были выведены элементы, которые, как показал опыт, оказались совершенно неспособными, а также те, что проявили безответственность на поле боя...

...Жизнь подтвердила, что люди гораздо важнее оружия. Ибо важно не накопление оружия, а умение его применять» (газета «Аль-Ахрам», 24.11.67 г.).

Этот тезис из выступления Насера хотя и не нов, но советники его взяли на вооружение в работе с египетскими генералами и офицерами, многие из них придерживались мнения, что главное — накопление оружия.

27 ноября 1967 года состоялась встреча Главного военного советника генерал-полковника Лашенко с президентом Насером. Генерал Лашенко сообщил о прибытии около 300 советников, сказал, что все они имеют высшее военное образование и боевой опыт, а советники-летчики являются специалистами первого класса. Советники активно включились в работу и занимаются совершенствованием обороны в зоне Суэцкого канала и боевой подготовкой войск.

Исход боевых действий будет зависеть от уровня подготовки войск, искусства их использования, морального духа личного состава, а также от прочности коалиции арабских стран.

Президент рассказал о причинах обращения за помощью к Советскому Союзу, а не к Америке.

«Мы стояли перед дилеммой, — говорил Насер, — к кому обратиться за помощью — к Америке или Советскому Союзу. Обратиться за помощью к Америке — это значило бы капитулировать перед Израилем, свергнуть в ОАР прогрессивный режим, предать забвению революционные завоевания, которых достиг Египет. Я по этому пути пойти не мог, твердо решил продолжать борьбу с колониализмом и прежде всего — с американским. Поэтому обратился за помощью к Советскому Союзу».

Далее Насер сказал, что многим арабским союзникам он не верит.

Президент снова отметил, что важно не накопление оружия, а умение его применять. Исход боевых действий будет зависеть опять от авиации, он думает решать вопрос о летчиках путем привлечения добровольцев из Советского Союза и других социалистических стран.

Генерал Лашенко информировал президента, что в настоящее время изучается возможность увеличения количества египетских летчиков, направляемых на подготовку в Советский Союз.

Для повышения выучки египетских войск разработаны проекты директив по оперативной и боевой подготовке вооруженных сил на 1968 год, главной задачей ставится повышение боевой готовности

египетских вооруженных сил к отражению внезапного нападения, подготовка войск к ведению активных, решительных и маневренных действий, а также обучение умелому применению оружия.

Насер согласился с предложенной главной задачей. Теперь при организации боевой подготовки войск на 1968 год надо было добиться, чтобы требование президента, выдвинутый им лозунг: «Важно не накопление оружия, а умение его применять» — стал определяющим во всей жизни и деятельности войск. С этой целью в боевой подготовке основное внимание было сосредоточено на полевой выучке войск, а также изучении оружия и боевой техники и умении их применять в бою.

Планировалось проведение тактических учений с каждой бригадой и дивизией.

В системе оперативной подготовки впервые предусматривалось проведение оперативно-стратегического учения с генеральным штабом, командующими и штабами видов вооруженных сил и родов войск, а также командно-штабные учения с армиями и различные штабные тренировки.

Как оказалось, многие поставленные задачи по оперативной и боевой подготовке выполнить не удалось. Египетские генералы и офицеры не смогли напряженно работать и обеспечить их выполнение, сроки многих из намеченных учений неоднократно переносились, ряд учений были проведены упрощенно, некоторые отменены.

Наши предложения по улучшению деятельности сухопутных войск принимались и осуществлялись арабской стороной относительно спокойно, хотя и здесь иногда приходилось убеждать главкома М. Фавзи и военного министра А. Хувейди о необходимости проведения, казалось бы, естественных и логичных мероприятий.

По-другому сложились дела с ВВС и ПВО. Этот вид вооруженных сил был небоеспособен, а система противовоздушной обороны — сложной и запутанной. Сказалось и потрясение после разгрома авиации на аэродромах 5 июня.

Существовала масса организационных недочетов со сложной структурой подчиненности, которая не обеспечивала эффективного управления противовоздушной обороной.

Существующая структура освобождала командующего ВВС от ответственности за борьбу с авиацией противника.

Из-за организационной неразберихи ВВС и ПВО не в состоянии были обеспечить защиту от ударов авиации противника, хотя силы, средства и их боевые возможности позволяли это сделать.

Наши предложения о выделении войск ПВО в самостоятельный вид вооруженных сил встретило сопротивление командующего ВВС генерала Х. Хеннави и начальника генерального штаба генерала М. Риادا.

В начале декабря начальник генштаба попросил меня высказать мнение по вопросу выделения ПВО в самостоятельный вид вооруженных сил. Предварительно предупредил, что он старый зенитчик, хорошо знает систему ПВО и ему непонятны некоторые наши рекомендации.

Мне было известно, что централизованное управление силами и средствами ПВО в вооруженных силах ОАР отсутствует. Истребительная авиация подчинялась командующему ВВС, а зенитно-ракетные войска и зенитная артиллерия подчинялись командующему артиллерией, командующий ВВС не отвечал за их боевое применение. Поэтому в беседе с начальником генштаба я поддержал подготовленные нами рекомендации.

Генерал Риад сказал, что, по его мнению, основу противовоздушной обороны составляет истребительная авиация, а не зенитно-ракетные войска. Противовоздушная оборона не изменится от того, кто ею будет командовать, и наши рекомендации считает неприемлемыми. Он даже высказал мнение, присущее многим египетским «стратегам», что поражение в июньской войне явилось результатом не только плохой организации управления ПВО, но и следствием того, что египетские войска были вооружены «не тем, чем надо», они не имели средств для борьбы с самолетами на малых высотах. Советские зенитно-ракетные комплексы, самолеты МиГ-21 и радиолокационные станции обеспечивали только борьбу на больших и средних высотах.

Я ему ответил, что в египетской армии много было зенитных орудий и зенитных пулеметов в войсках и на аэродромах, но

они огня не вели, а их расчеты при налетах израильской авиации разбегались. То же самое было с расчетами зенитно-ракетных комплексов и летчиками. Египетская система ПВО раздроблена, несовершенна и не обеспечивает эффективного использования имеющихся сил и средств.

Он промолчал, но затем достал со стола рекомендации старшего советника ВВС генерала С.Д. Горелова и старшего советника ПВО генерала Н.М. Кондратова и показал мне ряд несогласованных положений этих рекомендаций.

В действительности генерал Горелов на словах поддерживал необходимость объединения всех сил и средств ПВО под единым командованием, а на деле считал основным средством ПВО истребительную авиацию, что она сама способна вести борьбу с израильской авиацией (в ОАР, летчики которой не сбили ни одного израильского самолета за всю войну) и рекомендовал оставить ее в подчинении командующего ВВС, а также не передавать в ПВО средства радиолокационного обнаружения, оповещения и связи.

Советник ПВО генерал Кондратов считал зенитно-ракетные войска основным средством противовоздушной обороны, рекомендовал все средства ПВО, ракетные войска и истребительную авиацию объединить под единым командованием, но недооценивал зенитную артиллерию и полагал, что всю ее надо оставить в подчинении командующего артиллерией.

Когда я доложил об этом Главному советнику, генерал Горелов вначале отрицал, что он это писал, тогда я показал его рекомендации. Он ответил, что он не читает по-английски и подписал то, что ему подсунули.

Главный советник запретил Горелову в дальнейшем давать письменные рекомендации без согласования со старшим советником Генштаба и нашим штабом, приказал мне и генерал-лейтенанту И.С. Катъшкину представить согласованную рекомендацию по совершенствованию ПВО ОАР. С ней согласились главнокомандующий вооруженными силами ОАР генерал М. Фавзи, военный министр Х. Хувейди, и вынужден был согласиться начальник генштаба генерал М. Риад.

В вооруженных силах ОАР первоначально был введен пост заместителя главкома ВС по ПВО, а затем созданы войска ПВО как самостоятельный вид вооруженных сил ОАР.

Укрепление обороны

В Генштабе был разработанный генералом Лашенко в июле 1967 года план обороны зоны Суэцкого канала, когда на восточном берегу стояла значительная группировка израильских войск. Прошло время, обстановка изменилась, и требовалось уточнить этот план.

На западном берегу Суэцкого канала оборонялась 2-я полевая армия, имея в первом эшелоне пять пехотных дивизий, две отдельные бригады и во втором — две танковые группы, позднее реорганизованные в танковые дивизии. Предусматривалось нанесение ими контратак и контрударов. В полосе армии четко вырисовывались два операционных направления — Суэцкое и Приморское.

К ноябрю 1967 года против египетских войск в зоне Суэцкого канала оборонялись до трех-четырех пехотных бригад израильтян и в ближайшей глубине, за перевалом Митла, располагались пехотная и танковая бригады.

Учитывая, что противник на восточном берегу Суэцкого канала имеет незначительные силы, а основная группировка его войск находится на территории Израиля (около 10 бригад), часть египетских войск, до двух дивизий, целесообразно было вывести во второй эшелон. Желательно было иметь на каждом операционном направлении армейское управление, а также усилить противовоздушную оборону обороняющихся войск за счет средств, расположенных в центральном районе, совершенствовать оборону в инженерном отношении, дооборудовать вторую и третью полосы обороны и начать проводить боевую подготовку войск.

После доклада этих предложений старшему советнику Генерального штаба И.С. Катышкину и Главному советнику генералу Лашенко мне было разрешено сообщить их египетскому генеральному штабу.

После разговора с начальником главного оперативного управления, который ничего не решал, нас пригласил начальник генерального штаба генерал Риад и попросил меня изложить свое мнение.

Я начал с того, что главная группировка израильских войск находится на территории Израиля и для перехода в наступление им потребуется совершить выдвижение на расстояние до 200 км, на что потребуется не менее суток, основной ударной силой израильтян является авиация.

Мною были изложены вышеперечисленные предложения, и они были показаны на подготовленной карте. При этом я отметил, что эти предложения являются предварительными и требуется выезд на Суэцкий канал в обороняющиеся войска, чтобы принять решение по данному вопросу.

Начальник генерального штаба генерал Риад пообещал выехать вместе в зону канала в ближайшее время, но он неоднократно переносил сроки, и только через неделю-две представилась возможность выехать и побывать во всех дивизиях, обороняющих зону Суэцкого канала.

Последующее изучение обороны в зоне канала подтвердило целесообразность внесенных предложений.

Через несколько дней начальник генерального штаба генерал Риад пригласил меня выехать с ним в зону Суэцкого канала для уточнения состояния обороны и подготовки предложений об изменении группировки обороняющихся войск и совершенствовании обороны. Главный военный советник тоже пожелал с нами выехать.

К Суэцкому каналу мы направились по шоссейной дороге Каир — Исмаилия, идущей по пустыне. Впервые мне пришлось увидеть настоящую африканскую пустыню, она произвела угнетающее впечатление, хотя раньше видел нашу среднеазиатскую пустыню.

Штаб 2-й полевой армии, куда мы направились, размещался в районе Кассасин в полевых условиях; здесь было много блиндажей и окопов, некоторые из них были плохо замаскированы.

Нас встретили командующий армией генерал-майор Али Ахмед Исмаил, тучный, добродушный, большого роста, со стеклом

в руке, в период Синайских событий он был начальником штаба Восточного фронта, и начальник штаба армии генерал-майор Мухаммед Гамаси, в противоположность А. Исмаилу худой и настороженный.

Выпив традиционную чашку кофе, начальник генштаба попросил А. Исмаила доложить соображения по совершенствованию обороны. Генерал А. Исмаил спокойно сделал доклад по карте решения на оборону, являющегося точной копией имевшегося в Генштабе плана с массой различных таблиц.

В своем докладе он сказал, что в зоне Суэцкого канала обороняются пять пехотных дивизий, две бригады в первом эшелоне, две танковые группы — во втором. Оборона состоит из трех подготовленных полос, первая полоса проходит по западному берегу Суэцкого канала.

Командующий считал, что совершенствование обороны следует проводить за счет дальнейшего инженерного оборудования второй и третьей (армейской) полосы и никаких изменений в группировке обороняющихся войск проводить не следует, так как почти все дивизии обороняются на широком фронте — 25—30 км.

Генерал Лашенко спросил, а немного ли египетских войск на переднем крае, израильтяне перед фронтом армии имеют всего три-четыре бригады.

Исмаил ответил, что израильские войска могут быстро подойти из глубины.

Мне неудобно было расспрашивать командующего армией, пожилого, как мне казалось, человека, в присутствии его начальника и подчиненных, поэтому попросил разрешения задать несколько вопросов начальнику штаба армии.

Генерал М. Гамаси был не очень этим доволен и вначале неохотно на них отвечал, в его манере держать себя чувствовалась напряженность. Попросил его подробнее рассказать о группировке израильских войск, расположении и составе резервов, главных сил и сколько им времени потребуется на выдвижение к каналу с территории Израиля.

Гамаси ответил, что им известно: в зоне канала обороняется 4—5 бригад и несколько отдельных батальонов, расположение

и состав резервов им неизвестны, он думает, что они находятся за перевалом Митла, и сколько необходимо им времени для подхода израильских войск к каналу, они не определяли.

Почему армия не ведет разведки и не имеет необходимых сведений о противнике? Данные о противнике мы получаем от генерального штаба. Армия не ведет активной разведки, чтобы не вызвать ответных действий израильтян по обороняющимся войскам на канале и избежать потерь.

Учитывая, что основным средством поражения израильтяне считают свою авиацию, спросил я, не следует ли усилить противовоздушную оборону обороняющихся войск в зоне канала и можно ли вывести одну-две дивизии во второй эшелон, чтобы они смогли заниматься боевой подготовкой?

Гамаси согласился с необходимостью усиления ПВО, но считал, что во второй эшелон надо вывести не 1–2 дивизии, а только несколько бригад из их состава.

В заключение спросил, почему на прилагаемых таблицах наличие личного состава, вооружения и техники указано положенным по штату, без учета некомплекта и поступающего пополнения, вооружения и техники. Он сказал, что командиры об этом знают, не заполняют эти графы, чтобы часто не переделывать таблиц. Посоветовал ему меняющиеся цифры писать карандашом, а не фломастером. Он сказал, что якобы до этого сами не додумались.

В конце беседы генерал Гамаси держался более спокойно, сдержанно и охотнее отвечал на вопросы. Видно, он понял их объективность и почувствовал мое дружеское отношение.

Генералы Исмаил и Гамаси на прощание сказали, что были рады познакомиться, и приглашали чаще приезжать к ним в армию. После этого мы направились в район Исмаилии, в дивизию, обороняющиеся на западном берегу канала, нас сопровождал начальник оперативного отдела, все время делавший какие-то записи.

В Исмаилии сразу при въезде в город бросилось в глаза отсутствие порядка, здесь мало что напоминало о том, что город находится вблизи линии фронта.

На улице было много людей в штатской одежде и военной форме, бойко шла торговля. И только на восточной окраине го-

рода, вблизи канала, мы увидели солдат с оружием, занимающих свои позиции. Обороняющиеся подразделения пренебрегали маскировкой, а личный состав проявлял беспечность.

Несмотря на то, что войска уже полгода находились в обороне и приступили к работе советники при командирах дивизий и бригад, по-прежнему было много недочетов. Прямо в городе за домами стояла одна из артиллерийских батарей для стрельбы с закрытых позиций, но с этого места она не могла вести огня. За домами стояло несколько танков, их командиры, вероятно, тоже не думали о выполнении задачи. На одном из участков на переднем крае вдоль высокой насыпи огневые средства располагались так, что в нескольких десятках метров не могли обстреливать противоположный берег и водную гладь канала. На переднем крае было много солдат, они ничего не делали, лишь некоторые готовили пищу и стирали белье в канале, ремонтировали обмундирование, совершенствованием своих позиций они не занимались.

Первая позиция имела траншеи, железобетонные колпаки и частично ходы сообщения, в некоторых местах были установлены заграждения. Траншеи и позиции имели прямолинейный характер, отсутствовали огневые мешки. Железобетонные колпаки устанавливались на поверхности земли для стрельбы стоя и почти не были зарыты, их противник мог легко обнаружить. Ходы сообщения, выводящие из глубины на передний край, и запасные позиции не оборудовались якобы из-за того, что для этого требуются большие затраты труда и материальные средства. Никаких занятий с личным составом не проводилось.

Такая же картина выявилась на второй и третьей позициях.

Командир дивизии и его командиры бригад объяснили наличие ряда недочетов тем, что переход к обороне части совершали поспешно, когда противник уже вышел на восточный берег канала, и они не имели времени провести выбор позиций и продумать организацию системы огня.

Затем мы направились в Суэц. Проехав по городу, выехали на набережную. Здесь, как и в Исмаилии, было много людей, открытых магазинов и кафе. На внешнем рейде были видны десятка три торговых судов различных государств. На противоположном берегу развевался бело-голубой израильский флаг. Город Суэц

не был подготовлен к обороне, обороняющиеся подразделения занимали редкие окопы, хотя здесь войск было больше. Ходы сообщения во многих местах осыпались, местами были видны плохо замаскированные танки и орудия.

Командиры обороняющейся дивизии и бригады считали, что у них мало сил, и просили усилить артиллерией. Когда на соседнем участке началась перестрелка, ни один из них не поинтересовался, что происходит, и не доложил об этом. Никаких разведывательных сведений они не имели, разведку не вели, ссылаясь на отсутствие указаний.

На позициях обороны иракской бригады и кувейтского батальона была такая же картина, но солдаты были более рослыми и выглядели лучше. Только здесь, особенно в кувейтском батальоне, было меньше офицеров, часть из них отдыхала в лучших гостиницах Каира.

При изучении обороны в зоне канала было видно много недочетов. Особенно бросалось в глаза равномерное расположение по фронту огневых средств, неумелый выбор позиций для артиллерии и танков, а также отсутствие в бригадах первого эшелона резервов.

Советники командиров бригад, прибывшие недавно, к этому времени уже многие недочеты устранили. Однако их советы и рекомендации египетские офицеры выполняли медленно, часто неохотно, несмотря на их целесообразность.

Требовалось принимать меры по совершенствованию обороны. После поездки в зону Суэцкого канала были подготовлены предложения по совершенствованию обороны республики. На восточном берегу канала в первом эшелоне предусматривалось иметь три-четыре пехотные дивизии и две бригады, а одну-две дивизии вывести во второй эшелон армии. Предлагалось усилить противовоздушную оборону войск, обороняющихся в зоне канала за счет переброски 5—6 зенитно-ракетных дивизионов с центральной части страны. На двух операционных направлениях, Суэцком и Приморском, иметь по одной полевой армии. Был уточнен план обороны республики.

Целью оборонительной операции ставилось: не допустить форсирования Суэцкого канала израильскими войсками, в обо-

ронительном сражении нанести им поражение и создать условия для последующего проведения операции по разгрому противника на Синайском полуострове.

Замыслом оборонительной операции предусматривалось: силами военно-воздушных сил, противовоздушной обороны и обороняющихся войск нанесение поражения авиации противника, оборону зоны Суэцкого канала осуществлять силами двух полевых армий, имеющих в своем составе пять пехотных и две танковые дивизии.

Полевые армии, упорно обороняясь на заранее подготовленных позициях и используя систему огня всех видов, во взаимодействии с военно-воздушными силами и военно-морским флотом должны были не допустить форсирования противником Суэцкого канала и захвата воздушными и морскими десантами важных объектов.

При вклинении противника в оборону намечалось нанесение контратак, а в случае прорыва обороны на западном берегу канала планировалось нанесение контрударов вторыми эшелонами армии, танковыми и пехотными дивизиями и силами резервов боеспособных войск Центрального военного округа.

Основные усилия войск ПВО страны сосредоточивались на прикрытии аэродромов базирования авиации, группировки сухопутных войск в зоне Суэцкого канала, Каира, высотной Асуанской плотины, военно-морских баз Порт-Саид и Александрия.

Военно-воздушные силы должны были обеспечить поддержку войск, обороняющихся в зоне Суэцкого канала, и ихкрытие совместно с войсками ПВО от ударов авиации, а такжекрытие города Каира, военно-морских баз Порт-Саид и Александрия.

Город Каир и другие крупные города готовились к обороне.

Планом оборонительной операции определялись задачи войск и предусматривались их действия во двум основным вариантам:

первый — при нанесении противником главного удара на направлении Суэц — Каир и Исаилия — Каир, а вспомогательно — на Эль-Кантарском направлении;

второй вариант — при нанесении противником главного удара на направлении Исаилия-Каир и вспомогательных — на направ-

лениях Суэц — Каир и Эль-Кантара — Каир с одновременной высадкой воздушных и морских десантов в районах Суэц, Порт-Саид и Александрия.

В соответствии с планом были разработаны оперативные директивы войскам.

Работа над оперативными документами по уточнению и разработке плана обороны и оперативных директив показала слабость оперативного управления. Начальник управления Талат и офицеры отделов не были подготовлены к такой важной и самостоятельной работе.

После уточнения плана они долго не могли разработать оперативных директив и затянули выполнение этой важной задачи на длительное время, конечно, по ночам не работали, несла службу лишь дежурная смена.

Основную работу по разработке всех документов пришлось делать мне и полковнику Пчеленкову.

Дальнейшее изучение работы оперативного управления показало, что оно еще не стало ведущим в системе Генштаба и даже повседневной деятельностью войск не занимается.

На мой ежедневный вопрос: «Как дела на фронте?» — египетские офицеры отвечали, что еще не получили донесений, и продолжали смотреть телевизор, говоря при этом, что из телепередач они быстрее всего узнают обстановку на фронте и о действиях израильских войск.

Начальник управления генерал Талат для работы в должности был не подготовлен, не мог освоить своих обязанностей, был нерешителен, не имел мнения по многим оперативным вопросам.

Реорганизация ВС ОАР

В египетской армии плохо обстояло дело с разведкой. Об этом неоднократно говорил начальнику генерального штаба генералу М. Риаду, и он в этом убедился при посещении нами 2-й полевой армии. Штаб армии и командиры дивизий не знали, какие части противника находятся перед их фронтом. Когда противник построил высокую насыпь на восточном берегу канала, то им стало неизвестно, что происходит на многих участках в ближайшей

глубине. Командование не имело сведений о характере обороны, расположении резервов и намерениях противника и других данных.

Египетские генералы и офицеры понимали важность разведки, но ничего не делали практически по ее ведению. Генеральный штаб не имел своих органов разведки и самоустранился от ее организации в интересах вооруженных сил. Штаб армии и командиры дивизий не хотели и боялись вести разведку, чтобы не вызвать ответных действий израильтян и нанесения ими ударов по обороняющимся войскам. Такое отношение к разведке могло привести к пагубным последствиям.

В соответствии с просьбой генерала Риادا встретился с начальником разведуправления М. Садеком. Мы обсудили с ним состояние разведки в египетской армии и предложения по ее реорганизации.

М. Садек, как и все высокие руководители разведки, держался скрытно, неохотно рассказывал о структуре существующей системы разведки и ее возможностях, хотя мы и не касались агентурной разведки. По существу, в интересах вооруженных сил разведка — добывание данных об израильской армии — не была организована и целеустремленно не проводилась. Ведение разведки охватывало многие страны и получение о них данных.

Разведуправление было подчинено военному министру и главкому, а фактически никому, и добыванием данных, необходимых для вооруженных сил, не занималось.

В генштаб передавались сведения, полученные от агентуры, радиоперехвата и перевода зарубежной прессы, других источников, но часто они носили случайный характер.

М. Садек войсковой разведки не знал, не хотел ею заниматься и без радости встретил предложение о переходе разведывательного управления в подчинение начальника генерального штаба. Считал, что там должно быть другое управление или отдел, тесно сотрудничающий с разведывательными органами страны. А его управление по-прежнему должно заниматься агентурной разведкой и контрразведкой. Генеральному штабу, считал он, это не по силам. Кроме того, он говорил, что ГРУ перегружено сво-

ей работой и не следует на него возлагать руководство военной и войсковой разведкой.

Ответил, что со многими высказанными положениями, я не могу согласиться, считая, что в генеральном штабе надо иметь сильный разведывательный орган для руководства разведкой в интересах вооруженных сил, а не только для сотрудничества с другими разведорганами страны. И этим органом в настоящее время может быть ваше управление. В этом случае ничего не надо будет ломать и создавать. Разведуправление надо освободить от руководства контрразведкой, так как это отвлекает начальника разведки от основной задачи — организации и ведения разведки. Если военная разведка в своем составе не будет иметь агентурной разведки, то она не сможет выполнить задач по добыванию сведений в интересах вооруженных сил.

Президент Насер и египетский народ поставил цель: возвратить захваченные Израилем арабские земли. Такая цель в недалеком будущем может быть поставлена перед вооруженными силами ОАР. Следовательно, главной задачей разведки становится добывание разведывательных сведений об Израиле в интересах вооруженных сил и проведения ими стратегической операции. Вся разведывательная деятельность и структура системы разведки должны быть направлены на обеспечение выполнения этой важнейшей задачи. Роль Главного разведывательного управления и его руководителя в связи с этим возрастет, хотя управление и будет находиться в составе генерального штаба. Вы, руководитель ГРУ, становитесь не только государственным деятелем, но и видным военачальником. Если вы, опытный руководитель, этого не сделаете для укрепления военной разведки, то страна вам может не простить. Генерал Садек в конечном счете согласился с моими доводами и попросил, чтобы все это я сказал военному министру, главному генералу Фавзи и особенно Риаду.

Затем мы перешли к вопросу активизации деятельности разведки против Израиля. На эту часть беседы он пригласил своих заместителей. Мною был высказан ряд предложений: о необходимости систематического захвата пленных на восточном берегу канала и Синайском полуострове, высадки разведгруппы с вертолетов и кораблей в тылу противника, систематическом

ведении воздушной разведки не только визуальным наблюдением, но и фотографированием, осуществлении пеленгации и перехвата всех радиостанций крупных оперативных штабов и пунктов управления вооруженных сил Израиля. Желательно также получение данных от руководителей палестинского движения. Что касается агентурной и диверсионной деятельности, то вам и вашим заместителям, как говорится, виднее, вы лучше знаете ваши возможности и способы, как усилить их ведение. Усилия агентурной разведки также должны быть направлены на добычу данных о вооруженных силах и намерениях Израиля. Об этом поговорим следующий раз.

В заключение нашей беседы, когда мы остались одни, генерал Садек сказал, что я хорошо знаю разведку, спросил, работал ли я в Австрии и Германии?

Я ему шутя ответил: «Господин генерал, в вашей стране никакой разведкой не занимаюсь, не считая нашей сегодняшней беседы». Мы с ним тепло, по-арабски попрощались и поддерживали в дальнейшем хорошие отношения.

Теперь мне надо было во всем этом убедить начальника генерального штаба. Доложил ему о наших беседах с Садеком. Генерал Риад высказал ряд сомнений, чувствовалось, что он не хочет возглавлять руководство военной разведкой и отвечать за ее деятельность. Он был против включения в ее состав агентурной разведки, считая, что руководство ею потребует от него значительного времени, увеличения расходов за счет средств, выделяемых вооруженным силам, а также выхода за пределы компетенции генерального штаба.

Я ему ответил, что если вы не возглавите военную разведку, то кто еще? Ясно, что ее место в генеральном штабе, без этого невозможно целеустремленное ведение разведки в интересах вооруженных сил. Что касается времени, то у вас его действительно почти нет, но при организованности в работе вы его найдете. Вам надо будет иметь в ГРУ подготовленного генерала, знающего интересы вооруженных сил, и он будет проводить вашу политику в вопросах разведки. Без наличия агентуры в составе военной разведки она не сможет полностью обеспечить добывание данных в интересах вооруженных сил. Генеральный штаб отсутствие необходимых

данных ощущает сейчас и особенно почувствует при подготовке и в ходе предстоящей операции.

Генерал Риад согласился и сказал, что пойдем вместе докладывать генералу Фавзи и военному министру.

После доклада И.С. Катышкину и Главному военному советнику этих предложений и их одобрения пригласил старшего советника при разведуправлении, который в основном был в курсе этих предложений, еще раз рассказал ему суть дела и поручил подготовить рекомендацию по реорганизации структуры и усилению военной разведки. Несмотря на то что он прослужил несколько лет в оперативной разведке, в том числе многие годы работал в нашем ГРУ, он был непригоден к самостоятельной работе и не имел опыта в организации и ведении разведки. Он был внешне представительным, крайне осторожным, но пустым человеком. Это был типичный военный чиновник, но не высший офицер. Он долго не мог понять, что от него требуется и как все это изложить. Его помощники были танкистами и тоже не представляли всех практических вопросов организации и ведения разведки.

Затратив много времени, они не смогли подготовить толковый проект рекомендации, и после их неоднократной переработки я был вынужден сам разработать такую рекомендацию. Ее завизировал И. Катышкин и подписал Главный советник. Она была передана главнокомандующему генералу Фавзи, начальнику генерального штаба и военному министру.

Через некоторое время генерал Риад пригласил меня вместе с ним зайти к военному министру ОАР А. Хувейди. Министр был гражданским человеком, вооруженные силы ему не были подчинены. Он курировал строительство вооруженных сил, в том числе вопросы разведки.

У министра находились генерал Садек и несколько сотрудников.

А. Хувейди сказал, что он внимательно изучил рекомендации, задал ряд вопросов Садеку и Риаду, касающихся структуры разведки, ее финансирования и компетенции генерального штаба (их ранее ставил Риад). У меня спросил, кому у нас подчиняется ГРУ. Ответил, что начальнику генерального штаба, и высказал свое мнение по заданным им вопросам. Сказал, что перевод ГРУ в Ге-

неральный штаб не отразится на расходах вооруженных сил, так как затраты на разведку должны осуществляться из госбюджета целевым назначением, прежним порядком. И это не должно вызывать беспокойство командования вооруженных сил.

Что касается компетенции генерального штаба, то она может быть расширена Советом национальной обороны и президентом ОАР, если ими будут одобрены предложения о реорганизации структуры разведки и подчинении разведуправления генеральному штабу.

Генерал Лашенко при очередной встрече с президентом Насером доложил наши предложения о реорганизации разведки, Насер с ними согласился.

Так была решена еще одна важная проблема вооруженных сил ОАР — создание разведки в генеральном штабе.

* * *

Начальник главного оперативного управления генерал Талат от имени начальника Генштаба обратился ко мне с просьбой дать свои соображения о компетенции руководства вооруженных сил: президента, как верховного главнокомандующего, Совета национальной обороны, военного министра, главнокомандующего вооруженными силами и родами войск. Ответил, что надо было бы об этом просить старшего советника генерального штаба, так как в этой работе должны участвовать не только советники ГОУ, но и ряда других управлений генштаба, таких как организационно-мобилизационное, военно-научное управления и другие.

Доложу о вашей просьбе генералам Лашенко и Катышкину. Когда я доложил генералу Лашенко, он сказал, что совсем недавно перед прибытием советников разработал им положение о высших органах военного управления, разыщите его, посмотрите, возможно, кое-что надо уточнить. Оно недавно введено в действие, они об этом забыли.

Внеся поправки и уточнение в ранее разработанное положение, отпечатали его на хорошей бумаге, сделали красивую обложку и, завизировав у Главного военного советника, передал их начальнику генштаба генералу Талату и военному министру.

Передавая предложения и разработанные положения начальнику генерального штаба, я сказал, что права и обязанности президента, как верховного главнокомандующего, недавно введены в действие и не нуждались в переработке, в них внесены некоторые уточнения, которые надо будет учесть в будущем. Потребовалось более четко определить и дополнить обязанности высших должностных лиц главнокомандования. Высшие должностные лица своих прав и обязанностей не знают и не выполняют, а это отрицательно сказывается на всей деятельности вооруженных сил. При этом многие начальники не выполняют своих обязанностей, вмешиваются в функции других, что влечет за собой дезорганизацию и неразбериху в руководстве войсками. Генштаб подчинен главнокомандующему и военному министру, которые почему-то имеют одни и те же права и обязанности. Генштаб является их рабочим органом, от них получает разноречивые указания по одному и тому же вопросу. До настоящего времени генштаб и особенно главное оперативное управление, по существу, изолированы от штабов видов вооруженных сил и родов войск, их распоряжения не выполняют, и контроль за выполнением этих распоряжений и состоянием боевой готовности вооруженных сил не осуществляется.

Риад сказал: «Да, это так. Прошу вас учесть, что Египет имеет тысячелетнюю историю, наш народ привык все делать не спеша, нам надо значительное время, чтобы что-то изменить». Далее он продолжил, что для улучшения стиля работы командования вооруженных сил будем вместе принимать необходимые меры. Что касается Положения о высших органах управления, то знаю, что такое Положение имеется и было недавно введено в действие. Указаний о его переработке не давал. Вероятно, Талат, учитывая вашу энергию, захотел загрузить вас большой работой.

Но кое-что в нем действительно надо было уточнить, так что работа не была напрасной, о чем свидетельствует и состоявшаяся сейчас беседа. Позднее генерал Риад сказал, что все положения одобрены главным командованием ВС и утверждены президентом.

На одной из встреч с генералом Талатом я обратился к нему с рядом вопросов. В частности, спросил у него: кто организует

контрудары вторыми эшелонами и резервами, какова роль Центрального военного округа и какие задачи возложены на резервные дивизии?

Как всегда, он на них не смог ответить. Только сказал, что на Центральный округ возложена подготовка резервных соединений и частей, и не понимал, какую роль может выполнять Центральный округ.

Вынужден был объяснить, какую роль должно выполнять управление округа, какие могут быть на него возложены оперативные задачи — организация и подготовка контрудара боеспособными дивизиями, оборона столицы, обеспечение выдвижения и развертывания войск и другие.

В последующем главное оперативное управление с нашей помощью подготовило все необходимые указания Центральному округу по этим вопросам.

В главном оперативном управлении мне пришлось разобраться еще с одним сложным вопросом. В начале декабря поступила просьба от нашего Министерства обороны временно оставить египетскую команду на аэродроме Ходейда в Йемене для обеспечения деятельности нашей транспортной авиации.

Эта просьба была направлена военному министру, он заверил, что даст соответствующие распоряжения командующему ВВС и генеральному штабу.

Попросил Талата уточнить, какие распоряжения отданы и приняты меры, чтобы задержать аэродромную команду в Ходейда.

Выяснилось, что штаб ВВС и генштаб никаких распоряжений не отдавали, аэродромную команду сняли и военный министр, мягко говоря, нас дезинформировал.

* * *

Одновременно с созданием обороны в зоне Суэцкого канала было развернуто формирование новых соединений и частей. Вблизи Каира формировались две дивизии. Главный советник пригласил посетить части одной из дивизий. Он хотел побеседовать с командирами дивизии и частей, уточнить боеготовность, укомплектованность частей личным составом, вооруже-

нием и техникой, а также как проводятся занятия по боевой подготовке.

Части 19-й пехотной дивизии располагались в местечке Дахшур в 20 км южнее Каира, по существу, в пустыне. Условия для боевой подготовки были хорошие, особенно для проведения занятий по вождению боевых машин, огневой подготовке, в том числе для артиллерии и проведения тактических учений.

Нас сопровождал начальник управления боевой подготовки генерал-майор Бишри, который всю дорогу занимал нас разговорами на различные отвлеченные темы.

В штабе командир дивизии пространно изложил потребности дивизии в оружии и боевой технике. Жаловался, что у него всего не хватает, и не знает, когда поступит. В ответ главный советник заметил, что в дивизии вполне достаточно оружия и техники для того, чтобы заниматься боевой подготовкой. Мы поинтересовались, как идет боевая подготовка. Командир дивизии нарисовал отрадную картину, сказав, что непрерывно идут занятия по боевой подготовке. Когда мы прибыли в одну из пехотных бригад, то ее подразделения ничем не занимались, даже расписаний занятий не было. Нам сказали, что занятия проводятся в другой бригаде. Когда через час-два мы прибыли в эту бригаду, то увидели, что рядом с военным городком около 20 групп солдат по 25—30 человек в каждой, сидели в пустыне на расстоянии 30—40 метров одна от другой, без оружия и снаряжения. Во главе каждой группы был сержант и что-то рассказывал.

Когда мы поинтересовались содержанием этих «полевых занятий», то оказалось, что сержанты не получили никаких указаний, кроме как выйти в поле и разместиться группами.

Мы посетили еще одно занятие, там проводилось батальонное учение. Личный состав с танками атаковал противника на фронте 200 метров на глубину 500 метров, и через час был дан «Отбой», так как «личный состав сильно устал». Конечно, такие учения приносили мало пользы. Генерал Лашенко двигался за наступающими подразделениями и провел краткий разбор с офицерами. Генерал Бишри не отошел от машин, стоящих у дороги. Продолжал праздно беседовать с окружающими его офи-

церами, тем самым показывая, что он как бы непричастный ни к каким делам. При таком безразличии начальника управления боевой подготовки к делу было неудивительно, что состояние боевой подготовки было низким. Бишри был состоятельным, образованным человеком, однако манкировал службой и был бесполезным для вооруженных сил. Вскоре президент уволил его в отставку.

Через несколько дней мы посетили учебные центры танковых войск, артиллерии и инженерных частей, расположенные вблизи Каира. Эти учебные центры были примитивно оборудованы, многие занятия с личным составом проводились упрощенно. Полевая выучка часто подменялась занятиями в классах и строевой подготовкой. Только в инженерном учебном центре напряженно шли занятия и проводился ремонт инженерной техники.

При поездках в войска мы видели египетские деревни и жизнь феллахов-крестьян. Основу сельского хозяйства в ОАР составляет орошаемое земледелие. Оно очень трудоемкое, а когда механизация труда стоит на уровне 3—4-вековой давности, нетрудно представить, насколько тяжел труд феллаха.

Египетские деревни, как правило, небольшие: 5—7 домов, которые лепятся друг к другу; вдоль канала они идут непрерывной цепью. Дом сделан из самана, окружен низким забором, в нем пол земляной, нет окон и мебели. Во дворе ни кустика, ни травинки. Скот, овцы, козы, ослы и мулы, бродят по двору. Единственным источником воды является река Нил, по орошаемым каналам ее подают на поля. Воду пьют из канала, в ней моются, стирают, поят и купают скот. На полях работает много людей разных возрастов, земледелие круглогодичное, поэтому одновременно можно наблюдать, как один клочок земли распашивают, на другом убирают урожай, третьи пропалывают. Египетская деревня с ее убогими, придавленными к земле домами под цвет пустыни, отсутствием зелени представляет гнетущее впечатление. Из этой деревни приходят неграмотные солдаты в египетскую армию, им трудно освоить оружие и технику, но деревня делает их трудолюбивыми, дисциплинированными и выносливыми.

Полемика о советском оружии

Советский Союз оказывал большую военную помощь ОАР, поставил ей вооружения и боевой техники больше, чем имела до Синайских событий. Несмотря на это, египтяне всячески замалчивали размеры нашей помощи. В то же время о прибытии эскадрильи бомбардировщиков Ил-28 из Алжира, двух батальонов из Судана и Кувейта египетские газеты писали целый месяц: «Вот оно истинное проявление арабского единства».

Кроме того, египетские генералы и офицеры преувеличивали боевые качества оружия и техники, состоявшей на вооружении израильской армии, особенно самолетов «Мираж». Хотя имели о ней смутное представление, как и о нашем вооружении, имеющемся в их армии. Среди генералов и офицеров военно-воздушных сил сложилось мнение о превосходстве израильских самолетов над советскими. Попытки разубедить их в этом были безуспешными.

Тогда Главный военный советник провел специальное совещание, пригласив присутствовать на нем командование египетских вооруженных сил. Вначале Главный советник сделал вступление, в котором указал на недостаточное знание египетскими офицерами, особенно командованием ВВС, боевых возможностей советского вооружения и боевой техники, что повлекло за собой неверие в свои силы и преувеличение возможностей противника.

Затем советники по ВВС генералы С.Д. Горелов и В.З. Скубин дали подробную характеристику боевых возможностей наших самолетов МиГ-17, МиГ-21 и Су-76, их вооружения и сообщили эффективные способы использования в бою. Были проанализированы дальность действий этих самолетов в зависимости от профиля полета, способы противодействия средствам ПВО, особенно с учетом радиолокационного поля израильтян. При этом делались ссылки на успешные воздушные бои на таких же самолетах против американских Ф-4 («Фантом») и Ф-105 во Вьетнаме, действия некоторых египетских летчиков против израильских самолетов «Мираж» и «Мистер» во время последних событий, а также отмечалась высокая эффективность вооружения Су-76 против танков.

Все это иллюстрировалось схемами и таблицами, подготовленными нашими и египетскими специалистами.

Египтяне соглашались... Но снова всякий раз высказывали прежнее мнение.

Руководство генштаба и оперативного управления по-прежнему неоднократно высказывали сомнение в дальности полетов наших самолетов и досягаемости ими израильских объектов. По указанию П.Н. Лашенко старший советник ВВС генерал-лейтенант авиации С.Д. Горелов организовывал полеты наших летчиков-советников, которые успешно провели несколько специальных полетов с передовых аэродромов к территории Израиля, данные о полетах были сообщены египетскому командованию.

Мы рекомендовали осуществлять челночные действия с использованием аэродромов Сирии. Они обещали проработать эти вопросы, но с практическим проведением их не торопились, боясь ответных ударов израильской авиации.

О боевых возможностях нашего вооружения и боевой техники беседы проводили: советник по ПВО — о возможностях наших зенитно-ракетных комплексов; советник по бронетанковым войскам — о боевых свойствах наших танков, состоящих на вооружении египетской армии.

Египетские генералы и офицеры постоянно просили поставлять больше вооружения и боевой техники, а на складах были выявлены большие запасы вооружения и боеприпасов. Так, на одном из складов средств связи хранилось 300 радиостанций французского производства, в то время как армия в них нуждалась. Египтяне считали, что имеют на складах 1,5–2 боевых комплекта снарядов для 57-мм зенитных орудий, фактически обнаружили 5 боекомплектов этих снарядов. Надо отметить, что тенденция получить больше, чем требуется, вооружения и боевой техники из Советского Союза сохранялась постоянно. Непомерно завышенные заявки, превышающие в 3–5 раз потребности, представлялись неоднократно. Главным они считали накопить как можно больше оружия для определенных целей и стремились это сделать любыми путями и способами, меньше всего думая о наших возможностях его поставки и затратах на производство, и не занимались подготовкой необходимых специалистов для применения этого оружия.

Встреча с президентом Насером

В начале марта 1968 года начальник генштаба генерал Риад неожиданно пригласил меня вместе с ним посмотреть тактическое учение пехотной бригады и частей «Рейнджерс» недалеко от Каира. О проведении этого учения мы ничего не знали. С утра без переводчика выехали с ним в одной машине. Генерал Риад сказал, что сегодня будет проводиться специальное учение. На нем будет присутствовать президент Насер, поэтому никому не говорили о подготовке и проведении этого учения. В одном из пустынных районов были поставлены небольшая трибуна с навесом от солнца и рядом несколько палаток и автобусов. Недалеко был виден обозначенный район обороны. К нашему прибытию собралось все командование египетских вооруженных сил.

Через некоторое время прибыл президент Насер в сопровождении генерал-полковника М. Фавзи. Генералы Фавзи и Риад представили меня президенту и сказали что-то хорошее.

Началось учение с внезапной атаки воздушно-десантных частей и подразделений «Рейнджерс», высаженных с вертолета. Подошедшая пехотная бригада при поддержке авиации с ходу атаковала опорный пункт в глубине обороны противника. Затем части стремительно развивали наступление и атаковали подходящие резервы.

Руководил учением энергичный, молодой генерал Аль-Шазли, командующий воздушно-десантными и специальными войсками.

Я сидел за спиной президента, в ходе учения Насер повернулся ко мне и спросил: «Как действуют войска в наступлении?» Ответил: «Они действуют неплохо, особенно десантники, но это учение, здесь нет реального противника».

«Достаточно ли египетских войск для наступления?» Ответил, что «генералам всегда войск недостаточно. Но немецкий фельдмаршал Э. Роммель, не имея превосходства в силах, успешно вел боевые действия здесь, в Африке».

Президент сказал, что он принял решение сформировать еще две дивизии в этом году, затем спросил: «Что, очень сложно формировать Суэцкий канал, смогут это сделать египетские войска?»

Ответил, что форсирование канала очень сложное дело, но при тщательной подготовке, сильном артиллерийском и авиационном обеспечении и надежном прикрытии от ударов с воздуха египетские войска смогут это сделать. Но у них отсутствует боевой опыт и необходимые морально-боевые качества.

Президент поблагодарил и после учений тепло попрощался.

После учения ко мне подошел командующий воздушно-десантными и специальными войсками генерал-майор Аль-Шазли и спросил: «Какие замечания имеет господин генерал по действиям моих войск?»

Сказал, что доложил президенту, что десантники действовали хорошо. Замечания я делать не вправе, но некоторые пожелания лично вам скажу. На данных учениях был показан простой вариант — противник не оказал сопротивления. Сложнее будет действовать, когда противник сразу начнет вести бой. Ваши десантники и подразделения «Рейнджерс» действовали скученно, большими группами, при приземлении и с вертолетов огня не вели, атаковали цепью в полный рост, а надо сблизиться с противником короткими перебежками, ведя огонь. При встрече со своими наступающими частями надо не бежать им навстречу с громкими криками, а ожидать их подхода на занимаемых позициях, ведя огонь по противнику, препятствующему их продвижению, иначе противник может всех перестрелять. Надо использовать тяжелое оружие: гранатометы, минометы, переносные зенитно-ракетные комплексы, что увеличит огневую и ударную мощь ваших частей. В период высадки и действий воздушного и вертолетного десантов отсутствовало их прикрытия от ударов авиации противника.

Он, конечно, не ожидал таких пожеланий, но тепло поблагодарил и пригласил посетить тренировочный учебный центр подготовки воздушно-десантных и специальных войск. Через несколько дней, с трудом выбрав время, посетил этот центр, где мы обменялись мнениями по многим вопросам, как старые десантники. Генерал Аль-Шазли подарил мне красочные, устрашающие эмблемы египетских воздушно-десантных войск и частей «Рейнджерс», которые хранит мой сын.

Об этом учении и краткой беседе с президентом по прибытии доложил Главному советнику генералу П.Н. Лашенко.

Главный военный советник на встрече с президентом обсудил ряд вопросов, затронутых Насером в беседе со мной на специальном учении. После этой встречи, при участии некоторых советников и штаба ГВС, были подготовлены рекомендации по подготовке войск к наступлению с форсированием водной преграды.

Под видом замысла предстоящего стратегического учения генштаба, видов вооруженных сил и оперативных штабов были разработаны наброски плана наступательной операции генералом Лащенко и мною.

На его основе разрабатывались замыслы и планы проведения командно-штабных учений с полевыми армиями.

Кстати сказать, боевые действия вооруженных сил ОАР в 1973 году начались примерно по этому плану, но после форсирования Суэцкого канала, при последующих действиях, не были учтены рекомендации о необходимости быстрого наращивания усилий вводом танковых дивизий и резервов для развития наступления, что и привело к кризису в ходе операции.

Обучение и подготовка войск к форсированию канала в начале проходила очень тяжело. Многие египетские офицеры говорили, что надо освобождать Синай, но к этому не готовились и даже о форсировании Суэцкого канала не думали.

А канал представлял сложную преграду шириной 200 метров, имел большую глубину — 12 метров, бетонные берега возвышаются над уровнем воды, за ними огромная высокая насыпь. Канал открыт прямолинейно, не имел излучин и бродов.

Было рекомендовано приступить к обучению войск форсированию, организовать сбор всех имеющихся переправочных средств, их ремонт, так как большая часть была неисправной, а также приступить к изготовлению подручных переправочных средств. Надо отметить, что под руководством начальника инженерного управления генерала Гамаль эти мероприятия были проведены. Понтонные подразделения приступили к тренировкам по наведению мостов и сбору паромов различной грузоподъемности, а войска — к обучению преодоления водных преград и изготовлению подручных переправочных средств.

Генерал Лашенко рекомендовал командованию вооруженных сил провести частную операцию по захвату плацдарма на восточном берегу Суэцкого канала, что требовалось для активизации обороны и создания условий для наступления. «Захват плацдарма, — говорил генерал Лашенко, — даст возможность закалить войска, вселить уверенность в успех предстоящего наступления, а также измотать израильские войска.

Захват плацдарма требует тщательной подготовки, умелых и решительных действий войск, сильного артиллерийского обеспечения, быстрого закрепления захваченного плацдарма, отражения возможных контратак и надежного прикрытия войск от ударов авиации. Без этого нельзя рассчитывать на успех действий».

Штаб Главного военного советника

В соответствии с подписанным соглашением предусматривалось наличие штаба Главного военного советника, руководство деятельностью штаба возлагалось на старшего советника, начальника Генерального штаба.

Штаб был небольшим, в его состав входила группа офицеров-операторов, вооружения, политотдел, отделения кадров, шифровальное, финансов, хозяйственная часть, машбюро, медпункт, а также группа связистов, обеспечивающая радиосвязь с Москвой, и другие.

Возросший объем работы вызвал необходимость увеличить численность штаба и иметь освобожденного начальника штаба.

В начале марта я был назначен на эту должность.

Под моим руководством штаб принимал участие в разработке и согласовании основных рекомендаций, разрабатывал замыслы и планы командно-штабных учений с армейскими штабами, проводил сборы и занятия с советниками. Совместно с заместителем ГВС генерал-майором Н.Д. Ходаном разрабатывал и представлял расчеты на необходимое количество вооружения и боевой техники для египетской армии, а также проводил другие мероприятия.

Важную часть моей работы составляла подготовка и представление донесений, докладов и отчетов в Генеральный штаб и министру обороны СССР.

Я присутствовал не на всех встречах Главного советника с президентом, военным министром и главкомом, но он мне рассказывал их содержание и поручал готовить донесения в Москву.

По долгу службы мне пришлось встречаться со многими египетскими генералами и офицерами. Часто с начальником генерального штаба Риадом и помощником главкома вооруженных сил генерал-лейтенантом Салахом Мохсеном, курировавшим работу советников и специалистов.

С. Мохсен разрабатывал проекты соглашений, инструкции, интересовался деятельностью советников, их рекомендациями, особенно касающихся изменений организационно-штатной структуры и вооружения египетских войск, и надо сказать, что он постоянно был в курсе всех дел и состояния египетских вооруженных сил. Во время сражения на Синае он командовал полевой армией, хорошо знал все события того периода, характер действий войск, театр военных действий и военную историю. Он владел четырьмя языками, знал право, был интеллигентным, тактичным и энергичным человеком.

Генерал Салах Мохсен стремился глубоко разобраться с возникающими проблемами, любил задавать много вопросов, просил конкретных ответов, был большим формалистом и педантом, но часто давал хорошие советы. Мне с ним было приятно встречаться и решать все вопросы. Взаимное уважение сохранялось весь период моего пребывания в Египте и добрые воспоминания до сего времени.

Его кабинет был обставлен с невоенной роскошью. В нем было много мягкой мебели, столиков, статуэток, по стенам развешаны изречения из Корана. Стол завален различными бумагами, письменными принадлежностями и всякими безделушками. Над ним висели в большой красивой рамке изречение из Корана «С нами Аллах» и портрет президента Насера.

Были с С. Мохсеном разные встречи, в том числе и непростые. Так, после издания директивы по оперативной подготовке генерал С. Мохсен попросил уточнить, сколько времени и какие затраты

средств потребуются для проведения основных мероприятий по оперативной подготовке. Этих расчетов мы не сделали. Представленные С. Мохсеном расчеты на первый взгляд были завышенными. Через несколько дней представил наши расчеты, однако они его уже мало интересовали. Мне показалось, что командование вооруженными силами стремилось меньше загружать своих генералов и офицеров, проводить как можно меньше мероприятий и требуемые им расчеты были поводом, чтобы не проводить некоторых учений и сборов.

Были и более неприятные беседы. Однажды Салах Мохсен попросил высказать свое мнение о старшем советнике по инженерным войскам генерале Р.В. Степанове. Вначале воздержался высказывать свое мнение, хотя хорошо его знал, спросил: «А в чем дело?» Генерал Мохсен сказал, что они подозревают, что через Степанова могут уходить в Израиль сведения о египетской армии. Я заверил, что это исключено, так как Степанов никакими важными сведениями не располагает, с оперативным планом незнаком, поставок техники не знает. Поэтому никакой опасности не представляет. С. Мохсен заявил, что он еврей и поддерживает неделовую связь с ювелирами. Я ему сказал, что это не повод для недоверия. Мы проверили, действительно, мать Степанова была еврейка, и в связи с недоверием к нему египтян он в скором времени убыл из ОАР.

Визит маршала А.А. Гречко в Каир

В конце марта 1968 года министр обороны СССР маршал А.А. Гречко и министр иностранных дел А.А. Громыко прибыли с визитом в ОАР.

Во время визита маршала Гречко я с Главным советником принимал участие во встрече, беседах, переговорах, поездке на Суэцкий канал и присутствовал на обеде у президента Насера.

Маршала Гречко я знал давно. В годы войны наша 2-я гвардейская воздушно-десантная дивизия входила в состав 1-й гвардейской армии, которой командовал А.А. Гречко. В последние дни войны, в мае 1945 года, на территории Чехословакии, он направлял меня парламентаром к фельдмаршалу Ф. Шернеру, который

отказался принять ультиматум о капитуляции немецких войск. Совсем недавно, осенью прошлого года, маршал Гречко руководил учением «Днепр», слушал наши доклады. Наконец, здесь, в Каире, проживала его дочь Татьяна, супруга первого секретаря посольства, приезжала жена Гречко, и мне приходилось с ними встречаться.

Для встречи министра обороны маршала А.А. Гречко в Центральном аэропорту был выстроен почетный караул и проведен весь ритуал встречи важных гостей, вплоть до демонстративного прощупывания миноискателем дорожки от летного поля до здания аэровокзала.

В сопровождении эскорта мотоциклов маршал А.А. Гречко, А.А. Громыко и сопровождающие их лица проследовали во дворец Тахра. Машины въехали на территорию дворца, стража у ворот сделала «на караул», над дворцом взвился советский флаг.

Тут же была уточнена программа пребывания маршала Гречко в ОАР. Как мы и предполагали, он утвердил поездку на Суэцкий канал и исключил визит в Александрию, носивший более развлекательный, чем деловой, характер. Естественно, он пожелал встретиться с президентом Насером, военным министром Х. Хувейди и главкомом ВС генерал-полковником М. Фавзи.

Наша делегация вела переговоры по политическим, экономическим и военным вопросам. Переговоры начались в помещении генерального штаба. Генерал Фавзи представил присутствующих египетских генералов и сообщил, что президент изъявил желание встретиться с маршалом Гречко вечером на следующий день, на что А.А. Гречко заметил: значит, наши с вами переговоры мы должны закончить сегодня, а завтра с утра поедем на канал.

В ходе переговоров египетская сторона ставила вопрос об увеличении поставок вооружения для двух дивизий, гусеничных машин, увеличении количества летчиков, обучаемых в СССР, направлении в ОАР летчиков-добровольцев из социалистических стран, советских авиационных и частей ПВО, а также о предоставлении лицензий на производство некоторых видов оружия (ЗПУ-14,5, РПГ-7, ракет «воздух — земля»).

Реакция маршала Гречко была сдержанной. Он сказал, что все эти вопросы решать непросто, их содержание им будет доложено

советскому руководству. При этом отметил, что, по его мнению, сформировать еще две дивизии в течение года очень сложно, на это потребуется не менее двух лет. Количество египетских летчиков, обучаемых в СССР, можно будет несколько увеличить, гусеничных машин у нас самих мало. Командирование летчиков-добровольцев считает нецелесообразным, а направление авиационных частей — это уже переходит в область большой политики. Что касается лицензии, то надо ориентироваться не на старое, а современное оружие. Последнее было воспринято египетской стороной одобрительно. Египетская сторона передала свои заявки и просьбы в письменном виде.

На следующий день с утра маршал Гречко поехал в зону Суэцкого канала. Его сопровождали начальник генерального штаба генерал-лейтенант М. Риад, генерал П.Н. Лашенко и я. По новой, уже известной дороге через пустыню мы направились к Суэцкому каналу. При подъезде к Исмаилии А.А. Гречко побывал в одной из пехотных бригад, находившейся во втором эшелоне дивизии и занимавшей оборону на третьей позиции. Бригада находилась на своем участке обороны, личный состав расчищал траншеи и окопы от засыпавшего их песка.

Маршал поинтересовался задачей бригады, ее составом, осмотрел один из районов обороны, расположение огневых средств. Он попросил подать сигнал о выдвижении одного из подразделений на рубеж контратаки. По сигналу, после небольшой заминки, начали выдвижение три танка, а за ними медленно двинулись несколько групп пехоты численностью по 20—30 человек. Маршал сказал, что личный состав по сигналу должен действовать более энергично и стремительно выдвигаться на рубеж и наносить контратаку.

Затем, через Исмаилию вдоль западного берега канала, мы направились в Порт-Саид. По пути маршал осмотрел один из районов обороны на западном берегу канала. На противоположном берегу канала возвышалась высокая насыпь, сделанная из раильтянами.

Маршал Гречко сказал: «Противника вы не видите, а он просматривает всю ближайшую глубину вашей обороны».

Как обычно, некоторые египетские солдаты здесь же, в окопах, на позициях, готовили себе пищу в котелках и кастрюлях. Он поинтересовался, как питается личный состав, и попросил одного из солдат показать ему «паек», он состоял из хлебной лепешки и лука.

Глядя на канал, спросил у меня, какая здесь ширина и глубина канала. Ответил — 200 метров, глубина до 12 метров. Наш Днепр, который вы недавно с Бисяриным обороняли, водная преграда, особенно севернее Киева, сказал он, намного сложнее, чем канал.

В Порт-Саиде маршал Гречко заслушал командиров пехотной и артиллерийской бригад об организации обороны. Неясен остался вопрос о действиях сил флота и его задачах при поддержке обороняющихся войск. На него не смогли четко ответить командующий флотом и старший советник вице-адмирал Б.В.Сутягин.

Вечером в Каире состоялась встреча министра обороны маршала Гречко с президентом Насером.

На следующий день Насер дал обед в своей резиденции. На обеде присутствовали вице-президенты А. Сабри, А. Садат, министр иностранных дел М. Риад, главнокомандующий вооруженных сил М. Фавзи и начальник генштаба М. Риад. С советской стороны были: маршал А.А. Гречко, А.А. Громыко, совпосол С.А. Виноградов, главный советник генерал П.Н. Лашенко, старший советник Генштаба И.С. Катышкин и я.

Мы все прибыли на одной машине, за 10 минут до установленного времени, нас встретили и проводили в дом, в небольшую комнату.

Резиденция президента была расположена почти на окраине Каира. Одна из улиц, ведущая в центр города, проходила рядом. Двухэтажное здание, где президент жил, работал и принимал важных иностранных гостей, разместилось в тупике переулка. По обе стороны этого здания и в тылу, на большой территории, находились казармы, парки и другие помещения, в которых размещались пехотные и танковые подразделения, предназначенные для охраны и обороны резиденции президента. Напротив, через улицу, размещалась полиция, непосредственно охранявшая пре-

зидента. Такой выбор места размещения, организация охраны и обороны в арабской стране были нелишними.

Мне, конечно, хотелось присутствовать на обеде с нашими министрами и еще раз увидеть президента Насера в другой, домашней обстановке.

Насер был одним из ведущих лидеров арабских государств, хорошо известен во всем мире, неоднократно посещал Советский Союз, ему устраивали достойные приемы и высоко ценили как государственного деятеля. Как только он возглавил египетское государство, отношения с Советским Союзом нормализовались, стали дружественными и непрерывно развивались в политическом, экономическом и военном направлениях.

О личных качествах Насера распространялись различные слухи.

В доме Насера все было скромным и уютным. Мебель была простой и в небольшом количестве: маленький стол, диван и не более полдюжины кресел, расположенные у одной стены. На противоположной стене висела картина, на которой были изображены двое молодых людей. У этой стены на специальном стенде были расставлены фотографии лидеров различных государств, которые в разное время бывали в этой комнате и беседовали с президентом. Здесь были фотографии Неру, И. Ганди, Тито, Чжоуэньлая и других, фотографий наших руководителей там не было.

Через несколько минут прибыли маршал А.А. Гречко, А.А. Громыко, вице-президенты ОАР и египетское командование. Почти сразу, без предупреждения появился президент Насер. Внимание всех присутствующих было приковано к нему.

Внимательно рассмотрел Насера: он был высокого роста, внешне подтянут, сохранил строгие офицерские движения, был одет в темно-серый костюм, волосы на висках покрыла седина, вид усталый, лицо желтовато-серое, глаза быстрые и пронизательные, улыбка приятная и непринужденная.

После того как Насер со всеми поздоровался, нас пригласили в соседнюю большую комнату, где был накрыт стол.

Когда вошли в эту комнату, один из распорядителей убрал карточку вице-президента Захария Мохиеддина и вместо нее рядом с Насером перенес с края стола и положил мою карточку.

На обеде я сидел рядом с президентом. Напротив сидели Гречко и Громыко.

В начале обеда президент Насер поблагодарил наших министров за визит, отметил, что он, несмотря на то что был кратковременный, был очень насыщенным и плодотворным. Никаких тостов за обедом не было, но временами шла беседа. На обеде Насер держал себя просто и непринужденно, не старался задавать тон и вести беседу.

Мне представилась возможность рассмотреть присутствующего Анвера Садата с его ласково-притворной улыбкой, все время пытавшегося обратить на себя внимание. Запомнилось его высказывание, что в Египте надо быстрее строить народный социализм, Али Сабри сидел безучастный, а министр иностранных дел Махмуд Риад что-то сердито говорил об Израиле, и при этом менялось даже его лицо. Главком Мухамед Фавзи, как всегда, улыбался.

В ходе обеда Насер был внимателен к гостям, поддерживал дружескую беседу и почти ничего не пил и не ел. Меня угощал изысканными блюдами египетской и европейской кухни. Спрашивал, как переносу африканский климат и какие взаимоотношения установились с египетскими генералами.

В конце обеда произошел небольшой курьезный случай. На десерт подали массу различных фруктов. Взял себе крупное, красивое яблоко, разрезал его, внутри яблоко оказалось гнилым, и отложил его в сторону. Насер это увидел и сказал, что в Египте яблоки не растут, их привозят из Ливана или Америки. В соответствии со своими убеждениями того периода я ответил, что, вероятно, это американское яблоко. Он улыбнулся, и все рассмеялись. Слуги немедленно заменили вазу с фруктами. Насер предложил мне взять яблоко и ананас. А.А. Гречко мне говорит: «Скорее кушай свои яблоки и ананасы, ты задерживаешь президента и всех нас». Насер, чтобы меня не торопили, тоже попросил себе фрукты, стал есть ананасы. Поблагодарил Насера за заботу и офицерскую вырубку.

Обращаясь к А.А. Гречко, я сказал: «Товарищ министр, в Москве никто не поверит, что на обеде у президента я сидел рядом с ним, а вы с министром иностранных дел подальше, президент

меня все время угощал, мы с ними ели ананасы, а вы с Андреем Андреевичем Громыко нас терпеливо ждали». А.А. Гречко миролюбиво ответил: «Ладно, ссылайся на нас, мы с А.А. Громыко это подтвердим». После обеда президент Насер с нами тепло попрощался. Так окончился запомнившийся мне надолго прием у президента.

На следующий день маршал Гречко убыл в Москву. Его провожали те же лица, что и встречали, а также дочь Татьяна с мужем А.И. Кириченко.

Церемония проводов была пышной, на летном поле был выстроен почетный караул, гремел оркестр.

После визита министра обороны СССР советские военные советники продолжали свою повседневную работу. По нашей просьбе было принято решение о небольшом увеличении штаба Главного советника и улучшении его обеспечения.

Египетские генералы сразу стали спрашивать, как решаются в Москве их просьбы, особенно об увеличении поставок оружия и боевой техники, и распространять слухи о значительном увеличении поставок. Вскоре из Москвы пришло сообщение о том, что советское правительство приняло решение поставить вооружение на две дивизии в течение 1968—1969 годов, то есть каждый год будет поставляться оружие на одну дивизию. Кроме того, было обещано поставить сто боевых самолетов. Вся техника предназначалась к поставке за счет аннулирования прежних соглашений о поставке военных кораблей на сумму 130 миллионов, то есть никаких крупных новых поставок вооружения не предусматривалось.

Египетские офицеры. Подготовка армейских штабов

В армиях всех государств сложились свои национальные традиции и обычаи, влияющие на боевые качества личного состава и их моральное состояние, вытекающие из особенностей народа и его истории. В каждой армии офицеры гордятся своим званием, той армией, в которой служат, ее традициями. Офицеры

египетской армии имеют особенности, у многих из них самолюбие и ложная гордость доведены до абсурда.

Многие египетские офицеры всегда находят «оправдание» своих промахов и недочетов в работе и выискивают всякого рода причины для их оправдания.

На одной из стрельб танкистов по движущимся целям наводчик вместо цели поразил танк-буксировщик, в результате погиб экипаж. Когда об этом доложили главкому, генерал М. Фавзи возмутился и спросил рядом сидящего генерала С. Мохсена: «Как это могло случиться?» Он ответил, что «на стрельбах присутствовал советский эксперт, который требовал стрелять в любых условиях», и больше ничего не сказал.

Однажды на тактическом учении пехотная бригада атаковала передний край обороны противника и, продвинувшись на километр, повернула влево, а затем — в обратном направлении. Это произошло днем на открытой местности. Советник генерал Н. Стрекалов обратил на это внимание командующего округом генерала Мозгара. Тот ответил, что это произошло из-за того, что у египетских офицеров советские компасы. Советник проверил и возразил, что у них английские компасы. Тогда он ответил: «Не могу понять, почему они в дневное время с английскими компасами могли заблудиться».

Египетские офицеры слабо подготовлены. Многие склонны к упрощенчеству при проведении занятий по боевой подготовке, они признают только один метод обучения — рассказ, к занятиям не готовятся. Среди офицеров сильна круговая порука, трудно среди них найти виновного. Если по вине офицера будут выведены из строя танк, орудие, самолет и даже боевой корабль с гибелью людей — это стараются скрыть и, как правило, никто не будет наказан. Такой случай произошел с офицером, по вине которого был выведен из строя эсминец в Красном море, корабль требовал ремонта, но об этом не доложили военному министру и главкому, и виновный даже не получил дисциплинарного наказания.

Некоторые египетские генералы и офицеры высокомерно и пренебрежительно относились к нашим военным специалистам, многие годы работавшим в вооруженных силах ОАР. Возможности наших специалистов использовались не полностью, иногда им

поручали разрабатывать документы, среди книг и бумаг прошлых лет они находили такие же документы.

Многие предложения специалистов не внедрялись, их не допускали в войска и скрывали подготовку к войне.

Синайская катастрофа поубавила зазнайство и кичливость ряда офицеров, они стали ценить трудолюбие и помощь, улучшилось их отношение к специалистам. Вместе с тем часто сквозило и прежде, недоброжелательное отношение.

Многие советские военные советники с первых дней установили деловые, дружеские отношения с египетскими генералами и офицерами, быстро вошли в курс дела, оказывали практическую помощь в повышении боеготовности войск, улучшении их боевой подготовки и укреплении обороны в соединениях и частях, а также в освоении оружия и боевой техники. Вместе с тем имели место случаи недоброжелательного отношения к советникам и недостаточных контактов в работе.

Командир 2-й пехотной дивизии накануне приезда советников в дивизию умышленно убыл со своего командного пункта. Старший советник при армии генерал Гусев вынужден был возвратиться совместно с советниками и доложить об этом командующему армией генералу А. Исмаилу. Он приказал генералу Тауфику прибыть и встретить советников.

Командующий 3-й армией генерал Хассан жаловался, что его советник генерал Лядов груб, вызывает к себе египетских офицеров, им недовольны начальник штаба, начальник оперативного отдела и некоторые командиры дивизий.

Командующий флотом контр-адмирал Зифри сообщил, что старший советник вице-адмирал Сутягин без его разрешения посещает корабли, беседует с офицерами флота. По каждому случаю главный советник давал советникам указания по улучшению отношений с египетскими генералами и офицерами и просил египетское командование принять аналогичные меры.

Командующий ВВС генерал Хосни Хеннави всегда соглашался со старшим советником генералом С.Д. Гореловым о наличии серьезных недочетов в ВВС и невысокой подготовке египетских летчиков, о которых сообщали советники, и просил написать ему доклад для выступления на совещании. Однако чтобы не портить

отношений со своими офицерами, в начале совещания он говорил, что все они работают хорошо, имеются отдельные недочеты. Затем просил одного из египетских офицеров прочесть, что пишут советники. Таким образом, он критиковал за недочеты устами советников и вызывал тем самым определенное недовольство ими. Подобные случаи были не единичны.

Некоторые египетские генералы и офицеры иногда преследовали корыстные цели. В частности, начальник артиллерии генерал-лейтенант Рымали, которого многие почему-то называли маршалом, всегда был против проведения артиллерийских перестрелок и требовал усилить противовоздушную оборону войск в зоне Суэцкого канала и Александрии. Его заместитель объяснил, что Рымали боится ответных ударов израильской авиации по Александрии, где у него несколько домов.

Многие египетские командиры научились искусно аргументировать невыполнение приказов, находили массу причин, чтобы оправдать свою бездеятельность, не осуществляли контроль за выполнением приказов и распоряжений. Поэтому работа наших советников зачастую была малоэффективной.

Старший советник инженерно-авиационной службы ВВС генерал-майор В.З. Скубилин рассказывал, что когда он обратился к главному инженеру египетских ВВС бригадиру С. Рахиму с повторной просьбой — выполнить рекомендации по улучшению деятельности инженерной службы, тот ответил: «Вы не имеете права говорить нам о недостатках, так как этим унижаете наше национальное достоинство, так с нами обращались англичане».

В связи с имевшимися случаями плохих взаимоотношений советников с египетскими генералами и офицерами главный советник генерал П.Н. Лащенко в мае 1968 года, докладывая президенту Насеру о выполнении задач, рассказал о недочетах во взаимоотношениях египетских генералов и офицеров с советниками. В частности, он сообщил, что командующий флотом контр-адмирал Фуад Зикри ограничивает контакты советников с египетскими офицерами и обвиняет советников, что они стремятся выполнить все задачи быстро, а египтяне к таким темпам не подготовлены. Сообщил, что главный инженер египетских

ВВС, когда наш советник напомнил ему о недочетах и просил ускорить выполнение рекомендаций по улучшению работы инженерной службы, посчитал, что это является унижением национального достоинства. Генерал Лашенко привел примеры плохого отношения по обеспечению советников. В частности, что командир одной из авиационных баз запрещает советникам посещать столовую части, а также не выделяет автомобиля для поездки в город и другие. Он также сказал, что в ходе совместной работы некоторые наши советники иногда забывают о необходимости постоянно считаться с настроениями египтян, их болезненной чувствительностью к замечаниям и рекомендациям.

Президент обещал принять необходимые меры для улучшения контактов египетских генералов и офицеров с советниками.

Вскоре генерал Фавзи организовал совместный ужин египетских генералов, офицеров и советников в военно-стрелковом клубе, где они с Главным советником обменялись подходящими по этому случаю тостами, а присутствующим египетским генералам, офицерам и советникам представилась возможность поделиться и обсудить проблемы со своими коллегами.

Однако по-прежнему иногда имели место неприятные случаи.

* * *

В вооруженных силах ОАР была одна полевая армия, в состав которой входили все войска, обороняющиеся в зоне Суэцкого канала. На фронте протяженностью 150 км, они действовали на двух разобращенных операционных направлениях — Суэцком и Приморском, что усложняло управление, и, как показали Синайские события, не обеспечивали управление войсками.

Мы рекомендовали создать еще одно, второе управление левой армии. Начальник оперативного управления Талат и начальник генштаба Риад вместо второго армейского управления предлагали создать фронтовое управление. Зная мнение Главного советника и исходя из здравого смысла, я отвергал это предложение, направленное на то, чтобы освободить генштаб от непосредственной ответственности за ведение боевых действий, забрать

в Каир большое количество лучших офицеров при их некомплекте в войсках.

Как только было сформировано управление 3-й полевой армии и назначен командующий генерал-майор Хассан (бывший командир дивизии в период Синайских событий, считавшийся наиболее подготовленным и подходящим на эту должность), мы направились в эту армию. Главный советник хотел познакомиться с командующим и оказать помощь в слаживании армии и организации управлений войсками. Генерал Хассан доложил главному советнику обстановку, состав, задачи и состояние войск армии, оборонявшейся на Суэцком направлении. Затем состоялась продолжительная беседа с командующим армией. Генерал Лашенко давал ему советы, как быстрее провести слаживание армии и обеспечить надежное управление войсками. После беседы выехали в войска на один из участков, наиболее доступных для форсирования. Генерал Лашенко спросил у командующего, как будет уничтожаться противник, прорвавшийся на этом направлении. Генерал Хассан не мог дать четкого ответа. Главный советник подробно рассказал, как организовать уничтожение прорвавшегося противника, но командарм трудно это воспринимал. В заключение разговора генерал Лашенко спросил у командарма, уверен ли он в непреодолимости обороны. Хассан попросил посоветовать главному, чтобы ему дали еще одну дивизию и артиллерию. Ему были приведены расчеты, что перед фронтом армии израильтяне имеют одну-две пехотные бригады. В составе его армии имеется десять бригад, из них три танковые, около 600 танков, 1500 орудий, имеется подготовленная глубокоэшелонированная оборона, и армия способна отразить наступление как минимум такого же количества войск противника. Он с этим согласился, но своей просьбы не снял.

В связи с тем что советников в армии в то время по штату не было, генерал Лашенко принял решение назначать в армии советников управления Центрального военного округа во главе с генералом Лядовым.

Затем с командующим мы приехали в Порт-Тауфик. Город был пуст, рядом у мола, в 200 метрах, развевался израильский

флаг. Хотя израильский гарнизон был численностью до взвода, его легко было уничтожить и сбросить этот флаг.

Посетив 6-ю и 7-ю пехотные дивизии, мы вернулись на ночлег в Суэц, а с утра направились в 4-ю танковую дивизию, которой командовал бригадир Абдель Монеим Мухаммед, он рассказал о боевой подготовке и состоянии техники. Как и многие египетские офицеры, он смутно представлял роль и задачи дивизии в обороне и освобождении Синая, в возможность проведения такой операции не верил. Во время этого разговора послышались отдаленные артиллерийские выстрелы. «В чем дело, стреляет артбригада дивизии на Суэце?» Через несколько минут сообщили, что в зоне канала началась артперестрелка с израильскими войсками. Мы возвратились в штаб, чтобы разобраться с обстановкой.

* * *

В соответствии с планом оперативной подготовки должны были проводиться армейские командно-штабные учения под руководством главкома генерал-полковника М. Фавзи.

Мы разработали замысел и план этого первого крупного оперативного учения со 2-й полевой армией, доложили его Риаду, он их одобрил и попросил главкома принять нас, чтобы рассмотреть и утвердить замысел и план этого учения.

Генерал Мохамед Фавзи встретил Главного советника и нас приветливо, внимательно выслушал мой доклад и сказал, что это почти замысел операции по освобождению Синая. Я подтвердил это, сказав, что в основу положен замысел такой операции, но здесь отражены детально действия только одной армии, а остальных войск, а также авиации и флота — показаны схематично.

Когда докладывал эпизод, в котором израильские войска за перевалом Митла, несмотря на превосходство египетских войск, на одном из участков задержали их продвижение, нанесли контрудар и переправили отряд через Горькое озеро на западный берег, Риад сказал, что этот эпизод не совсем реальный, у египетских войск имеется значительное превосходство в силах, они должны наступать, а противник отходить. Напомнил ему, что в период Синайской войны противник, не имея общего превосходства, за счет

массированного применения авиации и умелого маневра войск достиг успеха. Генерал Лашенко и М. Фавзи меня поддержали.

Затем генерал Фавзи рассказал о Синайских событиях. Учитывая, что он был начальником генштаба, его высказывания представляют определенный интерес. По его словам, египетскому военному командованию еще 13 мая было известно, что израильские войска начинают сосредоточиваться у границ ОАР. Вооруженные силы ОАР были подняты по боевой тревоге и приведены в боевую готовность. Был закрыт Акабский залив, египетская армия была выдвинута и развернута на Синайском полуострове вблизи границ Израиля. Напряженность обстановки достигла предела.

В это время советский и американский послы обратились к правительству ОАР, чтобы оно не начинало боевых действий против Израиля, что и было выполнено. Израиль, воспользовавшись этим, 5 июня 1967 года нанес внезапный удар по египетским вооруженным силам и захватил инициативу в свои руки.

В результате первых ударов противнику удалось уничтожить египетскую авиацию на аэродромах, сухопутные войска на Синае остались без прикрытия с воздуха. В этой обстановке командование вооруженных сил приняло решение отводить войска на западный берег Суэцкого канала. Главнокомандующий вооруженными силами Амер требовал отвести войска в течение суток, что было практически невозможно, поэтому они потеряли 80 процентов вооружения и боевой техники. Поспешный и неправильно организованный отвод войск превратился в паническое бегство, что привело к потере армии.

Израильская авиация и сейчас, сказал Фавзи, является основной ударной силой израильской армии. На нашем театре роль авиации огромна, и борьба с ней имеет важное значение для успеха боевых действий. В настоящее время египетские ВВС и ПВО неспособны вести эффективную борьбу с авиацией Израиля. «Для успешного нанесения ответного удара нашей авиации необходимо до 300 летчиков-добровольцев — асов из социалистических стран», — говорил Фавзи. Главный советник генерал-полковник Лашенко сказал, что вряд ли социалистические страны пойдут на это. Надо рассмотреть возможность направления большего

количества египетских летчиков для подготовки в Советском Союзе.

После этого генерал Фавзи одобрил замысел учения, поручил его проведение начальнику генерального штаба генералу Риаду, попросил генерала Лашенко и меня принять в нем участие и помочь в проведении учения.

С целью повышения оперативной подготовки генералов и офицеров армий и действий в наступлении в соответствии с замыслом командно-штабные учения со 2-й и 3-й полевыми армиями были проведены по теме: «Наступление полевой армии с форсированием водной преграды, захват плацдарма, отражение контратак и контрударов и развитие наступления».

Учение со 2-й полевой армией начальник генштаба генерал М. Риад начал с заслушивания предложений командования армии о проведении предстоящей операции.

Организация наступления с форсированием была сложным делом, а для египетских офицеров — вдвойне, так как эти вопросы они ранее не изучали и ими никогда не занимались.

Участники учений никак не могли от общих рассуждений перейти к практическим делам. Некоторые доклады носили пространный и подчас отвлеченный характер.

Мы разъяснили все это генералу Риаду, и по нашему совету он дал командующему и штабу армии ряд вопросов, которые надлежало решить, и просил их продумать и доложить на следующем заслушивании.

Начальники оперативного и инженерного отделов разработали график и таблицу переправы войск через Суэцкий канал. Мы с начальником штаба армии генералом Гамаси их проверили. Оказалось, что они составлены без учета возможностей переправочных средств, и надо было их переделать. Не были решены вопросы преодоления бетонной стены канала и возвышающейся за ней насыпи. Многие египетские генералы и офицеры не понимали характера современных боевых действий и все сводили к подсчетам соотношения сил.

На учении произошел эпизод, подобный происшедшему при рассмотрении замысла этого учения у генерала Фавзи. На одном из участков египтяне имели двойное превосходство, но противник

нанес удар во фланг, вышел в тыл и создал угрозу окружения превосходящей по численности группировки. Генерал А. Исмаил и особенно генерал М. Гамаси с этим никак не хотели согласиться и считали, что противник должен отходить, а не наступать, так как у египтян здесь больше сил. Мы им приводили примеры из опыта недавних сражений на Синае, говорили, что эта вводная была разработана на основе аналогичных действий израильтян в июне 1967 года. Они долго не соглашались. Следовательно, «арифметическая стратегия» была общим явлением для египетских генералов и офицеров.

В ходе операции сбор данных обстановки осуществлялся медленно и только по телефону. Радиосвязь штаб армии не использовал из-за неподготовленности радистов и офицеров-операторов, а также боязни применять радиосредства.

На учении египетские генералы и офицеры охотно работали днем, но как только наступала ночь, работоспособность их снижалась и все старались уйти отдыхать.

До начала учения генерал Лашенко мне сказал, что если смогу заставить штаб армии работать ночью и переместить командный пункт в новый район, то он представит меня к награде.

Несмотря на продуманные вводные требования обстановки, ночью работала только дежурная смена, остальные отдыхали. Штаб армии в новый район так и не переместился, мотивируя это отсутствием средств связи для развертывания командного пункта в новом районе, а также необходимостью поддержания управления с обороняющимися войсками. Так что к награде меня представлять не потребовалось.

Эти учения больше напоминали военную игру на картах, так как войска (части) на них не привлекались, работа на местности командующим не проводилась, штабы в новые районы не перемещались и радиосвязь для обеспечения управления не использовалась. Однако, несмотря на недочеты, проведенное учение дало возможность командующему и штабу армии представить объем работы и получить первоначальные навыки по организации и ведению наступательной операции.

Учение с 3-й полевой армией проводилось впервые. Командующий армией генерал Хассан присутствовал на учении со

2-й армией, набирался опыта, делал пометки, прислушивался к нашим замечаниям. Когда дело касалось критики решений и работы штаба армии, он высказывал в целом правильные суждения. С началом учения сразу же было видно, что командующий и штаб 3-й армии слабо подготовлены.

В ходе учения часто делались отступления, чтобы выяснить тот или иной вопрос. Когда командарм принимал решение на операцию, около часа времени было затрачено, чтобы разобраться, как прикрепляются поплавки к танкам для переправы через канал.

Командующий и штаб организовать и подготовить наступательную операцию не смогли. Пришлось их учить и давать советы по элементарным вопросам. После перемещения штаб долго не мог организовать связь и обеспечить управление.

Генералы Нофель и Грыдли возглавляли штаб руководства, в ходе учения постоянно спрашивали: какие новые вводные вы придумали, когда их будем вручать?

К концу учения, как обычно, генералу Риаду был дан наш материал для разбора. Обмен впечатлениями о подготовке и работе участников учения мы проводили ежедневно, так как все время находились вместе и размещались в одной гостинице в Суэце.

На разборе учений мы не присутствовали, чтобы не сковывать и не смущать руководителя и участников учений.

После прочтения нашего материала разбор Риад пригласил меня уточнить некоторые вопросы и затем сказал: «Если мы проведем наступательную операцию и освободим Синай, то мы свою миссию выполним. Буду просить президента, чтобы вам дали виллу на Средиземном море, в красивом месте, уйду в отставку и будем жить рядом...» Не сбылось...

Политический путь решения проблемы всегда предпочтительней любой войны, так что виллы не жалко. Жаль, что Риад не дожил до отставки, мы с ним не можем встретиться, поговорить, вспоминая минувшие дни...

На армейские учения впервые вместе с советниками стали выезжать начальники центральных управлений, здесь они также учились. Начальник оперативного управления генерал Талат, ссылаясь на занятость, участия в проведении учений не принимал.

Вскоре генерал-майор Исмаил сменил Талата на посту начальника главного оперативного управления.

Для изучения опыта работы советников в ОАР прибыла группа офицеров из нашего Генерального штаба во главе с генерал-майором С.Г. Кривоплясовым, одним из тех, кто из Москвы мотал нам нервы, как только здесь начиналась артиллерийская перестрелка. О ней сразу же доносил военный атташе полковник Фурсов, даже не проверив данных. Иногда он сообщал, что на канале появились плавающие танки израильтян, а это плыл обычный резиновый спасательный плот.

Из Москвы шли запросы — немедленно донести для доклада начальнику Генштаба обстановку: где, сколько орудий стреляет, сколько выпущено снарядов и какие потери египетских войск и израильтян (?)...

Прибыв в Каир, С.Ф. Кривоплясов хотел вызвать и здесь заслушать старших советников, но генерал-полковник Лашенко порекомендовал ему поехать в зону канала и там ознакомиться с работой и бытом советников. В зоне канала ознакомились с деятельностью наших советников в Исмаилии и Суэце. Для проверки работы связи он пытался переговорить с нашим штабом по армейским каналам связи, но ему с трудом это удалось. Хотел использовать для переговоров радиостанции, но в соответствии с соглашением наши советники их не имели (как и легковых автомобилей).

«Ссылаясь на указания своих начальников, московский представитель попросил разрешения побывать в Асуане. Их якобы интересовала организация обороны плотины, а в действительности это была обычная туристическая поездка. Маршрут самолета проходил над долиной реки Нил, в иллюминаторе была видна сравнительно неширокая полоса обрабатываемой земли по обе стороны реки, а дальше везде была пустыня.

Подлетая к Асуану, самолет сделал круг над плотинной, и можно было видеть всю грандиозную стройку, а в 4—5 км ниже по течению была видна старая небольшая плотина, построенная в начале века.

Высотная плотина настолько огромна, что, даже находясь над ней, сразу это не замечаешь. Объем тела плотины равен объему

16 пирамид Хеопса, ее протяженность 3800 метров, ширина около 1000 метров по основанию и 40 метров по гребню.

Асуанская плотина — гигантское сооружение, во много раз превосходящее все пирамиды, — служила делу использования природы для лучшей жизни миллионов людей. Сооружение этой крупнейшей плотины, имеющей большое значение для Египта, вызывало гордость за нашу страну. Плотина была построена советскими специалистами совместно с египетскими специалистами и рабочими, на ее строительстве использовались техника и механизмы советского производства, все до последнего болта доставлялось из СССР.

Плотина имела важное военное значение. В случае разрушения плотины огромные запасы воды устремятся по течению реки Нил и затопят все обитаемые районы на протяжении 1000 км от Асуана до Каира. Плотина могла быть разрушена с воздуха авиабомбами крупного калибра и со стороны водохранилища морскими минами и торпедами. Отсюда нетрудно понять необходимость ее надежной обороны с воздуха и с моря. Специальная комиссия изучила состояние обороны плотины и внесла предложение по усилению противовоздушной обороны за счет увеличения количества средств ПВО, а также установки морских сетей перед плотинной для защиты от торпед и мин. Все эти предложения были реализованы, и об этом мы уже донесли в наш Генштаб.

Побеседовав с нашими советниками, заслушав их предложения, мы возвратились в Каир.

Летом 1968 года в ОАР по просьбе египетского командования в соответствии с подписанным соглашением прибыла большая группа, около 400 человек, советников при командирах батальонов, дивизионов и эскадрилий.

По прибытии с ними были проведены 3—4-дневные сборы при штабе Главного военного советника по специально разработанной программе, предусматривающей общие указания, занятия по методике работы советников, изучение требований Инструкции и директивы главкома по боевой подготовке. Перед ними выступали советники командиров дивизий и бригад, а перед прибывающими в последующем группами выступали уже ранее прибывшие

советники при командирах подразделений. Часть занятий с советниками пехотных, танковых, артиллерийских и авиационных подразделений проводилась отдельно по группам под руководством соответствующих старших советников.

Прибывшие советники, прежде чем приступить к практической работе, должны были изучить штаты египетских частей и подразделений, программы их боевой подготовки, курсы стрельб и вождения, а работающие в зоне Суэцкого канала — особенности обороны и другие вопросы.

Надо отметить, что в короткие сроки большинство прибывших советников изучили положение дел в частях и подразделениях и знали его не хуже египетских офицеров.

Командир 3-й пехотной дивизии бригадир Халиль докладывал, что «за три недели русские советники разобрались лучше с организацией обороны, чем мы, создавая ее полгода. Пока строили ее без учета свойств местности, наличных сил и возможных действий противника».

Важную роль в восстановлении боеспособности египетских армий сыграли старшие советники видов вооруженных сил, и родов войск и армий генералы С.Д. Горелов, Б.В. Сутягин, В.С. Голубев, В.Г. Чистяков, В.В. Дикий, Б.А. Гусев, В.А. Лядов. Советники в дивизиях, частях и подразделениях, особенно офицеры Афанасьев, Безнощенко, Коляда, П. Баженов, В. Рябухин, Г. Карпов, С. Лаушкин, Рыжков, Л. Щукин и многие другие, вынесшие основную тяжесть работы и длительное пребывание в пустыне, а также наши военные переводчики. Вспоминается наша дружная совместная работа с заместителями Главного военного советника генералами И.П. Горанским и Н.Д. Ходаном.

С Главным военным советником мне было работать легко и приятно. Мы много лет знали друг друга, он мне во всем доверял и делился своими мыслями и планами. В период пребывания в Египте мы все время, в течение года, находились вместе — на службе, жили в одной вилле, ежедневно обедали в ресторане (столовой), иногда вместе ужинали, изредка, когда позволяли обстоятельства, прогуливались по ночному Каиру. Много беседовали на разные темы, вспоминали Великую Отечественную войну, а также нашу совместную послевоенную службу.

Петр Николаевич много знал и интересно рассказывал, как правило, всегда доброжелательно отзывался о людях, с кем ему довелось служить, и о своих начальниках. Он давал краткие, образные и меткие характеристики. Мы с ним — земляки, из Черниговской области. Он родился в селе Турья Щорсовского района, я родился, жил и учился в городе Нежине. За границей испытываешь особую тоску по Родине, ностальгию по прошлому. Особенно тепло вспоминали наши родные края, людей, природу, обычаи, все это нас тоже объединяло.

Находясь в Египте, вдали от Родины, чувствуешь оторванность от родных краев, испытываешь тоску.

Становилось легче и приятнее, когда прилетали наши транспортные самолеты и прибывали офицеры из Москвы, Большой земли. Согревало, что вблизи бороздят воды Средиземного моря боевые корабли нашей эскадры, направленной в этот район для обеспечения государственных интересов Советского Союза. Они нередко заходили в Александрию и Порт-Саид.

Наши корабли иногда посещали по приглашению некоторые высшие политические и военные руководители Египта.

Командиры Средиземноморской эскадры вице-адмирал Б.Ф. Петров и сменивший его В.И. Леоненко изредка наведывались в Каир для решения некоторых вопросов с совпослом и Главным военным советником. Они неизменно привозили нам редкие в здешних местах сувениры — черный хлеб и банку сельдей, что всегда нам напоминало родные края. Мы, в свою очередь, передавали им 100—200 лимонов в красиво оформленной коробке и обернутых в разноцветную бумагу.

Наши военные советники при ВМФ находились в Александрии, ими руководил вице-адмирал Б.Ф. Сутягин. Работали и жили они автономно. Главный военный советник и его штаб в их деятельность не вмешивались. Мы просили представлять в штаб проекты их рекомендаций по важным проблемам и краткий отчет о состоянии флота и работе советников.

Советники флота привлекались на общий сбор, занятия по оперативной подготовке, получение указаний Главного советника и приглашались на приемы в наше посольство. Советники при флоте были несколько аполитичными, страдали амбициозностью,

стремились учинять инспекции на египетских кораблях и не всегда следили за военно-политической обстановкой в ОАР и не знали об антиправительственных выступлениях в Александрии.

Главный военный советник вынужден был обращать внимание старшего советника ВМФ на эти недочеты. В целом они сделали немало полезного для повышения подготовки и боеготовности флота. Однако египетский флот по-прежнему действовал робко, опасаясь ответных ударов авиации израильтян.

* * *

Успешная работа в стране пребывания, в том числе и военных советников, во многом зависит от деловых контактов с послом и сотрудниками посольства, ведущими в стране разностороннюю и большую деятельность.

Деловые контакты позволяют советникам лучше ориентироваться во внутривнутриполитической обстановке в стране и внешнеполитических вопросах, а послу и его сотрудникам — знать проблемы, возникающие перед советниками, и способствовать их решению.

Советский посол в Египте Сергей Александрович Виноградов, опытный дипломат, многие годы был нашим послом в Турции и во Франции. Он был эрудированным, общительным человеком, замечательным собеседником, просвещал меня о политическом барометре на Ближнем Востоке и в Европе.

Сергей Александрович Виноградов стремился быть в курсе задач, решаемых советниками, часто присутствовал на докладах Главного советника президенту Насеру, оказывал содействие в решении вопросов, которые ставил генерал Лашенко.

Он выступал на совещаниях и собраниях советников, информировал об обстановке в стране и решении политических вопросов.

Двери посольства, столовой и кинотеатра всегда были для нас открыты.

В посольстве устраивались приемы и встречи, на которых присутствовали старшие советники и египетские генералы и офицеры, на них проходил обмен мнениями по улучшению совместной работы.

С советниками посольства В.П. Поляковым, Е.М. Примаковым, В.И. Недосекиным и другими мне приходилось часто встречаться по службе, мы всегда находили деловой контакт и обменивались имеющимися сведениями и мнениями об обстановке на Ближнем Востоке, о положении в ОАР и путях решения проблемы освобождения захваченных арабских территорий.

Военный атташе полковник В.И. Фурсов относился к нам не совсем доброжелательно, считая нас, по-видимому, виновниками, что его данные о египетской армии в Москве, с прибытием советников в ОАР, уже никого не интересовали.

По мере предоставления квартир в Каире стали прибывать жены советников, прибыли жены генералов И.С. Катышкина, С.Д. Горелова, В.В. Дикого и многих других.

Мы с П.Н. Лашенко оставались одни, его жене был противопоказан здешний климат, а моя вынуждена была находиться с детьми, которые учились в Москве.

Мы питались в египетском ресторане-столовой, так как в посольскую столовую, где бывали блюда европейской кухни, ездить было далеко и жарко, требовалось пересечь весь город и затратить почти час времени, что было утомительно, и не хотелось терять времени.

Арабскую пищу переносил тяжело, у меня начались боли желудка и потерял около 10 килограммов веса. Стал настаивать на приезде жены, мне также хотелось, чтобы она увидела Египет. Оставив младшего сына и свою престарелую мать на попечение старшего сына Юрия — студента института, жена накануне октябрьских праздников 1968 года, более или менее благополучно перенесла полет самолетом, прибыла в Каир.

Здесь все было для нее новым: город, жизнь, люди, климат, магазины. Мы проживали на хорошей вилле в Гелиополисе, вместе с П.Н. Лашенко и И.С. Катышкиным занимая второй этаж.

Нас сразу пригласили на прием в советское посольство. К этому времени я уже хорошо знал посла С.А. Виноградова и всех советников посольства.

Жена была красива, элегантна, обаятельна, воспитанна, ранее бывала со мной в зарубежных странах и легко вписалась в по-

сольское общество. Мы стали часто бывать в нашем посольстве в Замалеке, были в гостях у посла Сергея Александровича Виноградова, он бывал у нас дома, а с посланником-советником Владимиром Порфирьевичем Поляковым вместе посещали вечернее представление и ночной ресторан.

Большое впечатление на жену произвели пирамиды, сфинкс, базар Ханхалли, ювелирные магазины.

Мы с женой в дни празднования тысячелетия Египта посетили египетский театр и были очарованы ярким, красивым представлением «Свет и звук» в районе пирамид.

Нравилась нам редкие прогулки по ночному Каиру, когда становилось прохладнее. Несмотря на вечернее время, на улицах города всегда было многолюдно. Люди группами и в одиночку сидели на тротуарах и в скверах. Некоторые слушали транзисторы, другие громко разговаривали, третьи молились прямо на тротуаре. В это время продолжалась оживленная торговля в магазинах и прямо на улице, где все можно было купить.

На центральных улицах было много легковых автомобилей всех марок мира, автобусов и трамваев. Вместе с тем в городе для перевозки грузов и передвижения верхом использовались ослы, мулы, лошади и верблюды, на улицах можно было увидеть стада овец и коз. Многие автобусы, некоторые трамваи и автомобили были грязные, ободраны, побиты и переполнены. Правила уличного движения нарушались, хотя было много полиции, которая несла службу круглосуточно.

На центральных улицах были деревья и декоративные кусты, хотя и не такие роскошные, как в европейских городах, но ярко-зеленые в течение всего года.

Украшением города являются дворцы и мечети. На архитектуру зданий наложили свой отпечаток климатические условия, отсутствие зимы и дождей, сильная жара. Дома, особенно дворцы, ажурные, светлые, у них много окон, дверей и балконов. На окраинах города узкие голые улицы, трущобы, везде грязь, мусор и нет ни деревьев, ни кустарников.

Действительно, Египет — страна контрастов, где богатство сочетается с поразительной бедностью, даже в Каире широкие

нарядные центральные улицы с шикарными магазинами соседствуют с узкими, грязными улицами и убогими домами.

Египтяне, особенно феллахи-крестьяне, река Нил и пустыня, оставили неизгладимое впечатление. Запомнились некоторые люди: водители — преданный и честный Ахмет, набожный и забытый Абдель Азис, охранник Габор, контрразведчик Бардизи и другие.

Многие египетские генералы и офицеры, с кем довелось встретиться по службе, остались в памяти до сего времени. У нас на приеме, который организовали советники по случаю годовщины Советской Армии 23 февраля 1969 года, присутствовали многие египетские генералы и офицеры. Прием всем понравился, на нем хорошее впечатление на всех женщин произвел симпатичный и остроумный генерал М. Риад.

Нам удалось с женой побывать в Александрии, нас очаровала изумительная красота бухты и Средиземное море. Мы также были в Хелуане, на озере Фаюм, видели мираж, побывали в банановой роще.

Поразила жену здешняя торговля. В день ее рождения решил подарить серьги, которые накануне увидели на витрине небольшого ювелирного магазина. С женой и переводчиком пришли в этот магазин. Продавец-хозяин, как всегда вначале, заломил тройную цену. Знавший местные нравы переводчик Вадим Федяев стал бурно торговаться. Жена испугалась, отказываясь от покупки, просила быстрее уйти из этого магазина, но так как подобную картину видел и раньше, просил несколько минут подождать. Как и следовало ожидать, все обошлось благополучно, хозяин магазина резко сбавил цену, и мы купили серьги. После этого он нас долго не отпускал, угостил кофе и прохладительными напитками, стал показывать и предлагать различные красивые изделия по сносным ценам. В последующем в этом магазине и у известного Хиросани на Ханхалли мы купили две-три понравившиеся жене вещицы.

С прибытием жены состояние моего здоровья несколько улучшилось, домашнее питание и уход сделали свое дело, но требовалось делать хирургическую операцию.

Жену и меня тянуло на родину, домой, к детям.

Советский посол за расширение нашего военного присутствия

Посол С.А. Виноградов был сторонником расширения советского военного присутствия в ОАР и на Ближнем Востоке. В разговоре со мной, даже в гостях, он пытался найти аргументы о необходимости направления советских войск в Египет.

Разделяя мнение Главного военного советника по этому вопросу, я говорил послу, что направление советских войск в ОАР — это авантюра. У египтян и вообще у арабов войск больше чем достаточно, они имеют двойное превосходство в силах над Израилем, но не желают воевать. Хотят, чтобы мы за них воевали и освобождали Синай.

Говорил послу, что советские Вооруженные Силы не подготовлены к боевым действиям в ОАР и вообще на африканском театре военных действий. Наши войска здесь столкнутся с большими трудностями, для обеспечения их действий местных ресурсов недостаточно, а коммуникации и снабжение будут нарушены.

На стороне Израиля могут открыто выступить США и их союзники, и мы будем втянуты в войну на Ближнем Востоке. США и их союзники не допустят расширения нашего военного присутствия в данном районе и всеми способами — путем угроз, блокады и смены руководства — будут добиваться вывода наших войск из ОАР. Направление советских войск в ОАР и на Ближний Восток не отвечает нашим национальным интересам, никаких стратегических целей мы здесь не достигнем. Направление и содержание наших войск в ОАР будет дополнительным бременем для нашего народа.

Но посол С.А. Виноградов со мной не соглашался. Чувствовалось, что он преследует свою определенную цель — оставить след в истории. Он считал, что если в ОАР не будет наших войск, то мы упустим Египет и Ближний Восток и наше влияние в этом регионе снизится.

Мне кажется, что президент Насер и другие ставили вопрос о направлении советских авиационных частей и войск ПВО в ОАР не без влияния нашего посла. Некоторые наши политические высшие руководители и лица из этого руководства, посещающие

с визитами ОАР, исходя из имперских амбиций, высказывали мнение о необходимости посылки советских войск в Египет, зондировали почву о получении военных баз. Они говорили, что укрепление наших позиций на Ближнем Востоке создает новую ситуацию, Эфиопия, Судан и другие страны уже стали на путь социализма, и если мы укрепим свои позиции в ОАР, вытесним отсюда империалистов, то создадим крепкий оплот социализма в Африке. Н.В. Подгорный ставил вопрос о предоставлении СССР военно-морской базы в Александрии и других баз. Некоторые наши руководители, не понимая характера современной вооруженной борьбы и ее последствий, пытались втянуть нашу страну в авантюру, которая могла привести к пагубным последствиям.

В последующие годы советские войска ПВО были направлены в Египет, но они никакой роли не сыграли. Хорошо, что их не втянули в серьезные боевые действия и войну на Ближнем Востоке.

Мне вспоминалось, что в период венгерских событий в 1956 году прибывшие в Будапешт Микоян, Сулов тоже настойчиво требовали расширения советского военного присутствия и активного участия наших войск в боевых действиях в Венгрии, говорили о необходимости оказания нашей военной помощи венгерскому народу, хотя их об этом просили только некоторые высшие венгерские партийные руководители. При этом наши политические руководители обычно выступали не только от имени всего советского, но и венгерского народов.

Боевые действия в зоне Суэцкого канала

Израильские войска после выхода к Суэцкому каналу перешли к обороне на восточном берегу.

Египетские войска, вместе с отошедшими частями, заняли оборону на западном берегу канала. Активные боевые действия прекратились. Затем начались интенсивные артиллерийские перестрелки с обеих сторон, проводились бои местного значения и велась воздушная разведка. В воздушных боях были сбиты несколько египетских и израильских самолетов.

В результате этих действий египетские войска несли потери в личном составе, вооружении и технике, был нанесен большой урон городам Суэц, Исмаилия и Эль-Кантара и разрушен ряд крупных предприятий, в том числе нефтеперегонные заводы в Суэце. Судоходство на Суэцком канале было прекращено.

Вначале артиллерийские перестрелки возникали редко, их инициаторами были как арабы, так и израильтяне. Каждый раз после перестрелки обе стороны обращались в ООН с жалобой на другую сторону. При этом, как правило, жаловалась та сторона, которая начинала стрельбу первой.

После перехода войск к обороне отмечались попытки разведывательных групп переправиться через канал и вести разведку.

Израильская авиация нанесла удар по нефтехранилищу и военно-морской базе Суэц.

В период июньской войны египетский военно-морской флот, несмотря на двойное превосходство в силах, боевых действий не вел. Характерная оценка действий египетского флота была дана в одной из израильских радиопередач: «Египетский флот в период шестидневной войны вел себя хорошо. Поэтому израильская авиация его не бомбила». Позднее на море начались боевые действия, проводимые мелкими группами кораблей и катеров.

Значительным событием явилось потопление египетскими ракетными катерами 21 октября 1967 года израильского эсминца «Эйлат» в Средиземном море. Два ракетных катера проекта 183 в районе восточнее Порт-Саида обнаружили цель и произвели пуск двух ракет «П-15», одна из них поразила крупную цель, ею оказался эсминец.

После прибытия советников в течение двух-трех месяцев в зоне Суэцкого канала было относительно спокойно. Отмечалось нарушение воздушного пространства ОАР израильскими самолетами, особенно в районе Суэц. Огнем зенитной артиллерии были сбиты два израильских самолета. Возникали непродолжительные артиллерийские перестрелки.

В конце января 1968 года одна из перестрелок вылилась в сильный огневой бой. Но он не был неожиданным. Дело в том, что в это время правительство ОАР объявило о выводе 30 судов, оставшихся в Суэцком канале после июньских событий 1967 года.

Пока египетские катера вели разведку фарватера в этом районе, израильтяне огня не открывали. Когда два катера начали вести разведку севернее Суэца, израильтяне открыли огонь и потопили один из катеров. Началась интенсивная артиллерийская перестрелка по всему фронту в зоне канала.

Летом 1968 года несколько активизировались боевые действия в зоне Суэцкого канала, особенно участились артиллерийские перестрелки. При этом египтяне предпочитали их всем другим действиям, так как несли от них относительно небольшие потери, а шума было много, Суэцкий канал их прикрывал и ограничивал действия израильских войск.

В начале июня, в связи с годовщиной Синайских событий, египетские войска в зоне канала были приведены в боевую готовность. Утром над Каиром проведен воздушный парад, в котором участвовали 64 боевых самолета и 10 вертолетов. Израильтяне активизировали в тот день ведение разведки, были отмечены полеты нескольких самолетов-нарушителей, в последние дни они появлялись над районом Каира.

В июне в районе Исмаилия произошла крупная перестрелка с использованием всех видов оружия, продолжавшаяся полтора часа, в результате якобы было подбито 6 танков, уничтожены 4 противотанковых орудия израильтян.

Перестрелка была прекращена по требованию международной комиссии по наблюдению за соблюдением режима ООН. В районе Суэца трижды вспыхивали артперестрелки.

Проведенный анализ перестрелок показал, что египетские войска, несмотря на превосходство в огневых средствах, не несут ощутимых потерь и позволяют безнаказанно вести обстрел городов, промышленных объектов и обороняющихся войск. Египетская артиллерия огонь открывает с опозданием и ведет его по площади, а не по разведанным целям. Командиры дивизий и бригад огнем не управляют, за высокой насыпью не видят целей. Огонь ведут в основном дивизионная и армейская артиллерия, расходуя большое количество боеприпасов. Минометы и танки к ведению огня не привлекаются.

Огонь израильтян был более эффективен, они широко применяли кочующие орудия и танки, быстро меняли огневые позиции.

Личный состав, находящийся в укрытиях, на обратной стороне насыпи, почти неуязвим.

В связи с этим египетскому командованию были даны соответствующие рекомендации.

Египетские войска летом несколько активизировали наземную разведку, на восточный берег канала высылались группы в составе 5—10 человек. 26 августа одна из групп устроила засаду, уничтожила двух израильских солдат, а третьего, раненого, пригнала на западный берег, через несколько часов он скончался. 8 сентября израильтяне обстреляли из танков телевизионную вышку в Суэце.

В соответствии с разработанным планом, по распоряжению начальника Генштаба, 8 сентября около тысячи орудий и минометов открыли огонь по израильским позициям. Перестрелка продолжалась около трех с половиной часов.

По данным египетского командования, во время перестрелки были уничтожены и подбиты 14 танков (в том числе 6 противотанковыми и безоткатными орудиями), 8 бронетранспортеров, 28 огневых точек и были подавлены 19 артбатареяй. Потери израильтян в живой силе, по данным наблюдателей ООН, составили 457 человек, а по израильским данным, около 30 человек. Потери египтян — якобы 11 убитых и 32 раненых, большая часть из них мирные жители городов Исмаилия и Суэц.

В связи с выявленными недочетами в действиях египетских войск при перестрелке были даны рекомендации, подготовленные старшим советником по артиллерии генерал-лейтенантом В.Г. Чистяковым.

В октябре месяце 1968 года активизировались действия ВВС ОАР. 23 октября дежурная четверка МиГ-21 сбила два израильских самолета. Один из израильских летчиков катапультировался и приземлился на восточном берегу канала.

26 октября трижды возникали перестрелки по всему фронту. Огневой бой был заранее спланирован арабской стороной, сосредоточенный огонь велся по позициям 216-мм НУРС и танкам. По данным египтян, в ходе перестрелки были уничтожены и подбиты 16 танков, 14 гусеничных машин и несколько НУРС. Однако в результате обстрела израильтян на нефтеперегонном заводе в Суэце

возник сильный пожар. Во время перестрелки три из пяти египетских разведывательных групп переправились на восточный берег канала, но пленных и документов они захватить не смогли.

Штаб Главного военного советника проанализировал результаты перестрелки и информировал начальника генштаба генерала Рида, что по-прежнему из-за неправильной оценки противника к перестрелке привлекается вся египетская артиллерия, что влечет за собой большой расход — около 16 тысяч снарядов и мин, в том числе около 6 тысяч крупного калибра. В связи с тем что у израильтян на переднем крае оборонялись всего до четырех усиленных пехотных батальонов, египетским войскам нет необходимости в первом эшелоне иметь пять дивизий и 4—5-кратное превосходство в артиллерии. Дальнейшее привлечение к перестрелке всей массы артиллерии для ударов по слабой группировке противника малоэффективно и связано с расходом большого количества боеприпасов.

В ночь на 1 ноября 1968 года израильтяне провели крупный и дерзкий диверсионный акт в районе Наг Хаммади, в среднем течении Нила.

Накануне пуска в действие линии электропередачи Асуан-Каир три израильских вертолета «Сикорский» доставили диверсионную группу из 9 человек в район Наг Хаммади. Диверсанты заложили взрывчатку и подорвали подстанцию ЛЭП Асуан-Каир. На подстанции были выведены из строя три трансформатора и возник сильный пожар. Затем вертолеты с диверсантами перелетели в район города Кена, где приземлились и подорвали мост через Нил, нанеся мосту незначительное повреждение, и пытались подорвать ирригационную плотину. Все три вертолета безнаказанно улетели обратно. На подстанции был убит сторож и ранены два человека. В официальной египетской прессе было сообщено, что разрушение подстанции и мостов вызваны налетом израильской авиации. Израильтяне якобы мстили за обстрел египетской артиллерией их позиций в зоне Суэцкого канала и нанесенные им большие потери.

Осенью 1968 года египетская авиация и части ПВО начали активизировать свои действия и даже стали сбивать израильские самолеты.

Несколько усилилось ведение разведки. Иногда разведывательные группы переправлялись на восточный берег Суэцкого канала, уничтожали солдат и боевую технику. Однако обороняющиеся войска и флот вели себя пассивно.

Без активизации действий нельзя было закалить войска, повысить их морально-боевые качества и подготовить к наступательным действиям.

Мы рекомендовали активизировать действия войск в обороне, не давать израильтянам свободно передвигаться, держать под обстрелом все дороги, уничтожать обнаруженные огневые точки, немедленно подавлять артиллерию. Однако за весь период египетские войска не провели ни одной частной операции по захвату плацдармов на восточном берегу канала. Захват плацдарма заставил бы израильтян усилить свои войска в зоне канала, по ним можно было воздействовать артиллерийским огнем, наносить потери. Свою нерешительность они объясняли превосходством израильской авиации, хотя количество боевых самолетов было равным.

Египетское командование пыталось усилить противовоздушную оборону войск, обороняющихся в зоне канала, выдвинув несколько зенитно-ракетных дивизионов, но израильтяне сразу их обнаруживали и ударами авиации выводили из строя.

Израильская авиация вела разведку и наносила удары по районам Каира и дельте Нила, возможно, для того, чтобы египтяне не снимали из этих районов средств ПВО и не перемещали их в зону канала.

* * *

Главный военный советник периодически встречался с военным министром ОАР Амином Хувейди, мне не всегда приходилось на них присутствовать, но я был в курсе этих встреч и обсуждаемых на них вопросах.

А. Хувейди обычно приглашал генерала Лащенко на беседу перед рассмотрением важных вопросов на заседании Совета национальной обороны или обсуждением их с президентом Насером, Главный советник информировал его о состоянии

египетских вооруженных сил, их строительстве и боевых действиях.

Военный министр иногда заслушивал старших советников видов вооруженных сил и родов войск по состоянию, проблемам развития обычно в связи с нашими рекомендациями по их совершенствованию.

Он иногда содействовал ускорению решения вопросов размещения и обеспечения советников, предусмотренных Соглашением. Вместе с тем многие советники, работающие в зоне Суэцкого канала, были вынуждены проживать и работать в плохих условиях. Египетская сторона не выделила для их работы больше половины, предусмотренных Соглашением, переводчиков и необходимого автотранспорта.

Многие функции военного министра были непонятны, и они дублировали главкома вооруженными силами, несмотря на ввод в действие разработанного положения об органах военного управления ОАР.

Став Главным военным советником, П.Н. Лашенко сразу же приобщил всех советников и специалистов к активной работе, а также всеми силами и способами стремился заставить приобщить руководство египетской армии к решению задач боевой подготовки, укрепления обороны и повышения боевой готовности войск, авиации и флота.

Вооруженные силы ОАР при нем укрепились. Он активно и целеустремленно применял наши испытанные методы обучения и воспитания войск.

Петр Николаевич имел непоколебимый, непререкаемый авторитет у президента Египта А. Насера и мог быть принят им в любое время. Единственный раз А. Насер не согласился с его мнением. Командующим Центральным военным округом был назначен неподготовленный в военном деле генерал полиции. Петр Николаевич сказал об этом президенту, А. Насер ответил, что командующим округом в Каире важнее иметь преданного ему человека, чем подготовленного армейского генерала.

Петр Николаевич ему ничего на это не смог возразить.

Смена Главного военного советника

После полуторагодичного пребывания в должности Главного военного советника генерал армии П.Н. Лащенко по состоянию здоровья должен был оставить Египет. В связи с этим он сделал доклад президенту Насеру, в котором изложил состояние вооруженных сил, деятельность советнического аппарата, а также представил своего преемника генерал-лейтенанта И.С. Катышкина.

Мне пришлось принимать участие в подготовке этого доклада, привожу краткое его содержание в изложении.

Усилия советских советников были направлены на восстановление боеспособности египетских вооруженных сил и укрепление обороны. Советники решали задачи повышения боеготовности войск и сил флота, совершенствования их организационной структуры, повышения уровня боевой подготовки войск и оперативной подготовки генералов и офицеров, обучения эксплуатации и умелому применению вооружения и военной техники.

Все эти и другие задачи решались в тесном контакте советских и египетских офицеров. Большую роль в их установлении и поддержании сыграли главнокомандующий вооруженными силами генерал-полковник Махмуд Фавзи и начальник генерального штаба генерал-лейтенант Монеим Риад. Многие египетские генералы и офицеры к советникам относились доброжелательно, чувствуя наше желание оказать им помощь.

Затем генерал Лащенко дал характеристику состояния обороны, боевой подготовки войск и боевых качеств личного состава.

Характеризуя состояние обороны, он отметил, что в зоне Суэцкого канала создана глубокоэшелонированная оборона, состоящая из трех полос, организована оборона Каира и ряда других городов, Асуанской плотины и военно-морской базы Александрия.

Первая полоса обороны на западном берегу канала занята плотными боевыми порядками войск с высокими плотностями артиллерии и танков.

На второй и третьей полосах обороны расположено достаточное количество резервов, предназначенных для контратак, контрударов и занятия оборонительных рубежей.

Организовано взаимодействие пехотных, танковых и артиллерийских частей, однако слабо поддерживается взаимодействие между сухопутными войсками, ВВС и ПВО.

Управление войсками организовано.

В инженерном отношении оборона подготовлена удовлетворительно, мало имеется запасных огневых позиций и командных пунктов.

Боевая готовность обороняющихся войск невысокая, слабо ведется разведка, недостаточно отработано обнаружение и оповещение о налетах авиации противника, особенно на малых высотах. Зенитно-ракетные войска не проявляют активности в уничтожении самолетов. Оперативная маскировка не осуществляется, хотя рекомендации генштабу по этому вопросу даны.

Войска в обороне ведут себя пассивно, личный состав не получил необходимой боевой закалки, требуется активизация обороны, однако пока этого добиться не удалось. Командование и войска не решились захватить ни одного плацдарма на восточном берегу Суэцкого канала.

В этом году оперативная подготовка египетских генералов и офицеров и боевая подготовка войск несколько повысились, запланированные учения со штабами и войсками, кроме учения с генеральным штабом и штабами видов вооруженных сил, проведены.

Войска занимались напряженно, в следующем году надо продолжать боевую учебу с еще большим напряжением.

В ходе учебы было много недочетов: допускались упрощенчество и послабление, особенно в полевой выучке, недооценивались ночные занятия, все учения обычно проводились днем. Многие офицеры плохо готовились к занятиям и стремились проводить занятия в классах, а не в поле.

Самым слабым местом в подготовке египетских войск является низкая морально-психологическая закалка личного состава, отсутствует боевой дух, необходимый для успешного ведения боевых действий. Сказывается, что египетская армия несколько столетий не воевала и не имеет боевого опыта и закалки.

Необходимо улучшить воспитательную работу с личным составом, максимально приблизить подготовку войск к боевой действительности.

Количество и качество вооружения и боевой техники и их умелое применение является одним из факторов, решающих ход операции и исход войны в целом.

На основе опыта проведенных войн и операций военное искусство выработало классические нормы соотношения сил и средств для оборонительных и наступательных операций.

Для обороны войскам требуется меньше сил, чем для наступления, а для наступления нужно иметь превосходство над противником примерно в полтора-два раза.

В настоящее время такие силы и средства египетские вооруженные силы имеют.

Советский Союз одновременно поставляет вооружение Сирии и Ираку, что увеличивает количество сил и средств вооруженных сил арабских государств.

Для ведения боевых действий против ОАР Израиль может привлечь не более двух третей своих сил и средств. Остальные силы он вынужден будет иметь против Сирии, Иордании и на своей собственной территории. В этом случае соотношение сил и средств возрастет в пользу ВС ОАР.

При ведении боевых действий всеми арабскими государствами (ОАР, Сирия, Иордания и Ирак) против Израиля превосходство их сил и средств значительно возрастет.

В дальнейшем надо наращивать мощь египетских вооруженных сил, развивая их в целесообразных пропорциях. Конечно, желательно было бы иметь ряд образцов нового вооружения, таких как «Град-2», «Малютка», «Стрела-2», а также иметь больше гусеничных машин и переправочных средств.

Подготовленные египетской стороной заявки на вооружение и боевую технику завышены и трудно выполнимы, что надо учитывать ОАР.

Вместе с тем Советский Союз их изучает и готов рассмотреть соображения египетской стороны по дальнейшему развитию военного сотрудничества.

Генерал армии Лашенко сообщил также президенту, что в настоящее время не имеется возможности заменить оставшиеся танки Т-34 и Т-54 и поставить легкие зенитно-ракетные установки. В 1970 году будет поставлено в ОАР: танков — 160, бронетранспортеров — 216, орудий и минометов — 443, зенитных орудий — 230, зенитных пулеметов — 80, радиолокационных станций — 57, гусеничных плавающих транспортеров «К-61» — 20 и боевых самолетов — 130.

В заключение доклада Главный военный советник выразил президенту республики глубокую признательность за помощь советникам в их работе и пожелал успехов в большой государственной деятельности и доброго здоровья.

Внимательно выслушав пространный доклад, президент Насер тепло поблагодарил Главного военного советника генерала Лашенко за все, что им было сделано по восстановлению вооруженных сил и укреплению обороны ОАР и наградил его высоким орденом.

Восстановление египетской армии, в июньской войне потерявшей около 80 % вооружения, а также новые поставки вооружения в другие арабские страны стоило огромного труда и больших затрат материальных средств советскому народу, приводило к одностороннему военному развитию промышленности Советского Союза.

В ноябре 1968 года генерал армии Лашенко убыл в Советский Союз, вместо него был назначен его заместитель генерал-полковник Иван Сергеевич Катышкин. Он был в основном подготовлен к этой работе, но был менее опытен. Окончил Академию Генерального штаба, работал начальником штаба округа, уже год был старшим советником начальника генерального штаба вооруженных сил ОАР. Справедливости ради надо сказать, что на этой должности он не особенно перегружал себя работой, в войска и на канал не выезжал и себя не проявил.

Однако когда И.С. Катышкин стал Главным военным советником, его как будто подменили, куда и девалось его кажущееся безразличие, он активно включился в работу, постоянно проводил совещания, много давал разных указаний и осуществлял контроль за работой советников.

Особое внимание стал уделять представлению донесений в Москву. Теперь во все подготовленные донесения он стремился вносить дополнения и поправки, направленные на приукрашивание положений дел, результатов работы советников и состояния вооруженных сил ОАР, достигнутых под его руководством. Нередко он лично писал и отправлял шифротелеграммы подобного содержания.

На этой почве, а также помня другие времена, когда он был в тени, и добрые отношения ко мне генерала Лашенко, у нас возникали различные недоразумения, и наши добрые отношения стали ухудшаться.

В связи с тем, что мне надо было делать хирургическую операцию, я стал настаивать на откомандировании в Советский Союз, мою просьбу в Москве поддержал П.Н. Лашенко.

После возвращения на родину генерал армии П.Н. Лашенко был назначен первым заместителем главнокомандующего Сухопутных войск и работал на этой должности восемь лет.

Конечно, по своей подготовке, опыту и вкладу в строительство и развитие советских Вооруженных Сил, по мнению всех знавших его, он был достоин более высокого поста.

Гибель начальника генштаба М. Риادا

В марте 1968 года произошло трагическое событие. Начальник генерального штаба генерал Риад обычно приглашал меня во все свои поездки в войска. Нам стало известно, что готовится артиллерийская перестрелка в зоне Суэцкого канала, в тот день зашел к Риаду, чтобы уточнить время выезда на канал для проверки готовности войск и наблюдения за результатами перестрелки. Он сказал, что в ближайшее время, вероятно, выехать на канал не сможет.

Ночью позвонил оперативный дежурный нашего штаба и доложил, что генерал Риад два часа тому назад погиб в зоне канала по пути в Порт-Саид в результате обстрела его автомобиля орудием прямой наводки или израильским танком с восточного берега канала.

Случайно на этот раз не оказался с ним в одной машине.

Очень жаль этого незаурядного египетского генерала, прекрасного человека. Он считал себя закаленным неприхотливым воином. Вспоминаются его слова: «Я могу работать в любых условиях, лишь бы был приличный душ».

Генерал-лейтенант Риад много сделал для укрепления египетской армии и погиб, защищая родину. Это была тяжелая утрата для вооруженных сил ОАР. Похороны генерала Риادا вылились в многотысячное прощание с ним египетского народа, государственных и военных руководителей ОАР.

* * *

За время пребывания и работы в вооруженных силах ОАР мне часто приходилось встречаться с египетскими генералами Салахом Мохсеном, Ахметом Исмаилом, Мохаметом Гамаси, Мохаметом Садеком, Аль-Шазли. Об этих встречах уже рассказывал. Все они были наиболее подготовленными египетскими генералами, и не случайно, что они стали видными военачальниками и занимали высокие посты начальника генерального штаба или министра обороны ОАР.

Мне припоминается, что уже в то время полковник Хосни Мубарак, как наиболее достойный кандидат, рассматривался на должность начальника штаба ВВС вместо генерала Багдади, не справлявшегося со своими обязанностями и имевшего слабые знания. Но некоторые египетские начальники, в том числе командующий ВВС генерал Х. Хеннави, его поддерживали, выдвигая «доводы» — у Багдади хорошая ферма, она дает высокие доходы, значит, он способный человек и его надо оставить в занимаемой должности. В последующем Хосни Мубарак не только стал начальником штаба ВВС, но и президентом Египта.

Определенное влияние на последующие события на Ближнем Востоке и историю Египта оказала преждевременная смерть президента Насера. Если бы Насер прожил еще несколько лет, обстановка в этом регионе могла сложиться по-другому.

Садат выдавал себя за «лучшего друга Советского Союза», сторонника социализма в Египте, говорил, что власть должна принадлежать народу, в деревне надо создавать кооперативы.

В нашем посольстве иногда он отмалчивался, но всегда много пил. К нему с настороженностью относились главком М. Фавзи и министр иностранных дел М. Риад. После прихода к власти А. Садат стал свертывать египетско-советские отношения и подписал Кэмп-дэвидские соглашения.

Советские советники покинули Египет.

* * *

Советские военные советники в 1967—1969 годах сыграли значительную роль в восстановлении египетских вооруженных сил, организации обороны и подготовке войск.

Под руководством советников в короткий срок, в сложных условиях в ОАР были, по существу, вновь созданы вооруженные силы, оснащенные новым оружием и боевой техникой.

Большую работу провели советники по созданию и совершенствованию обороны, повышению боевой подготовки войск и обучению умелому применению вооружения и боевой техники.

Многие египетские генералы и офицеры использовали методы, которым их обучали советские советники, и наш боевой опыт для подготовки войск к выполнению боевых задач. Об этом свидетельствуют боевые действия египетской армии при форсировании Суэцкого канала в октябре 1973 года.

Определенная роль в этом принадлежит нашим советникам и, конечно, штабу Главного военного советника.

Вместе с тем не всегда и не везде удалось достигнуть положительных результатов и заметных сдвигов, боевые качества личного состава египетской армии значительно повысить не удалось.

* * *

В середине марта 1969 года было получено распоряжение о моем откомандировании в Москву.

Накануне отъезда, вечером, неожиданно ко мне домой один за другим пришли генералы Ахмед Исмаил, Садах Мохсен и Мохамет Садек и другие, мы долго и тепло прощались.

Память об этом пребывании и деятельности в Египте у меня осталась на всю жизнь.

Глава 7

НОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ

После излечения от перенесенной операции и учебы на Высших академических курсах Академии Генерального штаба, в конце 1969 года прибыл снова во Львов, в штаб Прикарпатского военного округа.

За два года в округе произошли перемены. Обязанности командующего, в связи с болезнью В.З. Бисярина, временно исполнял генерал-лейтенант Г.И. Обатуров, первый заместитель, сменивший Г.С. Анищика. Знал его по венгерским событиям 1956 года, когда он командовал 33-й гвардейской механизированной дивизией, подошедшей из Румынии в Будапешт.

Членом военного совета округа был генерал-лейтенант Г.В. Средин.

Штаб округа размещался в новом здании, строительство которого началось в бытность командующего округом П.Н. Лашенко, и в нем мне пришлось принимать участие.

В управлении округа, как всегда в этот период, подводились итоги года, осуществлялось планирование боевой и оперативной подготовки на новый, 1970 год, проводилось увольнение личного состава, выслужившего установленные сроки службы и прием молодого пополнения, завершилось строительство незаконченных объектов, возвращались автобатальоны с уборки урожая.

В эти дни после тяжелой болезни умер командующий войсками округа генерал-полковник Бисярин, мы его похоронили с большими почестями во Львове. Вместо него был назначен Геннадий Иванович Обатуров.

После ноябрьских праздников убыли во Львовский учебный центр для проведения сборов руководящего состава округа. Мне с ходу пришлось включиться в работу, связанную с проведением всех этих мероприятий, так как начальник штаба генерал-лейтенант В.З. Якушин находился в госпитале на излечении, после аварии вертолета, и уже рассматривался вопрос о его переводе в Группу войск в Германии.

Получили новую квартиру, так как прежнюю, лучшую, сразу занял заместитель по политчасти. Сын пошел учиться в восьмую по счету школу.

Перед Новым годом был назначен членом комиссии Сухопутных войск по отправке частей противовоздушной обороны в Египет и Сирию. В связи с этим более двух зимних месяцев находился в Ровенском учебном центре, куда прибывали из многих военных округов личный состав расчетов «Стрела-2» и зенитно-пулеметных установок «Шилка». Здесь проходило укомплектование подразделений, отбор личного состава, проверка боевой техники и вооружения, оформление документов. После непродолжительной подготовки подразделения по железной дороге направлялись в Николаев, а оттуда пароходами в Египет и Сирию, в состав находившихся там наших Войск ПВО.

Начальник штаба округа

Накануне майских праздников 1970 года мне было присвоено звание генерал-лейтенанта. Меня вызвали в Москву. После беседы с начальником Главного управления кадров генералом армии И.И. Гусаковским был представлен начальнику Генерального штаба маршалу Захарову.

М.В. Захаров, вероятно, вспомнил меня по материалам представления на новую должность, подготовленных ГУКом, моим докладам из Египта или нашим беседам на учении в Белоруссии летом 1957 года. Начальнику ГУКа он сказал: «Что вы мне его представляете, я давно его знаю, он будет хорошим начальником штаба округа, направляйте в ЦК».

А меня напутствовал словами: «Смело работайте, не оглядывайтесь и поменьше беспокойте Генштаб».

На следующий день был направлен на беседу в ЦК. Здесь было все без перемен, как описано в книгах.

Старая площадь, кругом милиция и люди в штатском группами, в серых плащах.

В подъезд № 6 предъявляю партбилет офицеру в форме КГБ, найдя в списке фамилию, вежливо говорит: «Проходите, пожалуйста».

Вот они, коридоры власти.

В начале беседует зав. сектором, худой, лысый, с иезуитской внешностью знающий партийный чиновник Потапов Иван Порфирьевич. Затем идем к зав. отделом. В приемной мило здоровается секретарь и приглашает к начальнику. Принял заведующий отделом административных органов Н.И. Савинкин, внешне добродушный человек в сером гражданском костюме. Беседа носит общий характер о делах в округе, в заключение он сказал, что отдел будет поддерживать мое назначение на должность начальника штаба округа и рекомендовал совершенствовать стиль работы командования округа.

Я возвратился во Львов. Через некоторое время, после подписания министром обороны приказа о назначении, В.З. Якушин срочно убыл в Группу советских войск в Германии, а я вступил в должность начальника штаба округа.

Военный округ является основным территориальным общевойсковым объединением, выполняющим задачи по подготовке Вооруженных Сил, укомплектованию, отмобилизованию, боевой подготовке войск и поддержанию их в постоянной боевой готовности.

Прикарпатский военный округ в ту пору оставался одним из крупнейших в наших Вооруженных Силах.

В его состав по-прежнему входили две общевойсковые, одна танковая и воздушная армии, двенадцать мотострелковых и танковых дивизий, две артиллерийские, одна зенитно-артиллерийская дивизия и много других соединений и частей родов войск, специальных войск, частей и учреждений тыла.

Вместо управления 38-й армии, 31-й танковой дивизии и других частей, убывших в Чехословакию, были сформированы новое управление 38-й армии, танковая дивизия и ряд частей, некоторые из них содержались в сокращенном составе.

Воздушная армия имела две дивизии и десять отдельных авиационных и вертолетных полков.

Большое количество войск в составе округа, фронтовое предназначение на военное время определяли важную роль округа и ответственность работы штаба округа.

Штаб округа являлся важнейшим органом руководства войсками, обеспечивающим поддержание боевой и мобилизационной готовности войск в мирное время и управление войсками при подготовке и ведении боевых действий.

Штаб округа занимался разработкой оперативного и мобилизационного планов, организацией управления войсками, проведением всех мероприятий по подготовке войск, командиров и штабов, укомплектованием соединений и частей, мобилизационной работой, руководством военными комиссариатами, проверкой боевой и мобилизационной готовности, организацией службы войск, осуществлением контроля за ее состоянием и поддержанием в войсках уставного порядка, укреплением воинской дисциплины и другими задачами.

Штаб принимал активное участие в организации и проведении всех важнейших мероприятий, проводимых в округе.

Возглавляет всю эту работу, организацию и проведение мероприятий начальник штаба округа.

Работа начальника штаба округа самостоятельная, важная, ответственная и интересная.

Округ я знал хорошо, что способствовало моей деятельности.

Управление округа имело все необходимые структуры, обеспечивающие поддержание боевой готовности, оперативное планирование, управление войсками, подготовку и применение всех родов войск и специальных войск и авиации, боевую подготовку, а также оперативное, техническое и тыловое обеспечение войск.

Штаб округа состоял из управлений, они, в свою очередь, подразделялись на отделы.

В соответствии с директивой Генерального штаба в этот период уточнялся оперативный план, и мне потребовалось сосредоточиться на этой важнейшей работе, что дало возможность глубоко изучить план и принимать меры по обеспечению его выполнения. Большую работу по уточнению плана провели начальник оперативного управления генерал-майор В.А. Прикуль и полковник И.В. Кудинов, они совместно с начальником родов войск разработали основные документы и распоряжения соединениям и частям. Все документы пришлось тщательно

проверить, прежде чем подписывать, а их были сотни, зато со всеми документами спокойно разобрался, изучил и хорошо знал оперативный план.

В последние годы, в бытность министра обороны маршала А.А. Гречко, многие командно-штабные учения проводились приближенно к реальным оперативным планам, поэтому, зная план, было легче на таких учениях. В свою очередь, подобные учения давали возможность командованию и штабам более глубоко освоить характер и условия предстоящих действий войск, целеустремленно решать вопросы повышения боевой готовности и подготовки войск к действиям в соответствии с разработанными планами.

Осенью 1970 года Главная инспекция Министерства обороны инспектировала войска округа. Из 50 частей большинство получили хорошие оценки, только один мотострелковый полк и два отдельных артиллерийских дивизиона — неудовлетворительные оценки. Конечно, это были результаты деятельности командующих и штабов округа и армий, командиров и штабов соединений, частей, всех офицеров и солдат.

Командующие и штабы округа и армий участвовали в военно-стратегической игре и крупных командно-штабных учениях, проведенных министром обороны. На этих учениях штабы округа и армий со своими обязанностями всегда справлялись неплохо.

Учения, проводимые под руководством министра обороны, всегда были сложным экзаменом для участников, требовали тщательной подготовки и напряженной работы.

На крупных учениях происходило много различных событий и анекдотичных случаев. Вспоминается, как спокойно, по деловому, но с некоторой иронией заслушивал доклады участников учений министр обороны маршал Р.Я. Малиновский. Он требовал от командующих знания вооруженных сил НАТО и театра военных действий.

На одном из учений он спросил главкома Группы войск в Германии И.И. Якубовского, что означает в переводе с немецкого название города Цвайбрюккен. Тот ответил: «Двое брюк...» Одного командарма министр обороны попросил рассказать о государстве Люксембург, он сказал, что это крупное агрессивное государство,

имеющее большую армию. Р.Я. Малиновский улыбнулся и произнес: «В составе одного батальона».

Командующий Южной группой войск при докладе несколько раз повторил, что его войска будут наступать в направлении «Редстоун», показывая по карте район, где было написано это слово. Р.Я. Малиновский спросил: «А что такое «Редстоун»?» Тот ответил: «Крупный город». Министр сказал: «А я думал — «Ракета», — и, лукаво поглядывая на докладчика, продолжал спокойно заслушивать, все присутствующие с трудом сдерживали смех. Такие доклады показывали уровень знаний и общее развитие некоторых военачальников.

Я уже писал, что трудно и неприятно было докладывать некоторым начальникам, существо дела их не интересовало, они с нетерпением ждали повода, чтобы оборвать докладчика, оскорбить его, получая от этого наслаждение.

В округе проводилась напряженная оперативная и боевая подготовка, проверка боевой и мобилизационной готовности войск.

Из войсковых учений в округе особенно мне запомнилось тактическое учение 128-й гвардейской мотострелковой и 23-й гвардейской танковой дивизий.

Мне пришлось руководить учением войск противовоздушной обороны и авиационных частей, они описаны писателем Аркадием Пинчуком в повести «Однажды и навсегда». В то время он был корреспондентом газеты «Красная звезда» во Львове. Такое совместное учение в округе проводилось впервые.

Много пришлось работать в штабах и войсках по повышению мобилизационной подготовки, уточнению и переработке большого количества мобдокументов, проведения сборов, проверке войск и военкоматов, а также по подготовке войск связи, организации службы войск, поддержанию уставного порядка и воинской дисциплины

В 1971 году мне довелось руководить подготовкой войск и командовать парадом 7 ноября во Львове.

В округе совершенствовались подвижные и строились защищенные пункты управления, постоянно осуществлял контроль за их строительством. Когда доложил Г.И. Обатурову, что заверша-

ется строительство командного пункта округа, он был удивлен, о нем забыл и в период строительства ни разу не был. Осмотрев пункт, он поразился масштабом строительства, объемом выполненных работ, размерами сооружения и только попросил переставить одну из дверей в его комнате отдыха.

Отношения с командующим Г.И. Обатуровым складывались непросто, старался, чтобы они были нормальными и деловыми. Но все, кто служил с Обатуровым, знают, как сложно с ним было решать вопросы и работать.

Он был бурлящей натурой. Ему всегда не хватало времени, разменивался на мелочи и увлекался незначительными делами. Много времени проводил на полигонах, занимался учебно-материальной базой для обучения стрельбе и вождению, постоянно перестраивал учебные центры, изменял направления стрельб, трассы вождения, расположение препятствий, переставлял входы и двери на вышках.

На КШУ, проводимых министром обороны, обычно соглашался со всеми предложениями по его решению. Но мог часами заниматься ненужной работой: выбором маршрутов для выдвижения войск (в то время как в штабе имелась отрекогносцированная и уточненная карта маршрутов на территории округа и соседних зарубежных стран), а также подсчетом количества танков, наступающих в первом эшелоне, сравнительным анализом боевой техники и вооружения и т.п., не давая отдыха себе и офицерам.

Он много знал, но не умел применять свои знания на практической работе. Из-за неуверенности и нерешительности постоянно уточнял свои решения, не представляя, какие трудности этим он вносил в работу штабов округа и армий.

В быту и службе он был честным, порядочным и скромным человеком, но неорганизованным в работе.

Однажды, сразу после моего назначения, часа в два ночи в квартире раздался телефонный звонок, Геннадий Иванович мне говорит: «Пожалуйста, вызовите на послезавтра командиров автобатальонов, направляемых на уборку урожая, на инструктаж». Спрашиваю его: «А почему вы мне звоните по этому вопросу среди ночи на квартиру?» Он отвечает: «Чтобы не забыть». Говорю: «Чтобы не забыть, записывайте. Никакой срочности в этом нет,

вы могли позвонить оперативному дежурному, он утром доложит, и я отдам необходимые распоряжения, у них еще сутки времени. Прошу вас прекратить подобные безобразия и без надобности не звонить ночью на квартиру». После этого ночью мне не звонил.

На собрание по случаю Дня ракетных войск и артиллерии он мог опоздать на час, в это время в зале Дома офицеров его ждали офицеры с женами и представители общественности города.

Мне пришлось дважды обращаться к начальнику Генштаба маршалу Захарову и просить об отмене распоряжений Обатурова о размещении зенитных ракет в хранилищах ракетно-технической базы спецбоеприпасов, а также о допуске зам. командующего округом по боевой подготовке к мобилизационному плану округа, принятых, несмотря на мои возражения. Конечно, эти его распоряжения были отменены, но мне в аттестации он указал, что не уважаю старших начальников.

Недалеко от центра города, рядом со спортивным комплексом, выстроен огромный корпус, в нем разместился штаб округа, мне пришлось принимать участие в его строительстве, начатом П.Н. Лашенко в сентябре 1966 года. До этого штаб округа размещался в нескольких зданиях в самом центре города, что затрудняло работу и скрытый выход штаба на пункты управления. Теперь управление округа размещалось в новых зданиях, пришлось заниматься благоустройством штаба, размещением управлений и отделов, обеспечением их мебелью, жестко требовал поддержания чистоты и порядка.

Во Львове было построено здание и создан музей истории округа. Активное участие в строительстве монумента Советской Армии и музея округа принимали полковники Г.Е. Мосейчук и Я.М. Фалькович.

В период службы в округе я написал две диссертации, хотя не думал переходить на научную или преподавательскую работу.

Первую, будучи начальником разведки, написал на основе опыта войны, а также проведенного в округе разведывательного учения, где изучались возможности разведки по обнаружению средств ядерного нападения. Диссертацию направил начальнику кафедры разведки Академии имени М.В. Фрунзе для ознакомления. Он порекомендовал доработать некоторые разделы. Вскоре

я был назначен на новую должность. Работа меня всецело поглотила, и уже не хотелось возвращаться к прежней теме и не было желания и времени сдавать кандидатский минимум.

Был удивлен, когда в статьях начальника кафедры и одного из преподавателей обнаружил много материалов из рукописи моей диссертации.

В последующем написал вторую диссертацию на актуальную в то время тему: «Выдвижение и ввод в сражение войск фронта», используя опыт учений, расчеты, проведенные на ЭВМ вычислительного центра. Диссертация получилась хорошая, и снова переход на другую работу не позволил ее защитить, так как мои новые начальники недоброжелательно к этому относились, считая диссертации ненужным делом.

На должность первого заместителя начальника штаба округа прибыл генерал-майор А.И. Безотосов. Он знал штабную работу в масштабе дивизии — армии, но в штабе округа не работал. Всю войну находился на Дальнем Востоке, но умудрился не участвовать в войне с Германией и Японией, а после войны трижды продолжительное время служить в ГДР.

Как только предстояли крупные учения или инспекция, он ложился в госпиталь, ссылаясь на нездоровье. Командующий Г.И. Обатуров неоднократно высказывал недовольство его работой, я вначале его защищал. Однажды, не разобравшись, он доложил, что в окружном полку связи произошло бесчинство солдат по отношению к местному населению. Когда вместе с представителями прокуратуры и особого отдела разобрались, выяснилось, что подрались односельчане с солдатами этой деревни, в тот день призванными на учебные сборы. Но мне пришлось об этом происшествии докладывать на секретариате ЦК компартии Украины. Командующий округом ходатайствовал о переводе Безотосова на преподавательскую работу в Академию Генштаба. Но по указанию В.Г. Куликова Безотосова снова направили в ГДР (советником).

На освободившуюся должность просили назначить моего заместителя генерала М.Е. Мурашко, но ГУК не поддержал, из-за того что он не окончил Академию Генштаба, а через полгода его назначили первым заместителем начальника штаба Прибалтийского округа.

Мы дружно работали с первыми заместителями командующего округом генерал-лейтенантами П.В. Мельниковым и И.А. Герасимовым высокоподготовленными, волевыми и требовательными начальниками, и вскоре они были назначены командующими войсками округов.

Успешно командовал 13-й армией генерал-лейтенант Ф.И. Рыкалов, его сменил А.А. Зайцев. В период становления ему хорошо помогал в работе начальник штаба генерал-майор В.Н. Веревкин-Рахальский.

38-й армией командовал генерал-лейтенант П.С. Белоонон, он нередко болел, по семейным обстоятельствам часто находился в Киеве, где проживала его семья. 8-й танковой армией командовал А.М. Ямщиков, 57-й воздушной — генерал С.Д. Горелов, мои сослуживцы по прежней службе.

Передовыми дивизиями были: 24-я Железная, ею хорошо командовали М.М. Букштынович и К.А. Кочетов, 128-я гвардейская генерала В.Д. Серых и 26 гв. артиллерийская, которой командовал генерал В.М. Михалкин, много сделавший для повышения боевой, мобилизационной готовности и ее подготовки.

Хорошо работали штабы дивизий, руководимые А.Э. Абушевичем, В.Н. Зотовым, Г.И. Жеребцовым, И.В. Трофименко и М.С. Элбакидзе.

Лучшими полками командовали Э.А. Воробьев, В.Т. Иванов, И.В. Куприенко, И.Н. Родионов, И.Е. Буравков, А.С. Бабенко, Л.М. Клочихин.

274-й мотострелковый полк Железной дивизии, которым командовал И.Н. Родионов, за высокую полевую выучку и умелые действия на учениях дважды был награжден вымпелом министра обороны. Вскоре 24-я мотострелковая Железная дивизия под его командованием стала одним из передовых соединений округа.

В штабе округа сложился сплоченный, слаженный коллектив. Ведущую роль занимало оперативное управление во главе с генерал-майором В.А. Прикулем, затем его сменил полковник Т.С. Басий. Мне очень помогал начальник 1-го отдела полковник И.В. Кудинов, к сожалению, он, по его просьбе, убыл служить в Группу войск в Германии и преждевременно скончался.

Начальником оргмобуправления был генерал-майор Иван Никитович Ботов, опытный, порядочный человек, он помог мне освоить мобилизационную работу и хорошо руководил военными комиссариатами. Винницкий и Хмельницкий облвоенкоматы, возглавляемые генерал-майором Г.В. Пентюком и полковником И.Н. Ходаном, ряд лет за хорошую подготовку молодежи к службе в армии занимали первые места среди областей и краев Советского Союза. Львовский, Житомирский также отмечались лучшими на Украине за подготовку хорошего пополнения для армии.

Начальник разведки генерал-майор Онусайтис Юрий Иосифович, раньше был моим заместителем в разведуправлении. Он помог мне познать детали агентурной работы, и мы без лишних слов понимали друг друга.

Начальники войск связи генерал-майор В.Г. Андриенко, затем В.Ф. Каменецкий были добросовестными, неплохими специалистами, но не всегда умело использовали имеющиеся силы и средства связи.

С начальником Войск ПВО Ю.А. Андерсеном и начальником инженерных войск И.Н. Николайчуком, начальниками штабов ракетных войск и артиллерии А.И. Аверьяновым и В.Т. Костровым, а также начштабом инжвойск А.Н. Недопекиным — подготовленными, хорошо знающими специалистами — было легко и приятно работать.

Выделялись своей подготовкой, исполнительностью и четкостью в работе офицеры: Ф.И. Гредасов, Б.А. Михайловский, А.А. Патрахалко, С.П. Углов, А.И. Чистяков, И.М. Чиж, Н.Н. Шевченко, В.В. Шлепаков, В.Е. Шуров, А.А. Левашов, М.Н. Студеникин, Г.А. Шендерук, Р.А. Камчатнов, Ткач, Ф.Т. Красницкий, И.В. Левченко, В.Н. Маркелов, И.И. Охрименко, Трифонов, Рассохин, Бабусько, Казаков, Колесников, Клинов, Змеев, Сильченко, Харламов и многие другие. Они своим повседневным трудом обеспечивали успешную работу штаба и командования округа.

Не могу не сказать о политработниках. Среди них было немало хороших воспитателей, принципиальных и заботливых людей.

Повезло нам с членом военного совета округа. Г.В. Средин обладал незаурядным интеллектом, был образованным, тактичным, чутким и заботливым человеком. Он был способен быстро

разобраться в сложной ситуации, напоминал, что под влиянием эмоций не следует делать поспешных выводов и наказывать подчиненных. Умело, плодотворно работающие с людьми начальники отделов политуправления К.В. Загоскин, М.Н. Крякин, В.Ф. Новиков, а также члены Военного совета армии С.М. Золотов, В.С. Нечаев и Н.Д. Шевкун.

Конечно, были и слабоподготовленные политработники, стремившиеся вмешиваться во все дела, безразличные люди, которых не уважали в частях.

В сентябре 1971 года в должность начальника Генерального штаба вступил генерал армии В.Г. Куликов.

В апреле 1973 года он проводил штабную тренировку, в ней участвовали управления ряда военных округов и групп войск, в том числе и нашего округа. В ходе тренировки вместо намеченного приезда на наш командный пункт вызвал нас на доклад в Бобруйск, где раньше служил заместителем командующего армией по боевой подготовке, и пригласил на заслушивание местные власти.

В начале В.Г. Куликов обвинил штаб округа в неисполнительности, из-за того что он уже переоделся, а мы не перешли на новую полевую форму одежды, хотя срок перехода был установлен через две недели.

При заслушивании придирался к мелочам, в резкой форме делал замечания.

После моего доклада предложений по решению о ликвидации последствий массированного ядерного нападения противника, когда сказал, что требуется трое-четверо суток для выяснения обстановки, восстановления управления и боеспособности войск, Куликов с этим не согласился и сказал, что мы недооцениваем возможности наших войск.

На разборе В.Г. Куликов критиковал нас за допущенные недочеты.

В связи с этим представляет определенный интерес доклад начальнику Главного оперативного управления его подчиненных по итогам этой штабной тренировки. Старший посредник писал: «В ходе штабной тренировки полевое управление ЮЗФ (ПрикВО) работало организованно, целеустремленно и доста-

точно оперативно... (приводятся подтверждающие данные...). За весь период тренировки потери связи с Генштабом и штабами армий не было... Начальник штаба округа генерал-лейтенант Малашенко Евгений Иванович работой штаба руководил уверенно, целеустремленно.

Штаб в целом со своими обязанностями справился.

Старший посредник полковник *Голубев*

16 апреля 1973 года».

Комментарии, как говорят, излишни.

При подведении итогов оперативной и боевой подготовки Вооруженных Сил за 1973 год, округ был отмечен среди успешно решавших поставленные задачи.

Командующим войсками округа вместо Г.И. Обатурова был назначен генерал-полковник Варенников Валентин Иванович. Он прибыл из Группы советских войск в Германии, где он был первым заместителем главкома, и сразу показал свой неординарный характер.

При встрече на аэродроме дал указание подготовить донесение о вступлении в должность. Заранее предвидя это, я представил ему на подпись подготовленный текст, но он попросил указать, что он назначен в соответствии с решением политбюро ЦК партии. Сказал, что делать этого не следует, так как юридическим основанием назначения является приказ министра обороны, что здесь и написано. Министр знает об этом, он представлял предложения в ЦК о вашем назначении, а секретарям обкомов это известно из Информбюллетеня ЦК партии. Он неохотно с этим согласился и подписал донесение.

Заслушав на следующий день всех своих заместителей, он сразу же ознакомился с оперативным и мобилизационным планами.

В своем докладе о составе, дислокации и оперативном предназначении войск я отметил, что танковая армия дислоцируется в восточной части округа, в 500—600 км от госграницы, а по существующим оперативным взглядам, ее целесообразно использовать в первом эшелоне.

Предложения по этому вопросу подготовлены. В.И. Варенников сказал, что давно это надо было сделать.

Забегая вперед, скажу, что округу так и не удалось передислоцировать танковые дивизии ближе к госгранице.

Знакомясь с войсками округа, он часто подчеркивал, что в ГСВГ прекрасные войска, у них выше боеготовность и выучка. Я говорил, что в округе иные условия. Он ответил, что создание лучших условий для жизни и учебы войск всегда считал своей главной задачей.

В округе предстояло проведение совместного учения с участием одной мотострелковой дивизии, а также частей болгарской и венгерской армий, представленных управлением одной мед и усиленным мотострелковым полком. Их сопровождала оперативная группа во главе с заместителем министра обороны. Учение было не особенно крупным, но носило военно-политический характер.

Округ должен был обеспечить перевозку этих частей, их сосредоточение в назначенных районах и поучительно провести учение.

Командующий изучил план учения, потребовал более тщательно продумать вопросы политического, материального и финансового обеспечения и разработать соответствующие специальные планы, создать необходимые условия для размещения и отдыха прибывающим частям, офицерам и солдатам.

Мы выехали во Львовский учебный центр, уточнили на местности план учения и после его утверждения приступили к подготовке руководства и посредников. Чувствовался большой опыт командующего в организации, проведении и обеспечении подобных учений.

Учение прошло организованно, и поставленные цели были достигнуты, продемонстрировали единство союзных армий и способность войск совместно и умело действовать при выполнении задач.

При проведении учения советовал командующему докладывать о ходе его проведения и вообще обо всем министру и его заместителям, они это любят, тем самым чувствуют жизнь войск.

После учения подготовили и направили доклад о проведенном учении. Но пока доклад был в пути, позвонили маршал А.А.Гречко, а затем главком Якубовский и высказали недовольство, что ко-

ман্ডующий не доложил о проведенном учении. Пришлось медленно им направить краткий доклад шифротелеграммой.

Так началась наша совместная служба с новым командующим. Недавно я прочел мемуары Валентина Ивановича Варенникова, вспоминая тот период, наше знакомство и совместную службу, он пишет: «Генерал-лейтенант Е. Малашенко — опытный начальник штаба. Пережил уже нескольких командующих. Весьма активный и энергичный офицер. Конечно, давно заслуживал выдвижения, но почему-то продолжает сидеть на своем месте. Однако это совершенно не сказывалось на его настроении и деятельности — он продолжал умело выполнять свои функции и хорошо помогал мне врать в обстановку»¹. Признателен генералу армии В.И. Варенникову за добрые слова, он, конечно, знает и убедился на собственном опыте, что продвижение на высокие посты, к сожалению, не всегда зависит от подготовки, опыта и деловых качеств...

Командующий округом В.И. Варенников часто бывал в войсках, хорошо изучил их состояние, много сделал для повышения боеготовности, боевой подготовки, улучшения устройства и быта войск округа. Округ в том же, 1973 году был отмечен в приказе министра и шесть последующих лет, когда он командовал округом постоянно назывался в числе лучших военных округов наших Вооруженных Сил.

* * *

Министр обороны маршал А.А. Гречко придавал особое значение поддержанию высокой боевой готовности войск.

Мне довелось видеть деятельность А.А. Гречко на фронте, в годы войны, когда он командовал 1-й гвардейской армией, и на различных учениях и мероприятиях в послевоенные годы. Когда он стал министром, пришлось докладывать ему на учении «Днепр», в Египте, на военной игре и на учениях в округе.

Он всегда интересовался главным, хорошо знал армейскую службу, состояние Вооруженных Сил и их проблемы.

¹ *Варенников В.И.* Неповторимое. Кн. 3. М.: Советский писатель, 2001. С. 85—86.

Министр А.А. Гречко мог за сутки лично проверить боевую готовность и действие авиационного полка, провести строевой смотр мотострелкового полка — в Закарпатье, а также проверить огневую подготовку — стрельбы танкового полка во Львовском учебном центре — и по главным вопросам представить состояние дел в округе.

Для поощрения военнослужащих при нем был учрежден орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР».

Он выдвигал молодых и способных генералов и офицеров, нередко командармов ставил командующими округами.

Это был выдающийся военачальник и настоящий министр обороны.

Наша семья

Мы с женой вспоминаем львовский период как лучший в нашей жизни и моей службе. Здесь получил генеральские звания, высокую самостоятельную должность.

Младший сын Игорь успешно окончил школу и поступил в Московский государственный университет.

Мне и жене очень нравился Львов, красивый, чистый, уютный город, в нем хорошо был налажен быт и был большой и недорогой рынок.

Львов — древний город, построен много веков назад, даже холмы, овраги украшают его. Очень красивый центр города, площадь, рынок, улицы чистые, часто узкие и извилистые.

Среди каштанов мелькают многочисленные купола соборов. Переулки часто ведут вверх, ныряют вниз, круто ломаются, приводят к отвесному оврагу или в тупик.

В центре несколько широких, шумных улиц, на улицах игрушечные небольшие трамваи, но стало больше автомобилей.

В центре и на окраинах много магазинов, но часть из них были закрыты, переоборудованы после отъезда бывших хозяев на Запад или их ареста.

Мы с женой вечерами в редкие выходные дни совершали прогулки по центру и окраинам этого чудесного города.

Часто посещали Дом офицеров и львовские театры, особенно наш окружной театр Советской Армии, где все артисты были знакомы, с режиссером театра А.А. Ротенштейном и народными артистами Зинаидой Дехтяревой и А.И. Аркадьевым несколько лет жили в одном доме.

С армейским известным писателем и драматургом Аркадием Пинчуком и сейчас изредка переписываемся.

Дважды в год — 7 ноября и на Новый год — первый секретарь обкома В.С. Куцевол приглашал нас на прием, а местные руководители посещали нас на праздник Советской Армии и в День Победы.

Изредка с женой мы бывали на служебной даче, расположенной на территории санатория «Шкло», но из-за постоянной занятости за все годы службы ни разу там не ночевал, о чем сейчас сожалею.

За десять лет с женой удалось посетить ряд городов Прикарпатья. Редко бывал на стадионе, когда играла окружная футбольная команда «Карпаты», в ту пору в ее составе выступали неплохие игроки, но всегда болел за киевское «Динамо».

С женой Тamarой мы учились в средней школе в городе Нежине. В годы войны ее семья эвакуировалась в Казахстан, и я с трудом их разыскал. Затем они переехали к сестре в Тихвин. Там мы встретились и в 1944 году поженились.

После войны мы все время были вместе, разлуки переживали тяжело.

В 1946 году родился сын Юрий, а в 1954 году — второй сын Игорь.

Жена успешно окончила институт, хотя переезды и рождение детей создавали определенные трудности для ее учебы.

Весь быт, воспитание детей, переезды, квартирные мытарства, устройство нашего гнезда и многое другое — все это ложилось на ее плечи. Она всегда много работала, целыми днями трудилась, всю жизнь вставала раньше меня, ложилась позже и никогда днем не отдыхала, никогда не роптала и не жаловалась.

Но в молодости, под впечатлением нашей пропаганды, не хотела смириться с ролью домашней хозяйки, пошла работать, преподавала в одной московской школе русский язык и литературу.

В 1966 году, когда она сильно заболела, я понял, какую непосильную ношу она тянула всю жизнь.

Все время был занят своей службой и не замечал, как росли и учились дети, из-за переездов детям пришлось учиться в восьми — десяти школах в различных городах, но учились они отлично. Растила и обучала их Тамара. Я ни в чем им не отказывал, старался покупать хорошие вещи, заботился, как мог. Но и мне в жизни было не всегда легко. Постоянные переезды, новые назначения, различные начальники.

Мы всегда гордились нашими сыновьями. Юрий окончил 11 классов в Ростове, поступил в Московский физико-технический институт, а затем там же окончил аспирантуру. Игорь окончил Московский университет и аспирантуру. Оба сына защитили диссертации. Юра стал доктором физико-математических наук, профессором. Игорь — кандидат философских наук, с должности ученого секретаря Института США и Канады РАН его перевели работать в аппарат ЦК партии, затем он был консультантом президента М.С. Горбачева, гендиректором «Останкино», создал и руководил «НТВ» и «Медиа Холдингом».

Жена помогала детям в учебе, им и мне в общем и культурном развитии. Она хорошо знает язык, литературу, а также театр и кино, много читала и нам рассказывала.

Мы ходили в театр, на концерты и различные выставки.

Я повозил жену по свету, так как довелось служить в наших войсках за рубежом.

Всегда старался быть с женой вместе, особенно на приемах. Из всех командировок и даже с охоты торопился домой. Последнее время, когда представлялась возможность, брал жену в некоторые командировки во Владикавказ, Минск, Таллин, но это было очень редко.

К новому месту службы обычно переезжали сразу всей семьей. Жаль, что иногда оставляли старшего сына Юрия с тещей в Москве. Теща у нас была неплохая, о нас заботилась, но, как большинство старых людей, была эгоистична, и мы по молодости не всегда это понимали. Она прожила с нами более 30 лет и умерла в возрасте 90 лет. Мой отец также скончался в 80-летнем возрасте.

С ребятами, особенно с Игорем, я ездил на охоту, рыбалку и на полигон, учил его стрелять и водить автомобиль. Приобщал их к жизни и природе, но все-таки недостаточно.

Наши дети выросли воспитанными, образованными, заботливыми, но немного эгоистичными, странными, не полюбили спорт. И жены у них с особенностями.

С Тамарой мы прожили 67 лет. Быстро прошли годы, и теперь кажется, что мы были мало рядом. У нас было много общих впечатлений и воспоминаний, начиная со школьных лет, общие взгляды на события и людей. После тяжелых болезней, трех перенесенных операций в 2011 году ее не стало. Все для меня померкло, стало безразличным, тяжелым и невыносимым.

Ежедневно ее вспоминаю, смотрю фотографии, ее записи, порою не нахожу себе места. Она была самым родным и дорогим человеком, моим солнышком, но семья осталась.

Сын Игорь в 2000 году уехал за рубеж. Живет и работает в США, его старшая дочь окончила американский университет и там работает, младшая дочь учится в Оксфордском университете, сын Володя — школьник. Старший мой сын Юрий живет и работает в Вычислительном центре Российской академии наук в Москве, его дочь Наташа окончила МГУ, живет и работает в Москве.

С женами сыновей особенно близких отношений не сложилось.

* * *

Я с детства мечтал быть военным и понимал, что для этого, кроме знаний, ума, надо иметь хорошее здоровье и физическую закалку. Старался заниматься спортом, хорошо ходил на лыжах и плавал. Увлекался футболом, с ранней весны до поздней осени ежедневно после школы и в дни каникул с товарищами по улице все время проводили на ближайшем пустыре (на «площадке»), гоняя мяч, иногда играли в футбол на стадионе в графском саду с командой других улиц, но, к сожалению, никогда не был лучшим футболистом, таким, как были у нас в школе А. Ерошин и А. Шаляпин, выступавшие после войны за ЦДСА.

Мне не доставало сил, быстрого бега и устойчивости, и после войны к футболу больше не возвращался, если не считать, что на занятиях физподготовки в Академии Генштаба играли босиком за свой курс.

Не смог овладеть гимнастикой, и от этого иногда страдал на занятиях в школе, училище и в академии.

Лыжи и плавание остались моим пристрастием на всю жизнь. Каждую возможность пытался использовать, чтобы выйти на лыжню, а летом поплавать. Место для отдыха выбирал, чтобы там были река или море. Больше всего мы ездили в Сочи, в санаторий Фабрициуса, были в нем много раз. Там ежедневно купался по два-три раза — летом в море, зимой в бассейне.

Даже в Подмосковье на реке Клязьме и на даче в Москве-реке старался купаться, а также ходил на лыжах в парке на Воробьевых горах.

Присоединилась к этому и жена, хотя и поздно, только в последние годы она со мной встала на лыжню и плавала в море, затем стал мешать возраст.

Также любил охоту, я уже рассказывал, что когда мне было 12—15 лет, отец брал с собой на охоту на уток.

Страсть к охоте у меня осталась на всю жизнь.

В годы войны на фронте, когда видел пролетающих уток, а также коз, кабанов, волков, а один раз медведя, вспоминал об этом, но ни разу не пришлось охотиться и стрелять зверя и дичь.

За многие годы службы из-за постоянной занятости выбирался на охоту, когда представлялась возможность два-три раза в год, обычно в дни открытия сезона.

Приобщил меня к охоте командующий войсками Петр Николаевич Лашенко. В 1965 году пригласил меня на охоту, и с тех пор я начал, по существу, ездить на охоту и рыбалку. Однако первого кабана, почти случайно, убил в Германии. В 1961 году немецкие пограничники пригласили И.М. Третьяка и меня на охоту. Мы долго охотились, стоя на номерах, за все загоны убили одну или две козы и кабана. Уже к обеду охота закончилась, я устал, сел на пенек и думал о возвращении домой. В это время раздался лай собачонки со стороны загона, приближавшийся в мою сторону. Нехотя изготовился и вдруг внезапно увидел

огромного бегущего в 30—40 метрах кабана, за ним с лаем и гналась собачонка. Я выстрелил два раза, но кабан продолжал бег, через несколько минут раздался пронзительный визг и жалкий лай собаки. Перезарядив ружье, решил посмотреть, что там случилось с собакой.

В 50—60 метрах у сваленного дерева в сухой канаве лежал огромный раненый кабан, а рядом нападающая на него смелая собачонка с окровавленным ухом. Чтобы не рисковать, почти в упор выстрелил в голову кабана. При осмотре у кабана оказалась смертельная рана в сердце от одного из моих выстрелов. Все удивлялись моей удаче, этого кабана никто не видел на номерах и в загоне. Немцы погрузили кабана на машину и увезли, а через несколько дней мне прислали в красивой упаковке клыки, которые хранятся у меня на стене до сих пор, и нам с И.М. Третьяком по 5—6 кг колбасы из мяса убитого кабана.

В Прикарпатье была очень хорошая охота, много уток и зверей. Ездил на охоту с командующим, членом военного совета Геннадием Васильевичем Срединым и председателем трибунала округа Николаем Васильевичем Кравченко. Они были хорошими охотниками и стрелками. Кравченко часто убивал кабанов, а Средин — лисиц. Мне изредка удавалось убить одну-две козы и крайне редко кабана, а наш егерь Степан на Львовском полигоне в 1972 году убил даже двух волков.

Однажды летом, в день открытия сезона, я поехал с сыновьями в район Поворск (в Полесье), охотились на уток. Все вместе мы убили 8—10 уток, из них достали 5 или 6.

Во Львове с женой выезжали на рыбалку. Ловили карпов на озере в нашем окружном охотхозяйстве, на «Майдане», а сын на жерлицы щук и окуней.

Когда бывал в командировках по стране и за границей, меня приглашали на охоту, но я никогда не ездил, чтобы не давать повода для различных разговоров, гнева начальников, а также избежать выпивок.

Когда служил в Москве, один раз охотился на уток в районе Завидовского заповедника, а также дважды с сыном Игорем ездили охотиться на кабана и уток в охотничьем уголке Министерства сельского хозяйства в Калужской области. На кабана охотились

зимой с вышки, сын промазал, а я одного убил, но охота с вышки менее интересна, чем с загона. Зато летом сын отвел душу на красивом озере, он много стрелял и подбил несколько уток, но чуть случайно не поразил ректора МИМО, который напился и со своим сыном сошли с установленных своих мест и бродили в камышах.

Однажды под Коломной охотились с подводы на лосей, и нам под вечер удалось убить небольшого лося.

Сейчас мы стареем, годы берут свое, у жены расшаталась нервы, у меня свои проблемы со здоровьем.

Летом мы отдыхаем и работаем на своей даче, точнее, на садовом участке (6 соток в Подмоскowie). Там всегда много работы, она доставляет радость, но жена часто работала сверх своих сил.

В штабе Объединенных вооруженных сил

В начале января 1974 года я был назначен заместителем начальника штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

Работа в штабе Объединенных вооруженных сил (ШОВС), была новой и имела немного общего с прежней работой.

Организация Варшавского договора (ОВД) являлась военно-политической организацией. Она была создана для обеспечения совместной обороны и безопасности социалистических стран и выступала в качестве гаранта незыблемости итогов Второй мировой войны и послевоенных границ.

Все важнейшие вопросы в организации Варшавского договора решались высшими партийными руководителями с идеологических позиций, иногда превалирующих над насущными государственными и национальными интересами.

В практической деятельности и структуре ОВД преобладало военное содержание.

На Политическом консультативном комитете государств — участников Варшавского договора рассматривались общие политические, экономические и вопросы, относящиеся к укреплению обороноспособности.

В Организации Варшавского договора были созданы Объединенные вооруженные силы, в их состав входили войска и силы флота, выделенные от государств — участников Договора.

Для руководства ими создано Объединенное командование во главе с главнокомандующим, Военный совет, штаб Объединенных вооруженных сил и другие органы управления.

Штаб Объединенных вооруженных сил занимал важнейшее место в системе военных органов, по существу, это был единственный совместный орган Организации Варшавского договора.

Штаб занимался мероприятиями, связанными с подготовкой Объединенных вооруженных сил, повышением их боевой готовности, планированием развития вооруженных сил, оснащением их боевой техникой и вооружением, выработкой единых оперативно-стратегических взглядов, подготовкой войск и сил флотов к совместным действиям, проведением совместных учений, различных совещаний, конференций, а также расширением военного сотрудничества.

Штаб Объединенных вооруженных сил одновременно был рабочим органом Комитета министров обороны и подготовки заседаний Военного совета Объединенных вооруженных сил.

Он состоял из управлений: оперативного, оперативной подготовки, оперативного тыла, отдела связи и шифровального отдела. В нем, как и в Техническом комитете, работали офицеры от всех союзных армий, но основную работу вели советские офицеры. Технический комитет, отдел кадров, финансовый отдел и административно-хозяйственное управление подчинялись непосредственно главкому.

Штаб Объединенных вооруженных сил возглавлял генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко, известный и выдающийся военачальник. В годы войны, будучи начальником оперативного управления Генштаба, он работал непосредственно со Сталиным, после войны длительное время возглавлял Генеральный штаб и занимал другие ответственные должности в Министерстве обороны. Он отличался высокой подготовкой, организованностью и целеустремленностью.

В штабе везде чувствовалась его роль и влияние, ни один вопрос без него не решался.

С.М. Штеменко пользовался большим авторитетом у министра обороны, политических и военных руководителей союзных стран.

Под его руководством штаб и Объединенное командование работали организованно. Заблаговременно планировалась вся работа штаба, управления, отдела, и каждый офицер знал, в какие сроки будут проводиться те или иные мероприятия, когда и какие надо подготовить документы, когда и с какой целью предстоит выезд в служебную командировку.

Комплектование штаба Объединенных вооруженных сил осуществлялось из числа генералов, адмиралов и офицеров всех армий союзных государств. Однако основные руководящие должности в Объединенном командовании: главкома, его заместителей, начальника штаба, начальников управлений и отделов, а также представителей главкома при союзных армиях — занимали советские генералы и офицеры. Только начальник штаба ОВС и председатель технического комитета имели заместителей от каждой союзной армии.

В соответствии с Положением об Объединенном командовании (ст. 21) заместители начальника штаба ОВС были в ранге заместителя начальника Генерального штаба.

На меня, заместителя начальника штаба Объединенных вооруженных сил от Советской Армии, возлагались широкие функции, связанные с подготовкой и проведением Военного совета ОВС, требующих заблаговременной подготовки проектов докладов, рекомендаций и других документов, в том числе сообщения для печати и их согласование. Особенно сложно было согласовать документы с нашим Генеральным штабом и его руководителями, которые, вопреки здравому смыслу, чинили всяческие препятствия в работе и на каждом шагу стремились показать, кто в доме хозяин.

Как показала последующая работа в штабе Объединенных вооруженных сил, военная Организация Варшавского договора была недостаточно эффективна.

Функций оперативного руководства главком и штаб Объединенных вооруженных сил не осуществляли и ими не распоряжались, ограничивались рекомендациями по строительству воору-

женных сил, которые согласовывались, а нередко исходили из Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Войска союзных армий и силы флота, выделенные в состав Объединенных вооруженных сил, в отличие от НАТО, оставались в подчинении национальных командований, располагались на территории своих стран и, по существу, ОВС являлись чисто символическими.

Объединенное командование — главком и штаб ОВС полностью зависели от Министерства обороны СССР, и даже главком и начальник штаба ОВС были соответственно заместителями министра обороны и начальника Генштаба.

Важное место в работе штаба Объединенных вооруженных сил имела подготовка документов, таких как доклады, указания главкома и рекомендации союзным армиям.

Проекты этих документов, которые подписывал С.М. Штеменко, проходили гладко, он вносил небольшие поправки, требовалось перепечатать, и обычно после этого он сразу их подписывал. При этом не терпел малейшей небрежности, неконкретных выражений, повелительного наклонения и описок.

Главкомандующим Объединенными вооруженными силами был маршал Якубовский Иван Игнатьевич. Он выделялся огромным ростом, могучей фигурой и, как казалось, богатырским здоровьем.

И.И. Якубовский в годы войны был боевым командиром танковой бригады, обладал природным умом и мужицкой хваткой, но этого было недостаточно для занятия высокого военно-дипломатического поста, ему не доставало такта, общего развития, грамотности и культуры. Он даже не мог грамотно говорить и писать.

Сложно проходили документы, которые готовились для главкома, иногда видел недочеты документа, что-то его не устраивало, он нервничал, внести поправки или дать конкретные указания был не в состоянии. И.И. Якубовский читал документ и писал что-то вроде: «Оставить то, что надо, и убрать, что не надо» или: «Документ довести до ограниченных лиц».

С.М. Штеменко принимал участие в подготовке документов, но, зная эти особенности главкома, посылал на доклад меня или

начальников управлений, которые разрабатывали данный документ.

После прочтения обычно главком оставлял документ, вызывал приближенных к себе генералов К.К. Пашука, П.С. Отставного или своих журналистов, писавших ему мемуары, поручал им его поправить. Эти ловкие, неглупые ребята вносили в документ незначительные редакционные поправки на первой и последней странице черным или синим жирным фломастером, переставляли слова и предложения и докладывали главкому, что документ сырой и требует доработки. Главком вызывал докладчика, возвращал документ на доработку, сопровождая руганью и угрозами. Кто выдерживал такой стиль работы, тот долго служил в штабе.

На меня возлагалась подготовка заседаний Военного совета ОВС. В его состав входили начальники генеральных штабов или заместители министров обороны союзных армий. Но этих заседаний главком боялся меньше, так как он на них был главным и вел заседание. Однако он всегда волновался и его беспокойство передавалось почти всем.

На одном из заседаний Военного совета маршал К.С. Москаленко предложил снять с повестки дня рассмотрение вопроса о состоянии ракетных войск и артиллерии, мотивируя тем, что он является второстепенным, а также тем, что он якобы не знал о его постановке и обсуждении на Военном совете, и непонятно, кем и с какой целью он выдвинут. В связи с этим вынужден был показать проект плана и внесенные им предложения с его подписью. После этого они вместе с Якубовским не могли мне этого долго простить, якобы я хотел посорить двух маршалов.

По поручению главкома разбирался я с «делом генерал-полковника Рудакова А.П.», который, будучи представителем главкома в Национальной Народной армии ГДР, не считаясь с утвержденными положениями, предложил создать фронтовое управление, воздушную армию, иметь бомбардировочную авиацию, десантно-штурмовые войска и подводные лодки. Все это противоречило Акту о капитуляции, положению договора с Германией, было преждевременным. Через некоторое время он был освобожден от своих обязанностей, но его предложения принесли делу больше вреда, чем пользы.

При докладах главкому старался не сорваться, работа была новой, интересной, и казалось, что все идет нормально. Прибыл из войск, имел опыт самостоятельной работы, многое знал, вносил определенный вклад в работу, особенно по подготовке и проведению совместных учений, подготовке материалов на Военный совет, рекомендаций и донесений.

Мне поручали проводить различные совещания и конференции в союзных странах, выезжал во главе группы офицеров инспектировать 14 гв. мсд ГСВГ. Я принимал участие во всех заседаниях Военного совета Объединенных вооруженных сил и проведении учений, где представилась возможность познакомиться с командованием и войсками союзных армий. Совместно с генералами и офицерами этих армий довелось решать вопросы, особенно часто с моими коллегами-заместителями начальника штаба ОВС от союзных армий.

При работе с командованием союзных армий наблюдал различные подходы к строительству вооруженных сил и отношение к личному составу. Так, в ГДР требовалось усилить противовоздушную оборону на северном участке, мы рекомендовали срочно развернуть там зенитно-ракетные комплексы. Министр обороны ГДР и начальник главного штаба ННА согласились с этим и заявили, что готовы немедленно приобрести комплексы. Однако в настоящее время развернуть там новые части ПВО не смогут, так как нет военного городка, надо построить позиции, казармы, квартиры и хранилища для ракет. Главным у них была забота о личном составе, чего иногда у нас не было.

При выезде в союзные армии иногда представлялась возможность ознакомиться с рядом городов и их достопримечательностями.

Представителями главкома в союзных армиях генерал армии А.Ф. Щеглов, генерал-полковники К.Г. Кожанов, Х.М. Амбарян, А.П. Рудаков, М.Т. Никитин и А.А. Дементьев проводили всю основную работу в странах пребывания.

Поездки за границу в штабе ОВС в ту пору вызывали большой ажиотаж и массу неприятностей, всегда было много желающих. Мне поручали готовить списки, и, конечно, их надо было сокращать, особенно злоупотребляли поездками начальник от-

дела кадров, медицинского отдела и другие лица, приближенные к главкому, которым по их функциям не требовалось выезжать за рубеж.

В соответствии с планом совместных мероприятий в 1974 году намечалось проведение учения по оперативному тылу в Болгарии.

С.М. Штеменко пригласил меня присутствовать на совещании по рассмотрению окончательного варианта учения перед его утверждением. Докладывали, как считалось, знатоки оперативной подготовки генералы Арсеньев и Семенников. Из их докладов стало видно, что предлагается проводить обычное командно-штабное учение с заслушиванием командующих, штабов и начальников родов войск, а из тыловых элементов намечается показ столовой, госпиталя и одного из складов, но детально было расписано, где будет обедать, ужинать и отдыхать главком и руководство учением.

Об этом сказал на совещании и предложил план переработать, насытить его настоящими элементами оперативного тыла сухопутных войск, ВВС и ВМФ и заслушать не только командующих, но и начальников тыла и их начальников штабов. На учении предусмотреть показ: действий временного перегрузочного района на реке Дунай, восстановления участка и железнодорожного моста, тушения лесного пожара на тыловой базе, заправки горючим танкового полка на марше и авиационного полка после боевого вылета, выгрузку боеприпасов с морских транспортов на необорудованном побережье, а прием пищи участниками сбора и учений осуществлять в полевых условиях с солдатских кухонь.

С.М. Штеменко и докладчики опешили, они пытались что-то говорить, ссылаясь, что замысел и план учения одобрен главкомом, согласован с болгарскими товарищами, уже не успеют подготовить показ предложенных мною мероприятий. Я настаивал на своих предложениях и сказал, что такое учение, как они предлагают, проводить не следует, оно будет компрометировать руководство учением и Объединенное командование.

Генерал армии Штеменко все-таки с этим согласился и приказал план проведения учения переделать, предусмотреть все

предложенные мною мероприятия, об изменениях он доложит главкому.

После этого совещания, когда мы остались вдвоем, он сказал, что, вероятно, он уже в плену старых взглядов и методов подготовки войск и ему, наверно, пора уходить в отставку.

Поблагодарив меня за помощь, посоветовал, чтобы смелее вносил все новое и был готов выехать с ним на это и последующие учения в качестве заместителя начальника штаба руководства учением.

Учение по оперативному тылу в БНР было проведено с учетом внесенных предложений, прошло неплохо, но не полностью удалось избежать показной стороны осуществляемых мероприятий.

В канун 20-летия Организации Варшавского договора проводилась большая работа по случаю этой даты.

Мне пришлось вместе с имеющим журналистские способности и хорошо владеющим пером полковником Е.М. Гречихо готовить материал, а фактически писать брошюру главкому «За прочный мир на земле», статьи в ряд газет и журналов. Мне также поручили готовить телефильм «20 лет Варшавскому Договору». Совместно с Александром Каверзневым написал сценарий и был консультантом этого фильма.

После Майских праздников был назначен предварительный просмотр фильма, его должны были смотреть главком И.И. Якубовский, представители Минобороны, ГлавПУРа, работники ЦК. Но А. Каверзнев с фильмом не явился, и три дня его не могли разыскать, не было его на службе, дома и на даче.

Мне пришлось переволноваться и услышать немало упреков от главкома.

С.М. Штеменко меня успокаивал, сослуживцы А. Каверзнева говорили: «И не ищите, у него творческий запой». Через три дня он появился и сообщил, что фильм готов, не волнуйтесь, начальство будет довольным.

А. Каверзнев умело смонтировал многочисленные, найденные им в архивах и на киностудии кадры и интересно их комментировал, несколько раз крупным планом показал партийных и военных руководителей, Л.И. Брежнева, министра обороны и главкома.

Фильм им понравился, в день юбилея ОВД он был показан по всесоюзному телевидению.

Очень жаль, что молодой и талантливый журналист Александр Каверзнев скоропостижно скончался после поездки в Афганистан, его яркие, правдивые репортажи были лучшими с той войны.

Генерал армии С.М. Штеменко ко мне хорошо относился, иногда после окончания рабочего дня он приглашал для обсуждения некоторых рукописей его статей. При этом с замечаниями и предложениями он вначале почти никогда не соглашался, очень сердился, не то что с предложениями по служебным делам, но затем отходил. Через день-два говорил, что замечания учел, раздел уточнил или переработал.

С.М. Штеменко в годы войны и первые послевоенные годы постоянно встречался с И.В. Сталиным. Об этих встречах он говорил неохотно, что-то недоговаривал или боялся, наученный горьким опытом. Из некоторых его высказываний было видно, что он считал Сталина выдающимся политическим, государственным и военным деятелем и полководцем. Подчеркивал его значительную роль в подготовке страны к войне и особенно мобилизации всех ресурсов страны в годы войны.

Однажды Сергей Матвеевич Штеменко, в редкую минуту откровения, незадолго до своей кончины, рассказал об одной из последних встреч со Сталиным. Летом 1952 года после его доклада о наших намечаемых мероприятиях, в связи с интенсивным оснащением США атомным оружием, Сталин неожиданно ему сказал: «Не забывайте, что Генштаб подчинен министру обороны и вы не должны никого информировать (вероятно, имел в виду Берия) о делах армии. Если понадобится, членов Политбюро проинформирует ЦК».

Вскоре С.М. Штеменко был освобожден от должности начальника Генштаба и для приобретения войскового опыта назначен начальником штаба Группы советских войск в Германии.

С большой обидой он вспоминал об одном событии, которое его сильно огорчило. Накануне его освобождения от должности в 1953 году был направлен запрос командующим видами вооруженных сил и округов — какому званию соответствует

С.М. Штеменко по своему опыту и знаниям? Многие ответили, что имеющемуся званию, другие — званию генерал-полковника, а некоторые — два-три командующих, которые его раньше подерживали, — генерал-лейтенанта. Он был снижен в звании до генерал-лейтенанта, и потребовались долгие годы, чтобы снова был восстановлен в прежнем звании.

В апреле 1976 года С.М. Штеменко, а затем министр обороны А.А. Гречко внезапно скончались, и мне это сразу пришлось почувствовать.

Работая в ШОВС, совершил небольшие ошибки, которые сыграли в моей судьбе и дальнейшей службе роковую роль. И.И. Якубовский многим генералам, в том числе и мне, подарил книгу своих мемуаров — «Земля в огне», которую ему написали журналисты. (Он был на войне командиром танковой бригады, а описаны стратегические операции от Балтийского до Черного моря.)

Через несколько дней, идя из столовой вместе с тремя генералами, один из них, К.К. Пашук, спросил, прочел ли эту книгу, ответил, что пока нет, Иван Игнатьевич ее еще, наверное, сам не прочел, она такая толстая (567 страниц).

Этот разговор стал достоянием И.И. Якубовского, он меня вызвал по служебному вопросу, не стал читать представленного документа, оставил его у себя и сказал, что он его почитает, а то некоторые говорят глупости, что «он даже своих мемуаров не прочел». После этого отношение ко мне ухудшилось.

Не сложилась служба с главкомом

В марте 1976 года на одном из служебных совещаний руководящего состава ОВС И.И. Якубовский заявил, что некоторые генералы и офицеры злоупотребляют своим служебным положением, больше установленного срока находятся в служебных загранкомандировках и не представляют докладов о результатах поездки. Привел пример, что я выезжал в Румынию, был там больше срока и о результатах не доложил. Я не выдержал, тут же поднялся и сказал, что в Румынию не выезжал в связи с тем, что эту командировку он отменил.

К.К. Пашук и начальник отдела кадров Н.Е. Зуев, ведающие учетом поездок за рубеж, его подвели. Он опешил, не смог внятно

читать свой доклад, но после совещания вызвал меня и в присутствии Пашука потребовал, чтобы я извинился за допущенную недисциплинированность. Я сказал, что виновным себя не считаю, а извинения за нанесенное мне оскорбление должен принести мне он, товарищ главком.

Через некоторое время, в День Победы, И.И. Якубовский снова вызвал меня и потребовал извиниться за невыдержанность и обман (не сказав какой). После моего вторичного отказа он сказал, что хотел меня простить, но раз так, то он со мной разделяется, так как сейчас уже нет моих покровителей Гречко и Штеменко (они недавно скончались). Не обратил на это особого внимания, считая обычной угрозой. Но случилось самое неприятное.

Начальник Главного управления кадров генерал армии И.Н. Шкадов вызвал меня в ГУК и сказал, что главком И.И. Якубовский требует меня откомандировать (не сказав мне причин), и предложил должность начальника основного факультета Академии Генштаба. Считая ее административной, просил назначить на оперативную работу, он предложил должность первого заместителя начальника штаба Гражданской обороны СССР. При этом И.Н. Шкадов в присутствии начальника 1-го управления генерал-лейтенанта Д.Т. Язова пообещал, что через полгода-год я стану начальником штаба ГО страны, все забудется и будет рассмотрен вопрос о присвоении звания, ГУК поддержит. Я поверил, хотя понимал, что все это одни обещания, предложенная мне должность — не лучшая и мне уже вряд ли удастся вернуться в войска. Жена не хотела выезжать из Москвы, где мы недавно получили квартиру, здесь учились два сына, и вынужден был согласиться с предложенным назначением в гражданскую оборону.

Через несколько лет выяснились некоторые причины моего откомандирования из штаба Объединенных вооруженных сил.

На заседании Высшей аттестационной комиссии Министерства обороны в декабре 1979 года был снят с рассмотрения вопрос о присвоении мне очередного звания из-за наличия партийного взыскания. В действительности никаких партвзысканий я никогда не имел. Когда стало об этом известно, мой начальник генерал армии А.Т. Алтунин написал по этому поводу начальнику Главного управления кадров Шкадову. Он сообщил, что в моих

личных делах имеется ошибочная запись о наличии партийного взыскания «строгого выговора» с занесением в учетную карточку за аморальное поведение, выразившееся в грубом оскорблении гражданки и капитана, злоупотреблении спиртными напитками и неискренности перед партийной организацией, объявленного в мае 1972 г. парткомиссией при политотделе в/ч 30728 Ленинградского округа. Одновременно он сообщал, что в этой части ЛВО службу я не проходил, в это время был начальником штаба Прикарпатского округа, следовательно, запись о партвзыскании внесена позднее по ошибке.

Учитывая, что она оказывает отрицательное влияние на оценку личных качеств, достоинство и повлияла на служебное положение, он просил дать указание рассмотреть данный факт и внести соответствующее исправление в личном деле.

Оказалось, что мой однофамилец служил в Ленинградском военном округе, был заместителем командующего армией по боевой подготовке, его партийное взыскание записали в мое личное дело.

Начальник отдела кадров, получив выписку об объявлении партвзыскания, не разобрался, что в ней идет речь о моем однофамильце, проходящем службу в ЛВО, случайно или умышленно записал это взыскание в мое личное дело и доложил главкому, что я скрыл наличие взыскания. И.И. Якубовский в июле 1976 года направил представление об освобождении меня от занимаемой должности и переводе на другую работу. Так выяснилась одна из причин, послужившая основанием моего откомандирования из штаба Объединенных вооруженных сил.

Нигде и никто не удосужился разобраться с элементарным вопросом — ни ГУК, ни ВАК, ни ЦК.

Заместитель начальника Главного управления кадров генерал-полковник В.А. Гончаров сообщил, что запись в личное дело произведена ошибочно и лица, виновные в этом, уволены из армии (в действительности они были уволены по возрасту).

Даже не верится, что в те годы в нашей армии мог существовать такой произвол и коварство.

Вспоминаю тепло, с уважением и признательностью начальника штаба ОВС генерала армии С.М. Штеменко. Ему при-

шлось разделить на штабном поприще зигзаги судьбы Г.К. Жукова, подъемами и падениями была насыщена его жизнь. Его призванием была штабная работа на высоком посту. Это был умный, талантливый и одаренный генерал. Он глубоко вникал в проблемы, четко формулировал свои мысли, готовил важные документы, всегда находил решение сложных вопросов, работал спокойно. Ему даже иногда удавалось умерить пыл и необузданный нрав Якубовского, тот боялся, что он доложит А.А. Гречко.

С.М. Штеменко внес большой вклад в становление штаба ОВС, организацию его четкой и эффективной работы.

Помню совместную, дружную работу со своими коллегами заместителями начальника штаба ОВС союзных армий: амбициозного И. Крыстева, энергичного Б. Локотоша, пунктуального Н. Кленнера, решительного Ю. Каминьски, осторожного Д. Пэнеску и доброго М. Корбеля.

С уважением вспоминаю многих генералов и офицеров штаба, принимавших участие в организации и проведении основных мероприятий Объединенного командования: А.Г. Мерешко, А.Н. Потемкина, Ф.И. Савельева, В.М. Сычева, М.Н. Титова, К.И. Арсеньева, Е.М. Гречиго и других.

Тяжелая судьба постигла И.И. Якубовского, как пишет В.И. Варенников в своих воспоминаниях, министр обороны Д.Ф. Устинов решил убрать Якубовского, использовал компроматы различных комиссий. Он ему объявил: «Вы не только недорабатываете, вы не выполняете своих функциональных обязанностей, вы совершенно не соответствуете занимаемой должности и наносите ущерб нашему союзу с государствами стран Варшавского договора. Вы не можете больше пребывать на своем посту»¹.

В ноябре 1976 года после тяжелой болезни И.И. Якубовский скончался.

Главкомом ОВС стал маршал В.Г. Куликов, начальником штаба ОВС генерал армии А.И. Грибков, затем на этом посту его сменил генерал армии В.Н. Лобов.

¹ *Варенников В.И.* Неповторимое. Кн. 3. М.: Советский писатель, 2001. С. 265.

Война меня закалила, сделала бойцом на всю жизнь — сильным духом, решительным и настойчивым, не боялся ответственности, начальства и различных трудностей, при неудачах не опускал рук, искал способы достижения цели, а не причины для их объяснения.

Стремился быть первым в учебе и работе, безупречной службой и образцовым выполнением обязанностей добиваться авторитета.

При решении поставленных задач и организации мероприятий всегда помнил «без разведки ни шагу» и продумывал все до мелочей, чтобы исключить неудачи и возможные потери.

Слушал полезные советы, но принимал решение самостоятельно, настойчиво добивался их выполнения. Никогда не забывал о семье, откликался на просьбы друзей, товарищей и подчиненных, при возможности их выполнял.

Главным считал интересы цеха — защиту Родины.

Вынужденная служба

Летом 1976 года я был назначен первым заместителем начальника штаба Гражданской обороны СССР.

О гражданской обороне (ГО) я знал не много. Надо сказать, что в то время среди армейских генералов и офицеров бытовало скептическое и даже ироническое отношение к гражданской обороне, служба в ней считалась бесперспективной.

Конечно, это меня не радовало и желания предстоящая служба не вызывала. Но хотелось показать руководству и ГУКу, что на новой службе смогу проявить себя.

На беседе в ЦК КПСС меня настраивали на серьезное, уважительное отношение к гражданской обороне, говорили, что это сложный и ответственный участок оборонной работы.

Как показала жизнь, они оказались в основном правы. Работа в системе ГО оказалась важной, масштабной и довольно интересной, была связана совместной деятельностью со многими государственными органами и направлена на обеспечение защиты нашего народа. С первого дня службы в ГО выполнял свои обязанности

с большим старанием, вкладывал в работу душу, опыт прежней службы и всю энергию.

Работы было много, порой она была напряженной. Мне нередко приходилось исполнять обязанности начальника штаба ГО СССР, в том числе на всех учениях, проводимых министром обороны, принимать участие в организации и проведении неотложных и многих важных мероприятий.

В марте 1976 года было утверждено новое Положение о Гражданской обороне СССР, и в тот период деятельность всех органов гражданской обороны под энергичным руководством начальника ГО СССР — заместителя министра обороны генерал-полковника Алтунина Александра Терентьевича была направлена на выполнение этого Положения.

Свою работу в штабе, естественно, я начал с изучения Положения о гражданской обороне, других руководящих документов и ознакомления с состоянием гражданской обороны страны.

В состоянии гражданской обороны было много недостатков и нерешенных проблем.

Фонд защиты сооружений — убежищ и укрытий рос медленно, небольшие по объему плана строительства убежищ и укреплений ежегодно выполнялись на 20—30 %.

Городов, в которых для населения должны были строиться убежища, было намного меньше, чем возможных ядерных ударов противника.

В соответствии с принятыми Основными принципами защиты населения, в ряде средних и малых городов не предусматривалось строительство убежищ.

Оперативная подготовка руководящего состава ГО республик и областей была слабой, требовалось приблизить ее к задачам, решаемым в мирное и военное время.

Часто учения превращались в заслушивание докладов различных начальников, не отрабатывались практически вопросы организации и ведения ГО. Из-за участия руководящего состава в этих заслушиваниях проведение комплексных районных и объектовых учений ГО, проводимых одновременно в ряде случаев, поручалось второстепенным лицам, и эти учения также не достигали поставленных целей.

Передача гражданской обороны в состав Министерства обороны способствовала некоторому улучшению подготовки штабов ГО республик, краев и областей. С ними стали систематически проводиться командно-штабные учения, они привлекались на мероприятия оперативной подготовки военных округов.

На меня возлагались обязанности начальника штаба руководства при проведении командно-штабных учений гражданской обороны с республиками и управлениями военных округов, подготовка замысла и плана этих учений, руководство работой штаба при его проведении, а также подготовка материала разбора учения.

Особое внимание на командно-штабных учениях мы стали уделять переводу системы ГО с мирного на военное положение в угрожаемый период и при внезапном нападении противника.

Основную работу по подготовке командно-штабных учений в штабе ГО осуществлял Н.Г. Ганоцкий и Э.И. Мажуховский, имевшие опыт работы в крупных штабах.

В те годы начали проводиться совместные учения ГО соц-стран. Здесь мнегодились навыки организации совместных учений, полученные в штабе Объединенных вооруженных сил. Вместе с полковником Мажуховским мы в 1979 году подготовили, организовали и обеспечили проведение совместного учения Гражданской обороны СССР, ВНР, ПНР и ЧССР.

Значительная часть этого учения проводилась на территории Прикарпатского военного округа. Командующий войсками округа генерал армии В.И. Варенников хорошо организовал и поучительно провел в Закарпатье показное учение по ликвидации последствий ударов противника по узлу железных и шоссейных дорог.

Совместные мероприятия ГО проводились на высоком уровне, с участием глав правительств или их заместителей.

Начальником штаба ГО СССР был генерал-полковник И.Д. Ершов, он был потрясен семейной ситуацией и активности в работе не проявлял. Его сменил А.И. Безотосов, не имевший опыта работы в ГО. Начальником оперативного управления был назначен энергичный генерал-майор В.М. Демяненко.

После выхода нового «Положения о Гражданской обороне», когда министром обороны был Д.Ф. Устинов, стала проводиться

более активно работа в области повышения устойчивости отраслей и объектов народного хозяйства в военное время.

В системе гражданской обороны был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт ГО, разработаны «Общие требования по повышению устойчивости функционирования народного хозяйства страны в военное время». В марте 1979 года они были утверждены ЦК КПСС и Совмином СССР. На их основе были разработаны отраслевые и территориальные требования по повышению устойчивости и развернута работа по их реализации. Проводились специальные комплексные исследовательские учения с отраслями топливно-энергетического комплекса, транспортными министерствами, химической промышленностью и другими, а также в ряде союзных республик. В их подготовке и проведении активное участие принимали Н.Н. Власов, В.А. Андреев, А.М. Артюхов, В.С. Долгополов и другие.

Всесоюзным научно-исследовательским институтом, по инициативе начальника ГО А.Т. Алтунина, был создан учебно-экспериментальный комплекс, где на плакатах и макетах отражались основные требования по повышению устойчивости работы ряда отраслей народного хозяйства, демонстрировались некоторые результаты научных исследований и их реализации. На этом комплексе проводилось обучение руководящего состава партийных, советских и отраслевых органов.

Большая работа была проделана штабом ГО по разработке нового плана Гражданской обороны СССР. Прежний, имевшийся в штабе, по существу представлял собой доклад о состоянии гражданской обороны страны с кратким изложением мероприятий ГО, которые следует проводить в угрожаемый период. Такой план не мог служить основой для управления системой ГО страны.

Основным способом защиты населения городов определялась эвакуация миллионов людей в сельскую местность, которую предусматривалось осуществить в течение одних суток, что было невыполнимо.

Мероприятия по ликвидации последствий нападения противника в плане носили общий, лекционный характер.

Изменения, происшедшие в структуре отраслей народного хозяйства, развитие химической промышленности, ТЭК, атомной

энергетики не были учтены, отсутствовал даже перечень этих крупнейших предприятий.

В разработке нового плана Гражданской обороны приняли активное участие В.С. Караулов, И.В. Пономарев и другие. Проект плана был согласован с Генштабом и Госпланом СССР, доложен министру обороны Д.Ф. Устинову, который дал указание рассмотреть его маршалу С.Л. Соколову и заместителю председателя Госплана Ю.Д. Маслюкову. Мне было поручено, как участвовавшему в разработке, доложить подготовленный проект плана указанным лицам. С.Л. Соколов, который всегда кропотливо и глубоко рассматривал любую проблему, попросил оставить ему план. На следующий день последовал ряд вопросов. Маршал особенно интересовался временем оповещения населения, имеющейся для этого системой оповещения и средствами связи гражданской обороны, реальностью сроков эвакуации населения и обоснованием их соответствующими расчетами, возможностями сил ГО по ведению спасательных неотложно аварийных и восстановительных работ. И пришел к выводу, что план основных мероприятий рассчитан в основном на угрожаемый период, и рекомендовал дополнить его мероприятиями, проводимыми непосредственно в военное время.

Ю.Д. Маслюков интересовался вопросами защиты работающей смены, мероприятиями по обеспечению устойчивости работы ТЭК и высказал сомнение о реальной численности сил ГО. Таким образом, доклад «согласованного» плана оказался непростым делом.

После доработки план Гражданской обороны был подписан министром обороны Д.Ф. Устиновым и в 1980 году был утвержден Советом обороны СССР.

Затем генералы В.С. Караулов и В.А. Андреев разработали рекомендации по планированию гражданской обороны в республиках, краях, областях и отраслях народного хозяйства.

Работа штабов ГО союзных республик по разработке планов ГО осуществлялась совместно с командованием военных округов, активное участие в ней принимали заместители командующих войсками и управления гражданской обороны округов.

Вместе с тем тогда не удалось установить единые степени готовности Вооруженных Сил и гражданской обороны. Первоочередные и некоторые другие мероприятия ГО вводились распорядительным порядком, что могло создать определенные трудности при переводе системы гражданской обороны с мирного на военное время.

С целью повышения надежности защиты населения средних и малых городов были разработаны предложения по совершенствованию принципов защиты населения. На их основе Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию Гражданской обороны СССР», которым предусматривалось увеличение, почти в три раза, количества городов, отнесенных к группам по гражданской обороне, где должно было осуществляться строительство убежищ. По представлению штаба ГО СССР и Мосгорисполкома, Совет Министров принял постановление об укрытиях в убежищах всего трудоспособного населения Москвы.

В стране широко развернулась работа по увеличению строительства убежищ и противорадиационных укрытий. Инженерно-техническим управлением (во главе с Ю.Н. Афанасьевым, В.П. Чеботаревым и А.М. Бариновым) были разработаны основные нормативные документы и рекомендации по строительству убежищ и укрытий, по приспособлению и использованию метрополитенов и горных выработок для защиты населения в военное время и другие документы, а также осуществлялся систематический контроль за строительством защитных сооружений.

В результате принятых мер во второй половине 70-х годов ввод убежищ и укрытий увеличился в полтора раза. Однако продолжалось корректирование заданий плана в сторону его уменьшения, а также медленная реализация рекомендаций по приспособлению заглубленных помещений под укрытия для населения.

Сегодня нередко можно услышать мнение о том, что Гражданская оборона СССР устранялась от участия в работах по ликвидации чрезвычайных ситуаций мирного времени. Это не соответствует действительности. На территории страны, в различных регионах, почти ежегодно возникали массовые лесные пожары и катастрофы на предприятиях. Мне часто приходилось

возглавлять различные оперативные группы, занимающиеся ликвидацией их последствий.

Причиной лесных пожаров нередко являлись беспечность и нарушение населением мер противопожарной безопасности. Отсутствовали необходимые силы для борьбы с пожарами. Министрство внутренних дел во главе с Щелоковым считало, что тушение лесных пожаров не его дело, они отвечают за города. Лесное хозяйство не имело средств для борьбы с массовыми пожарами.

Наша оперативная группа собирала данные о пожарах, докладывала их начальнику гражданской обороны, представляла в Генштаб и Совмин СССР, вносила предложения о проведении дополнительных мероприятий по усилению борьбы с пожарами, привлечении сил гражданской обороны и войск, обобщала данные о результатах их действий, уточняла сложившуюся обстановку в особо опасных районах и контролировала выполнение поставленных задач. Особо запомнилась мне одна из поездок вместе с глубоко знающим дело, опытным и энергичным полковником С.С. Авакимовым в Ивановскую область. Облетев на вертолете все очаги пожаров на территории области, мы увидели, что борьба с пожарами организована плохо и ведется недостаточными силами. На некоторых торфопредприятиях горели гурты торфа по 500 тонн, многим угрожал огонь, а рабочие не привлекались к его тушению и продолжали добычу торфа по соответствующим планам. Местные партийные и советские органы вместо организации борьбы с пожарами просили о помощи из Москвы и других областей.

Информируя первого секретаря обкома В.Г. Ключева и председателя облисполкома о сложившейся обстановке, я предложил местным властям принять срочные меры по борьбе с пожарами. В частности, прекратить добычу торфа и все силы торфопредприятий направить на тушение пожаров и спасение от загорания ранее добытого торфа, обратил внимание на необходимость развертывания воинских частей ГО, призвав военнообязанных запаса из городов и районов области. Ключев с этими предложениями не согласился, мотивируя это тем, что реализация их сорвет выполнение народнохозяйственного плана. Он хотел, чтобы военнообяз-

занных из городов и районов области не призывали, а воинские части ГО направили сюда из соседних областей. Он позвонил даже секретарю ЦК партии Капитонову (бывшему первому секретарю Ивановского обкома), высказал свою точку зрения и попросил его переговорить со мной. В разговоре с И.В. Капитоновым я сказал, что в настоящее время нет возможности выполнить пожелания первого секретаря обкома, так как сильные лесные пожары охватили многие области. В тот же день об этом я доложил А.Т. Алтунину, несмотря на возражение С.Ф. Ахромеева.

В итоге было принято решение о развертывании частей ГО, дислоцируемых в области, а также о привлечении трубопроводных подразделений Советской Армии для борьбы с пожарами в Ивановской области. Так что негосударственный подход к делу бывал и у секретарей обкомов партии.

Массовые лесные пожары возникали периодически в различных регионах страны.

Так, в 1980 году сильные пожары охватили Восточную Сибирь и Дальний Восток, на 1 июля было 280 очагов пожаров (ежедневно возникало 30—60 возгораний), охвативших площадь 33 тыс. гектаров. Для их тушения привлекалось около 8 тысяч человек и 370 единиц техники.

Летом 1981 года лесные и торфяные пожары бушевали в Подмоскowie и нечерноземной полосе. Для их тушения было возвращено 10 воинских частей ГО — семь полков и три отдельных батальона. Личный состав этих частей проявил мужество и стойкость в борьбе с пожарами, их активными действиями пожары были ликвидированы.

Министр обороны СССР в своем приказе № 221 от 17 августа 1981 г. отметил добросовестное отношение к выполнению воинского долга офицеров и солдат, принимавших участие в тушении лесных пожаров.

Сильные пожары в Подмоскowie и на всей территории нечерноземной полосы подвергли серьезным испытаниям ГО, воинские части и невоенизированные формирования, всю систему гражданской обороны.

Кроме пожаров было много других аварий и катастроф на промышленных предприятиях и на транспорте.

Произошли тяжелые случаи заражения реки Днестр отходами калийного химпредприятия, а также реки Северная Двина топливом упавшей второй ступени баллистической ракеты, запущенной с Плесецкого полигона.

Пьяный машинист в Кемерово неправильно перевел стрелки и поезд врезался в стоящую на железнодорожных путях цистерну с хлором. В результате был заражен цех и поражены десятки рабочих.

Везде надо было принимать срочные меры. Силы гражданской обороны — воинские части ГО и невоенизированные формирования постоянно привлекались для ликвидации стихийных бедствий, аварий и катастроф. Руководство ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС) часто возлагались на энергичных и инициативных заместителей начальника ГО генералов Б.П. Иванова и Д.И. Михайлика.

Борьба с ЧС заставила серьезно задуматься о роли и месте гражданской обороны в мирное время, а также о необходимости принятия ряда мер по повышению возможностей сил ГО для эффективной борьбы со всеми видами чрезвычайных ситуаций.

Привлечение сил гражданской обороны для ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф показало, что требуются заблаговременная подготовка сил, а также их специальное оснащение, более совершенные приемы и способы действий.

В республиках, краях, областях и крупных городах были созданы мобильные отряды специальной защиты для ликвидации последствий аварий на химически и радиационно опасных объектах, АЭС и при транспортировке сильнодействующих ядовитых веществ.

Наиболее подготовленными и мобильными силами ГО являлись воинские части ГО — отдельные механизированные полки и батальоны, отдельные батальоны и роты специальной защиты и созданные вертолетные отряды.

Были проведены специальные учения на ряде АЭС по защите персонала, проживающего вблизи населения, и ликвидации последствий аварии. Надо сказать, что в то время руководители страны и гражданской обороны, Академия наук СССР и ученые-

атомщики не знали и даже не представляли возможных масштабов и последствий аварии на АЭС, какие силы и средства понадобятся для ликвидации ее последствий и какое время займут эти мероприятия.

Изменения, происшедшие в структуре отраслей народного хозяйства (особенно химической промышленности, ТЭК, атомной энергетике), требовали расширения задач ГО, сосредоточения усилий на их решении в мирное время, создания необходимых сил гражданской обороны, постоянно находящихся в повышенной готовности и оснащенных необходимой техникой и приборами, нужны были такие силы, которые способны вести спасательные работы в крупных специфических очагах поражения.

В начале 80-х годов по инициативе Генерального штаба изучалась проблема создания единых органов местного военного управления — объединения военных комиссариатов и штабов гражданской обороны. С этой целью проводились опытные исследовательские учения в Северо-Кавказском военном округе. Начальник Гражданской обороны генерал армии А.Т. Алтунин первоначально поддерживал идею объединения военных комиссариатов и органов ГО, вероятно преследуя определенные цели, но затем он изменил свое мнение.

На стратегическом учении, во время доклада министру обороны, начальник Генерального штаба маршал Н.В. Огарков спросил у меня, что я думаю об объединении военкоматов и штабов ГО. Я ответил, что их объединение будет способствовать улучшению единства управления и мобилизационной подготовки Вооруженных Сил. Однако эти органы имеют различные функции и их объединение значительно затруднит работу военных комиссаров и приведет к ослаблению повседневного руководства гражданской обороной, военкомы ее не знают, а начальники ГО лишатся своих штабов, это окажет отрицательное влияние на состояние ГО. Маршал Огарков не согласился с этим мнением.

Эксперимент по созданию объединенных органов управления — объединение военкоматов и штабов ГО — не повлиял на улучшение состояния гражданской обороны.

В тот период встал вопрос о месте гражданской обороны в структуре государственных органов: вносились предложения

о создании самостоятельной структуры ГО, а также раздавались голоса о возвращении гражданской обороны в состав МВД.

Министром обороны Д.Ф. Устиновым было принято решение сохранить прежнюю структуру и подчиненность гражданской обороны.

Подчинение начальника Гражданской обороны СССР министру обороны и его роль заместителя министра принижали его положение и затрудняли повседневное руководство гражданской обороной, это сказывалось на оперативности управления, часто сдерживало развитие и совершенствование ГО. Подчас труднее было согласовать предложения и проекты документов с Генштабом, чем с непримиримым Госпланом. А основная часть расходов на мероприятия гражданской обороны шла не по линии Минобороны, а за счет республиканских и местных бюджетов. Союзные республики, в частности, были обязаны создавать и реконструировать защищенные пункты управления.

Получив информацию, что строительство пункта управления для партийных и республиканских органов в Азербайджанской Республике ведется неудовлетворительно, я должен был проверить эти данные.

После прибытия в Баку выехал на объект и убедился, что строительство идет плохо, отстает от графика и, по существу, еще только началось (был открыт котлован, и в нем стоял неработающий бульдозер). Утром прибыла группа строителей и начальников, но все они не работали.

Доложил в Баку о состоянии строительства первому секретарю ЦК партии К.М. Багирову и председателю Совмина республики Г. Сеидову. Они приняли решение на следующий день провести расширенное заседание бюро ЦК партии по данному вопросу. На нем были подвергнуты критике руководители, виновные в срыве строительства, их всех грозили освободить от занимаемых должностей и привлечь к партийной ответственности. Меня заверили, что будут приняты меры для ввода объекта в установленный срок.

После заседания бюро один из руководителей республики, участвовавший в заседании, сказал мне, чтобы я не верил руководству республики. Когда через год я снова прибыл в Баку на командно-штабное учение и выехал на тот же объект, убедился,

что все там осталось почти без изменений, пункт управления не был готов и никто не был привлечен к ответственности.

Да, «Восток дело тонкое».

Следует отметить, что наряду с разносторонней деятельностью Центрального аппарата ГО — штаба и управления ГО СССР — вся практическая работа проводилась штабами ГО республик, краев, областей, городов, отраслевых звеньев, командирами частей ГО.

При этом особо можно отметить успешную и плодотворную работу начальников штабов ГО республик Д.А. Крутских, В.Д. Чижга, А.Л. Гришагина, С.С. Ахунджанова, М.А. Мурадяна; начальников штабов ГО автономных республик, краев и областей А.И. Седанова, М.И. Ракчеева, Н.П. Варягова, И.М. Кузьева, В.К. Мячина, В.Г. Патриковца, В.Г. Пантелеенко, А.Г. Кондрашева, начальников штабов городов А.Г. Котова, А.Н. Шустова, П.И. Ефремова, зам. командующих округов по ГО М.М. Букштыновича, А.Г. Камкова, командиров частей Г.Н. Кириллова, И.Я. Рогозова, Л.В. Стрельчука, В.Х. Хотова, В.В. Хрусталева и других.

Я уже писал о многих, с кем пришлось работать. Конечно, также тепло вспоминаю: В.А. Грекова, Н.Н. Долгина, А.В. Дронова, К.А. Гусева, В.Н. Завьялова, М.Н. Крякина, А.А. Корнышева, А.И. Корнеева, В.Н. Лунина, Н.Д. Тараканова, Н.И. Трифонова, А.Н. Хоменко, С.А. Ерошкевича и многих других.

Понимание сложных проблем ГО и повседневную большую помощь в работе штабу и управлению ГО оказывали сотрудники ЦК партии А.И. Голяков, Н.Н. Долгин и работники Госплана А.Г. Нелепа и В.С. Володин.

Работая в штабе ГО, мне пришлось присутствовать на заседаниях Совмина, которые четко, уверенно и блестяще вел Алексей Николаевич Косыгин. Он всесторонне рассматривал вопросы, быстро их решал; главное, требовал определить расходы на реализацию предложений и источники их покрытия, без этого он решений не принимал. Присутствовал на многих заседаниях коллегий и совещаниях у министра Д.Ф. Устинова, а также всех совещаниях руководящего состава Вооруженных Сил.

Неоднократно докладывал на крупных учениях министру обороны Д.Ф. Устинову и начальнику Генштаба Н.В. Огаркову. Обычно доклады проходили хорошо, замечаний не было. Д.Ф. Устинов

спокойно слушал доклады, больше сам говорил о мерах, принимаемых ЦК партии и правительством по укреплению обороноспособности страны и оснащению наших Вооруженных Сил.

С.Ф. Ахромеев, при докладе ему предложений и документов, всегда стремился найти повод, чтобы их не поддержать и оставить все по-прежнему.

Мне довелось встречаться с некоторыми министрами СССР, председателями советов министров и первыми секретарями ЦК республик, а также секретарями обкомов партии.

За рубежом встречался со всеми министрами обороны, с начальниками генеральных штабов и их заместителями, начальниками ГО союзных стран. Конечно, от всех этих встреч воспоминаний и впечатлений осталось много.

Это были годы важной и напряженной работы по укреплению обороноспособности страны. В те годы была проведена определенная работа по созданию и совершенствованию системы гражданской обороны. Выработаны взгляды на защиту населения, повышение устойчивости функционирования народного хозяйства в военное время, осуществлялось строительство убежищ и укрытий, а также проводились меры, направленные на повышение готовности сил ГО. Вместе с тем гражданская оборона страны не располагала силами и средствами для борьбы с массовыми лесными пожарами, ликвидации последствий ударов противника, крупных аварий и катастроф, особенно на предприятиях химической промышленности и атомной энергетики.

Ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС, а также землетрясения в Армении показали наличие в системе гражданской обороны существенных недочетов. Требовалось создание в стране надежной системы гражданской защиты, способной решать задачи в мирное и военное время.

В Центре оперативно-стратегических исследований

При увольнении из армии у меня осталось немало сил и энергии, обладал определенными знаниями и некоторым опытом военной и государственной службы, поэтому обратился к начальнику

Генштаба о представлении возможности работать консультантом.

. В марте 1986 года был подписан приказ о назначении консультантом в создаваемый Центр оперативно-стратегических исследований Генерального штаба.

Исполнял обязанности начальника Центра генерал-лейтенант В.В. Коробушин, бывший заместитель начальника Главного штаба РВСН. Мы с ним встречались на различных совещаниях и заседаниях, в том числе в комиссии по «Основам подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР», где он иногда выступал о действиях ракетных войск, но не отстаивал своего мнения, особенно если замечания делал старший начальник. Он знал ракетную технику, систему боевого управления стратегическими ядерными силами, а также космические средства, поэтому, вероятно, вскоре возглавил Центр, уделяя основное внимание использованию этих средств и поддерживая все идеи Ахромеева.

Вопросами стратегии и оперативного искусства Центр, по существу, не занимался.

В Центре работали многие подготовленные генералы и офицеры: В.Н. Маганов, В.Н. Максимов, М.С. Виноградов, В.Г. Сусоев, А.Ф. Клименко, В.А. Чирвин, Е.М. Гречихо, П.М. Лапунов и другие. Моими коллегами-консультантами были адмирал Николай Николаевич Амелько и, уже выработавшийся 85-летний генерал-лейтенант Иван Владимирович Ковалев, бывший нарком путей сообщения при Сталине, занимавшийся проблемами военной экономики.

Я был консультантом по вопросам стратегии. На меня возлагалась подготовка предложений по проекту «Основ подготовки и ведения операций». Они были громоздки, состояли из пяти книг, объемом тысячи страниц, их и прочесть было трудно, многие положения были разработаны излишне детально и больше относились к прошлой, а не будущей войне.

Мною был уточнен и переработан раздел: «Возможный характер войны в начале XXI века», а также некоторые другие разделы.

Мне было поручено подготовить доклад «О советской военной доктрине». Когда изучил имеющийся материал по этой

теме, то оказалось, что положения советской военной доктрины не разработаны. Положения военно-политической стороны доктрины были написаны с идеологических позиций и носили пропагандистский характер. Положения военно-технической стороны доктрины содержались в выступлениях политических и военных руководителей, их указаниях, приказах министра обороны и «*Основах подготовки и ведения операций*», но они не были обобщены и имели противоречия.

Конечно, в оперативном плане были изложены вопросы ведения вооруженной борьбы и стратегических операций, но естественно, что эти планы были закрытыми и хранились соответствующим образом.

Вызывали сомнения положения о ведении стратегических наступательных операций на всех направлениях, массированном применении ядерного оружия (без учета последствий), победоносном завершении войны, триумфе мировой системы социализма и многие другие положения.

По своей инициативе стал дорабатывать военную доктрину, некоторые из положений были использованы при разработке других документов.

Много было надуманных, политизированных положений о ведении ракетно-ядерной войны, далеких от реальной действительности. Наши политические руководители заявляли, что война вызовет небывалый подъем освободительной борьбы и победителем в войне будут народы, и они сметут и похоронят империализм.

Утверждение, что любой вооруженный конфликт, ограниченная и локальная война неизбежно перерастут в ядерную войну, были необоснованны.

В 80-е годы позиционная оборона рассматривалась как основной способ обороны, и ее система напоминали оборону наших войск под Курском. Вызывали сомнение взгляды о прорыве обороны на узком участке фронте, с массированным сосредоточением войск. Не разрабатывались способы ведения локальных войн и применения высокоточного оружия, а отставание средств разведки не обеспечивало наблюдения за полем боя и получения данных для применения оружия в реальном масштабе времени.

Часто вспоминали о разработке нами теории глубокой операции в 30-е годы, передовую советскую военную науку, а на деле мы отставали от современных взглядов США и НАТО.

Застой в развитии военного искусства проявился при ведении нами боевых действий в Афганистане и Чечне.

Когда доложил об этом руководству Центра и Генерального штаба, они в основном со мной согласились, но не стали докладывать министру обороны и приказали: «Оставить все по-прежнему».

В Центре выполнялась НИР «Влияние аварий и разрушений АЭС на боевые действия Вооруженных Сил», в этой работе я принимал активное участие. Написал несколько разделов, введение и заключение, а также доклад начальнику Генштаба по итогам научно-исследовательской работы.

Готовил отзывы на диссертации, некоторые из них не имели практической ценности. Так, докторская диссертация одного старшего научного сотрудника о развитии средств противовоздушной обороны не содержала ничего полезного, автор даже не знал существующих средств ПВО. Это была наукообразная работа, состоящая из схоластических формул и графиков. Сделал заключение, что работа недиссертательная и не принесет практической пользы. Однако заместитель начальника Центра порекомендовал ему защищать диссертацию в каком-то Высшем училище ПВО и поддержал защиту, так как ему требовалось написать в своем отчете, что в Центре развернулась научная работа по написанию докторских диссертаций.

Анализ состояния и разработанных планов развития наших Вооруженных Сил требовал их перестройки и реорганизации в современную армию, оснащенную новым, высокоточным оружием, комплектуемую на профессиональной основе, сокращения ее численности, совершенствования, организационной структуры, упразднения некоторых многочисленных Главкоматов и центральных управлений. В связи с тем, что все эти предложения не нашли поддержки в Центре и Генштабе, в 1989 году, представил их министру обороны и Президенту СССР. Учитывая, что они представляют определенный интерес, были актуальными и важными, привожу их содержание (в прежней редакции).

Предложения о перестройке Вооруженных Сил

Наши Вооруженные Силы длительное время готовились к ядерной и продолжительной обычной войне и оснащались значительным количеством ядерного и обычного оружия. Сверхвооруженность считалась основным средством обеспечения безопасности.

В соответствии с этим создавались огромные арсеналы ядерного оружия, многократно превышающие осязаемые критерии гарантированного нанесения неприемлемого ущерба.

Несмотря на наличие ядерного оружия, усиленно развивались Сухопутные войска. На Западе и Востоке создавались многотысячные группировки танков, артиллерии и другой боевой техники. Создавалась военная мощь, которую нельзя эффективно использовать для предотвращения войны в современных условиях и наносящая ущерб политическому престижу страны.

При определении характера будущей войны во многом не учитывалось влияние ядерного оружия на ведение боевых действий обычными средствами и невозможность проведения крупных операций для достижения решительных военно-политических целей. Таких целей Вооруженные Силы достигнуть не смогут из-за постоянной угрозы применения ядерного оружия. В кризисной ситуации — при разгроме своих войск, потере значительной части территории или важнейших районов — сторона может применить ядерное оружие. Удары обычными средствами по АЭС, химическим и другим опасным объектам могут также вызвать губительные последствия. В связи с этим война обычными средствами, по-видимому, будет носить непродолжительный, ограниченный по военно-политическим целям характер. После применения ядерного оружия войска боевых действий вести не смогут. Следовательно, предназначенные для этого многочисленные сухопутные войска с обычными вооружениями во многом потеряли свое значение.

Вместе с тем в будущем нельзя не учитывать военную угрозу, стремление определенных кругов решить споры при помощи силы, а также исключать военные действия и конфликты различной интенсивности.

Наши Вооруженные Силы будут оставаться гарантом безопасности и должны быть способны эффективно действовать в любых условиях.

1. Для нанесения ответного удара, в случае если страна станет объектом нападения, необходимо иметь стратегические ядерные силы, способные не допустить безнаказанного ядерного нападения в любой, самой неблагоприятной обстановке.

В настоящее время мы имеем около 10 тысяч ядерных зарядов на стратегических носителях, что обеспечивает многократное уничтожение всех важнейших объектов и нанесение неприемлемого ущерба США и ведущим странам мира. Их количество не вызывается необходимостью, так как одноразовое поражение приведет к нанесению неприемлемого ущерба и уничтожению человечества.

После достижения договоренности с США о сокращении стратегических вооружений оставшиеся 10–20 % ядерных сил смогут обеспечить нанесение ответного удара и причинить уровни неприемлемого ущерба США и другим ведущим странам.

У нас значительное количество тактического ядерного оружия, обеспечивающего сдерживание и разгром противника на театре военных действий. Только в Европе несколько тысяч ударных самолетов-носителей ядерного оружия, ядерных ракет с дальностью до 500 км и орудий атомной артиллерии. Они и некоторые тактические ракеты имеют малую дальность и недостаточно эффективны. Можно идти на сокращение количества тактического ядерного оружия, особенно на договорной основе, а в последующем на их полную ликвидацию.

2. Структура руководства Вооруженными Силами, в том числе Министерства обороны, громоздка, содержит излишние звенья, большую численность, искусственно раздута и дорогостоящая.

В составе Вооруженных Сил пять Главкоматов видов Вооруженных Сил, четыре Главкомата направлений, Главком Западной группы войск, множество (около ста) Главных и Центральных управлений, самостоятельных управлений и отделов. Общая численность их составляет десятки тысяч человек.

Наряду с традиционными видами Вооруженных Сил — Сухопутными войсками, Военно-воздушными силами и Военно-

морским флотом, существующими в других армиях, имеются Главкомы Ракетных войск и Войск противовоздушной обороны. Они, как и Главком Сухопутных войск в боевом управлении, по существу, участия не принимают. Наличие этих видов Вооруженных Сил в период их создания и становления было оправдано.

В настоящее время, учитывая ликвидацию РСМД и договоренность с США о сокращении стратегических ядерных вооружений, Главкомат Ракетных войск, как и штабы ракетных армий, не участвующие в управлении боевыми действиями, являются ненужными. Управление ракетными соединениями и частями, как и всеми стратегическими ядерными силами, осуществляет непосредственно Генеральный штаб, других промежуточных звеньев не требуется. Ссылки на то, что упразднение Главкомата Ракетных войск усложнит работу, необоснованны и являются очередной ведомственной попыткой сохранить сложившийся многочисленный управленческий аппарат и его органы.

В Главном оперативном управлении Генштаба имеется специальное управление, планирующее ядерные удары, осуществляющее управление и занимающееся развитием Ракетных войск, и всю работу они могут вести самостоятельно, без привлечения других органов.

Управления Главкома Ракетных войск и ракетных армий являются излишними звеньями, и их следует упразднить. Для контроля за боевой подготовкой и проведением технической политики в мирное время достаточно иметь Главное ракетное управление в составе 3—4 управлений.

Требуется сократить и численность Ракетных войск. У нас имеется Главкомат, пять ракетных армий, многие десятки ракетных дивизий. Их общая численность в три-четыре раза превышает численность всех американских стратегических наступательных сил. (В составе американских ВВС всего семь крыльев по 150—200 пусковых установок, состоящих из трех-четырех эскадрилий по 50 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет в каждой.)

3. Для обеспечения надежной обороны в настоящее время и на перспективу наши обычные Вооруженные Силы должны быть реорганизованы, их структура изменена, численность уменьшена.

Их основу должны составить преобразованные Сухопутные войска, Военно-воздушные силы и Военно-морской флот. Учитывая размеры нашей территории и протяженность границ, вместо многочисленных Сухопутных войск для отражения нападения необходимо иметь высококомобильные силы, способные быстро маневрировать и наносить удары на любом направлении.

Крупные авиационные группировки должны быть главной ударной силой и основным средством маневра Верховного Главного командования.

Для этого Военно-воздушные силы должны иметь в своем составе 6—8 мощных воздушных армий, созданных на базе объединения многочисленных воздушных армий фронтовой авиации оперативного назначения. Они должны находиться в подчинении Главкома ВВС и использоваться централизованно. При возникновении угрозы авиационная группировка в составе одной или нескольких воздушных армий будет перебазируется на данное направление.

Для их действий на территории военных округов на всех стратегических направлениях должны быть заблаговременно созданы сеть аэродромов, базы материально-технического обеспечения с необходимыми запасами боеприпасов, горюче-смазочных материалов, построены дороги, трубопроводы и укрытия для самолетов. В некоторых регионах такие условия в основном имеются. Вместе с тем для обеспечения двойного базирования авиационных группировок, с учетом их состава, дополнительно потребуется строительство ряда новых аэродромов, их оборудование, укрытие запасов и другие.

Авиационные группировки смогут быстро, без громоздких тылов, перебазироваться на заранее подготовленные аэродромы и вести боевые действия на том или ином направлении.

Сухопутные войска и ВМФ в своем составе должны иметь авиацию, предназначенную для действий совместно с войсками и силами флота. При этом в Сухопутных войсках должна быть армейская авиация, состоящая из бригад, вооруженных самолетами, вертолетами, а также беспилотными самолетами-разведчиками. Истребительная авиация должна взаимодействовать с ЗРВ в об-

щей системе ПВО. Истребители-перехватчики ПВО следует заменять на самолеты многоцелевого назначения.

4. Возросшая роль морской мощи, огромные океанские и морские акватории, прилегающие к СССР, значительные силы флотов США и ряда других стран требуют наличия в составе наших Вооруженных Сил ВМФ, способного отразить нападение с моря, вести борьбу с силами флотов и выполнять другие боевые задачи.

Программа развития флота должна быть уточнена, особенно касающаяся строительства авианосцев, подводных ракетных крейсеров типа «Тайфун» и многочисленных типов различных кораблей.

В составе ВМФ должна быть авиация оперативного назначения, способная наносить удары по силам флота, прикрывать районы базирования и боевых действий.

Подводные лодки, вооруженные МБР, для своих действий должны шире использовать прилегающие моря Северного Ледовитого океана.

Флот должен располагать необходимым количеством экипажей, особенно подводных лодок, состоящих из профессионалов высокого класса.

5. Сухопутные войска следует преобразовать, в их состав включить Войска ПВО.

Многочисленные группировки этих войск, вооруженные тысячами танков, орудий и бронетранспортеров и другой боевой техникой, являющейся данью прошлого застойного мышления, постепенно надо сокращать. При наличии ядерного оружия, мощных Военно-воздушных сил и сильного Военно-морского флота, с позиций оборонной достаточности, их можно сократить на 30—40 %, до уровней вооруженных сил сторон на Западе и Востоке. Сокращение войск следует осуществлять постепенно, в одностороннем и двухстороннем порядке.

Вместе с тем в приграничных военных округах необходимо иметь определенное количество мотострелковых и танковых дивизий, способных прикрыть границу, сдерживать продвижение противника в приграничных районах и обеспечить нанесение ударов авиацией и другими средствами.

Дивизии должны быть способны к самостоятельным действиям и подготовлены к быстрому выдвигению, ведению обороны и нанесению стремительных ударов.

Воздушно-десантным войскам, как показал опыт боевых действий в Афганистане, принадлежит важная роль, они должны стать основным родом войск и могут использоваться для выполнения особых боевых задач.

Количество воздушно-десантных соединений и частей в составе ВС желательно увеличить.

В Сухопутных войсках надо иметь один тип армии — общевойсковую, в связи с этим танковые армии следует преобразовать в общевойсковые армии. Это позволит унифицировать оргструктуру органов управления армейского звена, иметь разнообразные по составу армии.

6. Система противовоздушной обороны страны и руководства ею требуют совершенствования. Она создавалась для прикрытия объектам и отражения массированных налетов авиации.

Современные самолеты, особенно вооруженные ракетами, имеют возможность, не подходя к объектам, поражать их с дальних расстояний. Управление ПВО мыслилось осуществлять централизованно из Москвы, что при высоких скоростях самолетов сейчас является нереальным.

При огромной территории страны и воздушных пространств управление будет носить в основном децентрализованный характер.

В наших Вооруженных Силах, наряду с наличием Войск ПВО, имеются также многочисленные войска ПВО Сухопутных войск, состоящие из зенитно-ракетных, зенитно-артиллерийских и радиотехнических соединений и частей (войсковая ПВО), предназначенная для прикрытия войск. Разумная достаточность требует исключить излишества и объединить силы и средства Войск ПВО. Зенитно-ракетные войска и радиотехнические части (кроме системы ПРО) должны входить в состав СВ. Ответственность за ПВО страны следует возложить на главкома Сухопутных войск и командующих войсками округов.

Они смогут использовать все силы и средства ПВО на территории округа и обеспечить их боевыми действиями на всех на-

правлениях. В их подчинение должны быть переданы из состава Войск ПВО армии, корпуса и дивизии ПВО с подчиненными им частями.

В связи с передачей в состав Сухопутных войск боевых космических средств потребуется рассмотреть вопрос о создании командования стратегических оборонительных сил на базе ГУКОСа, противоракетной и противоспутниковой обороны.

Если на Главкомат Сухопутных войск ответственность за ПВО страны возложена не будет с учетом его ограниченных функций по управлению войсками в военное время, в этом случае этот орган представляется излишним.

Возложенной на него подготовкой стратегических резервов может руководить Главное управление боевой подготовки Сухопутных войск Министерства обороны.

7. Гражданская оборона во всех странах мира входит в министерство внутренних дел (в США подчинена президенту).

Задачи, возлагаемые на гражданскую оборону, существующий состав сил и средств, в большей степени соответствуют задачам, решаемым МВД.

В Советском Союзе, в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, МПВО (ГО) также входила в МВД, а затем была передана в Министерство обороны. В составе МВД и сейчас находятся основные службы гражданской обороны — пожарная и общественного порядка.

Начальниками гражданской обороны республик являются председатели Советов Министров, а краев, областей городов и районов — председатели исполкомов Советов народных депутатов, которым подчинены местные органы внутренних дел. Они, через штабы и службы ГО, организуют практическую работу на объектах народного хозяйства, в районах и городах по защите населения и ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий.

Вероятно, неправомочно подчинение всех указанных выше лиц начальнику Гражданской обороны — заместителю министра обороны.

Начальник гражданской обороны — заместитель министра обороны, кроме передачи, с разрешения Генштаба, частей ГО в рас-

поряжение республик, не может оказывать влияния на ведение спасательных, неотложно-аварийных и восстановительных работ в республиках, областях и городах.

Для руководства ликвидацией последствий крупных аварий и стихийных бедствий создаются правительственные комиссии.

Управление ГО носит децентрализованный характер. Гражданскую оборону надо «довоенизировать». Аппарат гражданской обороны в центре и на местах, в том числе количество военнослужащих, следует сократить.

В центре необходим орган (штаб, управление ГО) для сбора данных обстановки и информации, осуществления в мирное время технической политики в области оснащения специальной техникой, а также руководства подготовкой сил ГО.

Гражданская оборона должна содержаться на республиканском и местных бюджетах, что не будет приводить к проведению излишних мероприятий, созданию многочисленных военизированных штабов и накоплению миллионов ненужных противогазов.

Для эффективных действий в экстремальных условиях, как показали ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС и землетрясения в Армении, требуется иметь в республиках силы, оснащенные специальной техникой и приборами, подобными пожарным частям МВД.

Следовательно, Гражданскую оборону целесообразно передать в Министерство внутренних дел или создать в стране службу Гражданской защиты. Войска Гражданской обороны исключить из состава Вооруженных Сил, что приведет к уменьшению их общей численности.

8. В составе Вооруженных Сил в 1984 году были созданы Главкоматы направлений для стратегического руководства войсками, планирования и руководства стратегическими операциями на театре военных действий, которые в тот период еще предусматривались.

В мирное время они, по существу, дублируют функции командующих войсками округов и группами войск и являются промежуточным, излишним органом управления.

В последние годы угроза войны ослабела и наличие Главкоматов направлений совершенно неоправданно и наносит политический ущерб.

Количество военных округов, на наш взгляд, сокращать не следует. Они являются важнейшими территориально-общевойсковыми объединениями, выполняющими ответственные задачи по подготовке ВС, укомплектованию, отмотилизованию и боевой подготовке войск и др.

Управления округов обустроены, их аппарат сложен, небольшой по численности и необходим.

В связи с изменением военно-политической обстановки и предназначения ряда округов, численность их управлений можно несколько сократить, перевести на другой штат (разряд).

Излишним является наличие Московского округа ПВО (в том числе и по моральным соображениям). Его функции могут быть возложены на Особую армию, которая должна входить в состав Московского военного округа. Тогда все военные округа будут нести ответственность за ПВО территории округов.

9. В Министерстве обороны в последние годы создан ряд Главных и Центральных управлений (ГлавКЭУ, Центральные вещевое, продовольственное, ГМС, автодорожное и другие). В период Великой Отечественной войны, когда численность армии и объем работы были большими, имелись обычные управления (отделы). Их реорганизация в управлении позволит высвободить 20—30 % численности.

В Министерстве обороны много должностей различных заместителей, одновременно занимающих другие должности. Нет надобности и, вероятно, неправильно, чтобы главкомы видов Вооруженных Сил, начальники тыла, вооружения, строительства и расквартирования войск, технической комиссии и гражданской обороны одновременно являлись заместителями министра обороны. Их основные должности определяют положение, права и обязанности. Право выхода в другие ведомства и льготы им могут быть предоставлены и без возведения в ранг заместителя министра обороны.

10. В Вооруженных Силах подготовка офицерского состава, его количество, прохождение службы и присвоение званий во

многим неупорядочены (у нас во много раз больше генералов и офицеров, чем в США).

В Вооруженных Силах много различных академий и вузов, имеется возможность сократить 5–6 академий и до 35 % высших военных училищ.

С целью улучшения подготовки офицерских кадров следует объединить ряд военных академий.

Иметь по одной академии в каждом виде Вооруженных Сил, а также академии по подготовке кадров для всех Вооруженных Сил.

Подготовку общевойсковых командиров Сухопутных войск, в том числе танковых войск, осуществлять в Академии имени М.В. Фрунзе, объединив с Академией бронетанковых войск.

Объединить две академии Войск ПВО.

В ВВС также можно иметь одну академию в составе командного, инженерного и других факультетов.

После сокращения стратегических вооружений, в том числе Ракетных войск, рассмотреть целесообразность объединения Академии РВ имени Дзержинского с артиллерийской академией в Ленинграде, а после ликвидации химического оружия — возможность создания на основе академий химзащиты и инженерной — единой инженерно-технической академии.

Количество высших училищ уменьшить на 30–35 % за счет их укрупнения. На базе сокращаемых училищ создать центры по совершенствованию подготовки офицеров, в том числе и офицеров запаса. Многие штатные категории воинских званий искусственно завышались, что привело к увеличению количества генералов и старших офицеров (только генералов армии сейчас в 2–3 раза больше, чем их было в годы войны).

Следует привести штатные категории воинских званий в соответствие с объемом работы, ответственностью, званием, опытом и прохождением службы должностных лиц.

Штатные категории (кроме командиров полков и дивизий) иметь на ступень ниже существующих. Например, штатную категорию начальника управления Генштаба вместо «генерал-лейтенант, генерал-полковник» иметь «генерал-майор»; начальника отдела (направления) вместо «генерал-майор» — полковник.

Компенсировать снижение штатных категорий воинских званий повышением их должностных окладов. Отменить вручение дорогостоящих золотых «Маршальских звезд».

Сократить количество офицерских должностей в Центральном аппарате, высших учебных заведениях, научно-исследовательских учреждениях, спортивных клубах, финансовой, юридической службах, гражданской обороне и органах МВД.

Поднять престиж войсковых офицеров.

Повысить денежное содержание. В настоящее время командир полка получает денежное содержание меньше, чем зарплата уборщицы офиса коммерческой конторы.

В снабженческих и обеспечивающих управлениях и отделах офицерские должности оставить только начальников отделов и их заместителей, все должности старших офицеров заменить служащими. (В КНР в результате проведенной реформы многие должности офицеров заменены служащими; в американской армии около одного миллиона служащих).

11. В Вооруженных Силах имеется много типов ракет, самолетов, танков, орудий, пусковых установок зенитных ракет, установок залпового огня, боевых кораблей, особенно подводных лодок и др. (каждого вида в три — пять раз больше, чем в американской и других армиях). Необходимо сократить их количество, а также количество различных типов двигателей, гусениц и видов горюче-смазочных материалов. Все это упростит освоение и эксплуатацию боевой техники и вооружения и приведет к снижению расходов.

В связи с сокращением производства военной техники и вооружений рассмотреть надобность наличия многочисленного количества научно-исследовательских институтов Минобороны и оборонных министерств. Требуется принять меры для разработки и оснащения Вооруженных Сил высокоточным и новым перспективным оружием.

Изложенные предложения направлены на повышение боевой мощи Вооруженных Сил, не требуют затрат, приведут к ликвидации излишних звеньев, сокращению численности и уменьшению расходов на оборону, не снижая уровня безопасности и обороноспособности государства.

* * *

Президент СССР М.С. Горбачев прочитал эти предложения и поручил их рассмотреть и реализовать министру обороны и от-делу административных органов.

Меня пригласил в ЦК КПСС заведомо адморганов Н.И. Шляго и ознакомил со справкой-заключением, подготовленной для М.С. Горбачева. В ней указывалось, что предложения заслуживают внимания, некоторые из них реализуются, а ряд других предложений будут включены для реализации в соответствующих планах и программах Министерства обороны.

Министр обороны Д.Т. Язов сказал мне, что предложения хорошие, деловые, и дал указания разослать их членам коллегии, они поддержали многие предложения. В мае 1989 года мною был получен соответствующий ответ из секретариата министра обо-роны.

Оказалось, что все это были обычные аппаратные игры, на-правленные на сохранение всего существующего и как можно дольше оставить все по-прежнему (к каким последствиям по-добное привело в Вооруженных Силах, известно). В итоге все эти предложения, направленные на повышение безопасности страны и укрепление Вооруженных Сил и не требующие никаких затрат, не были реализованы.

Как известно, только теперь, через 10 лет, некоторые предло-жения начали реализовываться, предыдущие годы были потеряны безвозвратно, продолжались излишние и бессмысленные затраты и снижение безопасности наших Вооруженных Сил.

Вместо преобразования Вооруженных Сил в мобильные, хорошо оснащенные войска осуществлялось их бездумное со-кращение. А вывод советских войск из стран Центральной и Вос-точной Европы представлялся как крупная успешная стратеги-ческая операция, проведенная Российской армией в послевоенные годы.

Когда началось бездумное сокращение Вооруженных Сил, в бытность министром обороны П.С. Грачева, в том числе военных округов, я долго допытывался в Генштабе, представляют ли они, какой огромный вред наносит намечаемая ликвидация Приволж-ского, Уральского, Сибирского и Забайкальского военных окру-

гов, но в Министерстве обороны и в Генштабе сейчас очень мало тех, «кто командовал армиями и штабами военных округов» и они поднимали руку, обозначая, что это воля высшего начальства. Ликвидация управлений округов в действительности позволяет сократить небольшое количество офицеров и прапорщиков, но не приводит к значительной экономической выгоде и уменьшению финансовых затрат в связи с увеличением затрат на аренду линий связи, продолжительности служебных командировок и другим причинам.

Кроме того, теперь на Западе от Балтийского до Черного моря остался один Московский военный округ, здесь же расположен (не являющийся территориальным общевойсковым объединением) еще один — Московский округ ВВС и ПВО, его следовало бы преобразовать в отдельные армии ВВС и ПВО и передать их в состав Московского военного округа. Тем самым разгрузить Главкомат ВВС и на всех командующих военными округами и главкома Сухопутных войск возложить ответственность за ПВО. Неоправданно существование двух академий ПВО (в Твери — Войск ПВО, в Смоленске — войск ПВО СВ), последняя из них может быть филиалом или факультетом академии Войск ПВО.

Создание Главкоматов войск МВД и Пограничных войск, а также десятков округов этих войск и региональных территориальных управлений, в том числе МЧС, не вызывается необходимостью, они созданы для поднятия престижа этих «автономных армий» силовых структур.

* * *

В 1999 году министр обороны И.Д. Сергеев предложил создать новый вид и Главкомат стратегических сил сдерживания. Я обратился к руководству страны и написал статью в газету, считая, что такой Главкомат и вид Вооруженных Сил создавать не следует.

Как известно, современные Вооруженные Силы (ВС) в большинстве государств состоят из трех видов: сухопутных войск (армии), военно-воздушных сил (авиации) и военно-морских сил (флота), предназначенных для действий в определенной сфере: на суше, в воздухе и на море.

Создание вида Вооруженных Сил и рода войск обычно вызывалось оснащением ВС новыми средствами вооруженной борьбы (кораблями, самолетами, танками, ракетами...).

В нашей стране нередко создание и ликвидация вида Вооруженных Сил и Главкомата определялись субъективными соображениями.

В 50-е годы (при Н.С. Хрущеве) были созданы два новых вида Вооруженных Сил: Войска противовоздушной обороны страны и Ракетные войска стратегического назначения (РВСН).

В 1964 году потребовалось удалить из Вооруженных Сил маршала В.И. Чуйкова — был упразднен Главкомат сухопутных войск. Подобная ситуация повторилась в Российской армии в 1998 году при отстранении от должности ГК СВ генерала армии В.М. Семенова.

Недавно были созданы Главкоматы Внутренних войск МВД и Пограничных войск. Не последнюю роль в этом сыграли их амбициозные начальники А. Куликов и А. Николаев. Как известно, многие годы успешное руководство этими войсками осуществлялось без главкоматов и основными структурами этих войск были соединения типа дивизии.

Создание нового вида Вооруженных Сил — Стратегических сил сдерживания, во главе с Объединенным Главным командованием не вызывалось ни военной, ни экономической целесообразностью. В оснащении стратегических ядерных сил (СЯС), кроме сокращения их количества, существенных изменений не произошло, система управления ими осталась прежней, а существующие структуры обеспечивают централизованное управление СЯС. Кроме того, в состав РВСН недавно переданы Военно-космические силы и Войска ракетно-космической обороны, и требуется значительное время, чтобы завершить связанные с этим организационные и технические мероприятия.

Создается впечатление, что создание Главного командования Стратегических сил сдерживания, с оперативным подчинением ему авиационных и морских СЯС, инициируют руководители РВСН, преследуя свои определенные интересы — сохранить (в новом виде) Главкомат РВСН, ракетные армии и возвысить свою роль в руководстве Вооруженными Силами, используя бла-

гоприятный момент, когда Министерство обороны возглавляет ракетчик маршал И.Д. Сергеев.

Стратегическое руководство должно быть централизованным. Генеральный штаб является главным органом Ставки Верховного Главного командования по руководству всеми Вооруженными Силами. Он осуществляет планирование оперативного применения ВС, в том числе важнейшего средства ВГК — стратегических ядерных сил.

Создание Главного командования Стратегическими силами сдерживания приведет к нарушению сложившейся системы руководства ВС, образованию второго, параллельного центра планирования и управления СЯС, неизбежно становившимся еще одним органом СВГК.

Намечаемым созданием четвертого вида ВС (вместо РВСН), под другим названием — Стратегические силы сдерживания, во главе с ОГК, не достигается реализация перспективной программы реорганизации Вооруженных Сил с переходом к трем видам, предназначенных для действий в трех сферах: на суше, в воздухе-космосе и на море.

Следовательно, создание нового вида Вооруженных Сил и Главкомата является необоснованным, ненужным и вредным. Возможно, в некоторой степени повлияло, что эта ведомственная затея ракетчиков и принятый указ не были реализованы.

* * *

Назначение министром обороны Д.Ф. Устинова было неожиданным. Он был неизвестным в Вооруженных Силах гражданским человеком. Считали, что снова не учли неудачную практику назначения министром обороны Булганина, также недостаточно подготовленного в военном деле.

Д.Ф. Устинов длительные годы возглавлял Наркомат вооружения, был министром оборонной промышленности, много сделал для оснащения Вооруженных Сил боевой техникой и вооружением.

Все понимали, что определяющим при его назначении были дружеские отношения с Л.И. Брежневым, близость и личная преданность. Надеялись, что он сможет обеспечить лояльность армии

Кремлю, а также перевооружение армии. Конечно, было известно, что он не служил в армии, не знает армейской службы и не имеет опыта руководства войсками.

Его прежние методы руководства оказались недостаточно эффективными в армейских условиях. Вся его деятельность, по существу, сводилась к постоянному проведению различных совещаний с участием руководителей оборонной промышленности. Многие коллеги Министерства обороны напоминали партийно-хозяйственные активы.

Устинов постоянно превозносил выдающиеся заслуги Брежнев, роль партии и правительства. Он старался внушить, что наша техника передовая и она определяет эффективные способы вооруженной борьбы, а консервативные взгляды некоторых руководителей Министерства обороны приводят к застою.

Он болезненно реагировал на критические замечания о недостатках нашей боевой техники и вооружения, что быстро усвоили некоторые наши военачальники.

Его неограниченная власть, возможность распоряжаться огромными средствами, преувеличение роли вооружения, лоббирование интересов военной промышленности нанесли вред стране. Оснащение войск не прошедшей всесторонних испытаний и нередко ненужной боевой техникой и вооружением, недостаточное оснащение высокоточным и другим современным оружием снижало боеспособность Вооруженных Сил.

Понижение роли Генштаба, сведение его функций к своей канцелярии также наносили вред.

Войска, условия их боевой учебы, жизни и быта его не особенно интересовали.

Генеральный штаб в ту пору организовал проведение различных учений для показа подчас отрететированных действий войск министру Д.Ф. Устинову.

Д.Ф. Устинов много внимания уделял кадровым вопросам, назначению и награждению преданных ему людей. Он был одним из инициаторов присвоения званий маршала, Героя Советского Союза Брежневу, а также своим заместителям. Неожиданным было присвоение С.Ф. Ахромееву звания маршала и назначение его начальником Генштаба, так же как и награждение руководи-

телей показательных учений полководческими орденами Суворова и другими. Все это обесценивало награды и снижало престиж званий и подрывало основы воинской службы.

Главное — Д.Ф. Устинов оказался плохим политиком, вместе с Ю.В. Андроповым он настоял на вводе наших войск в Афганистан, втянул страну в войну, сыгравшую определенную роль в судьбе СССР.

* * *

Генеральный штаб в 70—80-е годы возглавляли маршалы М.В. Захаров, В.Г. Куликов, Н.В. Огарков и С.Ф. Ахромеев.

Матвей Васильевич Захаров был всесторонне подготовленным, опытным и самостоятельным начальником. Принципиальным и справедливым человеком. Он оперативно решал разнообразные вопросы и возникающие сложные проблемы.

Виктор Георгиевич был недостаточно подготовлен, должность ему была не по силам, он разменивался на мелочи, демонстрируя высокую требовательность, проявлял самодурство, был груб. Заметного следа в строительстве Вооруженных Сил и их боеготовности он не оставил. На посту Главкома ОВС оставался таким, проявлял кумовство, назначал угодных ему лиц, авторитетом не пользовался, отношения с союзными государствами и армиями ухудшились.

Николай Васильевич Огарков был образованным, разумным, спокойным, тактичным человеком. Стремился сделать Генштаб главным органом государства по управлению армией, флотом и обороной страны в мирное и военное время. Обладал чувством нового, уделял большое внимание реформированию Вооруженных Сил, совершенствованию системы управления.

Н.В. Огарков смог организовать подготовку высших органов управления — главкомов, командующих и штабов, и провести крупные оперативно-стратегические учения на всех ТВД.

Сергей Федорович Ахромеев был подготовленным, энергичным и преданным делу. Вместе с тем нервным и не самостоятельным начальником.

Он был «ухом министра», информирующим обо всем, но не всегда объективно, и угождавшим Д.Ф. Устинову.

Он не смог разобраться в политической ситуации, возникшей в стране в августе 1991 года.

В Генштабе работали много высокоподготовленных, опытных генералов, настоящих профессионалов: В.В. Варенников, А.И. Грибков, С.П. Иванов, М.М. Козлов, В.И. Лобов, М.И. Повалий, а также М.А. Гареев, А.А. Данилевич и И.Г. Николаев.

В.И. Варенников, работая в Генштабе, был энергичен, настойчив, смело и оперативно решал сложные вопросы. Сыграл решающую роль в руководстве боевыми действиями и выводе войск из Афганистана.

Он был лучшим кандидатом на должность начальника Генштаба и другой высокий пост.

Однако в августе 1991 года, в период ГКЧП, ему не удалось ничего существенного сделать для спасения страны.

В тот период проявил нерешительность министр обороны Д.Т. Язов.

Председатель КГБ В.А. Крючков оказался беспомощным, он и возглавляемый им КГБ — «боевой отряд партии» — не смогли обеспечить госбезопасность и защиту СССР.

Конечно, основными причинами развала Советского Союза были ошибочная политика КПСС, забвение интересов и социальных нужд народа, амбициозная безвозмездная помощь многим странам, действия Горбачева и Ельцина, подрывная деятельность Запада и другие.

После увольнения из армии осталось еще много энергии, воспоминаний, сохранилась память. Решил заняться военной историей и военным искусством. Писал статьи в «Военно-исторический журнал» и «Военную мысль». Написал книгу «Вспоминая службу армии», в которой без прикрас рассказал об участии в войне, важных событиях в своей жизни и службе в армии.

Затем написал и защитил диссертацию по теме «Боевые действия советских войск в Венгрии в 1956 году». Издал книгу «Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны». Написал докторскую диссертацию «Создание и применение стратегических резервов в Великой Отечественной войне», научным консультантом был президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев. В связи с ликвидацией диссертаци-

онного совета в Институте военной истории защита диссертации не состоялась.

Доложил начальнику Генерального штаба Ю.Н. Балуевскому о подготовленной диссертации, и он дал указание Генштабу издать монографию и разослать ее главноком, командующим округами и начальникам военных академий. Считаю, что свою задачу выполнил. Меня избрали профессором и членом-корреспондентом Академии военных наук. Позднее я стал членом Клуба военачальников Российской Федерации, так как в советский период занимал должности начальника штаба военного округа и заместителя начальника штаба Объединенных вооруженных сил Варшавского договора (в ранге заместителя начальника Генштаба).

Работая в клубе, писал статьи, выступал на научно-практических конференциях по вопросам военной истории, строительству Вооруженных сил и военному искусству. Возглавлял авторский коллектив по написанию книг, изданных Клубом: «От потрясения к Великой Победе», а также 3-го тома «Военная элита Российской Федерации». В нем впервые опубликован раздел «20 лет на защите суверенитета и независимости России» — о боевых действиях на Северном Кавказе, его написали вместе с активным участником этих событий Л.П. Швецовым.

Кроме того, считал своим долгом дополнить книгу разделом «Советская военная элита», включив в него советских военачальников, активных участников Великой Отечественной войны (не вошедших во 2-й том) — М.Г. Ефремова, А.П. Покровского, А.И. Родимцева, П.Н. Лашенко, В.А. Глазунова и др. В 2010 году стал почетным гражданином города Нежин.

Накануне 70-летия Победы Президентом РФ В.В. Путиным был награжден орденом Почета за заслуги в укреплении обороноспособности страны. В 2015 г. уточнил, дополнил и издал книгу «Закаленный войной», а также «Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны», поместив в нее раздел о 63 начальниках штабов фронтов.

Я признателен президенту Клуба военачальников генералу армии Анатолию Сергеевичу Куликову и руководителю аппарата (его первому помощнику) Николаю Алексеевичу Дерябину за доброжелательное отношение и постоянную поддержку в работе.

Вместо заключения

Находясь в госпитале на излечении после тяжелой операции, вспоминал свою жизнь и службу, еще раз прошел по всему пути. Позднее мне представилась возможность его описать.

Путь был нелегким, почти 50 лет службы в армии, участие в Великой Отечественной войне, венгерских и египетских событиях, годы холодной войны, требовали постоянного напряжения сил, воли и непрерывной работы.

В жизни помогла жена Тамара. В службе поддержал генерал Петр Николаевич Лашенко, глубоко ему благодарен за оказанное доверие и помощь.

С теплым чувством вспоминаю генералов, офицеров и солдат, с которыми довелось выполнять свой воинский долг, беззаветно служить Родине.

О избранном пути не жалею и снова бы его повторил. Много удалось видеть, достигнуть и совершить.

Развал Советского Союза, действия некоторых наших политических и государственных руководителей необъяснимы.

Со всей страной снова переживаем сложное время.

Остается верить и надеяться, что Россия станет богатой и могучей, ее армия возродится.

Наша жизнь была посвящена защите Родины...

Е.И. Малашенко и Президент РФ В.В. Путин

Министр обороны РФ С.К. Шойгу и Е.И. Малашенко

КЛУБ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Генерал-лейтенанту
Е.И. МАЛАШЕНКО

Уважаемый Евгений Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с 90-летием со дня рождения!

Ваша судьба и наполненная яркими событиями жизнь, включающая активное участие в Великой Отечественной войне и многолетнюю службу в рядах Вооруженных Сил, являются образцом безупречного выполнения воинского и гражданского долга.

За время службы на самых ответственных должностях в Министерстве обороны Вы проявили себя как талантливый и принципиальный руководитель, настоящий профессионал, человек, целиком отдающий себя избранному делу.

Ваши заслуги перед Отечеством отмечены многими государственными наградами и ведомственными знаками отличия, а доверие и уважение Ваших коллег подтверждают верность жизненным идеалам и правильность выбранного пути.

Мы высоко ценим Вашу работу по развитию ветеранского движения и личное участие в работе Клуба военачальников, выражаем надежду, что наше взаимодействие будет продолжаться и крепнуть.

Желаю Вам, уважаемый Евгений Иванович, здоровья, счастья и благополучия на долгие годы.

Обииневго

**Президент Клуба военачальников
Генерал армии**

А.С. Куликов

20 марта 2014 г.

Поздравление Президента Клуба военачальников

Клуб военачальников поздравляет юбиляра

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	6
Глава 1. НАКАНУНЕ ГРОЗНЫХ СОБЫТИЙ.....	8
В школьные годы	10
В военном училище.....	16
Глава 2. В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.....	22
В войсковой разведке	25
Рейды в тыл противника.....	34
Пленные и документы.....	46
В морской стрелковой бригаде	49
Прорыв обороны на Карельском перешейке.....	55
В воздушно-десантной дивизии	60
Несколько слов о фронтовых буднях и быте	75
О боевых действиях войск.....	79
В последние дни войны	82
Глава 3. ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	87
В разведшколе и Военной академии имени М.В. Фрунзе	89
В армейском и центральном аппарате.....	95
В Центральной группе войск (в Австрии).....	102
Глава 4. ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ В 1956 ГОДУ	107
В Особом корпусе в Венгрии.....	107
Ошибки и последствия	113
Разработка планов поддержания общественного порядка.....	116
Демонстрация и вооруженное выступление	121
Венгерское правительство просит помощи	124
Советские войска в Будапеште.....	127
Прибытие в Будапешт советских руководителей	133
Подход новых частей и действия войск в городе	135
После вывода советских войск из Будапешта	148
Янош Кадар просит оказать помощь	152
Операция «Вихрь»	154
Арест венгерской делегации	159

Войска Особого корпуса снова в Будапеште	165
Завершение разгрома вооруженных отрядов	170
Потери советских войск в Венгрии	180
Историческая трагедия	182
Глава 5. В ВЫСШЕЙ АКАДЕМИИ, ШТАБАХ	
АРМИИ И ОКРУГОВ	186
В Академии Генерального штаба	186
В штабе армии	191
В период берлинского кризиса	196
На Северном Кавказе	199
В Прикарпатье	203
Переход на новую работу	215
Учение «Днепр»	218
Глава 6. В ЕГИПТЕ ПОСЛЕ СИНАЙСКИХ СОБЫТИЙ...	229
Президент ОАР Насер просит СССР оказать военную помощь	229
Прибытие военных советников в Каир	232
Восстановление египетской армии	240
Укрепление обороны	245
Реорганизация ВС ОАР	252
Полемика о советском оружии	262
Встреча с президентом Насером	264
Штаб Главного военного советника	267
Визит маршала А.А. Гречко в Каир	269
Египетские офицеры. Подготовка армейских штабов	275
Советский посол за расширение нашего военного присутствия	294
Боевые действия в зоне Суэцкого канала	295
Смена Главного военного советника	302
Гибель начальника генштаба М. Рида	306
Глава 7. НОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ	309
Начальник штаба округа	310
Наша семья	324
В штабе Объединенных вооруженных сил	330
Вынужденная служба	343
В Центре оперативно-стратегических исследований	355
Предложения о перестройке Вооруженных Сил	359
Вместо заключения	378

Научно-популярное издание

Военные мемуары

Малашенко Евгений Иванович

ЗАКАЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ

От Карельского перешейка до Ближнего Востока

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.11.2015. Формат 84×108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ.л. 12. Тираж 1500 экз. Заказ № 12045.

Отпечатано в ООО «Тюльская типография».

300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Воспоминания генерал-лейтенанта Е.И. Малашенко рассказывают читателям о военной службе автора. Начиная с 1941 г. Евгений Иванович Малашенко прошел всю Великую Отечественную. Война закалила молодого разведчика, и он закончил ее одаренным штабным работником. Послевоенная жизнь офицера была яркой и насыщенной: он сыграл ключевую роль в венгерских событиях 1956 г., а затем провел несколько лет в качестве советского военного советника в Египте. После возвращения с Ближнего Востока Е.И. Малашенко активно участвовал в укреплении Вооруженных сил СССР, выйдя в отставку, посвятил все свои силы военной истории, написал ряд книг, является членом Клуба военачальников Российской Федерации.

ISBN 978-5-4444-4407-8

